ЗАБЫТЫЕ АРМИИ
ЗАБЫТЫЕ КОМАНДАРМЫ

ДОРОГА СМЕРТИ

43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном»

1941—1942

Командующий
43-й армией
(10—29 октября 1941 г.)
генерал-лейтенант
(1940 г.)
СТЕПАН
ДМИТРИЕВИЧ
АКИМОВ

Сергей Михеенков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

До сих пор мы, потомки победителей в Великой Отечественной войне, не можем понять, как же все-таки выстояли наши отцы и деды в 1941-м под Москвой? Какая сила остановила железный таран немецких танков? Как был опрокинут блицкриг? Эта книга – попытка ответить на многие волнующие вопросы. Недавно рассекреченные документы, уникальные находки краеведов, архивистов и поисковиков, откровения ветеранов обеих армий легли в основу новой книги лауреата литературной премии «Сталинград» Сергея Михеенкова. 43-я армия за один самый напряженный месяц боев – октябрь 1941-го – сменила троих командующих. Один был отстранен и отдан под суд, другой получил тяжелое ранение в бою, третий довел дивизии и бригады до Угры и Вори, но не был любим своими солдатами. Через драматизм судеб генералов, через описание боев автор рисует картину, которая во многом для нас неожиданна и нова.

- Сергей Михеенков
- Предисловие автора
- Глава 1 Под Ельней и Рославлем
-
- Глава 2 За час до рассвета
-
- Глава 3 День «Т»
-
-
- Глава 4 Варшавка – кратчайшая дорога на Москву
-
- Глава 5 Трудные дни октября 41-го
-
- Глава 6 Подольские курсанты
-
-
-
- Глава 7 Подвиг 17-й дивизии
-
- Глава 8 Тарутинский рубеж, Стремиловский рубеж…
-
- Глава 9 Наступление
-
- Глава 10 Атака на Малоярославец
-

- Глава 11 На Медынь и Мятлево!
-
-
- Глава 12 Противостояние на Угре и Воре
-
- Приложения
-
-
- Список принятых сокращений
-

Сергей Михеенков
Дорога смерти. 43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном». 1941—1942

Предисловие автора

Читатель найдет в этой книге много нового, ранее неизвестного, закрытого в архивах и попросту забытого.

43-й армии Западного фронта судьба послала участь оказаться на пути правого крыла ударной группировки «Тайфуна», которая через неделю сомкнула кольцо окружения вокруг советских войск в районе Вязьмы. Армия была разбита за несколько дней. Она имела перед собой противника, который превосходил ее дивизии и полки кратно. Но разбитые части отходили по Варшавскому шоссе на восток, к Юхнову, к Медыни, к Угодскому Заводу, к Подольску. Там, на реках Протве и Наре, проведя перегруппировку и пополнившись, встали намертво и сделали то, что не смогли сделать под Рославлем, на Десне и Снопоти, – остановили немецкие танки, заставили противника окапываться и обороняться. А потом, по Варшавскому шоссе, армия пошла в наступление.

Варшавское шоссе для вермахта было наикратчайшей дорогой на Москву. Вдоль магистрали наступала самая мощная немецкая армия – 4-я полевая.

Так случилось, что родина командующего войсками Западного фронта генерала армии Т.К. Жукова – деревня Стрелковка – оказалась вблизи Варшавского шоссе. Здесь, по реке Протве, проходила оборона левого крыла 43-й армии. Планируя оборонительные операции, а затем декабрьское наступление, Жуков освобождал и свою родину.

В этой книге прослеживаются судьбы многих командиров и рядовых солдат. Сложились они по-разному. Кто-то, отличившись в бою, стал героем. Кто-то, попав в плен, в мрачной колонне обреченных на бесконечные страдания был угнан на запад. Пленных гнали по Варшавскому шоссе. Тех, кто не мог идти, добивали выстрелом в затылок или штыком. Вот еще почему в народе этот тракт называли «дорогой смерти».

Во время работы над книгой удалось раздобыть ранее неизвестные документы. Ведь архивы только-только открываются. Старался публиковать их целиком. Читатель сам разберется, что к чему.

Варшавское шоссе для 43-й армии было дорогой ужаса и надежд, бега и наступления, поражений и побед. Для нас, сыновей и внуков победителей, эта дорога стала дорогой памяти и доблести наших отцов и дедов.

Крапивна, Кузьминичи, Новоалександровский, Зайцева Гора, Барсуки, Юхнов, Воронки, Мятлево, река Шаня, Медынь,

Ильинское, Малоярославец, Белоусово, Стремилово, река Нара и – назад.

Октябрь 2012 г.

г. Таруса

Выражаю благодарность моим землякам и землякам моих героев, оказавшим всяческую помощь в ходе работы над рукописью этой книги:

Роганову Игорю Александровичу, генеральному директору ООО «Образование Софт» (г. Костерево Владимирской области);

Колесникову Кириллу Николаевичу , генеральному директору группы компаний «Софт Сервис» (г. Орехово-Зуево);

Яшкину Николаю Ивановичу, директору КСП «Жерелево» (Калужская область);

Филиппову Владимиру Викторовичу (г. Таруса).

Глава 1 Под Ельней и Рославлем

«Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши тапочки и зароют ваши ямочки!»

Что происходило на Варшавском шоссе в районе Рославля и Спас-Деменска до начала «Тайфуна». – Сосредоточение 43-й армии. – Исходные районы. – Из рассекреченной папки. – Что немцы писали в листовках. – Направление удара – Ельня, Рославль, Хиславичи, Шумячи. – Замысел ельнинско-рославльской операции. – Из дневника фон Бока. – Рождение советской гвардии. – Неудачи 43-й армии. – Гибель 109-й танковой дивизии западнее Десны. – Ельнинско-рославльская операция: что же было на самом деле? – Жуков на НП 211-й стрелковой дивизии. – Как выходили из окружения. – Первое отделение сержанта Никанорова

Под Рославлем на Десне и Снопоти немецкие войска кромсали советские дивизии первого эшелона, прорывали там и тут боевые порядки войск Западного фронта и, выхлестнувшись всей своей ударной мощью на оперативный простор, двумя стремительными потоками начали охватывать Вязьму и прилегающие районы, где сгрудились, не выдержав сверхмощной атаки, почти все наши армии Западного и Резервного фронтов, прикрывавшие Московское направление. Так началась операция «Тайфун», в ходе которой Германский рейх рассчитывал не только захватить Москву, столицу СССР и средоточие ее духа и мощи, но и уничтожить Красную армию, а значит, одержать окончательную победу в войне на Восточном фронте.

Операция «Тайфун» должна была поставить точку в блицкриге. По существу это был второй этап молниеносной войны германской армии на русском фронте. Вынужденный этап. Потому что по плану «Барбаросса» Москву, Киев и Ленинград немцы должны была захватить к концу лета без всякой оперативной паузы. Гитлер просчитался. Но на этот раз он был уверен в успехе самой сильной своей группировки и приказал овладеть Москвой до наступления холодов.

Что же происходило на центральном участке фронта в конце лета, когда, согласно первоначальному плану, немецкие танки должны уже были крошить брусчатку московских площадей? А конкретно – что происходило в канун «Тайфуна» на фронте обороны 43-й армии? Она, 43-я общевойсковая, станет главным героем этой нашей книги. Дело в том, что до сих пор бытует мнение, будто бы остановка германской армии на Десне была этакой продолжительной оперативной паузой, периодом накопления сил и перегруппировок, почти отдыхом для Красной

армии и вермахта. А между тем стояние на Десне в истории Великой Отечественной войны на самом деле было временем непрерывных, упорных боев, когда обе стороны, пробуя силы и прочность друг друга, непрерывно атаковали и контратаковали, словно пытаясь определить, кто же в ближайшие дни пойдет в решительное наступление. Ударную мощь накопили и те и другие. Штабы делали свое дело. Солдаты сидели в окопах и ждали приказа.

После первого ельнинского сражения, которое закончилось неудачей для Красной армии, а точнее, для 24-й армии Резервного фронта, наши войска отошли, заняли новый оборонительный рубеж и приступили к перегруппировке для нового наступления.

43-я армия Резервного, или, как его еще называли, Московского, фронта имела позиции в районе восточнее, юго-восточнее и северо-восточнее Рославля справа и слева от Варшавского шоссе. Фронтом командовал генерал армии Г.К. Жуков. В первом эшелоне фронта, кроме 43-й, стояла 24-я армия. Она занимала участок фронта правее и закрывала Ельнинское направление. 24-й армией командовал генерал-майор К.И. Ракутин.

24-я армия была более мощной. В период наступления на Ельню она имела следующий состав: 19, 100, 106, 107, 120, 303 и 309-я стрелковые дивизии, 6-я стрелковая дивизия народного ополчения, 103-я моторизованная дивизия, 102-я и 105-я танковые дивизии, 10 корпусных артполков, полков РГК и ПТО – всего 800 орудий и минометов, в том числе установок залпового огня, прозванных фронтовиками «катюшами». Общие силы армии оценивались в 60 000 человек.

43-я армия, которой в тот короткий период командовал генерал-майор Д.М. Селезнев, имела более скромный состав: 53, 149, 211 и 222-я стрелковые, 104-я и 109-я танковые дивизии, 6 корпусных артполков, полков РГК и ПТО.

Что же происходило на фронте и в ближайшем тылу 43-й армии в августе – сентябре 1941 года?

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«43 А. Войска Армии в течение ночи и дня 8.8.41 производили частичную перегруппировку и продолжали сосредоточение в свои районы.

303 сд, выполняя распоряжение ком. фронта, в 3.00 выступила из района сосредоточения ОБОЛОВКА, ЛАТЫШИ в район ШУЙ для занятия оборонительного рубежа по вост. берегу р. ШУЙЦА. Сведений о выходе дивизии на этот рубеж не поступало.

211 сд прибыла полностью и сосредоточилась в районе М. САВКИ, БАРСУКИ, ПОКРОВСКАЯ (7 км южнее КИРОВ).

279 сд. К 15.00 прибыли все части дивизии, за исключением одного сп и одного б-на другого сп; прибывшие части сосредоточились в лесах западн. и юго-западн. ЛЮДИНОВО.

222 сд в составе двух сборных б-нов и б-на НКВД к 6.00 8.8.41 отошла за главный рубеж обороны и сосредоточилась в районе ЦЕРКОВЩИНА, ЛОСЕВО, НИКОЛЬСКОЕ. В течение дня продолжался сбор отдельных групп и подразделений, отошедших через главную полосу обороны, где приводились в порядок.

Группа КАЧАЛОВА – остатки 145, 149 сд и один сп 46 сд общей численностью до 5000 человек выходили из окружения и сосредотачивались в районе У СОХИ, ст. БЕТЛИЦА, ДУБРОВКА, где приводятся в порядок. Штаб группы, за исключением ЕГОРОВА и Командующего, полностью вышел из окружения и проводит работу по уточнению боевого состава отошедших частей.

В положении остальных частей изменений нет. *Начальник штаба фронта генерал-майор ЛЯ ПИН» [1]* .

Из разведсводки № 15 к 22.00 8.8.41:

«ВЫВОДЫ К РАЗВЕДСВОДКЕ: 1. Противник продолжает оказывать сопротивление нашим частям на всем фронте, особенно упорное сопротивление оказывается им в районе ЕЛЬНЯ, куда сосредотачиваются новые мотомехчасти. 2. На Рославльском направлении противник временно прекратил развитие своего успеха в восточном направлении, подтягивает отставшие части и тылы, производя одновременно усиленные разведывательные поиски в восточном направлении и особенно в южном и юго-восточном направлениях (на МГЛИН, БРЯНСК).

Можно ожидать возобновления наступательных действий противника на этом участке на восток или юго-восток.

Наштафронта генерал-майор ЛЯПИН» [2] .

Из разведсводки № 030 штаба ВВС Резервного фронта к 24.00 8.8.41:

«СТОЛБОВО.

Карта 500 ООО изд. 39 г.

1. ВВС Резервного фронта в течение дня 8.8.41 прикрывали свои наземные войска, взаимодействовали с ударной группировкой 24 Армии, действовали по аэродромам и вели разведку подходящих резервов противника.

2. 12 САД в течение дня 8.8.41 действовала по мотомехчастям противника в районе ЕЛЬНЯ, РОСЛАВЛЬ, прикрывала СБ 46 РАЭ в полете и выгрузку наземных войск в районе ст. ГОДУНОВКА. С 15.00 и до 21.00 всего произведено 32 самолетовылета МИГ-3 122

ИАП, 2 самолетовылета Пе-2 411 ББП и 7 самолетовылетов СБ 46 РАЭ.

Потерь части дивизии не имели.

В воздушном бою 1 Пе-2 сбил в районе РОСЛАВЛЬ 1 МЕ-109.

3. 38 ИАД в течение 8.8.41 прикрывала выгрузку и сосредоточение наземных войск в р-не ст. СУХИНИЧИ, ст. ЗАНОЗНАЯ, КИРОВ, вела разведку в р-не ЕЛЬНЯ и борьбу с авиацией противника в воздухе.

Всего произведено 32 самолетовылета.

Вылетевшие в 20.40 для отражения самолетов противника в р-не СУХИНИЧИ 2 И-16 встреч с противником не имели и из-за потери ориентировки произвели вынужденную посадку вне аэродрома, поломав самолеты и причинив ранения летчикам» [3] .

По всей вероятности, истребители И-16 38-й истребительной авиадивизии не имели радиопередающих устройств для связи с базой и между собой. Потеря ориентировки в таких случаях была делом обычным. Более опытные пилоты ориентировались относительно дорог, рек, населенных пунктов. Самолеты взлетали с полевых аэродромов Староселье, Знаменка, Жиздра, Наумово (12 км северо-восточнее Спас-Деменска), Жилино, Козельск и военного аэродрома Шайковка [4] . Из оперативной сводки № 16 штаба артиллерии Резервного фронта:

«К 20.00 8.8.41 г.

г. ГЖАТСК.

Карта 100 000 и 500 000.

Артиллерия Резервного фронта производит частичную перегруппировку в соответствии с приказом фронту № 0021/0п, готовясь к уничтожению ЕЛЬНИНСКОЙ и РОСЛАВЛЬСКОЙ группировок противника.

43 А. <…>

В состав армии прибыл 109 ап (109 тд), имеющий на вооружении 12 122-мм гаубиц обр. 1910/30 г.; 12 152-мм гаубиц обр. 1909/30 г. Полк сосредоточен 2 км западнее МАЙ. В дивизии недостает 4 37-мм зен. пушки и 12 45-мм пушек ПТО.

<…> 645 КАП (без одного дивизиона) занял боевой порядок в районе ЛЕСНИКИ юго-западнее 2 км Б. ПОЛПИНО. 1/645 кап с утра 2.8.41 вел бой в районе ХОРОШОВКА юго-западнее РОСЛАВЛЬ совместно с ГАП 222 сд, входя в состав группы ПП 787. Не использовав всех возможностей обороны и не приняв мер к выводу матчасти из боя, личный состав дивизиона во главе с комсоставом и командиром дивизиона бежал, бросив матчасть и ОП. У противника осталось 12 152-мм гаубиц обр. 1937 г., 21 трактор и около 15 автомашин.

К 16.00 4.8.41 прибыла часть красноармейцев в количестве

60 чел. и 15 чел. комсостава во главе с командиром дивизиона. Сбор людей первого дивизиона продолжается. Производится расследование причин потери мат. части. *Нач. штаба артиллерии Резервного фронта генерал-майор МАЛЯРОВ* » [5] .

Далее привожу документы, относящиеся непосредственно к кануну атаки 30 августа 1941 года.

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«<…>

43 А.

Войска армии занимают прежний оборонительный рубеж.

53 сд – 21.00 по 23.00 24.8.41 пр-к вел сильный артиллерийский и минометный огонь из р-на х-ра ТРОЯНОВСКИЕ по КУКУЕВКА.

Части дивизии закончили частичную перегруппировку, вызванную сокращением фронта дивизии.

Положение остальных частей и соединений армии – без изменений.

109 тд с 6.00 22.8.41 сосредоточилась в районе МУЖИКОВО, БЫКОВО, ТРАШКОВИЧИ» [6] .

К проведению предстоящей наступательной операции на Ельню и Рославль готовились основательно. К фронту гнали технику и тяжелое вооружение. Подходили новые дивизии. Полки, понесшие в августовских боях большие потери, пополнялись маршевыми ротами и батальонами. Боевые порядки уплотнялись.

Кроме войск, которые постоянно продолжали подходить и подходить к фронту, в ближайшем тылу работали тысячи добровольцев на сооружении заградительных линий и запасных рубежей обороны. Студенты, рабочие и служащие из Калуги и десятков подмосковных городов каждый день с утра до вечера копали противотанковые рвы. Остатки этих грандиозных и, как показали события начала октября, почти бесполезных сооружений до сих пор можно встретить близ деревень Воронцово, Жерелёва, Кузьминичи, Михайловское и др., ныне входящих в состав Куйбышевского района Калужской области. А тогда, в августе – сентябре 41-го, советские люди с энтузиазмом и надеждой на то, что именно их работа остановит врага, работали на сооружении противотанковых рвов и заграждений. Над рвами иногда проносились немецкие разведывательные самолеты и бросали листовки следующего содержания: «Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши таночки и зароют ваши ямочки!» Видимо, учитывая то, что рвы копали в основном женщины, иногда в листовках писали откровенную похабщину. Были и более откровенные: «Не сушите сухари, не месите тесто. Девятого

октября не найдете места!» Все началось раньше, но об этом в следующей главе. При всей трудоемкости работ, при том, что невозможно было угадать заранее, куда, по какой дороге пойдут немцы, на некоторых участках обороны именно глубокие противотанковые рвы существенно помогали нашим частям удерживать оборону и эффективно уничтожать немецкую технику, которая вынуждена была маневрировать между рвами и двигаться по узким, заранее пристрелянным участкам.

Некоторые историки и публицисты склонны расценивать бои на Ельнинском и Рославльском направлениях периода августа – сентября 1941 года как крайне неудачные и бессмысленные. По их мнению, операции этого периода здесь, под Рославлем, а также севернее, в районе Ярцева, и южнее, под Брянском, лишь истощали силы Красной армии, сжигали в огне почти непрерывных боев целые полки и дивизии, очень скоро, уже в конце сентября.

Но если рассматривать проблему, положенную в основу этой идеи, шире, глубже и масштабнее, то открывается совершенно противоположная картина. Битва за Москву началась именно здесь, на Смоленской земле (ныне это районы Смоленской, Калужской, Брянской и Орловской областей). Здесь вынуждены были остановиться моторизованные и армейские корпуса, танковые группы и их тылы основной немецкой группировки, действующей на Восточном фронте. Остановиться, чтобы привести себя в порядок. Потери немцев были огромны. Именно в это время в германских войсках на Восточном фронте появилась поговорка: «Лучше три французские кампании, чем одна русская». Из книги английского историка Роберта Кершоу «1941 год глазами немцев», написанной на основе писем и дневников немецких солдат, воевавших в России: «Фриц Келер, 20-летний ветеран кампании во

Франции, входил в Рославль, расположенный в 100 км юго-восточнее Смоленска, 3 августа 1941 года. Незадолго до этого их подразделение провело удачную атаку. Но русским все-таки удалось уничтожить запасы горючего и продовольствия. «К сожалению, – записал он в тот вечер в дневнике, – в этом городе «освобождать» уже нечего». Созерцая превращенный в руины догоравший город, он заключил: «Да, во Франции было куда лучше».

На линии Рославль – Ельня и далее на север немцам пришлось остановиться. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Отставали тылы. Растянувшиеся коммуникации стали причиной многих неувязок. Танки выработали свой моторесурс. Требовалась замена масла, моторов, траков и укомплектование

экипажей. Березовыми крестами над могилами танкистов, пехотинцев, артиллеристов и пилотов люфтваффе были выбелены целые поляны от Бреста до Смоленска и дальше на восток.

Потери группы армий «Центр» до начала операции «Тайфун» составили 219 114 человек. За это время получено пополнение около 151 ООО человек. Таким образом, потери так и не были восполнены. А в целом вермахт к концу августа потерял на русском фронте 410 ООО человек, из них 107 ООО безвозвратно. Это значительно больше, чем во всех предыдущих кампаниях в Европе и Африке вместе взятых, с начала Второй мировой войны. Некомплект немецких дивизий существовал и в двух других группах армий, действовавших в России. И он с каждым сражением, с каждым боем и с каждой стычкой увеличивался. Потери вооружения и техники тоже оказались огромными. За месяц боев в районе Смоленска, Ярцева, Рославля и Ельни немецкие танковые подразделения потеряли более 50 % танков и бронетехники.

Это – к вопросу о том, как наша армия отступала. Бежала или дралась. Как свидетельствуют факты, и бежала, и упорно дралась, нанося противнику невосполнимый урон в живой силе и вооружении.

Началась война на истощение. Германский рейх уже тогда, в конце первого лета, не смог справиться с обеспечением своей восточной армии. Не хватало буквально всего. Транспорта, оружия, боеприпасов, продовольствия, а главное, иссякал людской ресурс. Не помогло и то, что автопарк для дивизий был собран со всей Европы. По дорогам на восток тягачи и конные запряжки тащили французские гаубицы, бельгийские пушки. Солдаты элитных дивизий и полков имели в качестве личного оружия чешские карабины, а офицеры итальянские и польские пистолеты. Все это требовало такого же многообразия боеприпасов и запчастей. Коммуникации с каждым днем растягиваются. Погода портится. А дороги в России и без дождя хороши…

Известно, что заветной мечтой командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Федора фон Бока было разгромить Красную армию на подступах к Москве, навязав ей серию сражений на уничтожение, а затем триумфатором войти в Москву. Фельдмаршал, как и большинство германских офицеров, понимал, что затяжной войны, сопряженной с дальним походом, вермахт не выдержит. В своем дневнике он часто сетует на отвратительные дороги, на ужасный климат. Да, дороги в России были не такими ровными и основательными, как во Франции, и вдоль шоссе не было бензоколонок, где могли бы заправляться

танки и бронетранспортеры. Остановка на линии Рославля была вынужденной. Потому что дальше фон Бок вести свои измотанные корпуса и дивизии, израсходовавшие основную ударную силу в июньских-августовских боях, не осмеливался. 2 сентября 1941 года он сдержанно, как всегда умалчивая о главном, что его беспокоило, размышлял в своем дневнике: «… центр моей группы армий настолько растянут и ослаблен оборонительными сражениями, что наступать своими силами более не в состоянии. «Интермеццо», как генерал Йодль из Верховного командования сухопутных сил окрестил поворот моего правого крыла к югу, может стоить нам победы. Наступление в восточном направлении не начнется ранее последней трети сентября – и это при самом благоприятном развитии событий! До этого времени необходимо копить и сохранять силы, так как за последний месяц к фронту группы армий «Центр» были направлены из тылов только две дивизии: 183-я дивизия (Диппольд) и испанская дивизия. Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью».

Немецкие солдаты и офицеры, погибшие под Ельней, Ярцевом, Рославлем и Дорогобужем, уже не были частью войск, участвовавших в операции «Тайфун». Потери в частях были конечно же восполнены. Но, во-первых, не полностью, некоторые подразделения пошли вперед, имея значительный некомплект; во-вторых, на смену ветеранам, прошедшим Польшу, Францию, Грецию, Норвегию и летние бои в России, пришли резервисты, необстрелянная молодежь 1922 года рождения и рабочие военных заводов. Гитлер уже тогда, на исходе лета 1941 года, согласно известной русской поговорке, латал тришкин кафтан.

Но фон Клюге был полон решимости. В его руках оказались важнейшие коммуникации, а под рукой самая мощная войсковая группировка. Одним из главнейших направлений штабы по-прежнему намечали ось Варшавского шоссе.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта от 26.8.41:

«43 А.

Войска армии продолжали оборонительные работы, одновременно вели разведку и перегруппировку на своем левом фланге.

222 сд, продолжая укрепляться, вела боевую разведку в направлениях: СОЛОВЬЕВКА, ЕЛЕНЕВХОЛМ, ПОГУЛЯЕВКА, АЛЁШИНЦЫ.

По документам убитого лейтенанта в БЕРЕЗОВКА показывается 62 пп 7 тд. (Этот лейтенант, убитый в Березовке,

уже не пойдет к Москве вдоль Варшавского шоссе в начале октября 1941 года. – С. *М.)*

Потери дивизии за 25 и 26.8.41: убитых – 2; раненых – 8; пропавших без вести – 3.

53 сд – без изменений. Перед фронтом дивизии действия противника ограничивались ведением минометного и артиллерийского огня и ведением разведки одиночными самолетами.

145 сд с 17.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗИМНИЦЫ, СТУДЕНЕЦ, МОКРОЕ.

104 сд к 16.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗЛОВОДСКОЕ, ЛУЖНИЦА, ЗИМНИЦА» [7] .

В ночь с 29 на 30 августа 1941 года войска 43-й армии заняли исходные позиции в районах сосредоточения. Артподготовка началась в 5.00 30 августа. В 6.15 пехота и танки пошли вперед. На некоторых участках противник оказал яростное сопротивление, и наши части продвигались вперед медленно и с большими потерями. Зато на других сопротивление сразу же было сломлено, наступающие начали развивать успех. Немцы поспешно отходили, применяя свой излюбленный метод гибкой обороны, который в последующие годы доведут до совершенства.

Авиация обеих сторон из-за низкой облачности и тумана не действовала, что оказалось на руку немцам. Основные силы люфтваффе группы армий «Центр» в это время действовали южнее, на направлении 2-й танковой группы Гудериана, которая своими передовыми подразделениями уже вышла на линию Борзна – Бахмач – Конотоп и угрожала отсечением киевской группировке советских войск. Наша авиация получила в небе временное превосходство и действовала все предыдущие дни исключительно успешно. Но непогода заперла самолеты Резервного и Западного фронтов на аэродромах.

Силы противника, в это время противостоящие двум армиям Резервного фронта, состояли из следующих частей и подразделений. Вдоль Варшавского шоссе наступала 4-я полевая армия, которой командовал фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Непосредственно перед войсками первого эшелона Резервного фронта стояли 20-й армейский корпус генерала Фридриха Матерны в составе 78, 292, 268 и 7-й пехотных дивизий. Всего около 70 000 солдат и офицеров. 500 орудий и минометов. Около 40 танков. Севернее ельнинского выступа фронт держал 9-й армейский корпус генерала Гейера: 15, 137 и 263-я пехотные дивизии. Южнее, на Рославльском направлении действовал 7-й армейский корпус генерала Фармбахера: 267, 23 и 197-я пехотные дивизии. Во втором эшелоне за ельнинским выступом

располагались немецкие резервы: 10-я танковая и 252-я пехотная дивизии. Последняя, формально принадлежа 53-му армейскому корпусу, продвигалась по оси Варшавского шоссе и таким образом усиливала эту группировку.

Итак, немецкая группировка на Рославльском направлении значительно превосходила силы 43-й армии. Севернее, в районе ельнинского выступа немцы превосходили 24-ю армию незначительно, а по артиллерии и артиллерийским установкам даже уступали нашим войскам.

Замысел Ельнинской наступательной операции (30 августа – 3 сентября) имел целью следующее: встречными ударами 24-й армии подсечь основание ельнинского выступа, окружить немецкую группировку, рассечь ее и уничтожить по частям; одновременно 43-й армии предстояло наступать на Рославльском направлении; тем временем южнее Рославля и Варшавского шоссе левофланговые дивизии 43-й и три армии Брянского фронта – 50, 3 и 13-я – осуществляли Рославльско-Новозыбковскую операцию (30 августа – 12 сентября).

В значительно урезанной истории Великой Отечественной войны отражена лишь успешная часть этой операции, получившая наименование Ельнинской. На самом деле в августе – сентябре 1941 года Ставка планировала проведение крупномасштабной наступательной операции войск Западного, Резервного и Брянского фронтов на Ельнинском, Рославльском и Стародубском направлениях против южного крыла группы армий «Центр» с целью недопущения окружения войск Юго-Западного фронта под Киевом. Операция, выродившись в серию несогласованных частных ударов, в целом успеха не имела. Причин оказалось много. Нехватка средств, танков, самолетов. Несогласованность действий родов войск. Слабое управление. Искали причины неудач и среди командиров. И нашли. Был отстранен от должности командующего 43-й армией и арестован генерал-майор Селезнев. Подробнее к судьбе этого генерала мы еще вернемся.

С самого начала в этой операции все пошло не так, как планировали. Под Ельней и Рославлем первоначальный удар был сильным. 24-я армия начала теснить противника. Хотя первые дни боев значительного успеха не принесли. Ударные группы имели продвижение всего лишь до 1 км в сутки. Немцы яростно контратаковали, в том числе с танками, стремясь во что бы то ни стало удержать горловину ельнинского выступа. 3 сентября наши войска после короткой перегруппировки снова нажали, и к вечеру перемычка ельнинского мешка сузилась до 6–8 км. Опасаясь полного окружения, немецкое командование приняло решение об

отводе войск из ельнинского мешка.

В дневнике фон Бока запись за 31 августа 1941 года поразительно спокойная и лаконичная: «4-я армия совместно с 10-й танковой дивизией начали контратаковать противника в точке его максимального внедрения в нашу оборону. Русские возобновили атаки в районе ельнинского выступа». В записи от 1 сентября 1941 года уже чувствуется некоторая озабоченность: «… далее к северу, особенно в районе ельнинского выступа, его атаки становятся все более мощными и настойчивыми. Пленные утверждают, что эти атаки проводятся по личному указанию Сталина». Запись 3 сентября 1941 года: «Процесс спрямления ельнинского выступа вряд ли позволит нам высвободить хотя бы один полк ранее 6 сентября. Первые эшелоны 183-й дивизии, которую я вытребовал из-под Невеля, подойдут к Смоленску в это же примерно время. Таким образом, 162-я дивизия вряд ли сможет перейти в распоряжение 9-й армии до 6 сентября. На южном крыле 4-й армии противник, поддержанный танками, прорвал чрезмерно растянутый фронт 34-й дивизии (Бехлендорф) и вклинился в ее оборону на значительную глубину. Я передал единственный свой резерв, 52-ю дивизию (Рендулич), в распоряжение армии при условии задействовать ее, если это действительно необходимо». Запись 4 сентября 1941 года: «Сегодня противник снова атаковал на южном крыле 4-й армии. В районе ельнинского выступа шли бои местного значения». 7 сентября 1941 года фон Бок делает в своем дневнике весьма любопытную запись, касающуюся назревающих событий начала октября: «Согласно директиве фюрера, мое давнее желание атаковать главные силы русских должно осуществиться во вполне обозримом будущем. Главное, чтобы не подвела погода, так как необходимые подкрепления раньше конца сентября к нам не подойдут! В целом ситуация благоприятствует началу наступления, но простой ее не назовешь, так как на северном крыле обстановка продолжает оставаться напряженной».

Фон Бока больше беспокоил не ельнинский выступ, а положение на фронте 34-й пехотной и 10-й танковой дивизий. Последняя в эти дни составляла его резерв, который он вынужден был бросить в бой, чтобы остановить внезапную и довольно мощную атаку войск генерала Жукова. Хотя, возможно, хитрый тактик фон Бок ввел в дело все свои резервы, только чтобы не посылать подкрепление генералу Гудериану, который в это время гнал свою 2-ю танковую группу на юг, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг киевской группировки советских войск. Личные и служебные отношения фон Бока и Гудериана вконец испортились. Гудериан, окрыленный успехами своих подвижных

корпусов в период летних боев в России, все больше выходил из подчинения, считая себя и свою группу главными действующими лицами группы армий «Центр». Он и теперь требовал все новых и новых сил, чтобы как можно скорее и успешнее завершить свой рейд на юг и в очередной раз отличиться. Фон Бок же считал эту операцию безрассудством, лишней тратой сил, боеприпасов и людских ресурсов, а самое главное, времени, и это могло стоить германским войскам той желанной и скорой победы, о которой в вермахте грезили все от солдата до фельдмаршала.

Лето кончалось, а Москва все еще оставалась дальней целью, несбывшейся мечтой фельдмаршала. А тут еще атаки русских, которые вводят в бой все новые и новые дивизии…

В эти же дни начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) генерал-полковник Франц Гальдер в своем дневнике сделал следующую запись: **«1 сентября 1941 года, 72-й день войны.** *Группа армий «Центр»:* Противник явно пытается организовать оборону на рубеже Десны и удержать этот участок. Сильные атаки наших позиций на дуге фронта у Ельни, по-видимому, связаны с предполагаемым генеральным наступлением противника на этом участке фронта». **«5 сентября 1941 года, 76-й день войны.** *Группа армий «Центр».* <…> Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Немцев еще так не трепали, как под Ельней в августе– сентябре 1941 года. Начальнику Генерального штаба ничего другого не остается, как изображать хорошую мину при явно плохой игре. Какое же это *неплохое достижение,* если уже разработана и подписана Гитлером директива о последнем и решающем наступлении года, после успешного завершения которого солдатам вермахта, уставшим от тягот и ужасов русского фронта, обещали возвращение на родину? Ельнинский выступ – наивыгоднейший плацдарм для броска на Москву. Простому фронтовому фельдфебелю, взгляни он на карту с очертаниями ельнинской дуги, ясно, что лучшего трамплина, пронизанного коммуникациями с востока на запад, для прыжка на Москву и желать невозможно. Однако штабной генерал постарался утопить досаду за поражение своих войск в пространных фразах, абсолютно не свойственных общему стилю дневника.

Русскими войсками в центре в тот период командовал тогда еще не особенно оцененный немецким Генштабом в качестве своего противника генерал армии Жуков. Он еще покажет себя, и

очень скоро.

24-я армия генерала Ракутина блестяще выполнила свою задачу – опасный ельнинский выступ был срезан, 5 сентября дивизии этой армии ворвались в Ельню. На следующий день город полностью очистили от неприятеля.

Итогом операции стала, как уже было сказано, ликвидация выступа, угрожавшего вяземской группировке наших войск и в целом Московскому направлению. По сути дела, это была первая крупная операция уровня фронтовой, завершившаяся успешно. Первая победа. Она и обставлена была соответственно: сообщения в газетах, по радио, награды и внеочередные звания победителям. Здесь же, в ознаменование этой победы, произошло нечто, что, смело можно сказать, повлияло на судьбу всей войны, – родилась советская гвардия, во многом ставшая продолжателем гвардейских традиций русской армии. 18 сентября 1941 года приказом наркома обороны СССР ряду дивизий присвоено звание гвардейских: 100-й стрелковой – 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 127-й стрелковой – 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Спустя неделю гвардейские звания получили 107-я стрелковая и 120-я стрелковая; соответственно – 5-я гвардейская стрелковая и 6-я гвардейская стрелковая дивизии.

5-я вскоре окажется в Калуге. Заняв оборону вокруг города, примет бой с двумя немецкими дивизиями, усиленными танками, авиацией и артиллерией. Вырвется из окружения и выйдет к Тарусе, а затем займет глухую оборону на Протве под Серпуховом и до середины декабря будет упорно стоять на своем рубеже. В ходе московского наступления в составе войск 49-й армии генерала Ивана Григорьевича Захаркина пойдет вперед, освободит сотни деревень и городов, в том числе Тарусу, Полотняный Завод, Юхнов (все на территории нынешней Калужской области. – С. *М.)* и весной 1942 года после упорных позиционных боев на реке Угре снова вернется в состав 43-й армии Западного фронта. Фронтом будет командовать генерал армии Жуков. 5-й гвардейской будет отдан приказ захватить плацдарм на западном берегу реки Угры, чтобы встретить на нем прорывающуюся из окружения западную группировку 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. Но об этом в последующих главах. Войну дивизия закончит под Кенигсбергом и к тому времени будет иметь наименование Городокская, ордена Ленина, краснознаменная, ордена Суворова гвардейская стрелковая [8] .

Действия 43-й армии в операции Резервного фронта оказались менее успешными. 30 августа, в первый день наступления, 109-я танковая дивизия полковника Семена

Панкратьевича Чернобая успешным ударом прорвала оборону немецкой 23-й пехотной дивизии, продвинулась вперед на 12 км, вышла к Костырям и перехватила шоссе Рославль – Ельня. Однако немцы отреагировали мгновенно. В ночь на 31 августа под Костыри были спешно переброшены части 267-й пехотной и 10-й танковой дивизий. 267-я только что прибыла в Рославль с южного крыла группы армий «Центр». 10-я составляла резерв фон Бока. «Клюге описал это вклинение как прорыв на глубину до 10 километров, – записал в своем дневнике фон Бок 30 августа, – и потребовал для ликвидации прорыва передать в его распоряжение 267-ю (пехотную) дивизию и несколько батальонов 10-й танковой дивизии. Я передал ему то, что он требовал, чтобы побыстрее разделаться с этой проблемой».

Фон Бок словно ждал наступления русских у Рославля и Ельни: уж лучше изматывать дивизии Красной армии здесь, где в ближайшем будущем придется прорывать фронт, чем отдавать свои части для того, чтобы они сгинули на Украине, в зоне действия группы армий «Юг».

Итак, на рассвете 31 августа немецкая резервная группировка, переброшенная на угрожаемый участок, нанесла контрудар по оголенным флангам прорвавшейся 109-й танковой дивизии 43-й армии. Порядки дивизии были смяты, управление нарушилось и через несколько часов полностью потеряно. В районе Богданова танки 10-й тд и части 267-й пехотной дивизии соединились, отрезав пути отхода 109-й дивизии назад. 109-я танковая дивизия полковника Чернобая оказалась в окружении. Попытки прорыва, в которых участвовало до 40 танков, успеха не имели. Немцы энергично сдавливали кольцо, непрерывно рассекая его ударами в различных направлениях. Бои в кольце продолжались до 5 сентября. Дивизия была полностью уничтожена и как боевая единица перестала существовать. Многие бойцы и командиры попали в плен и пополнили рославльский концлагерь, один из самых огромных и жутких, созданных немцами на оккупированной территории СССР.

109-я танковая дивизия была полностью укомплектованным боевым соединением. Вот данные о наличии танков и бронетехники на 29 августа 1941 года: 7 КВ, 20 Т-34, 82 Т-26, 13 ХТ-130, 22 БТ, 10 Т-40. Всего 154 тяжелых, средних и легких танка. Кроме того, 23 бронеавтомобиля: 10 БА-10 и 13 БА-20. Кроме двух танковых полков в состав дивизии входил 109-й мотострелковый полк, а также разведывательный батальон, отдельный батальон связи, зенитно-артиллерийский дивизион, автотранспортный батальон, ремонтно-восстановительный батальон, понтонно-мостовой батальон, медсанбат, рота

регулирования, полевой автохлебозавод, полевая почтовая станция, полевая касса Госбанка. Все это оказалось в окружении. Удалось вырваться десятку танков и нескольким группам мотострелков и тыловых служб. В окружении не оказался лишь 109-й гаубичный артиллерийский полк, оставшийся на своих закрытых огневых позициях в районе деревни Май южнее Кузьминичей.

В дни тяжелого кризиса на фронте 43-й армии на КП правофланговой 211-й стрелковой дивизии прибыл командующий фронтом генерал Жуков. В «Воспоминаниях и размышлениях» этот эпизод маршалом преподнесен в следующей интерпретации: «Не везде, конечно, все проходило гладко. Мне хочется рассказать об одном досадном происшествии. Стрелковая дивизия 43-й армии, получив задачу захватить плацдарм на западном берегу реки Стряны, не обеспечила свой левый фланг после форсирования реки и без должной разведки стремительно двинулась вперед. Молодой, еще недостаточно опытный командир этого соединения допустил большой промах, не приняв нужных мер боевого обеспечения. Этой ошибкой немедленно воспользовался противник. Танковой контратакой он смял боевые порядки дивизии. Советские воины сражались стойко, они умело отражали удары врага, нанося ему значительный урон. Особенно ощутимые потери понесли танковые части противника от нашей противотанковой и дивизионной артиллерии. Сейчас трудно сказать, какая сторона имела больше потерь. Контратака гитлеровцев была отбита, но и нам пришлось на этом участке остановить наступление. Такова была расплата за необдуманные действия командира этой дивизии. Почти до самого вечера 9 сентября пришлось мне вместе с командиром находиться на его наблюдательном пункте, исправлять допущенную оплошность».

Во время неудачного наступления 43-й армии в критическое положение попала не только 211-я стрелковая и 109-я танковая, но и другие части.

К 13 сентября немцы в результате серии мощных контратак вытеснили наши подразделения за реку Стряну и окопались по западному берегу. Наступила пауза. Она оказалась непродолжительной. Изредка линию фронта нарушали лишь разведгруппы обеих сторон да мелкие группы и одиночные бойцы и командиры частей, оказавшихся в окружении в предыдущих боях. Теперь они выходили на позиции соседних частей, на пулеметы дозоров, на боевые охранения, рискуя в конце мучительного пути получить пулю от своих.

Дождь лил с самого рассвета. Да и рассвета, казалось, не было. Так, немного просветлело. Стали видны верхушки деревьев.

Ночью из поймы Стряны по окрестным лугам и лесным болотам расползся туман. Перемешанный с толовым дымом, гарью и мелкой пылью дождя, он теперь казался непроницаемым и вечным.

Сержант Никаноров смотрел в щель, в раздвинутые ветки в стенке шалаша и не понимал, то ли дождь струится по его щекам, то ли слезы. В голове стоял гул. Тоже непонятно: оттого ли, что вторые сутки не спал, или все же контузия…

Снаряд разорвался совсем рядом. Как его не задело? Немцы стреляли бронебойными. Впереди прорывавшейся колонны все еще шла тридцатьчетверка. Три легких танка загорелись сразу, в самом начале прорыва, когда они бежали прямо на немецкую батарею. А теперь стреляло всего одно орудие. Немцы вначале бросили его, расчет, видимо, убежал в лес. Потом вернулись. И стреляли им в спину. Почему тридцатьчетверка не раздавила его? Бронебойные болванки со скрежетом рубили неподатливую броню танка, высекая снопы искр, но первое время не могли причинить танку никакого вреда. Тридцатьчетверка развернулась и пятилась, защищаясь толстой лобовой броней. Потом немцы начали стрелять фугасными. Вот тут-то и досталось им, бежавшим за танком, укрываясь от пулеметного огня из перелеска.

Из всего взвода до опушки леса добежали только трое из их взвода: братья Кудряшовы и он, сержант Никаноров, помкомвзвода. Танкист к ним приблудил уже в лесу, вечером. Из той самой тридцатьчетверки. Не удалось и ей выбраться из того ада. Братья Кудряшовы бежали рядом с танком, они и вытащили механика-водителя. Остальные сгорели.

Механик-водитель вроде тоже контуженый. Или все еще испуг не прошел. Всю ночь бредил. Какого-то капитана звал. Никаноров, на всякий случай, забрал у него пистолет. ТТ с полной обоймой танкист отдавать не хотел. Сказал, что это пистолет комбата, что тот остался в танке и что это единственное доказательство, что комбат погиб.

Дождь стал утихать. Кудряшовы и танкист еще спали. Сержант Никаноров им завидовал. И когда это с ним случилось? Как только начинались бои, у него начисто пропадал сон. Санинструктор Селиванов сказал, что это нервное. Нервное… Не замечал он за собой никакой повышенной нервозности. В первом бою во взводе многие обделались. После на речку стираться пошли. Целое отделение набралось на постирушки. А он хоть бы что. И каждую деталь запомнил. Стрелял, головы с бруствера не убирал, на бойцов покрикивал, на свое первое отделение. Где оно теперь, его отделение? Бердников, Султреков, Алешинцев,

Зимаков, Брянцев, Кузьминский, Панюшкин… Панюшкин еще перед прорывом куда-то исчез. Этот брянский всегда был какой-то скрытный, ненадежный. В первом бою просидел на дне окопа и не сделал ни одного выстрела. Никаноров после боя ходил по траншее и проверял все винтовки. «Почему не стрелял?» – спросил Никаноров Панюшкина. Тот виновато улыбнулся и сказал, что был перекос патрона. Никаноров ненавидел эту его улыбку. Она у него всегда была наготове. И как он, такой, попал на фронт? Лучше бы хлеб молотил в своем колхозе. Но потом выяснилось, что Панюшкин был вовсе не из колхозников, а из служащих – до войны работал бухгалтером в райпотребсоюзе в небольшом городке недалеко отсюда.

Недалеко отсюда… Вот и мотанул ко двору, с неприязнью подумал о своем бойце сержант Никаноров. Но тут же спохватился: а может, зря на человека тень навожу? Лежит сейчас мой Панюшкин где-нибудь возле леечки в луже крови…

Дождь исполнял свой тоскливый концерт, тянул однообразную мелодию. Капли шлепали по расквашенным ботинкам сержанта Никанорова и по прикладу винтовки, лежавшей рядом с братьями Кудряшовыми. Вторую винтовку братья где-то потеряли. Кто-то из них бросил винтовку, подумал Никаноров, наблюдая за спящими. Интересно, кто – старший, Кондрат, или младший, Федька.

Кондрат винтовку не бросит, успокоил себя сержант Никаноров тем, что рядом с ним теперь есть хотя бы один надежный человек, на которого можно надеяться как на себя.

Тело ослабело. Начинало трясти. Что это, прислушивался он к своему состоянию, неужели все же контузия?

Пальцы дрожали. Нет, решил Никаноров, просто устал. И холодно. Надо идти. Хватит спать. Немцы, видимо, уже добили батальон, пожгли последние танки и теперь прочесывают лес. Надо уходить. Уходить…

Мысль о том, что оставаться здесь больше нельзя, начала выдалбливать усталое сознание сержанта Никанорова, как непрерывные капли, стекающие по сучку, выдалбливали лунку рядом с противогазной сумкой, в которой лежали запасные диски для автомата. Уходить, уходить… Бежать, бежать… Ать-ать-ать…

Кажется, он задремал. Но задремал с открытыми глазами. В прогале между соснами, по зарослям черничника и бересклета шли двое, потом к ним подошел еще один, в немецких касках, в темно-зеленых шинелях с погонами, у двоих винтовки на изготовку, у третьего – за спиной, этот третий что-то ест, кажется сухарь. Откуда у него сухарь? Разве немцев кормят сухарями?

Сержант Никаноров вздрогнул и почувствовал, как спина

покрылась жаркой испариной. Подтянул к щели в шалаше автомат. У него полный диск. Немцев трое. Идут не редкой цепью, как в бою, а толпой. Они не чувствуют опасности. Значит, устали. Или заканчивают обход. Может, пройдут мимо и не заметят их шалаша? Шалаш старый, сделанный еще летом, видимо во время сенокоса. Даже если заметят, могут не обратить внимания. Если их только трое… Только бы не заклинило автомат.

ППШ ему достался от взводного. Лейтенанта Акопяна убило вчера во время минометного налета, еще до прорыва.

Послышались голоса. Странно, разговаривали по-русски.

В груди отвердело так, что стало трудно дышать. Слишком долго приходится ждать, подумал сержант Никаноров о своем положении. Братьев Кудряшовых и танкиста будить нельзя – зашумят. Тогда немцы точно заинтересуются одиноким ветхим шалашом под старой елью. Хорошо, что танкист затих, перестал бредить. В тумане сквозь дымку дождя виднелась тропинка, по которой шли еще несколько человек. Их-то и взял на мушку сержант, когда решил стрелять, прежде чем немцы их обнаружат. Пока можно было воспользоваться единственным преимуществом – внезапностью. Но шедшие по тропе были одеты в красноармейские шинели. Пленные! Их ведут туда, на запад, к Костырям.

В ушах зазвенело. Контузия. «Вот почему меня так трясет», – подумал Никаноров.

Пленные вереницей прошли по тропе и свернули в заросли молоденького ельника, в сторону луга. Там слышались другие голоса. Значит, всех, кого обнаружили в лесу, сгоняют туда, на луг. Как они могли заночевать в таком опасном месте?

Запахло табаком. Табак немецкий, суррогатный, но все равно приятный, все равно – табак.

Последнюю завертку они сделали вчера, на пару с лейтенантом Акопяном. Курили по очереди. Через минуту лейтенанту срезало затылок осколком мины, и сержант Никаноров прикопал его в овраге, где они лежали, прячась от обстрела, и докуривали последнюю самокрутку.

У-хо-дить, у-хо-дить… Бежать, бежать-бежать, часто, с ускорением вдруг зашлепали капли дождя по каске. Каску он не бросил. Теперь хоть голова была сухая.

На какое-то мгновение его расчетливое сознание затуманилось, словно и туда проникла холодная пелена дождя. Он быстро и бесшумно раздвинул мокрые ветки и протиснул под них свое дрожащее тело. Автомат все же решил не оставлять в шалаше, потянул за собой за сырой ремень. Противогазную сумку с запасными дисками – тоже.

Немцы стояли по ту сторону и курили, тихо переговариваясь между собой. Они не видели, как сержант Никаноров бесшумно перебежал к зарослям можжевельника, прополз шагов двадцать и спрыгнул в овраг. Заросли черничника и сырой мох глушили звуки его шагов.

В овраге густо росла крапива и таволга. Теперь, к осени, они вызрели в жилистые бурые будылья и стояли плотно, словно болотный камыш. Здесь они не будут искать, с надеждой подумал Никаноров и перестал дышать. Ему казалось, что немцы могут услышать его дыхание и то, как стонет, пищит, словно загнанная мышь, его душа.

Нет, нет, он не трус, просто так лучше, так разумней. Рассредоточиться… Мелкими группами, как сказал старший политрук перед прорывом. Выходить лучше мелкими группами. Так больше шансов выйти. Хотя бы кому-то… Всем все равно не выйти…

Какие-то странные звуки донеслись со стороны сосняка. Или показалось? Нет, это показалось. Дождь шлепает. Тихо. Немцы ушли.

Сколько сержант Никаноров просидел в овраге, он и сам не мог определить. Выбрался, когда уже начало смеркаться. Значит, день миновал.

В пасмурную погоду ориентироваться плохо. Где восток? Где запад? Солнце сквозь низкие тучи не угадывалось. Где оно теперь садилось, попробуй, разберись? Но деревья, обросшие с северной стороны лишайником и мхом, указывали, что восток там, за сосняком. А ему надо на юго-запад, чтобы выйти на дорогу. Варшавское шоссе наверняка удерживали наши. Там слышалась дальняя канонада. Артиллерия работала километрах в десяти, не меньше. Ерунда, подумал он, два-три часа ходу. Только бы лес не кончался.

Он вспомнил карту. Старший политрук несколько раз расстилал ее на дне траншеи, пытался понять, как им теперь быть. Нет теперь ни старшего политрука, ни карты.

Но прежде чем уходить, он решил пробраться к шалашу и разбудить братьев Кудряшовых и танкиста.

Как тихо стало в лесу, когда ушли немцы. Выбравшись из оврага, он снова прислушался. Ушли. Не заметили. Ни его, ни шалаша.

Можжевеловые кусты покачивались от тяжести дождевых капель, висевших на каждой иголке. Он пробрался ближе к соснам, стараясь не задевать унизанных дождевыми каплями можжевеловых веток. Он умел ходить в лесу тихо, не оставляя следов. Теперь у сержанта Никанорова появилась уверенность,

что он выйдет из окружения, выберется из этой жуткой передряги, в которую попала, видимо, вся дивизия, и выведет братьев Кудряшовых и контуженого танкиста. Руки все еще дрожали, но в ногах появилась твердость, и голова работала ясно, как будто в последнюю ночь он хорошенько выспался.

По своему следу, который мог определить в зарослях черничника и моха только он сам, сержант Никаноров пробрался к шалашу. Затаился. Тихо. Как тихо было кругом! Шум в ушах прекратился, и он явственно слышал ту лесную тишину, о которой в последние месяцы только вспоминал, думая о своей родной деревне, о семье и обо всем довоенном. Стволом автомата он отвел мокрые ветки. В шалаше было пусто. Ушли! Ушли без него! Вот сволочи!

Он раздвинул ветки пошире. Ничего, кроме обрывка грязного бинта на примятой белесой подстилке, он не увидел. Ушли… Бросили его и ушли… Куда? Где их теперь искать?

Он обошел шалаш вокруг, пытаясь найти хоть какие-то следы и понять направление их движения. Но ничего не нашел. Хотя кругом было все истоптано. И возле лаза в шалаш валялся промокший от дождя окурок сигареты. Откуда здесь окурок? Какие сигареты? Сержант Никаноров поднял окурок. Немецкая! Сигарета была немецкая. Такие он видел. У разведчиков выменивали на тушенку.

Сержант Никаноров сделал еще один круг, на этот раз обходя шалаш пошире и осматривая каждый кустик, каждый перевернутый листок и опрокинутый мухомор. То, что он увидел в следующее мгновение, заставило его вздрогнуть и присесть в черничник.

Возле березы валялась винтовка. Это была винтовка братьев Кудряшовых. Перебитый приклад. Затвора не было. В примятом черничнике три обоймы и несколько патронов россыпью. Если бы они бросили винтовку сами, зачем ее было разбивать о березку? Вон она, свежая метина на березовой коре. Ударили с силой, так что отлетела торцевая металлическая накладка приклада.

Теперь сержант Никаноров понял, что его бойцов угнали немцы. Вот откуда слышался тот странный звук, когда он сидел в овраге.

На мгновение он оцепенел. Он пытался оценить положение, в котором оказался, и свои действия, но не мог. Мысли рвались. В голове снова появился шум. Он накатывал волнами, как дождь в поле во время ветра. Но теперь в лесу было тихо.

Спустя двое суток, ночью, он вышел на пост одного из батальонов 53-й стрелковой дивизии. В окопе боевого охранения сидели четверо. Они накормили его холодной кашей, налили в

кружку самогонки. Он выпил и заплакал. Каша не лезла в горло, падала на колени и на полы шинели. Он подбирал ее и дрожащими пальцами запихивал в рот. О ком плакал он тогда, в окопе боевого охранения под Кузьминичами? О себе ли, что вышел все же к своим, несмотря ни на что? О своих ли товарищах, о братьях Кудряшовых и танкисте, судьба которых теперь терялась в гигантской буре бушевавшей вокруг войны? О тех ли, кого оставил на Стряне?

Сержант, сидевший у пулемета, посмотрел на его внезапные слезы и покачал головой:

– Натерпелся… Ладно, поспи, браток. Больше тебе наливать нельзя. Скоро сменимся, тогда отведем в штаб. Там и горяченького поешь.

Там, в окопе боевого охранения, оказавшись среди чужих людей, сержанту Никанорову первый и единственный раз за всю его долгую жизнь хотелось рассказать, что произошло с ним и его товарищами в лесу после прорыва. Ни несколько часов спустя, когда в штабной землянке его будет опрашивать пожилой командир с нашивками батальонного комиссара, ни потом, когда только во сне, и все реже и реже, война будет возвращаться к нему, он так и не расскажет никому о том, что после прорыва выходил не один.

Глава 2 За час до рассвета

«…Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года…»

В 43-й новый командарм. – О том, как генерал Селезнев избежал военного трибунала. – Судьба генерала Собенникова: от прапорщика царской армии до генерала Красной армии. – Из комфронта – в командармы. – Арест генерала Селезнева. – Положение 43-й армии перед немецким наступлением. – Группировка противника. – День «Т». – В обстановке строжайшей секретности. – Передатчик работает в пустоту. – Роль «добровольных помощников» – «хиви» и четвертые батальоны. – «Хоть с чертом, но против большевиков». – Катя из трудовой армии и лейтенант Иван

43-й армией под Рославлем командовал генерал-майор Петр Петрович Собенников. 5 сентября 1941 года он заступил на должность командарма, сменив на этом посту временно исполнявшего должность командующего генерал-лейтенанта Ивана Александровича Богданова. Генерал Богданов одновременно занимал должность заместителя командующего войсками Резервного фронта. Только что с должности командарма был смещен генерал-майор Дмитрий Михайлович Селезнев. Причиной его отстранения от командования стали неудачные действия 43-й армии в ходе Ельнинской наступательной операции. Генерала, по всей вероятности, ждал суд. Если учесть, что ситуацией управлял командующий Резервным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, имевший в войсках репутацию человека жестокого и бескомпромиссного, то перед генералом Селезневым открывалась мрачная перспектива. К счастью, на должность командарма 43 пришел человек и генерал, которого война уже протащила по своим крутым горкам, рвам и окопам, и он знал, что такое невыполнимые приказы и какой противник стоит по ту сторону нейтральной полосы и что после каждой неудачи начальству требуется козел отпущения.

Жукова отозвали в Ставку и вскоре направили под Ленинград. Генерал с таким твердым характером и таким оперативным умом и интуицией, какими обладал Жуков, в те труднейшие дни нужен был везде. Особенно остро это понимал Сталин. Он направлял Жукова туда, где положение либо приближалось к катастрофическому, либо уже было таковым.

Разбираться с делом генерала Селезнева поручили его преемнику. В архивах сохранились документы той поры, и среди

них приказ, подписанный новым командармом, с требованиями прокурорского расследования «событий 30.08.41—2.09.41 в полосе действий 211-й сд, приведших к невыполнению задач, поставленных перед войсками 43-й армии Ставкой и Резервным фронтом».

До сих пор история отстранения от должности генерала Селезнева и его дальнейший арест являются предметом дискуссий историков и краеведов. Период был сложный, и он не оставил подробных документов. Некогда было документировать некоторые распоряжения и приказы. Нужно было действовать.

Так вот по одной из версий, которая наиболее правдоподобна, новый командующий спустил дело генерала Селезнева на тормозах. Дело в том, что ВРИД командующего 43-й армией генерал И.А. Богданов поступил весьма мудро: он отстранил командира 211-й стрелковой дивизии и назначил на нее генерала Селезнева с приказом – собрать бросившие свои позиции полки и батальоны и срочно восстановить положение, что и было исполнено в самый кратчайший период. Это спасло генерала Селезнева от военного трибунала, а генералу Собенникову дало законный повод не доводить дело до суда. Забегая вперед, скажу, что генерал Селезнев еще вернется на страницы нашего повествования в качестве спасителя ситуации под Угодским Заводом и Тарутином. И это произойдет очень скоро.

Петр Петрович Собенников родился 13 июля 1894 года в Кронштадте в семье офицера царской армии. Его отец в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов отличился в одном из сражений под Плевной, за что был пожалован офицерским чином и дворянским званием. Петр Собенников пошел по стопам отца, поступил в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, с успехом окончил его и в звании прапорщика отбыл на фронт Первой мировой войны. Училище, которое окончил будущий генерал Красной армии, было элитным военным учебным заведением. В нем учились Лермонтов, Мусоргский, а также генералы белой армии Каппель, Марков, Шкуро, Улагай. Дворянское происхождение Собенникова не раз будет ему аукаться. В 1918 году, сняв погоны царского офицера, Собенников вступил в Красную гвардию. Воевал за лучшую долю для своих соотечественников. После Гражданской войны окончил Военно-академические курсы высшего начсостава РККА и Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА. Служил в Красной армии на командных должностях и в штабах. С 1939 года преподавал общую тактику в Военной академии имени М.В. Фрунзе. С 1940 года – заместитель генерального инспектора

кавалерии РККА. В марте 1941 года назначен командующим 8-й армией Прибалтийского Особого военного округа, который вскоре будет преобразован в Северо-Западный фронт. В двадцатых числах июня части 8-й армии контратаковали немецкие войска под Шяуляем и задержали их наступление на несколько дней. Успешная атака Собенникова была замечена Ставкой, и вскоре генерала назначают командующим войсками Северо-Западного фронта. Но в дальнейшем военная удача отвернулась от него. Хотя под Сольцами на Новгородском направлении войска Северо-Западного фронта в середине июля проведут довольно успешную операцию, отбросят противника на 40 км и разгромят тылы 56-го моторизованного корпуса. Противник вынужден будет в срочном порядке усиливать группу армий «Север», снимая с Московского направления дивизии и целые корпуса.

Северо-Западный фронт подвергся новым ударам немецких войск. Началась полоса поражений и неудач. Ставка склонна была виновных искать на месте. Были расстреляны командующий 34-й армией генерал-майор Качанов, его заместитель, начальник артиллерии армии генерал-майор Гончаров. Собенникова отстранили от должности, но не арестовали. Назначили с понижением – командующим одной из армий Резервного фронта.

И вот в самый разгар наступления Красной армии на Рославльском направлении генерал-майор Собенников вступил в должность командующего войсками 43-й армии.

Дивизии и части армии, занимавшей, пожалуй, самое опасное направление – участок фронта на Варшавском шоссе, к началу сентября понесли большие потери и пребывали не в лучшем состоянии. В состав армии вошли 113-я стрелковая дивизия генерала Преснякова, а также 145-я и 148-я танковые бригады. Обе бригады не имели и десятой доли бронетехники, которой располагала погибшая в окружении 109-я танковая дивизия.

В «Книге Памяти. 1941–1943 год» города Рославля приводится точное расположений частей и подразделений 43-й армии к моменту немецкого наступления в октябре. «Оборону на Десне 2.10.41 г. здесь занимали уже знакомые нам 43 Армия и ее 211, 222 сд с 1285 сп 60 сд. Участок по р. Стряна от д. Кувшиновка до д. Липовка (на р. Десна у д. Холмец) – 222 сд и 145 тбр, по Стряне с севера 778 сп, далее 145 тбр, в тылу у Шатькова – 774 сп, по Десне (от Стряны до д. Липовка) – 757 сп 222 сд. Участок от Холмец до Новословени (район д. Ломакино) – 1283 сп 60 сд (ополченцы Москвы). От Новословени до Новотрояновки – 894 сп 211 сд. От Кукуевки (против современного Десногорска Рославльского района Смоленской

области) до Колодези, перекрывая шоссе, стоял 12 сп 53 сд, затем от Колодези до Дубровки стоял 223 сп 53 сд (имея даже плацдарм на другом берегу Десны у Караковичи), а на стыке с Брянским фронтом – полк 149 сд (от Дубровки до Фроловки.) В тылу у шоссе стояли 320 сп, 148 тбр, два полка 149 сд и 113 сд 33 Армии».

Генерал Собенников располагал также тремя гаубичными полками и двумя зенитными батареями. Вместе с дивизионными артполками и артиллерией стрелковых полков армия имела 440 орудий и минометов.

В сентябре армии подчинили 10-ю смешанную авиадивизию. Но она лишь считалась таковой, имея 6 исправных истребителей и 4 бомбардировщика. Сил сад хватало лишь на разведывательные полеты.

КП расположился в районе Крапивны близ шоссе.

Что же происходило по ту сторону фронта?

Противник готовился основательно. Чем-то эта подготовка и мощь войск, занявших исходные районы на восточных берегах Десны и Днепра, повышенные меры секретности напоминали июнь минувшего лета, когда германские войска группы армий «Центр» изготовились для броска за Буг.

Командующий группой армий «Центр» сформировал три ударные группировки: северную – 9-я полевая армия и 3-я танковая группа (район Духовщины); центральную – 4-я полевая армия и 4-я танковая группа (район севернее Рославля); южную – 2-я полевая армия и 2-я танковая группа (район Шостки и Глухова).

К концу сентября немцы значительно усилили группу армий «Центр». В нее теперь входили три армии и три танковые группы – 13 армейских и 8 моторизованных корпусов, 72 расчетные дивизии, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. Вся эта армада была выстроена в два эшелона и, как хищник, изготовившийся для решающего броска, затаилась в рославльских и брянских лесах и ждала нужного момента. Нужный момент был определен директивой Генштаба от 17 сентября 1941 года. Директива, кроме всего прочего, требовала от войск строжайшей скрытности и тайны передвижения и сосредоточения.

«Главное командование сухопутных сил обращает внимание на то, чтобы перегруппировки войск группы армий «Центр», необходимые для проведения операции «Тайфун», оставались по возможности скрытными для русских, в особенности передвижения моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр», а также перемещение главных сил авиации.

<…>

…кроме того, следует позаботиться о том, чтобы войска выходили в районы исходных позиций предстоящего наступления по возможности позднее и с применением мероприятий по дезинформации русских.

День начала предполагаемого наступления – «Т» – будет сообщен за три дня (в день «Т» – 3 – в полдень)» [9] .

В сентябре из района Ленинграда в район Рославля была переброшена 4-я танковая группа. Таким образом, из четырех танковых групп, действовавших на русском фронте, для удара на Москву немцы сосредоточили три. Следует также учесть, что именно 4-я имела полнокомплектные дивизии и полки, которые накануне были пополнены новыми танками и бронетехникой и доведены до штатной.

Танковые группы фон Бок расположил следующим порядком: из района Глухова и Шостки направлением на северо-запад – через Севск и Дмитровск-Орловский и далее на Орел и Мценск должна была атаковать 2-я танковая группа Гудериана; 4-я танковая группа Гёпнера изготовилась для удара вдоль Варшавского шоссе из района Рославля на Спас-Деменск и Юхнов, правым своим крылом на Киров и Сухиничи, при этом танковые корпуса должны продвигаться вдоль шоссе, а затем поворачивать на север с целью замкнуть кольцо вокруг Вязьмы и обороны советских армий, сконцентрированных там; 3-й танковой группе Гота назначался район севернее Духовщины, танки Гота готовились прорывать оборону советской 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

Забегая вперед, скажу, что все три танковые группы успешно выполнят свою задачу и на первом этапе «Тайфуна» добьются сокрушительных результатов. Но сопротивление наших отдельных частей, полков, дивизий, противотанковых дивизионов, батарей и просто одиночных орудий заставит их значительно дольше, чем планировалось, задержаться под Вязьмой, у Брянска и Трубчевска, у Юхнова, Медыни и Малоярославца. Сталин переиграет Гитлера и здесь. А генерал Жуков окажется более гибким и удачливым полководцем, чем фельдмаршал фон Бок. Помните, что воскликнул князь Кутузов, наблюдая за продвижением наполеоновских войск к Москве? «Будете конину жрать! Будете…» Так и в 41-м: «Будете в грязи барахтаться! Будете мерзнуть в поле, в окопах, под калеными ветрами русской зимы! Будете вздрагивать от скрипа снега под лыжами русских автоматчиков! Будете…» И, как показали ближайшие месяцы на спаде «Тайфуна», барахтались, мерзли, вздрагивали.

Но вернемся под Рославль, ближе к позициям 43-й армии.

Как уже сказано, из ГА «Север» на центральный участок удара на Москву прибыла 4-я танковая группа. Переброска ее производилась в строжайшей тайне. Москва не должна была знать, какую силу накапливает фон Бок в районе Рославля. Для того чтобы запутать советскую разведку, под Ленинградом, где все это время действовали танковые дивизии Гёпнера, оставили штабной радиопередатчик, который продолжал работать в прежнем режиме с прежними, но теперь уже подставными абонентами. Наша радиоразведка, хорошо зная его стиль и почерк, ничего тревожного не почувствовала. Одновременно с этими мерами предпринимались другие. К примеру, из района севернее Ельни на стыке 4-й и 9-й армий противник постоянно атаковал небольшими подразделениями с ограниченными целями, беспокоя нашу оборону и создавая видимость разведки боем с целью нанесения именно здесь последующего сосредоточенного удара крупными силами.

Исследователь темы вяземского сражения 1941 года Лев Лопуховский в своем капитальном труде «Вяземская катастрофа 41-го года» в главе «Боевой и численный состав войск сторон и общее соотношение в силах и средствах» приводит следующие данные: «На 1 октября в составе группы армий «Центр» насчитывалось 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, что составляло 42 % личного состава, 75 % танков и 33 % орудий и минометов от общего их количества на советско-германском фронте. Наступление группы армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, имевший примерно 1390 боевых самолетов, из них половина – бомбардировщики. По данным американского специалиста по советской и немецкой истории Брайана И. Фугате, группа армий «Центр» без учета личного состава люфтваффе на 2 октября насчитывала 1 929 406 человек, танков 1217, около 700 самолетов». И далее: «… немецкое командование создало самую сильную группировку сил и средств, которую вермахту до сих пор удавалось собрать на одном стратегическом направлении. Но пехотным дивизиям, по немецким данным, по-прежнему не хватало до штата примерно 1500 человек каждой, таким образом, их численность была на уровне примерно 15 500 человек в каждой». «По данным института военной истории, – пишет далее Л. Лопуховский, – численность Западного фронта составляла 545 935 человек. По другим данным, на 25.09.41 в составе этого фронта насчитывалось 544 995 человек (в том числе начсостав – 61 574, младший начсостав – 83 148, рядовой состав – 400 273)» [10] .

Здесь следует заметить, что некомплект в своих дивизиях

немецкие полевые командиры еще с лета начали усиленно восполнять советскими военнопленными. Как ни горько это осознавать, но в немецкий плен часть красноармейцев попадала добровольно. Бросали оружие и поднимали руки при первой опасности. А затем, оказавшись в плену, где главной и единственной целью для них стало выживание, многие пошли служить германской армии, в основном в качестве рабочей силы, обслуживающей и обеспечивающей войска передовой линии. Каждый полк немецкой пехотной дивизии к концу лета 41-го имел сверх штата так называемый *четвертый батальон* , сформированный из коллаборационистов – людей, по различным причинам добровольно перешедших на сторону вермахта и согласившихся служить его интересам.

Четвертые батальоны компенсировали некомплект за счет того, что работа тыловых служб была частично переложена на плечи «хиви» и различных подразделений, сформированных из пленных красноармейцев и местного населения, пожелавшего служить *новому порядку* либо вынужденного эту службу исполнять по различным причинам объективного и субъективного характера.

После нескольких месяцев войны на Востоке, где боевые действия отличались от военных маневров на Западе наибольшим числом потерь, немецкие командиры поняли, что Германия не сможет целиком компенсировать выбывших. В этих обстоятельствах к тыловым работам, на свой страх и риск, они начали привлекать добровольных помощников из числа советских военнопленных (Hilfswillige, или сокращенно «хиви» – «желающий помочь»). «Хиви» работали в немецкой армии конюхами, шоферами, подносчиками снарядов, механиками, санитарами, военными строителями, саперами. Они чинили обувь и одежду, стирали, ремонтировали, обслуживали, обеспечивали. Особую группу составляли подразделения по борьбе с партизанами и вооруженные добровольцы. «Хиви» получали довольствие, в том числе продуктовое, вещевое и финансовое – рубли, которые по-прежнему имели широкое хождение, или марки. К примеру, в полосе действий группы армий «Центр» в разное время из числа, так сказать, бывших советских граждан были сформированы боевые единицы – 619-й ост-батальон, 406, 615, 616-й (железнодорожный; г. Орел), 617-й (Почеп), 618-й (Трубчевск – Трубчевский батальон «Народной стражи»), 621-й восточный артдивизион, полк особого назначения «Десна», 1-й Восточный запасной полк «Центр», 602-й ост-батальон «Днепр», 609-й ост-батальон «Припять», 605-й ост-батальон «Волга», 601-й ост-батальон «Березина», русская караульная рота «Гомель», группа

«Белый Крест» (Велиж), танковый взвод «Панцер-цуг 682», 752-й артиллерийский батальон, а также сотни зондеркоманд, полицейских и иных формирований. Люди, служившие в этих подразделениях, исповедовали две основных религии: *выжить любой ценой* или: *хоть с чертом, но против большевиков* . Впоследствии многие из них либо ушли в лес к партизанам, либо оказались в рядах власовских войск.

В недавно вышедшей в Москве книге «Вяземская голгофа генерала Конева» смоленский историк М.Н. Филиппенков, исследуя октябрьские бои в районе Сычевки севернее Вязьмы, часто упоминает о подразделениях «желающих помочь» врагу, которые уже тогда активно действовали во время прорыва нашей обороны в составе 35-й пехотной дивизии вермахта. Трофейные документы подтверждают, что «хиви» участвовали в боевых действиях в период окружения вяземской группировки и ее уничтожения и пленения в районе Холм-Жирковского и Касни.

Так что некомплект немецких дивизий был относительным. Кстати, в число потерь немецкой армии «хиви» не включались. Но это уже другая тема.

Что касается численного состава Резервного и Брянского фронтов, то они имели каждый соответственно 478 508 человек и 225 567 человек. Итого: 1 250 010. Немцы превосходили нашу объединенную группировку и по личному составу, и по вооружению.

26 сентября 1941 года фон Бок подписал приказ о начале операции «Тайфун», в котором, в частности, говорилось: «4-я армия с подчиненной ей 4-й танковой группой наступает в общем направлении по обе стороны дороги Рославль – Москва. После осуществления прорыва, прикрываясь с востока, поворачивает крупными силами в направлении автомобильной дороги (автострады) Смоленск – Москва с обеих сторон Вязьмы. <…> 2-я армия прикрывает северный фланг 4-й армии. Она для этого прорывает позицию на Десне с основным ударом на своем северном фланге и наступает в направлении Сухиничи – Мещовск. Обеспечить армию от действия противника из гор. Брянск – Орджоникидзеград. Использовать возможность захватить город, особенно ж.-д. пути и переходы, не обращая внимания на линию разграничения с 2-й танковой группой» [11] .

В тот же день в приложении к оперативному приказу № 13 было установлено время начала операции:

«…дополнительные сведения:

в) время «х» (начало артподготовки) будет указано для всей группы армий накануне вечером. Начало наступления либо на рассвете по световому сигналу на случай возможного тумана (для

использования элемента внезапности), либо – в 9.30 (для обеспечения эффективной поддержки артиллерией и авиацией). При подготовке к началу наступления учесть оба варианта» [12] .

«Время «х» назначается на 5.30 [13] . Все подготовительные мероприятия к этому часу должны быть завершены.

В указанное время войска открывают шквальный огонь по всему фронту армии.

Время «х» устанавливается независимо от состояния погоды» [14] .

2 октября 1941 года, за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий «Центр» зачитали обращение Гитлера:

«Солдаты Восточного фронта!

Через считаные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!..

Мир еще не видел ничего подобного!..

Территории, которые на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышают территорию нашего рейха…

За три с половиной месяца, мои солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара, который еще до наступления зимы должен привести к окончательному разгрому врага.

Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года…»

Непосредственно перед боевыми порядками армии генерала Собенникова к атаке готовилась 4-я танковая группа Гёпнера. В нее входили: 19-я и 20-я танковые дивизии, а также 10-я танковая, ранее действовавшая в районе Рославля, прибывшая с юга 11-я танковая и четыре пехотные дивизии – 252, 258, 3-я и дивизия СС «Рейх». Чтобы понять, какая сила была сосредоточена против 43-й армии в районе Варшавки, приведу численный состав дивизии «Рейх»: полк СС «Фюрер»; полк СС «Дойчланд»; 11-й пехотный полк СС; артиллерийский полк; батарея штурмовых орудий; противотанковый батальон; мотоциклетный батальон; разведывательный батальон; саперный батальон; зенитно-пулеметный батальон и батальон связи. 4-я танковая группа Гёпнера состояла из трех моторизованных корпусов: 40, 46 и 57-го резервного.

На Десне также стояли два армейских корпуса 4-й полевой армии: уже знакомый нам 20-й (292, 298, 78-я пехотные дивизии) и 7-й (7, 23, 197 и 267-я пехотные дивизии).

Как о том свидетельствуют многочисленные источники, немецкие войска превосходили подразделения и приданные части 43-й армии на Спас-Деменском направлении в людях – в 3,2 раза,

в орудиях и минометах – в 7 раз, в танках – в 8,2 раза. Противник имел полное превосходство в воздухе.

Генерал Гальдер записал в своем дневнике: «…Лучше всего положение на 1 октября 1941 года в т. группе Гёпнера, которая имеет дивизии полного состава».

Исследователь октябрьских боев на Варшавском шоссе подольский поисковик И.А. Красильников допускает, что на главном участке прорыва – в полосе, непосредственно примыкающей к Варшавскому шоссе, – Гёпнер сосредоточил группировку, которая превышала наши войска: по танкам в 15 раз, а по остальным параметрам от 3,5 до 7 раз. Таким образом, противник стянул достаточные силы и средства для успешного прорыва и дальнейшего проведения масштабной наступательной операции.

Катя Лукина с однокурсницами, такими же комсомолками, как и она, уже третью неделю работала на окопах. Так они называли свое грандиозное сооружение, которое уже начало принимать очертания. Противотанковый ров тянулся от поймы одной речушки к болотистой пойме другой и перехватывал большак от Семирёва на Крайчики и далее на Киров. Речушки назывались – одна, побольше, Десёнкой, а другая Оболонкой. Оболонка была холодной, родниковой. Там они брали воду. А в Десёнке иногда купались, хотя уже заканчивался сентябрь, и ночами было совсем холодно.

На западе, в стороне Десны, иногда громыхало. Канонада походила на дальнюю грозу, когда неясно, придет она сюда или нет, погромыхает, порокочет в дальних полях и уйдет дальше. Страшнее, когда вдруг из-за леса появлялся самолет. Он всегда появлялся неожиданно. Выныривал из-за леса, поблескивая на солнце стеклами фонаря кабины, стремительно скользил над полем своим тонким поджарым контуром, потом над деревней, что лежала за лесом на большаке, разворачивался и проносился над их рвом. Он оглушал рокотом мотора, косой угловатый крест его огромной тени, казалось, срезал все живое, не успевшее укрыться во рву или в придорожном кювете. Иногда из самолета белым снегом сыпались листовки. Катя никогда не унижалась до того, чтобы прикасаться к ним. Так им было приказано, так они постановили на комсомольском собрании. Но содержание многих им было известно. Листовку можно было читать и не прикасаясь к ней. «Милые дамочки! Не копайте ямочки!..» И так далее. К ним летал один и тот же самолет. Они его приметили по раскраске и масляному пятну под мотором на капоте.

– Разведчик, чтоб ему лихо было! – говорил нормировщик дядя Игнат.

Дядя Игнат приходил к ним из деревни Трусовки, где работала вторая бригада, копавшая им навстречу от речки Оболонки. Дядя Игнат был добрым человеком, и иногда, когда кто-нибудь из Катиных подруг не выполнял суточную норму, все равно ставил в своей тетрадке: «вып.». Он все здесь знал. И его все знали. Даже бойцы, которые охраняли склад каких-то ящиков, ровными штабелями сложенных в зарослях ольховника неподалеку от дороги на Трусовку, частенько по разным делам и надобностям приходили к нему.

Командовал ими лейтенант в новенькой шинели и новеньких ремнях, с новенькой кобурой пистолета на боку. Бойцов у него в команде было немного, человек шесть или семь. Они охраняли склад. Жили в палатке, поставленной там же, у штабелей.

Лейтенант выглядел совсем мальчишкой, похожим на первокурсников, над которыми Катя и ее подруги всегда свысока посмеивались. Но ростом он был выше самой высокой из них почти на голову. Когда Катя сказала ему, что его подчиненный, часовой Порфирий Фомич не пропускает их по стежке к колодцу, он ответил, что теперь здесь ходить запрещено – территория склада, но взглянул на нее и тут же покраснел. Все это заметили и вечером сказали Кате:

– Катюх, лейтенант-то в тебя влюбился.

– Да ну вас…

– Точно-точно! Ты что, не видела, как он на тебя смотрел?!

– А что, Катюх, он симпатяга!

– И высокий. Тебе как раз под стать.

Она отмахивалась от подруг. А потом, оставшись одна, вдруг вздохнула и задумалась…

Однажды дядя Игнат, глядя на заходящее за лес солнце, сказал:

– Неумно артиллеристы свой склад расположили. Вот засекет их германский ероплан, наведет других… Что тогда тут будет?

Но вскоре там, за горбовиной поля, где виднелись трубы деревенских изб, появилась зенитка. К удивлению всех, расчет зенитки состоял из девушек. Таких же, как Катя. Только они были в военной форме и потому выглядели постарше студенток.

Зенитчицы обставили зенитку елочками, замаскировали ветками ольхи и березы. Соорудили навес, накрыли его льняной соломкой, привезенной с окрестного поля с разрешения дяди Игната.

Ну, теперь они ему дадут, решили все и стали ждать прилета немца.

Самолет прилетел после обеда. Зенитка сделала по нему четыре выстрела. Белые облачка взрывов зенитных снарядов

вспыхивали то ближе, то дальше от поджарого корпуса самолета. Ловко маневрируя между ними, он миновал зону огня, сделал крутой вираж, нырнул вниз, и через мгновение зенитка, навес из льняной тресты, натыканные в землю елочки маскировки потонули в огне, дыму и пыли. Потом самолет прошелся вдоль рва, поливая из пулеметов всех, кто в нем находился.

До вечера Катя Лукина с подругами разыскивали разбежавшихся по лесу и по пойме девчат. Некоторые были ранены и требовали медицинской помощи. Некоторые были напуганы так, что не могли произнести и слова. Их посадили в подводы и развезли по деревням, где они квартировали. Вечером хоронили убитых. Троих студенток, одну женщину из заводской группы и пятерых зенитчиц. Хоронили без гробов, завернув в плащ-палатки и одеяла.

Среди погибших лежало тело Катиной подруги, однокурсницы Веры Варенцовой. Катя хорошо знала маму Веры и ее старшую сестру. Она смотрела на бледное лицо подруги, и ее охватывал ужас: как же так, они еще утром вместе бегали на реку умываться, смеялись, шутили по поводу лейтенанта, а теперь… Как она скажет о смерти Веры ее маме?

Лейтенант был бледен и уже не выглядел мальчишкой. Вместе с пожилым бойцом Порфирием Фомичом, другими бойцами и дядей Игнатом он переносил к могиле тела убитых. Потом всех сложили внизу, в один ряд и начали закапывать.

На следующий день на работу вышли не все. Раненых увезли в райцентр. Несколько человек сказались больными. Перемычка, отделявшая одну бригаду от другой, в этот день сокращалась гораздо медленнее. Вечером дядя Игнат пробежал по ней с «костылем» и сказал:

– Девушки! Тридцать метров! Нормы нет! Давайте так: ужин вам через пару часов я привезу прямо сюда, поужинаем, отдохнете часок и – за дело. Надобно еще хотя бы по пять метров с каждой стороны.

Все молчали. Посматривали на заходящее солнце. Там летали птицы. Самолет в этот раз не прилетал.

Ночью, когда лопата из рук Кати буквально вываливалась, а сознание начал опутывать морок непреодолимого сна, кто-то незнакомо тронул ее за плечо и взял из рук лопату. Она подняла глаза и увидела лицо лейтенанта.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Катей.

– А меня Иваном. Ваней. – Видимо, он улыбнулся. Она не разглядела в темноте. – Если хочешь, поспи. А я за тебя поработаю.

Он расстелил на дне рва свою шинель. Катя послушно легла в ее тепло, поджала ноги, укрыла их сырыми от росы полами шинели и тут же уснула.

В полночь бригады закончили работу и разошлись по деревням на ночлег. Про Катю забыли.

Лейтенант, радуясь, что девушка осталась с ним одна, работал всю ночь. Он рубил песчаную стену рва, выбрасывал землю на среднее плечо, потом поднимался туда на лестнице и снова перебрасывал тот же грунт наверх. Еще не рассветало, когда, сменившись на посту, к нему пришел пожилой боец Порфирий Фомич и тоже взялся за лопату. Свою шинель он тоже снял и укрыл ею спящую девушку.

Когда пришли бригады, они успели отрыть примерно около полутора метров рва. Оставалось около десяти метров.

Бригады в этот день сократились еще на треть.

На западе в стороне Десны в это утро загрохотало по всему горизонту. Иногда вспыхивало и подолгу трепетало над лесом зарево.

Лейтенант и Порфирий Фомич ушли. Старый боец забрал свою шинель, а лейтенант будить Катю не стал.

Девушки издали наблюдали за ним и завидовали Кате.

Дядя Игнат пробежал со своим «костылем» вдоль перемычки, отмеченной двумя рядами белых колышков, и сказал:

– Похоже что началось.

Женщины вначале не поняли его, ожидая, что он скажет, сколько метров осталось им копать.

– Слышите? – Дядя Игнат указал пальцем на запад, где непрерывно гудела канонада, и палец его дрожал. – Бьются. Германец на прорыв пошел. Спешить нам надобно, девоньки мои милые. Давайте, давайте. – И сам взялся за лопату.

Его родная деревня Трусовка была за рвом. Сестра жила в соседнем Воронцове. Воронцово в километре за небольшим перелеском и полем. Тоже за рвом. За речкой Десёнкой от Воронцова в деревне Полянке жил сын со снохой и тремя детьми, внуками Игната. Сын еще в июле ушел на фронт. Теперь тоже где-то воевал. Может, там, под Рославлем и лежит сейчас в окопе, подумал дядя Игнат. Он налегал на лопату, твердо веря в то, что, если он со своими женскими бригадами успеет перекопать перемычку, то германец в их деревни точно не пройдет.

Вскоре на дороге запылили грузовики. Один за другим они подъезжали к складу и тут же, быстро загрузившись, уезжали в сторону деревни Суборово.

К полудню верхами на взмыленных лошадях прибыли двое военных интендантов и приказали срочно сворачивать работы и

уходить. Дядя Игнат потребовал у военных документы. Документы оказались в порядке.

– Давайте, товарищи женщины, быстро эвакуируйтесь. На станции вас уже ждет состав. А здесь сегодня, возможно, будет бой.

– Что, – спросил дядя Игнат, – на Десне не удержались?

Дорогу приказано было оставить для проезда автотранспорта в сторону Кирова и станции Занозной.

«Значит, бегут наши, – подумал дядя Игнат, – вот и понадобилась им теперь эта дорога».

Бригады быстро очистили ров, и через несколько минут белые косынки уже мелькали в березняке в сторону Воронцова, Трусовки и Полянки, где квартировали калужанки. Катя Лукина с подругами осталась.

– Дядя Игнат, наша комсомольская группа приняла решение остаться и продолжать работы, несмотря…

Дядя Игнат замахал руками:

– Уходите, девоньки, бегите, пока можно.

– Но ведь ров не закончен, – попыталась было возразить Катя.

– Командование вон приказало дорогу оставить. – И дядя Игнат кивнул на верховых, которые поехали в сторону артиллерийского склада. – Вроде оборона тут будет. Бой. Так что уходите.

На правом берегу речки Десёнки от Семирёва на Киров параллельно этому шел другой большак. Там они еще на прошлой неделе выкопали траншеи и окопы. Тоже приезжали лейтенанты с инженерными петлицами, сделали трассировку, расставили колышки и уехали.

Только уехали верховые, на дороге от Суборова показались две запряжки с артиллерийскими передками и небольшими приземистыми пушчонками со скошенными щитами. С передка соскочил чернявый младший лейтенант и распорядился: туда ставить первое орудие, туда второе.

Дядя Игнат, наблюдая за суетой артиллерийских расчетов, покачал головой: и этими пукалками они хотят остановить германские танки?..

– Вы руководитель работ? – подскочил чернявый.

– Точно так, товарищ командир. – И дядя Игнат поднес к козырьку кепки-восьмиклинки дрожащую ладонь, сложенную ковшиком.

– По карте… – Младший лейтенант замялся, глядя по сторонам. – Я имею сведения, что где-то в этом районе должен находиться артиллерийский склад.

– Точно так. Склад имеется. Вон там, между речкой и дорогой

в лесочке. Да я вас сейчас провожу.

«Они еще и без зарядов сюда прибыли», – подумал старый солдат, еще в шестнадцатом году дравшийся с немцами под Августовом. Ну да, пожарные всегда на пожар приезжают с пустой бочкой…

И только он это подумал, как за Оболонкой над лесом появились несколько черных точек. Точки приближались с каждым мгновением. Послышался рев моторов. Рев нарастал, приближался. Точки распластались по одной линии, и у них начали отрастать крылья.

– Воздух! – закричал младший лейтенант и кинулся назад, к орудиям.

Одну пушчонку артиллеристы успели закатить в низину, в заросли орешника. Лошадей отогнали в лес. А другую налет застал на лугу. Расчет растерялся, заметался по луговине. Одна из лошадей споткнулась, остальные понесли. Орудие опрокинулось. Испуганные лошади встали. Ездовые то принимались хлестать их кнутьями, то хватались за повода.

Дядя Игнат успел заметить, как в ров успела спрыгнуть стайка девушек, которых он ни в какую не мог спровадить в деревню. «Вот не послушались, козиное семя», – в сердцах подумал он и сунулся в придорожный кювет.

Самолетов было много, около десяти или больше. Вначале они накинулись на колонну грузовиков, сгрудившихся у места через Оболонку. Потом часть отделилась и ушла в сторону Суборова. Оставшиеся выстроились в круг и кидались то на артиллерийский склад, то на одинокую пушку. Пушку вскоре разнесло вместе с лошадьми и расчетом. Артиллерийский склад тоже накрыло гарью и пылью. Там что-то горело.

После, когда самолеты улетели, выяснилось, что ни одна бомба в штабеля артиллерийских снарядов не попала. Порфирий Фомич возле искореженной зенитки поджег несколько автомобильных покрышек, обложив их снопами льна. Резина загорелась, задымила, накрывая непроницаемым черным дымом склад. Немецкие летчики, по всей вероятности имея точные разведданные о расположении склада, решили, что цель накрыта, и улетели.

Трое бойцов из охраны склада погибли. Погиб и весь артиллерийский расчет противотанковой пушки вместе с младшим лейтенантом.

Второй расчет уже ставил станины на передок, когда пришел лейтенант.

– Вы куда? Какой у вас приказ?

– Взводный убит. Наш наводчик тоже убит, – сказал сержант-

артиллерист, командовавший расчетом. – Да и снарядов у нас всего шесть штук, и те осколочные и шрапнель.

– Снаряды есть на складе. За наводчика могу я. Устанавливайте орудие вон там. Отройте окопы. Орудие осадите как можно ниже. Это – приказ. Выполняйте.

Так прошел день. Наступила ночь. Дядя Игнат и девушки ушли в деревню.

Всю ночь по большаку через Воронцово к фронту шли войска, тянулись обозы гужевого транспорта. На рассвете поток на какое-то время поредел, замер, а потом вдруг пошел в обратную сторону. Теперь по большаку тянулась бесконечная вереница беженцев.

– Народ пошел, – предчувствуя самое худшее, сказал дядя Игнат, глядя на пестрый поток, наводнявший большак; поток тот двигался в одном направлении, заполняя дорогу от кювета до кювета.

Несколько раз налетали немецкие самолеты, на бреющем стреляли из пулеметов. Мертвых складывали во рву. Закапывать их времени не было. Вечером убитых закопали батарейцы.

Дядя Игнат по нескольку раз на дню, бросая свои дела, приходил ко рву, обходил его с той и с другой стороны, останавливался у перемычки, похожей на земляной мост, и, глядя на запад, думал, хорошо это, что они не успели перекопать дорогу, или плохо. С одной стороны – хорошо: дорогой можно пользоваться, Полянский большак за Десёнкой тоже забит; а с другой – вот-вот могут появиться немцы.

Они появились следующим утром, когда дядя Игнат вместе с Катей пришли к своему рву.

Катя осталась в Воронцове, решив подождать еще сутки. Ее подруги ночью ушли на станцию и теперь, должно быть, ехали на поезде в сторону Калуги, домой. Что заставило Катю бросить подруг и остаться в деревне, она и сама толком не понимала. Хотелось подольше побыть рядом с Ваней. Каждую ночь она выходила в поле, зная, что он уже ждет ее там. В поле у дороги между Трусовкой и Воронцовом рос огромный вяз. Вот под тем старым вязом они и проводили все ночи напролет.

Склад артиллерийских снарядов таял на глазах. Ночью полуторки и ЗиСы вывезли ящики с гаубичными зарядами. Остался штабель 37-мм и 76-мм снарядов.

Утром, чуть только рассвело, в стороне Десны вдруг затихло. Канонада и зарево полыхали всю ночь. А тут вдруг и пожары прекратились.

Катя и лейтенант увидели дядю Игната, идущего по дороге в сторону рва.

– Вы куда, дядя Игнат? – спросил его лейтенант.

Тот остановился. И сказал:

– Девчонку бы надо в деревню отправить. Пошли, лейтенант.

Через некоторое время в стороне Суборова, за речкой Оболонкой, поднялась стрельба. Резко бахали наши винтовки, часто стучал немецкий пулемет. Потом затихло.

Лейтенант еще с вечера приказал своим бойцам перенести оставшиеся ящики со снарядами в лес и закопать их в землю. Теперь они сидели в окопах рядом с сорокапяткой и всматривались в утренний туман, застилавший переезд за рвом. Вскоре там послышался стукоток мотора. На пригорок выскочил мотоцикл с коляской. Не доезжая до рва, развернулся. В коляске завозился человек. Все поняли – пулеметчик. Второй мотоцикл проскочил вперед. Он доехал до рва, миновал перемычку, резко развернулся и умчался за переезд. Вслед за ним двинулся и первый мотоцикл.

– Разведка.

Через несколько минут за переездом загудели моторы.

– Давай! Быстро! – скомандовал лейтенант своим бойцам.

Те подхватили два деревянных ящика и побежали к большаку.

– Это ты правильно придумал, – похвалил лейтенанта дядя Игнат. – Мины – дело толковое.

Колонна двигалась медленно, словно чувствуя, что ее гусеницы подминают чужую землю. Чужая земля – потемки.

Бойцы вернулись, доложили, что дело сделано. Оставалось терпеливо ждать.

Орудие было установлено совсем близко от перемычки. Лейтенант сосчитал это расстояние – сто двадцать четыре шага.

Впереди шел танк. Поблескивали траки его грохочущих гусениц, из распахнутого люка приплюснутой башни высовывалась фигура танкиста. Черная куртка с нашивками, такая же черная пилотка. Танкист поднял руку, что-то крикнул вниз, видимо отдавая приказ механику-водителю, и танк, качнувшись, остановился. Остановилась и вся колонна, головой уже вылезшая в поле.

Вперед снова выскочили два мотоцикла.

– Эх, мать честная! – выругался дядя Игнат.

Но мотоциклы благополучно миновали переезд. И Порфирий Фомич, отвечавший за установку мин, засомневался, гожие ли взрыватели им попались.

Мотоциклы понеслись в сторону Воронцова. А передовой танк снова рыкнул мотором, выбросив над кормой облако сизого дыма, и, качнувшись, двинулся к перемычке.

– Бери в прицел второго, – шепнул дядя Игнат лейтенанту, сгорбившемуся у панорамы прицела.

– Знаю. Поднесите снаряды поближе.

Взрыв был такой мощности, что танк буквально развалился на части. Сработали сразу две мины и боекомплект.

Одновременно дернулась всем своим корпусом сорокапятка, и шипящая трасса ушла низко над полем, над снопами льна и брызгами рассыпалась на лобовой броне второго танка. Тот тоже задымил. Вторая трасса влипла в его броню почти рядом.

– Давай осколочные! – командовал лейтенант.

Через два часа немецкая колонна уже шла по большаку через Воронцово на село Закрутое и дальше на Киров.

Позиция одиночного противотанкового орудия дымилась воронками. Из земли торчали искореженные взрывами авиабомб станины сорокапятки.

Немцы вошли в Воронцово. Одна из частей остановилась на постой. Офицер приказал местным жителям закопать убитых в поле красноармейцев. Своих убитых они привезли на танке и закопали под липой у дороги. На церемонию похорон собрали и жителей деревни. Офицер, немного знавший по-русски, сказал, что после того, как германская армия успешно завершит свой поход на Восток, эта деревня и окрестные селения и земли будут принадлежать семьям этих солдат.

Катя тоже пошла хоронить убитых красноармейцев. Она почти бежала, все еще не веря, что ее Ваня погиб.

Когда откопали опрокинутое орудие, под щитом нашли еще одного. Он оказался живым. И это был Иван.

Женщины перенесли его вначале в лес, а потом, когда стемнело, в деревню.

Зимой над Воронцовом пролетел самолет с красными звездами и разбросал листовки. Из них жители узнали, что под Москвой немцу сильно досталось и теперь он отступает, бросая технику и своих раненых. В январе Катя и Иван ушли в лес к партизанам.

В 60-х годах в селе Закрутом поставили памятник погибшим. В братскую могилу начали со всего сельского совета свозить останки бойцов и командиров, павших здесь в 41 – м и 43-м годах. Приехали родственники тех, кто был известен и кого смогли отыскать. Среди гостей была пожилая пара: мужчина с орденскими планками на пиджаке и женщина примерно тех же лет. Мужчина сказал, что знает, где похоронены его боевые товарищи, с которыми он здесь в октябре 41-го держал оборону в устье речки Оболонки.

Часть рва, там, где было колхозное поле, после войны

засыпали, и на нем росла пшеница. Но другая часть, от перемычки уходящая к речке Десёнке, осталась. Мужчина отсчитал от нее сто двадцать четыре шага и сказал:

– Копайте здесь.

Через полметра лопата звякнула о каску…

Глава 3 День «Т»

«Противник на всем фронте армии открыл ураганный огонь…»

Ранним утром 2 октября. – Упорные бои на Десне, Шуйце и Снопоти. – Сводки первых дней октября. – Успешные действия нашей авиации или невладение реальной обстановкой. – Генерал Собенников пытается маневрировать вторыми эшелонами. – Отход. – Бои остатками дивизий на реках Снопоть и Шуйца. – Контрудар, который не состоялся. – Гибель полков. – Армия теряет управление. – Взвод лейтенанта Крупенникова. – 17-я стрелковая дивизия на рубеже у Латышей и Ковалевки

Ранним утром 2 октября 1941 года начальник штаба Резервного фронта генерал-майор Анисов докладывал в Ставку:

«<…>

5. 43 А.

Войска армии продолжают оборонять прежний рубеж по р. ДЕСНА и ведут бой с противником, перешедшим в наступление на правом фланге и в центре армии. Противник в 6.15 2.10.41 на всем фронте армии открыл ураганный огонь и в 6.30 перешел в наступление.

222 сд. Положение частей без изменений. В течение ночи противник активности не проявлял. В 6.15 2.10.41 открыл артиллерийский и минометный огонь и в 6.30 перешел в наступление силой до батальона пехоты с танками в районе НОВОСЕЛЬЦЫ.

211 сд. В 21.00 1.10.41 противник силою до двух взводов пехоты с двумя танками при поддержке минометов оттеснил БО и занял клх. БОГДАНОВСКИЙ. В 6.15 противник форсировал р. ДЕСНА и на левом фланге дивизии занял СЕРЕБРЯНКА, КУКУЕВКА. Бой продолжается.

53 сд. Положение частей без изменений. В 2.30 в районе ДУБРОВКА противник пытался переправить мелкие группы пехоты, но огнем нашей артиллерии был отброшен.

145 тбр ведет бой совместно с частями 222 сд в районе НАТАЛЬИНО, уничтожила 4 ПТ орудия, один мотоцикл и два минометных расчета противника» [15] .

О своих потерях никаких сообщений нет. Из вечерней сводки того же дня:

«43 А.

Войска армии с утра 2.10.41 под натиском противника силою не менее семи пд, одной тд и одной мд оставили вост. берег р. ДЕСНА и к 17.00 2.10.41 вели бой на рубеже:

222 сд – ПЕРЕДЕЛЬНИКИ, НОВОСПАССКОЕ, лес вост. МАТВЕЕВКА, ВЕТРОВКА, ЧЕБОТАРЕВКА. Перед фронтом дивизии части 292, 268 и 15 пд противника.

211 сд – ведет бой на рубеже: (иск.) ЧЕБОТАРЕВКА, ЛЕЖНЕВКА, НОВ. СОЛОЖА, НОВ. ЛЕЖНЕВКА, САБЕЕВО, ПОПОВКА. Перед фронтом дивизии части 267, 123 пд противника, развивающие удар в направлении НОВ. ГАВРИЛОВКА, ЗАБОЛОТБЕ. В результате контратак вторых эшелонов дальнейшее продвижение противника остановлено.

53 сд – вела бой с противником на рубеже СТАР. ПРИСМАРА, НОВ. ПРИСМАРА, СЫРОКОРЕНБЕ, ДЕНИСОВКА, ДМИТРОВКА, ЧЕРЕПЫ, НОВОГОРОДЧИНО. Перед фронтом дивизии 197, 252 пд и тд противника.

В 17.00 до 40 танков противника двумя колоннами прорвались ОСИНОВКА 1-я, ЗАБУДСКАЯ.

145 тбр ведет бой совместно с 222 сд в р-не НОВО-СЕЛБЦЫ.

148 тбр сосредоточилась в р-не ГУРЯТЫ, КРУТОЙ ХОЛМ, ПАНЯТА и готовится для контратаки совместно с 149 сд в направлении ДАНИЛОВИЧИ.

149 сд – в прежнем р-не и готовится к контратаке в направлении ДАНИЛОВИЧИ. До 45 самолетов противника бомбили р-н расположения дивизии в момент выхода ее в контратаку.

113 сд – в прежнем р-не. Один полк этой дивизии выводится в р-н СУБОРОВО, ОТНОСОК, МОИСЕЕВСКИЙ. Пехота пр-ка силою до батальона… овладела КРАСНАЯ ЗВЕЗДА. Данные уточняются» [16] .

Судя по донесениям штаба Резервного фронта, в эти дни довольно успешно действовала фронтовая авиация. Правда, переломить ход событий она все же не смогла. Либо в донесениях содержалась не вся правда. Резервным фронтом в это время командовал маршал С.М. Буденный. В конце концов он потерял связь с армиями, и дело под Москвой на центральном участке обороны едва не закончилось полной катастрофой.

В том же донесении: «Произведено 33 самолетовылета. Уничтожен один аэростат-корректировщик и в воздушном бою сбито пять самолетов пр-ка. Наших потерь нет» [17] .

Генерал Собенников, еще надеясь на глубину своей обороны и на то, что в тылу у него стоят дивизии 33-й армии, маневрировал своими вторыми эшелонами и пытался сдержать натиск немцев. Но сорок танков севернее шоссе в районе Сырокоренье и Осиновки – это уже крупная группировка, которую пехотой не удержишь. Армия пятилась вдоль Варшавского шоссе к Крапивне и Кузьминичам. Тогда, в 41-м, это была Смоленщина.

Теперь – граница Смоленской и Калужской областей.

В архиве Министерства обороны сохранились донесения штаба Резервного фронта. Давайте посмотрим, что нам поведают документы.

Из оперативной сводки № 135 на 6.00 3 октября 1941 года:

«Штаб Резервного фронта.

г. Гжатск. 9.00 3.10.41.

Карта 100 000 и 50 000.

1. На правом крыле Резервного фронта войска в течение ночи на 3.10.41 продолжали смену частей 49 А. На левом крыле фронта войска 24 и 43 А ведут упорные бои с противником, прорвавшимся вдоль шоссе РОСЛАВЛЬ– МОСКВА. <…>

3. 49 Армия.

Войска армии продолжают сосредоточиваться в районах станций погрузки. 194 сд – к5.00 3.10.41 отправлено со станции СЕМЛЁВО три эшелона. <…>

6. 43 Армия.

Войска армии в течение ночи вели бой с частями противника, производили частичную перегруппировку и готовились с утра 3.10.41 для нанесения контрудара по прорвавшемуся противнику.

222 сд – изменений в положении частей не произошло.

211 сд – ее 896 и 887 сп под натиском противника отошли в район ИВАНОВКА, ВЕДЕРНИКИ, ГОРБОЧЕВКА, ЗАБОЛОТЬЕ. 194 сп, предположительно, в районе НОВ. ДАНИЛОВКА, лес юго-вост. ВОРОБЬЕВКА. Противник за ночь вышел на рубеж ЖАРНА, БЛАГО ДАТНАЯ, ЗАГУДАЕВКА, ВЕТИТНОЕ, х-ра НИКОЛЬСКИЕ.

53 сд – с утра 3.10.41 два полка дивизии начали отход с рубежа СТАР. ПРИСМАРА, ПОКРОВСКОЕ на рубеж СВИРИДОВКА, СЕРГЕЕВКА. О местонахождении третьего полка дивизии сведений нет.

Штадив – ВЫГОРЬ.

149 сд – не выполнив задачи, отошла в район ГАРЬ, ПАРИЖ, роща севернее и восточнее ПАРИЖ. Причины выясняются.

148 тбр сосредоточилась в районе КРАПИВНА, ДУДАРЬ.

113 сд двумя полками на прежнем рубеже. Один полк к 22.00 2.10.41 выдвигается в район СУБОРОВО, его местонахождение выясняется.

145 тбр сосредоточилась в лесу юго-вост. ВОРОБЬЕВКА.

7. 33 Армия.

Части армии приведены в боевую готовность и ведут боевую разведку. Противник в течение всего 2.10.41 вел активную авиаразведку расположения армии.

На участке 173 сд в районе ХАТОЖКА к 20.00 2.10.41

обнаружено появление танковой разведки противника в количестве пяти танков. Встреченные истребителями танков дивизии, танки противника отошли на запад. В
18.00 2.10.41 КП дивизии подвергся бомбежке авиацией противника. Результаты уточняются» [18] .

Из оперсводки можно понять следующее. 43-я армия дерется по всему своему фронту. Противник превосходит. Удержать его невозможно. Части правофланговой 49-й армии продолжают грузиться для переброски на юг, в район Харькова. Но до места назначения эшелоны не дойдут. Многие будут разбиты и уничтожены вместе с личным составом и вооружением в пути. Другие выгрузятся по пути следования в разных местах, где их застанет немецкое наступление. К примеру, упомянутая в донесении 194-я стрелковая дивизия окажется разорванной на три части и тремя разрозненными группами вступит в бой. К середине октября одна группа будет драться за Калугу, другая за Серпухов, третья отойдет к Туле и встанет насмерть на тульском рубеже [19] .

Очень пассивно в этих обстоятельствах ведет себя 33-я армия, занимающая позиции во втором эшелоне за 43-й армией. Чего стоит только донесение о том, как отбита «танковая разведка противника». В сущности, разведка и не атаковала. Она появилась. К сожалению, истребители танков не смогли подбить ни одной машины, чтобы захватить пленных и выяснить, что же за части бродят по дорогам в тылу у дивизий первого эшелона.

33-й армией в эти дни командовал комбриг Д.П. Онуприенко. Документы, с которыми мы ознакомимся буквально на следующих страницах, к сожалению, засвидетельствуют полную несостоятельность комбрига как военачальника уровня командующего армией. Работники НКВД оказались слабыми полководцами. Д.П. Онуприенко был ставленником и протеже Лаврентия Берии. Из-под Рославля комбриг попросту бежал, бросив войска и своих солдат [20] .

Вот о чем свидетельствует боевое донесение штарма 43, которое было составлено к 16.00 3 октября 1941 года и по радиосвязи переправлено в штаб Резервного фронта тогдашнему комфронта маршалу С.М. Буденному:

«ЛЮБУНЬ. 16.00 3.10.41.

Карта 100 000.

К 15.00 3.10.41 г. 43 Арм. занимает следующее положение.

1. 222 сд ведет бой фронтом на ю.-з. на рубеже БОЛОВЕЦ, МУТИЩЕ, ПЕТУХОВКА, БАРСУКИ.

757 стр. полк в лесу ю.-з. МУТИЩЕ.

На фронте дивизии действуют сильно потрепанная 268 пд, 15

и 292 пд.

Связь с 222 стр. див. только по радио.

2. 211 див. своими всеми полками численностью каждый до 150 человек ведет бой восточн. ВОРОБЬЕВКА. Пространство от ЗАБОЛОТЬЕ до КОТЛИНО никем не занимается. На фронте дивизии действуют 267 пд и часть 23 пд, усиленные танками до батальона. Противник развивает удар в направлении ВОРОБЬЕВКА, ХОЛМ, ЗУБОВО. К 14.45 ЗУБОВО, БАБИЧИ заняты противником силою до двух пп с небольшим количеством танков. По непроверенным данным, НОВ. БЕРЕЗОВКА занята невыясненными частями. ХУТ. ПАВЕЕВА ГОРА до 300 мотоциклистов.

Связь с 211 див. только по радио.

3. 53 див., понесшая большие потери, отходит на рубеж КРАПИВНА, а в дальнейшем на р. ШУЙЦА сев. УТЕШКОВО, СУБАРОВКА. Отходящие подразделения находятся под воздействием танков и авиации противника. На фронте див. действуют 23, 197 и 52 пд не менее 2-х мотодивизий и отдельный 17-й мотомехполк, который, по показаниям пленных, 27.9.41 выступил из г. МИНСКА. Противник, развивая удар вдоль МОСКОВСКОГО шоссе и в направлении ДУЛЕВО, ТЕРЕБИВЛЯ, СУБОРОВО, ЛАТЫШИ, стремится выйти в тыл 43 армии.

Небольшая мотомехгруппа противника в 7.33 3.10.41 достигла ЛАТЫШИ и мотоциклетная группа – ст. ФЕЛИКСОВО.

Связь с 53 див. радио и делегатами.

4. 149 сд и 148 тбр не удалось нанести контрудар в направлении ЗАБУТСКАЯ, НОВАЯ, так как противник активно действовал в течение всей ночи. 148 тбр вела бой с танками и мотопехотой противника на р. ШУЙЦА и участке ГАРЬ, ДУДАРЬ. 744 стр. полк после боя на р. ШУЙЦА совместно со 148 тбр под ее прикрытием отошел на р. СНОПОТЬ, на участок КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО. Батальон 568 стр. полка вел бой на рубеже КАШИРИНО и под ударами танков и мотопехоты отходил на ЖЕРЕЛЁВО, где находятся остальные два батальона. 568 полк – сведения не получены. 479 стр. полк на вост. берегу р. СНОПОТЬ в р-не ПОЧИНОК, ЧЕРЁХЛЯ. Штаб 149 сд в лесу у ЛУГОВАЯ БУДА. Противник развивает удар вдоль шоссе силою до 100 танков и мотопехотой. Связь с див. только по радио и делегатами.

5. 113 див. Ее один полк занимал рубеж по р. ШУЙЦА на фронте ГАРЬ, СЕРГЕЕВКА, находясь под ударом танков противника в направлении КАШИРИНО, БОРОВЕНКА, отошел на р. СНОПОТЬ. 1290 стр. полк удерживал рубеж по р. ШУЙЦА на участке КОЗЛОВКА 1-я, ЯСНАЯ ПОЛЯНА. Полк атакован силою до 70-ти танков с мотопехотой в направлении ЯМНОЕ,

ГРИГОРЬЕВКА. По докладу нач. штаба 113 див., полк удерживает рубеж по р. СНОПОТЬ. <Начало предложения неразборчиво> полк, которому ставилась задача занять р-н БАРСУКИ, ВОСКРЕСЕНСК, ЧИПЛЯЕВКА, не вышел в этот р-н, а вел бой с мотомехчастями противника на рубеже ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, МАМИЧЕВ УГОЛ, СЕМИРЁВО. Сведения о положении полка к 15.00 3.10.41 не получены.

6. Противник систематически воздействует на части армии авиацией, группами по 6–8 самолетов, всего на фронте 43 армии действует до 120 бомбардировщиков и истребителей противника.

7. По данным начальника штаба 33 арм., танки и мотопехота прорвались на КИРОВ. К КП 33 армии ГАЙДУКИ подходят танки. Идет бой.

СОБЕННИКОВ. ЯКОВЛЕВ. ЗУЕВ» [21] .

День 3 октября был одним из тяжелейших для 43-й армии. Генерал Собенников провел его на НП командира 149-й стрелковой дивизии. Несколько часов назад он отдал приказ контратаковать противника встречным ударом танковой группы при поддержке пехоты. Но немецкие пикирующие бомбардировщики расстроили порядки еще на исходных. Часть танков была выведена из строя. Батальоны разбежались по лесу. Слишком угнетающе действовал на бойцов армии явный перевес сил противника. Вместе с офицерами своего штаба командарм собирал по лесам и на дорогах бегущих бойцов, возвращал в строй, на позиции, организовывал противотанковую оборону. На основные пути отхода он выслал группы из числа офицеров штаба, работников политотдела и сотрудников особого отдела. Эти чрезвычайные меры на какое-то время вновь сплотили остатки армии и задержали врага на несколько часов. Но вскоре прорыв наметился на другом участке, на третьем и четвертом… Ограниченные силы армии не могли сдержать натиска значительно превосходящих сил противника.

В донесении штарма 43 четко прослеживается соотношение сил, которого противник достиг к началу операции «Тайфун»: немцы превосходили наши войска в живой силе примерно в три раза. Точная цифра появилась позже, когда офицера Генштаба произвели подробный разбор событий, хронологически охватывающих период битвы за Москву: сентябрь 1941-го – апрель 1942 года. А тогда, в первых числах октября, красноармейцы просто не могли поднять головы. Море огня. Противник был везде, и сила его ударов нарастала с каждой новой атакой. Из оперсводки генерала Собенникова следует: перед фронтом 222-й сд стояли части немецких 268, 15 и 292-й дивизий, то есть, по сути дела, силы корпуса, да еще усиленные

танками. Конечно, дивизии в дело были введены не полным составом, но если даже предположить, что от каждой во время очередной атаки участвовал полк, а во втором эшелоне стоял еще полк, задачей которого было, как правило, развитие удара, то выдержать такой натиск стрелковой дивизии было тяжело. К тому же в воздухе постоянно висели самолеты люфтваффе.

Местные жители рассказывают, что наших войск в обороне по Десне и Снопоти стояло много, но немцы не атаковали напропалую, на заранее обустроенную и укрепленную оборону, а сперва основательно обрабатывали позиции советских войск с воздуха, потом подключалась артиллерия и минометы, а уже после такой штурмовки, когда зачастую от дзотов и блиндажей не оставалось камня на камне, а бревна на бревне, шли танки и пехота. И немецкие пехотинцы занимались только тем, что вытаскивали из окопов обезумевших, контуженых и раненых красноармейцев и сгоняли их к дорогам, чтобы отправить потом колоннами на восток. Так для многих наших бойцов и командиров начинался немецкий плен, и выжили в концлагерях лишь единицы.

Из оперативной сводки № 136 штаба фронта, подготовленной, по всей вероятности, на основании приведенной выше оперсводки штарма 43, на 18.00 3 октября 1941 года:

«43 Армия.

С утра 3.10.41 пр-к возобновил наступление на всем фронте армии. Войска армии, ведя упорные бои с пр-ком, отходят на новый оборонительный рубеж.

222 сд к 15.00 под натиском пр-ка отошла на сев. – вост. и ведет бой на рубеже БОЛНОВЕЦ, МУТИЩЕ, ПЕТУХОВКА фронтом на юго-запад. Перед фронтом дивизии наступает 15, 292, 268 пд пр-ка. К 14.30 до 2-х пп пр-ка с двумя ротами танков прорвались в район ЗУБОВО, БАБИЧИ.

211 сд тремя полками численностью до 150 человек каждый в течение дня с боями отходила в направлении НОВ. БЕРЕЗОВКА. В 15.00 3.10.41 дивизия вела бой в районе НОВО-АНДРЕЕВСКАЯ, ГАРНЕЧЕНБЕ. По фронту дивизии наступает 267 пд и части 23 пд с батальоном танков. По данным, требующим проверки, к

15.00 НОВО-БЕРЕЗОВКА занята пр-ком неустановленной силы. Хутора ПОВЕЕВА ГОРА до 300 мотоциклистов.

53 сд, оказывая сопротивление наступающему пр-ку, отошла на вост. берег р. ШУЙЦА и занимает 2 полк, участок УТЁШКОВО, (иск.) ВАРНАКИ. 475 сп – участок ВАРНАКИ, ГАРЬ. 223 сп сосредоточен в районе ВЫГОРЬ. Боевой состав каждого полка не превышает

150 человек в каждом. Пр-к продолжает развивать

наступление, нанося главный удар вдоль Варшавского шоссе в направлении ДУДЕВО, СУБОРОВО, ЛАТЫШИ.

149 сд. После боя на р. ШУЙЦА части див. отошли на р. СНОПОТЬ и занимают: 744 полк участок КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО. Батальон 568 сп – ЖЕРЕЛЁ-ВО. Местонахождение двух остальных батальонов 568 сп не установлено. 479 полк сосредоточен в районе ПОЧИНОК, ЧЕРЁХЛЯ.

Штаб дивизии ЛУГОВАЯ БУДА.

113 сд. В течение дня вела бой с пр-ком на р. ШУЙЦА на участке 1-я КОЗЛОВКА, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, имея перед собой до 70 танков с мотопехотой, атакующих в направлении ЯМНОЕ, ГРИГОРЬЕВКА. 1292 полк в течение дня ведет бой с мотомехчастями пр-ка на рубеже ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, МАМИЧЕВ УГОЛ, СЕМИРЁВО.

145 тбр, действуя совместно с 211 сд, к 15.00 вышла лес юго-вост. ВОРОБЬЁВКА, ГАРНЕЧЕНЬЕ.

148 тбр в течение дня вела бой с мотопехотой пр-ка на фронте ГАРЬ, ДУДАРЬ.

33 Армия.

Войска армии в течение дня находились в боевой готовности на прежних рубежах обороны и к исходу 2.10.41 части имеют соприкосновение с пр-ком на отдельных участках фронта.

17 сд, по данным, требующим проверки, в 12.30 3.10.41 до 12-ти танков пр-ка прорвались на аэродром у МАМОНОВО. В это же время пр-к выбросил авиадесант неустановленной численности в районе ОСТРАЯ СЛОБОДА. Около 18.00 3.10.41 к ГАЙДУКИ подходили танки пр-ка неустановленной численности.
173 сд. На участке див. между 12.00 и 12.30 до двух рот мотопехоты, 200 мотоциклистов и 30 бронемашин вышли в район ПОГРЕБКИ, имея впереди район БОЛ. САВКИ. Три-четыре танка позади у ДРАКОВКА, группу мотоциклистов и 3–4 танка в районе ИВАШКОВИЧИ. Разведрота 173 сд вела бой с взводом пехоты пр-ка. По данным, требующим проверки, около 18.00 3.10.41 пр-к неустановленной численности прорвался к КИРОВ. Сведения проверяются».

Как видно из оперсводки, все, что происходит в расположении 33-й армии и перед ее фронтом, не имеет определенности, все *требует проверки* и т. д. Исследователи истории 33-й армии и ее действий периода боев в районе Варшавского шоссе утверждают, например, что никакого немецкого десанта и никаких немецких танков

3 октября в районе Гайдуков не было и не могло быть. Дело в том, что в Гайдуках находился штаб 33-й армии, и командующему армией комбригу Онуприенко в тот жаркий

момент просто необходим был повод для, если так можно выразиться, перенесения своего штаба на восток. Так он 3 октября и переносил его и, возможно, перенес бы восточнее Москвы, если бы в десятых числах октября его не остановил под Наро-Фоминском генерал армии Г.К. Жуков, назначенный на должность командующего войсками Западного фронта, в состав которого были включены и армии упраздненного Резервного фронта.

43-ю за неполные двое суток боев так отделали, что в ее полках уже едва насчитывалось по 150 штыков. Да и тех, по всей вероятности, не было. Оперсводка явно приукрашивала действительную картину.

Армию генерала Собенникова, оказавшуюся на пути ударной группировки Гёпнера, немцы буквально рвали на куски. И тем удивительней, что наши растерзанные полки все же находили силы для маневра, отходили на новые рубежи и встречали противника огнем.

Оперативные сводки свидетельствуют о том, что в эти дни постоянно терялась связь с батальонами, полками. С многими из них связь так и не была восстановлена. Потому что они исчезли. «Тайфун» их поглотил, распылил, втоптал гусеницами в жнивье здешних полей, зарыл в траншеях и индивидуальных стрелковых ячейках. Судьбы тысяч безвестных героев оказались навек погребенными в окопах и воронках по берегам Снопоти, Шуйцы и Десёнки. Трава забвения над ними шумит и по сей день.

В эти дни так же храбро и самоотверженно сражались некоторые дивизии и подразделения второго эшелона (33-я армия). Брошенные своим командующим, они вместе с отходящими частями 43-й армии занимали окопы у Варшавского шоссе, жгли немецкие танки, надсадным винтовочным огнем рассеивали цепи атакующей пехоты и даже контратаковали на отдельных направлениях. Ими командовали генералы, не бросившие свои войска, полковники, майоры, лейтенанты, старшины и сержанты.

О некоторых дивизиях и их остатках 33-й армии мы будем говорить более подробно. К примеру, о 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. Совсем скоро, выйдя из окружения и собрав на реке Протве в районе Угодского Завода уцелевших, она войдет в состав 43-й армии и будет отчаянно драться с противником на последних рубежах.

Из оперативной сводки № 137 штаба Резервного фронта на 6.00 4 октября 1941 года:

«1. Войска Резервного фронта продолжали упорные бои на участке 24 А и отражали попытки пр-ка углубиться в передний

край обороны. На участке 43 А части, оказывая слабое сопротивление, разрозненными группами отходили в восточном и северо-восточном направлениях.

43 А.

Противник, обойдя левый фланг армии, продолжает наступать вдоль шоссе РОСЛАВЛЬ – ЮХНОВ.

222 сд по приказу комфронта перешла в состав 24 А. Правая граница 43 А изменена и проходит СНОПОТЬ, ГАВРИЛОВКА, АНДРЕЕВСКОЕ, БОГДАНОВКА.

211 сд – штаб дивизии к 2.00 находился в АЛФЕРОВО. После этого времени связь с дивизией прервалась и была восстановлена к 7.00 4.10.41. К этому времени штадив прибыл ЛЮБУНЬ и сведений о месте нахождения полков не имел.

53 сд – остатки дивизий совместно со 148 тбр к утру

4.10.41 удерживали рубеж р. СНОПОТЬ на участке КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО.

149 сд – к 5.00 занимала р-н ОСОВКА, ЛЬВОВКА, ЛЕСКОВКА, имея задачей выдвинуться для обороны (иск.) СЕЛИЛОВО, СТРАМИЛОВКА по р. СНОПОТЬ. В 6.15 4.10.41 части дивизии были атакованы танками противника в направлении ЖЕЛНЫ, ПОДЛЕСНАЯ, ЛЕСКОВКА. Сведений о ходе боя и положении частей

149 сд не поступало.

113 сд – ее 1292 сп, оборонявший рубеж ДЕДОВО–ПЕТРОВИЧИ, СЕМИРЁВО, к исходу дня 3.10.41 был атакован во фланг танками и мотопехотой противника

и, понеся большие потери, был рассеян; 1290 сп – оборонявший свх. ЖЕРЕЛЁВО, ЖЕЛНЫ, в 6.15 4.10.41 был атакован танками противника и отошел в северном направлении.

145 тбр – выходит на ЛЮБУНЬ. В 3.00 4.10.41 прошла ПРЕЧИСТОЕ.

Штарм 43 в 8.00 переходит ПАРФЕНОВО. <…>

7. 33 А.

17 сд – положение дивизии без изменений. Противник, прорвавшийся утром 3.10.41 г. в р-н ЛАТЫШИ, контратакой 2-го эшелона был отброшен. Отряд, выделенный для ликвидации прорвавшейся группы танков в р-н МАМОНОВО, в 24.00 3.10.41 вел бой. Сведений о результатах боя не поступало» [22] .

В этом же донесении сведения о работе ВВС фронта. Советские самолеты в этот день бомбили шоссе в районе Екимовичей и Кузьминичей. Как отмечено в оперсводке, «в районе КУЗЬМИНИЧИ наблюдались сильные пожары, предположительно горели цистерны с горючим». Шоссе было забито колоннами техники, которая двигалась в сторону Юхнова

и Москвы вслед за танками авангарда. Для самолетов это было прекрасной целью.

24-я армия генерала Ракутина отражала атаки, вкладывая в них всю свою мощь. Командарм 24 не мог и предположить, что противник на этом участке лишь имитирует наступление с задачей сформировать внутренний фронт будущего котла. А котел формировали северное крыло «Тайфуна» и южное.

Южное, с танками генерала Гёпнера в авангарде, крушило оборону 43-й армии. Генералу Собенникову не повезло в первые дни немецкого наступления. Судьба же генерала Ракутина и его армии вскоре окажется куда горше.

43-я отступала. О плачевном состоянии ее частей свидетельствует, к примеру, факт прибытия в Любунь, где находился КП генерала Собенникова, штабной группы 211-й стрелковой дивизии.

211-й стрелковой дивизией командовал подполковник Матвей Степанович Батраков. В рославльской обороне дивизия занимала участок фронта протяженностью 16 км при численном составе 9653 человека. По нормативам фронт такой протяженности должен был оборонять корпус.

До сих пор бытует мнение, что немцы прорвались на Десне и хлынули на восток почти беспрепятственно. Документы свидетельствуют о несколько иной картине произошедшего здесь в октябре 41-го. Нет, немцы не шли здесь маршем. Их били на каждом километре. Вот почему в подмосковные поля группа армий «Центр» пришла не в той силе, какую она имела в начале октября.

Штаб 43-й армии во главе с его начальником полковником Ф.А. Зуевым оказался отрезанным от войск в момент, когда противник атаковал Спас-Деменск. Штабная группа отходила на север. Ее теснила ударная группа Гёпнера, которая в это время устремилась к Вязьме. 5 октября полковник Зуев уже не имел связи со штабами дивизий. Генерал Собенников с группой офицеров, не имея устойчивой связи с дивизиями и потеряв свой штаб, какое-то время находился в Любуни.

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта к 18.00 4 октября 1941 года:

«43 А.В полосе армии противник с утра 4.10.41 продолжает развивать удар мотомехчастями во фланг и тыл армии. Части армии ведут упорные бои с превосходящими силами противника.

211 сд своими остатками вела бой на р. СНОПОТЬ на участке НОВИКИ, БЕЛОРУСЬ. Данных о ее положении в настоящее время нет.

53 сд с танками 148 тбр вела бой на р. Снопоть на участке

КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО.

149 сд с частью 148 тбр вела бой в полуокружении в районе ОСОВКА, ПОДЛЕСНАЯ.

113 сд главными силами вела сдерживающие бои в районе ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, СЕМИРЁВО, ЖЕЛНЫ, отходя на север.

145 тбр в 8.40 выступила из ЛЮБУНЬ в направлении на СПАС-ДЕМЕНСК. В районе СПАС-ДЕМЕНСК сосредоточилась артиллерия 53 сд и два ап усиления.

Сведения по 43 А относятся к 4.00 4.10.41. С 14.00

4.10.41 связи со штармом нет.

7. 33 А.

17 сд с 876 ап ПТО продолжает занимать прежний рубеж обороны. 1316 сп ведет бой с противником силою до мпп. В результате боя днем 3.10.41 с противником, усиленным танками и поддерживаемым 10–12 самолетами, дивизией были оставлены КОВАЛЕВКА и ЛАТЫШИ, но контратакой к 20.00 3.10.41 положение было восстановлено. Полк продолжает бой, удерживая линию СТАР. БЛИЖЕВИЧИ, НОВОСЁЛКИ, КОВАЛЕВКА, ЛАТЫШИ.

Связь со штармом отсутствует.

8. ВВС Резервного фронта… уничтожали скопление мотомехчастей в районе КУЗЬМИНИЧИ, а также самолеты и склады с боеприпасами» [23] .

5 октября 1941 года фон Бок записал в своем дневнике: «Ездил в 7-ю (Габленц), 197-ю (Мейер-Рабинген) и 252-ю (Бем-Безинг) дивизии. Последняя, находящаяся в северо-восточном секторе 4-й армии, не встречает на своем пути почти никакого сопротивления. Левое крыло армии атакует в северном направлении через Угру. <…> Где бы я в этот день ни побывал, войска производили на меня прекрасное впечатление. Однако на шоссе Рославль – Москва творится нечто невообразимое. По этой широкой магистрали в четыре или в пять колонн с черепашьей скоростью, то и дело останавливаясь, ползет самый разнообразный транспорт, затрудняя подвоз необходимых для наступления грузов, в том числе горючего для танков».

Где в это время были наши самолеты?!

Дело в том, что некоторые аэродромы, к примеру в районе Юхнова, были уже атакованы или захвачены противником, его передовыми отрядами или десантом.

Это был разгром. Но общая катастрофа не умаляет поистине героических действий некоторых дивизий, полков, батальонов, рот, взводов и отдельных бойцов. Они совершали свои подвиги в хаосе распада фронтов, гибели армий, в сумятице частных перегруппировок, которые помогали выстоять еще сутки на своем рубеже, продержаться еще несколько часов.

Именно такой подвиг стойкости, храброго стояния на своем рубеже в эти дни показала 17-я стрелковая дивизия полковника П.С. Козлова. Рассказ о ней в следующей главе.

Из записок командира стрелкового взвода 17-й стрелковой дивизии лейтенанта Крупенникова

Однажды нас, всю роту, собрали в старом липовом парке неподалеку от позиций артиллеристов. Политрук зачитывал приказ. Это был знаменитый приказ № 270. Нас с этим приказом уже знакомили. Но теперь, перед решающими боями, начальство, видимо, решило напомнить нам еще раз, что «трусов и дезертиров надо уничтожать» и так далее. Приказ подействовал на нас сильно. Я наблюдал, как слушают его бойцы. Если уж генеральские семьи подлежали аресту, думали мы, то что будет с нашими…

Мы уже знали, что на Десне под Рославлем началось. Там все это время, пока мы отрывали окопы, гудело. К утру 3 октября все вдруг стихло. Петр Маркович, у которого в такие минуты вдруг просыпалось звериное чутье, посмотрел на меня ничего не выражающими глазами человека, обреченного на неминуемое, и сказал: «Прорвались. Надо готовиться, лейтенант».

К утру через наши порядки пошли колонны дивизии, которая стояла перед нами, – 5-й ополченческой. Она совсем недавно получила общевойсковой номер 113-й стрелковой.

«Видали, братцы, как их там клюнули», – наблюдали мои бойцы за колонной, растянувшейся по всему хутору. Коляденков убрал с бруствера свой пулемет, закурил и, прищурившись в сторону ходко идущих по пыльной дороге ополченцев, крикнул им нарочно громко: «Что-то скоро вы с покоса, мужики!» – «Заткнись, трепло! Сегодня, гляди, и вам будет!» – «Да нам что, не впервой!» – нервно засмеялся мой пулеметчик, уже иначе, зло посматривая на колонну, которая все шла и шла. «Вы, мужики, хоть бы гранаты оставили! Да табачок!» – не унимался мой пулеметчик.

Мои пулеметчики сидели на бруствере и разглядывали отходящих.

А я все пытался понять, что происходит. Что перед нами, обычный драп, каких мы уже навидались, или действительно запланированный отход?

После полудня, когда на дороге иссякли уже и мелкие группы отставших, появились мотоциклисты.

На колокольне сидели наши наблюдатели. Пулеметный взвод затащил туда один «максим». Петр Маркович тоже сидел наверху. Я ему приказал вести наблюдение. На всякий случай отдал снайперскую винтовку.

Пулеметчики с колокольни увидели мотоциклистов раньше, чем я в бинокль. Они дали несколько коротких и одну длинную очередь. Немцы ответили сразу из трех пулеметов, развернули мотоциклы и скрылись за ручьем. Все произошло мгновенно.

Прибежал ротный, заматерился на пулеметчиков. Что и говорить, рано они открыли огонь. Так что материл он их за дело. «Нервы у них не выдержали… Стрелки! – возмущался Коляденков. – Во мудилы! Надо было поближе подпустить!»

А немцы стреляли лучше. И у нас во взводе уже были потери. Убило москвича Горлова. Двоих ранило. Одного тяжело.

Бой мы начали неудачно.

По нашей дороге немцы больше не пошли. Подтянули артиллерию, минометы и начали методично обстреливать нашу оборону. Церковь им служила прекрасным ориентиром, поэтому их снаряды и мины ложились довольно точно. Сразу появились убитые и раненые.

А буквально через полчаса правее, за третьим взводом, заурчали моторы. Петр Маркович следил за бродом в прицел. Слышу, кричит: «Лейтенант! Танки!»

Мы услышали удары противотанковых орудий. Танки сразу остановились и начали отвечать. Одновременно усилила огонь наша артиллерия и сразу подавила наши истребительные батареи, на которые было столько надежд.

Много раз я потом наблюдал поединки танков и расчетов противотанковых орудий, поставленных на прямую наводку. Всегда у них – кто кого. Артиллеристы, как мне казалось, имели все же больше шансов выжить, а значит, победить. Но – при нескольких условиях. Первое: тщательная маскировка. Орудийный расчет на открытой позиции должен рассчитывать самое большое на два выстрела. Потому что третий, если танк не поражен, прилетит из его пушки. Второе: опыт наводчика. Если началась перестрелка, это, как правило, дуэль наводчиков. Кто лучше, расторопней, тот и останется живым. Третье: наличие запасных позиций. От хорошего наводчика маневр, наличие запасной позиции – это единственное спасение. Для хорошего расчета танк – любимая мишень. Но это пришло к нашим противотанковым расчетам потом.

Там, на хуторе, наступали легкие танки и средние Т III. Эта картина до сих пор перед глазами.

Они миновали ручей, повалили колья с колючей проволокой, потащили проволоку вместе с кольями и расползлись по рукавам оврагов. Некоторое время виднелись лишь их башни и радиоантенны. Ручей и пологий берег саперы перекрыли минами. Но почему-то ни одна мина не сработала. Возможно, ночью перед

наступлением там побывали их саперы. А мы их просто прошляпили.

На колокольне заработал «максим». Это означало, что следом за танками через ручей пошла пехота.

Прибежал мой связной Петр Маркович и сказал: «Хреновые дела, лейтенант. Танки прорвались. Пехота поперла. Сейчас будут здесь». – «Что ж там вторая рота? Почему не удержались?» – «Бегут».

Я и сам видел, что на участке соседней роты произошла катастрофа: стрелки, не выдержав танковой атаки, бросили свою траншею, проходившую по береговому гребню, и перебегали во вторую. Сплошную траншею там отрыть не успели. Немногие добрались до линии одиночных ячеек. Танковые пулеметы буквально косили бегущих. Страшно было смотреть.

Оставалось одно – уходить. Потому как вот-вот танки и пехота выйдут нам во фланг.

В саду за церковью артиллеристы пытались перевернуть и поставить на колеса опрокинутое взрывом орудие. Но их на наших глазах накрыло серией минометных взрывов, и живых там, видимо, уже никого не осталось.

Надо было уходить, но никакого приказа на отход ни от командира роты, ни от комбата не поступало. Я послал Петра Марковича на КП командира роты.

На нашем участке немцы не наступали. Но правее часть прорвавшихся танков и пехота уже разворачивались для атаки нам во фланг.

Вернулся Петр Маркович: «Ротный отдал приказ: держаться до конца и позицию не сдавать».

Ну, держаться так держаться. Я побежал по траншее на правый фланг. Туда же приказал перебираться и бронебойщикам.

Вот пишут везде, что первые противотанковые ружья были опробованы на передовой в ноябре сорок первого под Волоколамском. Неправда. Мы получили ПТРД-41 еще во время смоленских боев. Правда, немного. Но они нам уже тогда здорово помогали.

Два танка и около взвода пехоты шли на нас. Егоренков начал стрелять и вскоре перебил гусеницу одному из танков. Танкисты стали выскакивать через боковой и нижний люки, отползать в сторону. Их тут же перестреляли бойцы из отделения Крапивина. Стреляли они всегда хорошо.

Второй танк продолжал двигаться на нас вдоль траншеи, покинутой второй ротой. Я хорошо видел в бинокль, как вставали бойцы третьего, а затем второго взводов, выскакивали из траншеи и, пригнувшись, убегали в сторону хуторских огородов и риг.

Некоторые бросали винтовки и противогазы, чтобы бежать налегке. Этих уже трудно остановить. Танк, не делая остановок, стрелял из пушки и пулемета. Снаряды падали где попало, не причиняя нам никакого вреда. Но пулемет стегал по траншее прицельно. Как только он вплотную подошел к правому флангу нашего взвода, навстречу ему стал пробираться Светлогор. Это был один из самых надежных бойцов моего взвода. Он полз на четвереньках по дну траншеи. В руках две противотанковые гранаты. Винтовку оставил в окопе. Вот он привстал и перескочил к угловой ячейке. Из ячейки тут же, как испуганный заяц, выскочил ополченец и побежал к нам. Но пробежал он немного, упал ничком на дно траншеи и больше не поднимался.

Механик-водитель танка, видимо, что-то заподозрил или просто остерегался двигаться прямо на окопы и начал немного отворачивать. Егоренков тут же выстрелил из бронебойки. Железная махина остановилась, сделала доворот башни, и короткое орудие ее дернулось от выстрела. Перед ячейкой бронебойщиков вскинулся черный сноп земли и огня. Оттуда закричали: «Санитара!» В дыму и пыли я увидел, как две сгорбленные фигуры в расстегнутых шинелях утаскивали в глубину бокового хода сообщения длинное противотанковое ружье. Значит, расчет уцелел, понял я, меняют позицию.

Я стрелял из автомата по зеленым мундирам, которые перебегали и падали в траву, снова вставали, перебегали и падали. В их движениях было столько уверенности, что становилось не по себе. Некоторые приближались к нам по траншее. Мелькали их каски с березовыми ветками маскировки и капюшоны пятнистых камуфляжных курток. Немцев в такой экипировке я еще ни разу не видел. До них оставалось шагов пятьдесят. До третьего отделения – значительно меньше. Два-три броска, и они будут там. Крапивинцы не дрогнут, я это знал. Если даже немцы добегут до их ячеек. Крапивин будет рассчитывать на нашу помощь.

Светлогор вдруг выскочил из ячейки в траншею. Пулеметные струи теперь не достигали его: танк был за изгибом хода сообщения и простреливал следующий участок, в котором живых уже не было. Светлогор выглянул за изгиб и бросил свою первую гранату. Видимо, она попала под днище, там у танка тонкая броня. Вторую он бросил на корму. Немцы, бежавшие по траншее, тут же залегли. Оттуда полетели длинные, как палки, гранаты. Я закричал Крапивину: «Старшина! Гранатами!»

Начался гранатный бой. На гранату можно ответить только гранатой. Гранатный бой – это ближний бой, который долго не длится.

Крапивин и несколько его бойцов начали бросать «феньки» прямо через танк, который уже густо дымил, развернувшись корпусом поперек траншеи на участке второго взвода. За ним залегла одна из групп немецкой пехоты и обстреливала нас, видимо давая возможность другой группе, продвигавшейся по ходу сообщения, подойти к нам вплотную. Видимо, запас гранат у них был большой, и они надеялись подавить нас ими. За танком заработал их пулемет. Вот это было уже плохо. Ни Горюнов, ни Коляденков своим огнем его не доставали.

Немцы опять завозились. Слышны были их голоса, топот.

Я отстегнул от ремня Ф-1 и ждал. Я знал, что сейчас произойдет. Сразу несколько гранат прилетели из-за изгиба траншеи. Когда гранаты разорвались, немцы бросились на третье отделение. Я швырнул гранату через танк, пытаясь достать пулеметчика.

А в траншее третьего отделения между тем началась рукопашная. Немецкие пехотинцы кинулись на крапивинцев.

Когда начинается рукопашная схватка, стрельба обычно прекращается.

«Горюнов! Не давай им подняться!» – крикнул я сержанту и указал за танк, из-за которого перекатывались и стреляли в нашу сторону зеленые мундиры. Боковым зрением увидел, как Петр Маркович быстро расчехлил саперную лопатку и воткнул ее рядом с собой.

И вот что через мгновение началось.

Из-за изгиба траншеи выскочил немец с карабином. Карабин со штыком. Я выстрелил в него из ТТ. Он еще падал, когда через него перескочили еще двое, одетых в камуфляжные куртки. У одного в руках была квадратная саперная лопатка и автомат без рожка, у другого пистолет. Петр Маркович опередил меня и первого, замахнувшегося на меня лопаткой, тут же ловко достал штыком. Он, как ящерица, выбросился на самый гребень бруствера и сбоку ударил штыком. Я выстрелил из пистолета в другого. Немец в меня тоже. По голове ударили чем-то тяжелым, так что меня отбросило к стенке траншеи. Но пуля, к счастью, попала в каску лишь по касательной. Моя же ранила немца в горло. Он выронил пистолет и уткнулся головой в стенку траншеи. Двумя руками он пытался закрыть рану, из которой с пузырями выгоняло густую темную кровь. «А-а! Мамушку твою!..» – крикнул Петр Маркович и вогнал ему в бок штык своей СВТ.

Все вскоре затихло. Только где-то справа и позади, возле второй линии наших траншей, взревывали моторами прорвавшиеся танки, длинными уверенными очередями били их башенные пулеметы.

«Что это? Неужели отбились, лейтенант?» Петр Маркович, мой верный связной и всегдашний напарник в бою, как пишут в романах, имел вид самый свирепый. Глаза его еще не остыли, бегали и пылали бешеным огнем. Руки тряслись мелкой дрожью. Чтобы, видимо, успокоиться, он торопливо счищал что-то со штыка полой шинели. Рукав его шинели от локтя и до середины спины, до самой складки, был распорот, так что в широкий прогал виднелась гимнастерка. «Что это у тебя? – спросил я. – Осколком, что ли?» – «Да нет. Штыком. Двое мимо пробежали. А ты что, не видел?» – «Нет». Петр Маркович усмехнулся: «Ты, лейтенант, в это время очень занят был. Туда, к Горюнову, пробежали. Там их ребята, лопатками… Напролом лезут. Такого за Десной не было. Шинелку, мамушку его через дедушку, как сильно попортил. Во, велика даже стала, с плеч спадает. А вроде поджимала под мышками…» – «Дуй-ка на КП роты, доложи, что атака отбита. Много потерь. Скажи, что правый фланг открыт, второй и третий взводы отошли. Но я думаю, что они частично уничтожены, а частично рассеяны. Так и доложи». – «Слышь, лейтенант, пистолет у него забери». – И Петр Маркович указал на немца, лежавшего в углу траншеи. Там все было залито кровью. Я посмотрел на пистолет, лежавший в темной луже, над которой уже начинали летать мухи, на немца, и махнул рукой. «Ладно, побег я», – сказал Петр Маркович, на ходу нагнулся, подобрал тяжелый офицерский «парабеллум» и сунул его в карман шинели.

Пользуясь тем, что вокруг никого не было, я сел на дно траншеи. На меня напало какое-то безразличие. Надо было пройти по ходу сообщения, узнать у отделенных командиров, какие потери, какие трофеи. Но сил не было. Ноги меня не держали, а руки тряслись сильнее, чем у Петра Марковича, когда он чистил свой штык. Я шарил по карманам, там я носил горсть патронов для ТТ. Обойма в моем пистолете оказалась пустой. Когда успел выстрелить все патроны? Стрелял ведь только два раза.

Петр Маркович вскоре вернулся. Смотрю, он вроде как не в себе. «Что случилось?» – «Там – никого». – «Все убиты?» – «Нет. Просто никого нет. Пусто. Ушли. Все брошено. Бумаги раскиданы. Что-то в углу жгли. Еще дымится. Телефон даже стоит. Я позвонил на КП комбата, тот сразу в матушку через такого-то дедушку понес. А потом все оборвалось. Связи нет».

Подошел сержант Горюнов. Начала нашего разговора он не слышал, но обо всем догадался. И говорит: «А может, приказ был на отход?»

Возможно, кого-то с приказом на отход ротный к нам и посылал. Тела убитых лежали там и тут. Может, где-то среди них

лежал и бежавший к нам посыльной со спасительным приказом. А может, нас попросту оставили в заслоне, чтобы прикрыться нами во время отхода? Такое тоже случалось. Война есть война. Если, к примеру, надо отвести полк или батальон, то взводом вполне можно пожертвовать. Мольтке в свое время верно заметил: «Высшей формой милосердия на войне является жестокость». Немец был трижды прав. И правы были те командиры, кто не задумываясь жертвовал малым, чтобы сохранить большее. Правда, какой тебе прок от такой правды и такого милосердия, если ты попал в число того ***малого*** , которым необходимо пожертвовать? Оставлял заслоны и я. Чтобы вывести, спасти остатки взвода.

Надо было осмотреться и понять, в каком мы положении находимся. Я поднялся на колокольню. Там сидели пулеметчики и перевязывали друг друга. Оба ранены. «Что, ребята, перекур?» – «Покрошили мы их, кажись, здорово, – отвечают. – Можно теперь и покурить». – «Курите, – говорю, – только недолго нам курить». – «А что такое? Отступаем?» Смотрю на них – в глазах надежда. «Еще не знаю. А где ваш взвод?» – «Нет нашего взвода. Все пулеметы кверху колесами. Одни мы остались. Слава богу, «максимка» цел». – «Связной от ротного к вам не приходил?» – «Нет, никто не приходил. Они все в лес ушли. В самом начале боя. Нам отсюда видно было хорошо, как они уходили. Побежали, в гроб их душу. А вы что, товарищ лейтенант, еще не поняли, что нас тут бросили? Мы тут теперь одни остались. Артиллеристы тоже накрылись».

Этот «максим» здорово нам помог. Он вел огонь вдоль нашей траншеи, во фланг наступавшим от ручья из-за ольховника. Вся площадка засыпана стреляными гильзами. «Как вы думаете, товарищ лейтенант, человек десять мы тут положили? – спросил меня пулеметчик помоложе, у которого была забинтована рука выше локтя. – Там, за танком, вон, видите, все наши лежат. Отсюда хорошо видны». У пулеметчиков это был, видимо, первый бой.

Я осторожно выглянул в проем. Наступавшие под прикрытием танка немцы отсюда были видны как на ладони. Тела многих из них сейчас лежали там, в траве, в кустарнике, на земле, перепаханной взрывами и гусеницами танков. Что и говорить, хорошая позиция. «Положили вполне», – согласился я. Ни к чему мне было оспаривать эту победу, хотя туда бросали гранаты и мы. «Вы подтвердите?» – «Да, вы здорово стреляли. И нас поддержали вовремя», – сказал я. «Нам нужно доложить нашему лейтенанту. Может не поверить. Вам поверит. Если, конечно, он жив». Я кивнул. «Откуда родом?» – говорю. В 17-й

стрелковой, куда мы попали после выхода из окружения, воевали в основном москвичи. Ополченцы. «Москвичи?» – «Да нет, мы из области. Из-под Орехова-Зуева. Вот он, – кивнул молодой на своего напарника, который все это время курил молча, – со станции Костерево, а я со станции Петушки». Хорошие были ребята.

В бинокль было хорошо видно, что мы влипли хуже некуда. Соседние роты отошли в лес. Левее же еще кто-то копошился на позициях. Видимо, вытаскивали раненых.

Позвал связного. Тот быстро поднялся наверх. «Петр Маркович, – говорю, – видишь, санитарные повозки, там, на дороге, за сараями?» – «Вижу». – «Пригони их сюда. Надо забрать раненых и пулемет. Сержантов и старшину ко мне».

Пулеметчики сразу заторопились, подхватили своего «максимку». Я их остановил: «Подождите, ребята, позицию оставлять. Мы вас не бросим. Но сперва надо погрузить раненых. Немцы могут появиться в любую минуту. Никто их, кроме вас, остановить не сможет. Патроны есть?» – «Есть патроны. Две коробки. И вот, в приемнике, на две хороших очереди». – «Смотрите в оба. За пулеметом я пришлю еще двоих человек. Вы должны будете прикрывать нас до того момента, когда последняя санитарная повозка не пересечет вон тот рубеж. Видите, воронка у дороги?» Вздохнули орехово-зуевские: «Только смотрите, товарищ лейтенант, не обманите».

Впервые надо было принять решение об оставлении позиций самостоятельно, без приказа сверху. Прибежали командиры отделений. Я им сказал, что отходим во вторую линию, а там, мол, посмотрим по обстановке. «Во второй линии немцы, лейтенант! – сказал Крапивин. – Мои ползали туда. Вернулись с двумя ранеными. Лучше бы не посылал». – «Какие у тебя потери?» – спросил я Крапивина. «Трое убито, двое ранено». – «Светлогор жив?» – «Жив». – «Раненых всех на повозки. Кроме тех, кто может идти сам. Соберите оружие. Сбор возле церкви. Готовность – десять минут. Поврежденное оружие бросить, взять трофейное. Собрать все патроны и гранаты. Все. Действуйте».

Раненых мы погрузили на подводы. Уже ясно было и без разведки Крапивина, что во второй линии никого из наших нет. Бросили. Черт бы их побрал, думал я.

Танки урчали теперь левее нас, где-то уже возле леса.

Мы бежали бегом по проселку, который, к счастью, оказался свободным. Бой еще шел. Теперь он сместился в наши тылы. Полк был рассеян. Никаких симптомов попытки перегруппироваться и контратаковать с целью восстановить положение не предпринималось. На дороге валялись трупы красноармейцев. В

поле тоже виднелись бугорки. Некоторые были вмяты гусеницами танков в стерню. Мы бежали и не знали, что вечером вдоль этой же дороги будем контратаковать вместе со вторым эшелоном, и возьмем село, и сутки будем держаться на прежних позициях. Но это случится потом.

Наш взвод не отрезали и не растерзали в полном окружении только потому, что немцам было попросту не до нас.

Вскоре мы добрались до леса. Нас встретил политрук роты и сказал, что ротный убит и командование ротой он принял на себя. «А где рота?» – машинально спросил я, пока не вкладывая в это никакого особого смысла. Рядом с ним стояли трое красноармейцев, которых я раньше не видел ни на КП командира роты, ни в траншее. «Из взводов кто-нибудь еще, кроме нас, вышел?» – снова спросил я политрука. Мой вопрос ему, видимо, не понравился.

Рядом располагался штаб батальона. Комбата нет – убит. Начштаба посмотрел на меня и отвернулся. Ничего я ему не стал говорить о том, что нас, взвод, бросили на произвол судьбы и прочее. Он по-прежнему не смотрел мне в глаза. Или у него была такая манера разговаривать с младшими по званию, или все же понимал, в каком положении они оставили взвод. Я доложил. В том числе и о пулеметном расчете. Он с горечью усмехнулся: «Представления… Какие сейчас представления, лейтенант? Какие награды?» Тогда я попросил, чтобы пулеметчиков у меня не забирали. Он удивленно посмотрел на меня и кивнул. Причина его удивления была понятна: во время отступления, когда войско теряет управление и распадается, некоторые командиры, стараясь не брать на себя лишнюю ответственность, отбирали самых надежных и выносливых и уходили с ними своим маршрутом. Так больше шансов выйти. Остальных, тем более раненых, просто бросали. А за чужих людей отвечать вообще никто не хотел. Пулеметчики, да еще обмотанные кровавыми бинтами, старшему лейтенанту конечно же были не нужны – лишняя обуза. Воевать он, похоже, уже не собирался. А я этих ребят успел узнать в деле – надежные, терпеливые. Даже санитаров не звали, сами себя перевязывали. И они меня знали. Без командира им было страшно.

Подошел политрук, что-то начал говорить старшему лейтенанту. Тот кивнул и снова позвал меня. «Товарищ лейтенант, – говорит, – надо кого-то послать в деревню. Там, на КП батальона, остались кое-какие документы. Очень важные. Необходимо их забрать, чтобы не достались… Ну, сами понимаете…» – «Какие документы?» – говорю. Они переглянулись. Начштаба в глаза не смотрит. «Какая разница какие, – вмешался политрук. – Вам

сказано – очень важные. Выполняйте». – «Важные документы, – говорю, – не бросают». Они снова переглянулись. Смотрю, испугались, что я не дам своих людей. Злятся. Политрук посматривает с неприязнью. Но власть надо мной он уже потерял. Говорю: «Я должен знать, зачем посылаю бойцов на такое опасное задание». – «Партийные документы. Список вновь принятых в ряды партии большевиков. Список личного состава батальона. Бланки партбилетов». – «Людьми, которые только что вышли из боя и не имели отдыха, я рисковать не буду, – говорю им. – У вас, товарищ политрук, есть бойцы, вот их и посылайте». – «У меня, лейтенант, есть рота!» – решительно и зло заговорил он и подскочил ко мне. Но маленький рост не позволил ему даже сколыхнуть меня с места. «Вот и посылайте свою роту, если она у вас есть, за тем имуществом, которое вы бросили во время драпа», – говорю. А он опять: «Я командую ротой! И твои люди – часть моей роты! И я могу им отдать любой приказ, а они обязаны его выполнить!» – «Так прикажите им, – говорю. – Только сомневаюсь, что они кинутся его выполнять». Молчат. Вижу: растерялись, не знают, что делать, как со мной поступить. Смотрят на меня зло. Но ничего сделать не могут. Меня тоже колотит. Даже на кобуру посматривать стал. Я опять политруку: «А знаете, почему? Потому что они не видели вас в бою».

Тут началось безобразное. Политрук все же не выдержал, выхватил револьвер, взвел курок. По тому, как он неловко взводил курок новенького револьвера, я понял, что он делает это от силы третий раз в жизни. «Ты отдашь приказ им! А я приказываю тебе! И не шути с этим! Говори, кто пойдет! Назови двоих». – «Ты, товарищ политрук, – говорю ему, – оружием меня после боя не дразни. Мы только что в рукопашной побывали. В присутствии начальника штаба батальона говорю: ваша оплошность, вы ее и исправляйте. А моих людей под обух не суйте, если даже вы и командир. Хотите, поговорите со взводом. А я приказывать никому не буду. Найдутся добровольцы, пусть идут. И уберите револьвер, а то отниму и при бойцах закину в кусты, в отхожее место!»

После этих моих слов, смотрю, и правда прибрал револьвер в кобуру и вроде немного успокоился.

Я построил взвод. Пулеметчики тоже в строй встали. Так, мол, и так, говорю, кто пойдет? Молчат. Никому не охота под стебло во второй раз лезть. Только выскочили, еще пятки горят… Смотрю на них. Они – на меня. Ничего пока понять не могут. Хотя все видели, как я с политруком разговаривал. Вот стоит сержант Смирнов. Его на хутор я не отпущу ни под каким револьвером. Егоренков. Весь в копоти. Бледный, усталый. У Аксютенкова

перевязана голова. Горюнов с остатками отделения москвичей. Некоторые из них неплохо себя показали в первом бою. Теперь от сержанта ни на шаг. Старшина Крапивин. Кожа на скуле содрана, правая рука завязана носовым платком, глаз дергается и слезится. Видимо, контужен. Светлогор со своим трофейным карабином и тяжелыми подсумками. Видимо, нахватал патронов у убитых немцев. Немецкий ранец за плечами. Сразу вспомнилось, как он кошкой пробирался по траншее навстречу атакующему танку, как припадал под пулями и бережно придерживал в руках противотанковые гранаты. И как он смог выскочить из-под танка? Как его не прихватили наступавшие вдоль траншеи немцы? Я еще не успел с ним переговорить. Удивительно: у Светлогора ни единой царапины. А он дважды смерти в глаза заглядывал. Смотрю на свой взвод и думаю: хрен я тебе кого отдам. Посылай, политрук, на хутор своих людей. А мои уже намучились, хватит.

И вдруг Коляденков: «А жратвы там, случайно, не осталось?» – «Есть! Две буханки хлеба!» – тут же нашелся политрук. Сразу сообразил, канцелярская его душа, за что можно потянуть голодного солдата под пули. «Все продукты можете забрать себе, товарищ ефрейтор».

Куда как верно замечено: голод не тетка. Кто не голодал, для того эта пословица, может, и пустой звук. А у нас с утра во рту ни крошечки. Так, перехватили на ходу найденное в немецких ранцах. Но ребята знали, что такое отступление. Тут неплохо было иметь кое-что про запас.

Пошли двое: Коляденков и Петр Маркович. Самые опытные во взводе трофейщики.

Вначале меня охватила обида: ну, думаю, политрука, малодушного этого человека послушали, на своего взводного наплевали. Но тут же взял себя в руки и сообразил, что они, пожалуй, правы. Кто знает, где, на каком километре нас ждет полевая кухня? И ждет ли где? «Ладно, – говорю, – идите. Только, если что, лучше сразу – назад. И черт с ними, с этими партийными документами!» Взяли мои ребята по три гранаты и пошли.

Ушли. А меня все не покидает ощущение, что взвод заставили выполнять дурацкий приказ. Кто-то струсил, бежал, действительно дезертировал с поля боя, а я со своим взводом, вольно или невольно, должен прикрывать – и прикрываю! – этих людей. Правильно написано в приказе № 270! Ох правильно! И в отношении командиров и комиссаров – правильно! Так я тогда думал.

Сердце мое не на месте. А тут еще Горюнов: «Лейтенант, какой хлеб! Откуда? Хлеба два дня уже не завозили». Я и сам об

этом уже подумал: ведь обманул политрук, скибкой хлеба заманил под пули, а сам ждет теперь, когда его дело выгорит, чтобы под трибунал не пойти. «Ты посмотри на него, лейтенант, – не унимается Горюнов. – Он же и по обличью цыган, и ухватки все какие-то… Уж больно вертлявый да ловкий». Вспомнил я одну из поговорок Петра Марковича и говорю: «Ничего, самая шустрая вошка быстрее и на гребенку попадет». – «Такая, лейтенант, везде прошмыгнет, а потом еще и донесения на нас писать будет».

И так мы нерадостно поговорили, что я уже не мог бездействовать и ждать сложа руки. Пошли на опушку. Я взял снайперскую винтовку. Легли в снопах. Смотрю в прицел: идут мои ребята. Идут втроем. Кого-то ведут. Третий, тот едва ноги переставляет. Молодцы, думаю, раненого подобрали.

Лицо у бойца, которого они привели, забинтовано, даже глаза закрыты. Бинтовали, видать, наспех, как попало. Руки тоже в крови, но на руки уже бинта не хватило.

«Вот, – говорит Петр Маркович, – нашли в штабной землянке. Зашли, а он сидит на пне, мычит, за голову держится. Радист. Я его знаю. Бросили своего радиста, мамушку их… Его, видать, сильно контузило». Документы в железном ящике они тоже принесли. Ящик небольшой, как два посылочных. Навесной замок на нем болтается. «А хлеба там никакого не было. Мы так подумали между собой, что объебал он нас, политрук-то. Хлебом заманил». И Коляденков сплюнул под ноги тягучую злую слюну. Коляденков всегда ходил голодный. За буханкой хлеба он бы и в немецкую землянку полез, только скажи, где она лежит.

Документы в штаб батальона я передал молча. А по поводу раненого сказал: «Что делать с раненым радистом?» Политрук молчит. «Пусть, – говорю, – тогда с нами идет. Вам ведь он уже не нужен? Какой теперь из него радист?» Ох, как опять политрук тот вскинулся! А мне уже все равно. Наше дело, хлебное-то, пропало. Дай хоть, думаю, на тебя, сукина кота, посмотрю, как ты срам свой прикрывать будешь. «Не вздумай, – говорю ему уже всерьез, – за наган свой хвататься, у меня реакция быстрее».

А у меня в то время было уже два пистолета. Один свой, табельный ТТ, в кобуре, как положено. Он мне самый верный друг и товарищ, считай, от неминуемой смерти спас там, на хуторе, когда немцы бросились в нашу траншею. Первый раз я из него стрелял. И когда успел всю обойму выпустить? Пистолет в траншее оружие удобное. Другой, офицерский «парабеллум», трофей, торчал прямо за ремнем. Чтобы поближе, в случае надобности. Я его специально вытащил из полевой сумки и за ремень сунул, когда мы с Петром Марковичем понесли политруку железный ящик.

Когда шли к штабному шалашу, Петр Маркович мне и говорит: «А в сейфе что-то жидкое лежит. Булькает». И покачал ящиком. В нем действительно что-то еле слышно булькало. «А хлебом там не пахнет?» – пошутил я. Мой связной сразу как-то задумался и говорит: «Очень может быть».

Уходя из штабного шалаша, на ящике у начальника штаба я забыл свою карту, на которую старший лейтенант нанес маршрут нашего дальнейшего движения. «Подожди, – говорю Петру Марковичу, – карту забыл». Вскочил я в шалаш, смотрю: а политрук уже ящик свой железный открыл, бумаги какие-то, аккуратно перевязанные бечевкой, выложены, а в глубине, среди бланков партбилетов лежат две бутылки водки и буханка хлеба. «А, так вот он, наш кровный хлеб! – говорю. – Вот за что мои бойцы жизнью рисковали!» Они опешили. Не ждали, что я войду. Старший лейтенант в угол отскочил. А политрук… Тот хоть бы что, глазами меня жжет. Расстегнул я свою полевую сумку, сунул туда карту с пометками начштаба. Туда же запихнул две бутылки «Московской». Хлеб – под мышку. И – ходу. Никто меня не окликнул, ни политрук, ни старший лейтенант, ни часовой.

В лесу наше скопление вскоре обнаружили. Пролетел самолет и сбросил листовки. Посыпались как снег. Кондрат Фомич задрал вверх голову и говорит: «Эх, мужики, вот так бы табачок они сыпанули! А то – одну бумагу…»

Я собрал командиров отделений, поставил задачу на выход. Отметил в списке выбывших. В основном это были москвичи, ополченцы. Тарасов и Дроздов – студенты. Анохин до войны работал печатником в типографии. Сыч в той же типографии завхозом. Тимченко, как и студенты, был из отделения старшины Крапивина. Его зарубил штурман саперной лопаткой, когда началась рукопашная. Тимченко никогда не надевал в бою каску, всегда носил пилотку. Немец попался здоровенный, так и развалил Тимченке череп надвое. Его-то и заколол штыком Петр Маркович. Потом, когда отбились, расстегнул Петр Маркович на своем немце пятнистую куртку: «Смотри-ка, лейтенант, эмблемы в петлицах какие-то незнакомые». Я посмотрел и понял: СС. Эсэсовцы на нас перли. Напролом шли.

К вечеру мы пересекли железную дорогу. Шли вдоль Варшавского шоссе, по правой стороне. Но вскоре – что такое? – остановка. На лесной дороге, по которой мы шли, стоит группа незнакомых людей. «Командиров в голову колонны!» Через несколько минут приказ: «Кругом! Шагом марш!»

Оказывается, подошел второй эшелон нашей 17-й стрелковой дивизии. Уже на марше поступил приказ: с ходу атакуем хутор с целью овладения прежними позициями. Разведка вперед уже

ушла. Ускакали на лошадях два разъезда.

Атаковали мы в полной темноте. Но это уже другая история.

Глава 4 Варшавка – кратчайшая дорога на Москву

«Противник развивает удар вдоль Московского шоссе…»

И.С. Конев – о катастрофе под Вязьмой. – Разговор Конева и Сталина. – Двойная катастрофа: Брянск – Вязьма. – Миф о спасении Конева Жуковым. – Козлы отпущения. – Допросы генерала Собенникова. – Попытка следователей доказать принадлежность командарма 43 к военно-фашистскому заговору. – По 58-й. – Был ли генерал Собенников изменником родины? – Дальнейшая судьба разжалованного генерала. – Новый командующий 43-й армией – генерал-лейтенант С.Д. Акимов. – Роль Л.З. Мехлиса в восстановлении 43-й армии. – Рассказ Ивана Алексеевича Таланова. – 43-я армия второго состава. – Судьба генерала Преснякова и его 113-я сд. – 53-я сд полковника Н.П. Краснорецкого. – Армия закрывает основные дороги на Москву. – 2-й Особый Люберецкий полк. – Судьба полковника Волкова. – Расчет старшего сержанта Дарькина

Через много лет бывший командующий войсками Западного фронта маршал И.С. Конев, размышляя о причинах поражения наших фронтов на Московском направлении, расскажет следующее: «Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника, и в ходе его Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов… Две армии Резервного фронта (24-я и 43-я) располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями… В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я) находились в полосе Западного фронта, нам не подчинялись…

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 километров… С утра 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И.В. Болдина… был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положение не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносящей контрудар… Он овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате

обозначился прорыв к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на Спас-Деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения наших 43-й и 33-й армий,

4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по «бодо» с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решение Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий».

К сожалению, Москва слишком медлительно распоряжалась той информацией, которую доложил командующий Западным фронтом генерал Конев. Противник оказался более расторопным, кольцо на севере Вязьмы замкнулось, и в образовавшемся котле оказались основные силы двух фронтов, Западного и Резервного. Почти одновременно с катастрофой под Вязьмой произошло подобное под Брянском и Орлом. Можно понять Сталина, который, уже располагая сведениями о рухнувшей обороне Брянского фронта, вдруг услышал о подобном и в полосе остальных двух фронтов, прикрывавших Московское направление.

Сколько собак вешали на петлицы генерала, а впоследствии

на погоны маршала Конева! Но все они оказались дохлыми. Долгое время историки больше следовали версии, изложенной в мемуарах полководцев, в том числе и маршала Победы Г.К. Жукова, а не правде документов и действительных событий. Вина генерала Конева конечно же была. И прежде всего в том, что, как заметил в своем письме в Воениздат от 15 августа 1966 года Жуков, парируя упрек Конева в том, что «прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта»: «Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении – это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках».

Полемика интересная. И Жуков, опытный стратег, убивал здесь двух зайцев.

Однако давайте мысленно предположим, что Сталин и Шапошников мгновенно отреагировали на предложение Конева об отводе войск на Можайский укрепрайон. Часть войск конечно же была бы потеряна во время марша на новый рубеж. Но *большая* была бы, вне всякого сомнения, спасена. И тогда бы под Серпуховом, Малоярославцем, Наро-Фоминском и Волоколамском на пути немецких корпусов стояли бы не подольские курсанты и одинокие полки, спешно сформированные из нескольких разбитых дивизий, а армии.

Миф о спасении Жуковым Конева, которого якобы уже приговорили к расстрелу как козла отпущения, тоже не более чем миф, придуманный мемуаристами. Никто не собирался расстреливать Конева. Жуков, прибывший из-под Ленинграда, быстро овладел ситуацией и блестяще справился с ней. Он не только выправил положение под Москвой, но и провел мощный контрудар, переросший в контрнаступление. Именно оно сделало невозможным дальнейшее продвижение вермахта на восток на центральном участке русского фронта. Конев в это время столь же успешно оборонялся, а потом атаковал в том же направлении силами Калининского фронта. На некоторых участках глубина прорывов его войск была более сокрушительной и опасной для противника, чем действия войск Жукова. И Жуков, и Конев были талантливыми полководцами Великой Отечественной войны. И нет необходимости их противопоставлять и выяснять, кто из них главнее для нашей истории.

Но козлы отпущения все-таки были нужны, и их нашли ниже, в армиях.

Удивительно, но каким-то непостижимым образом избежал ответственности за неудачные действия командарм 33 комбриг

Онуприенко. На 33-ю вскоре будет назначен генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. Онуприенко, к несчастью для Ефремова и его армии, останется при нем в заместителях. В феврале 1942 года, когда ударная группировка 33-й армии ринется в узкий коридор к Вязьме, именно комбриг Онуприенко своим то бездействием, то нелепыми, безграмотными действиями не обеспечит тылы ушедших на запад и фактически погубит и западную группировку армии, и ее командарма. 43-я станет на реках Воре и Угре и всю весну 42-го в изнурительных боях будет пытаться прорубить коридор к окруженным, но ничего радикального сделать не сможет. Так же, как и 49-я и 50-я, которые получат ту же задачу.

10 октября 1941 года начались допросы генерала Собенникова. Он был отстранен от командования армией, но пока оставался на свободе. Странное это было следствие. Обвинение не предъявлялось. Допросы по существу обвинения, которое появилось значительно позже, не проводились. Следователь расспрашивал о биографии, о знакомых и сослуживцах, о характере взаимоотношений с некоторыми из них. Второй допрос состоялся через три дня. 16 октября Собенникова арестовали.

16 октября 1941 года, пожалуй, самый драматичный день в истории обороны Москвы. Паника в Москве. Погромы. Тыл воюющей армии находился на грани развала. Тогда у многих сдавали нервы.

Следователи НКВД пытались доказать принадлежность генерала Собенникова к военно-фашистскому заговору, сделать из него, бывшего дворянина и офицера царской армии, недобитого в 38-м году подельника маршала Тухачевского. Обвинения были предъявлены сразу по двум статьям: 58–16 и 58–11 УК РСФСР – измена родине и участие в контрреволюционной организации.

26 января 2011 года в газете «Красная звезда» была опубликована статья журналиста Анны Потехиной и старшего военного прокурора отдела Главной военной прокуратуры Игоря Цырендоржиева под названием «Не виновен!». В ней рассказывалось о деле генерала Собенникова.

«По версии следствия, – пишут авторы статьи, – все неудачи Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны можно было объяснить только предательством. Однако подкрепить обвинение реальными фактами не получалось, поскольку следствие не располагало хоть какими-нибудь объективными доказательствами изменнического поведения Собенникова. Поэтому дополнительно к указанному обвинению притянули его неудачное руководство оборонительными боями возглавляемого им Северо-Западного фронта, а затем 43-й армии

Резервного фронта, квалифицировав это как воинское преступление, которое предусматривало уголовную ответственность «за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, совершенное не в целях способствования неприятелю, но вопреки военным правилам», то есть по п. «б» ст. 193—21 УК РСФСР.

В ходе следствия были допрошены только четыре военнослужащих младшего начальствующего состава соединений 43-й армии Резервного фронта, которые каких-либо сведений о преступных действиях генерал-майора Собенникова не привели, а дали показания о недостатках при организации обороны на отдельных участках фронта. В силу своего должностного положения и отсутствия необходимого опыта и знаний, а также из-за их нахождения во время боев далеко от Собенникова дать объективную оценку его действиям как военачальника они не могли.

Лица, которые могли подтвердить или опровергнуть показания Собенникова о его невиновности, не были установлены и допрошены. Документы, подтверждающие или опровергающие виновность осужденного в содеянном, к материалам уголовного дела не приобщены и судом не исследовались».

Во время следствия и на суде Собенников вел себя с достоинством. Он опроверг обвинения «в участии в антисоветском заговоре и проведении вредительской работы, направленной на поражение Красной армии в войне». Он признал лишь, что «благодаря его преступной деятельности противнику удалось рассеять части 43-й армии и совершить прорыв».

А кто из тех, кто в те дни стоял на рубежах у Варшавского шоссе, не виноват в том, что враг прорвал оборону? Все виноваты. Кроме мертвых.

Приговор: 5 лет лишения свободы с лишением государственных наград: ордена Красного Знамени и юбилейной медали «XX лет РККА», а также воинского звания генерал-майор. Президиум Верховного Совета СССР уже на следующий после объявления приговора день рассмотрел ходатайство осужденного и счел возможным освободить Собенникова от отбывания наказания со снятием судимости. Он был лишен наград, понижен в звании до полковника и направлен в действующую армию с формулировкой в личном деле «для использования на низшей воинской работе».

Полковник Собенников некоторое время был прикомандирован к группе маршала К.Е. Ворошилова, а затем направлен на фронт. Воевал в составе Брянского, Центрального, Белорусского и 2-го Белорусского фронтов. Воевал полковник

Собенников в должности заместителя командующего 3-й армией. 3-й армией командовал, как известно, генерал Гордов. Тот самый, возвращенный на фронт из лагеря, с лесоповала. Войну Собенников завершил в Берлине в звании генерал-лейтенант. Награжден орденами Ленина, Суворова II степени, Кутузова

II степени, Богдана Хмельницкого I степени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красного Знамени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». После войны командовал военным округом, руководил Высшими военными курсами «Выстрел». Умер генерал Собенников в 1960 году, так и не дожив до пересмотра дела и официальной реабилитации.

Несколько лет назад дело генерала Собенникова было пересмотрено, судебное решение, вынесенное в 1942 году, отменено «ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам…».

Что ж, теперь, с высоты времени, и действия 43-й армии видятся по-иному. Недолго армия просуществовала как единая боевая единица, которой был поручен участок фронта. По существу армия дралась изолированно. Более того, изолированно дрались ее дивизии, бригады и полки. Боевые действия в полосе обороны 43-й армии представляли собой серию изолированных упорнейших и кровопролитнейших боев, которые все же сыграли свою роль: 4-я танковая группа, самая оснащенная и боеспособная, на сутки опоздала к Вязьме, чтобы замкнуть там кольцо вокруг окруженных армий. А значит, многим спасла жизнь и честь именно она, ее упорное стояние на Снопоти и Шуйце.

10 октября 1941 года в должность командующего 43-й армией вступил генерал-лейтенант С.Д. Акимов.

Биограф генерала Акимова историк и журналист Валерий Степанов в одной из своих книг пишет: «Степан Дмитриевич Акимов родился 11 января 1895 г. в деревне Ханцевка Холмского уезда Псковской губернии. Из крестьян, окончил школу в селе Монастырь Воронцова. Примечательно, что в графе «народность» в его УПК стоит дореволюционное и почти забытое сегодня слово «великоросс», вписанное им собственноручно. Служил в царской армии с 1916 г., прапорщик. В Красной армии с октября 1918 г. В межвоенный период окончил курсы комсостава «Выстрел» и прошел все ступени командирской лестницы. За участие в советско-финляндской войне был награжден орденом Ленина – высшей наградой СССР, а за прошлые заслуги имел два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА». Он был одним из наиболее подготовленных командиров Красной армии, поэтому не случайно, что в декабре 1940 года С.Д. Акимов был назначен сначала инспектором пехоты, а чуть

позднее – помощником командующего Прибалтийским Особым военным округом (Приб-ОВО) по военно-учебным заведениям».

В начале Великой Отечественной войны генерал Акимов участвовал в приграничных сражениях в должности помощника командующего Северо-Западным фронтом. Руководил сводной боевой группой, сформированной из разрозненных частей и подразделений в районе Даугавпилса. Его группа удерживала переправы на реке Даугава. В начале августа командовал 48-й армией Северо-Западного фронта. Армия противостояла противнику в районе Новгорода, Чудова и Колпино. В начале сентября генерал Акимов отвел свою армию к Шлиссельбургу. Уже тогда в Ставке выражали недовольство действиями командующего 48-й армией. В середине сентября полевое управлении 48-й армии было расформировано, войска переданы на доукомплектование другой армии. Генерал Акимов направлен на учебу в особую группу Академии Генштаба имени К.Е. Ворошилова. Но уже в октябре занят переформированием вышедшей из рославльского ада 113-й дивизии, потерявшей под станцией Занозная у Варшавского шоссе своего командира генерала Преснякова.

10 октября назначен на должность командующего 43-й армией, в состав которой входила и 113-я стрелковая дивизия.

Один прапорщик царской армии сменял на посту командарма 43 другого прапорщика. И тот и другой прибыли на Московское направление из-под Ленинграда. Такие, как Собенников и Акимов, не позволили группе армий «Север» сделать в Прибалтике с Красной армией то, что сделала группа армий «Центр» под Белостоком и Минском: сотни тысяч убитых и пленных, в том числе несколько генералов, потеря 2585 танков и 1449 артиллерийских орудий. Северо-Западный фронт под командованием генерала Ф.И. Кузнецова личный состав и основную часть вооружения сохранил, отводя войска и технику от рубежа к рубежу. Тогда еще в Ставке это не могли оценить.

В эти дни 43-я армия, как, впрочем, и весь Западный фронт, переживала тяжелейшие дни московской обороны. Генерал Акимов попал в самое пекло кровопролитных боев в ильинском и малоярославецком секторах Можайской линии. Командовать армией он будет недолго.

К сожалению, долгие годы имя этого талантливого и храброго генерала было просто-напросто вычеркнуто из истории, из списков боевого состава 43-й армии. Даже маршал Жуков, подробно описывая бои в центре Западного фронта, ни разу не назвал имя своего непосредственного подчиненного генерала Акимова.

История Великой Отечественной войны сейчас восстанавливается. Прежде во многом закрытая даже для специалистов, профессионально изучающих этот период, теперь открывается. Вернее сказать – *приоткрывается.* Потому что по-прежнему на многих папках стоит запрещающий знак – чернильная клякса «Секретно». Похоже что прятать свою историю от народа, подвиги и страдания отцов и дедов от их детей и внуков – это прямо-таки профессиональный долг властей, чиновников, обслуживающих власть.

Но поклон таким неутомимым следопытам пустыни истории, как Валерий Степанов! Он опубликовал биографию генерала Акимова, его приказы и распоряжения. Некоторые из них будут приведены в этой главе.

Опасность, которая грозила 43-й армии, заключалась еще и в том, что она одновременно и дралась, заняв новые рубежи под Боровском, Малоярославцем и Угодским Заводом, и продолжала формироваться, восстанавливаться.

8 сентября 1941 года директивой Ставки ВГК № 002743 командующим Резервным фронтом был назначен прибывший из-под Ленинграда генерал армии Г.К. Жуков. Через два дня Резервный и Западный фронты были объединены в один, Западный, и Жуков возглавил этот фронт. Спустя несколько дней правое крыло объединенного фронта было преобразовано в отдельный, Калининский фронт, под командованием генерал И.С. Конева.

Таким образом, назначение генерала Акимова на армию, стоявшую в центре обороны Западного фронта, не могло пройти мимо комфронта. Тем более что на участок обороны этой армии приходилась деревня Стрелковка, родина Жукова, откуда он только что успел вывезти свою семью.

В эти дни в войска Западного фронта прибыл заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис. Мехлис лично руководил восстановлением 43-й армии. Некоторые исследователи утверждают, что именно Мехлис приказал отстранить от командования и отдать под суд генерал-майора Собенникова.

И вновь слово биографу генерала Акимова Валерию Степанову: «Акимову предстояло организовать и провести огромную работу по сбору, приведению в порядок и сколачиванию остатков соединений и частей, разбросанных на большом расстоянии друг от друга от Тулы, Калуги и Козельска до Вереи, и с их помощью организовать отпор врагу, устремившемуся к Можайской линии обороны. Задача была крайне сложной. Сплошного фронта обороны не было. К тому же

наметившийся с началом операции «Тайфун» разрыв между 43-й и 49-й армиями с каждым днем увеличивался, а 33-я комбрига Д.П. Онуприенко, выведенная в резерв фронта и находившаяся на этом же направлении, была небоеспособной и бездействовала».

Армия после марша из-под Рославля, Спас-Деменска и станции Занозной, марша, который порой переходил в бег, выглядела не просто потрепанной. Это были жалкие остатки того, что они представляли всего лишь неделю назад. 145-я и 148-я танковые бригады вышли в район сосредоточения, как указывалось в донесениях, *без материальной части* . А это означало, что танки и тяжелое вооружение гаубичных и артиллерийских полков, противотанковые орудия, склады боеприпасов и снаряжение были брошены в пути или оставлены поврежденными на последних позициях. Трудно обвинять в этом бойцов и даже командиров. Когда в баках танков кончалось горючее, когда взрывом мины или снаряда убивало конную запряжку и орудие оставалось на руках у неполного расчета, когда за артсклад отвечала только последняя караульная смена, оставленная без связи, без приказа и без еды… Однако для многих из них, вышедших к Белоусову, Малоярославцу и Боровску, их марш *к своим* заканчивался расстрельным рвом. Говорят, комиссар Мехлис многих из них опрашивал и допрашивал лично и тут же принимал решение, кого куда.

Вот какую историю рассказал мне в 90-х годах прошлого века бывший лейтенант и командир стрелкового взвода одной из дивизий, выходившей из вяземского котла, Иван Алексеевич Таланов из города Кирова Калужской области:

«Вышли мы из окружения из-под Вязьмы. Вместе с нами шли артиллеристы, весь расчет. Всегда вместе держались. Командовал ими сержант, уже в годах. Они его слушались беспрекословно, по имени-отчеству называли.

Когда вышли, сержанта того сразу забрали. И – под трибунал. Где орудие? Почему бросили? Военный трибунал рассмотрел дело и пришел к выводу, что командир расчета проявил трусость, бросив на поле боя исправное орудие…

Я видел, как его расстреливали. Мы, человек десять, стояли на опушке леса. Артиллериста поставили к березе. Вышел офицер НКВД, вытащил из кобуры новенький ТТ и выстрелил сержанту в затылок. Тело оттащили, стали закапывать.

Вот и вышел из окружения… Вывел людей… Если бы погиб во время прорыва, домой послали бы извещение: пал смертью храбрых…»

Невеселая история. Война – вообще история не из веселых.

Вот из них, видевших расстрелы своих сержантов и

лейтенантов, а также из тех, кто чудом избежал суда и строгих разбирательств особых отделов, следователей и дознавателей военной прокуратуры и скорого суда мехлисов разных уровней, и формировал генерал Акимов свою армию. И вскоре она была сформирована.

По сути дела это была уже новая армия. В нее влили конечно же пополнение, прибывавшее из тыловых районов. Маршевые роты и батальоны. Некоторые из них поступали из Сибири. Другие из Московской области, из Ярославля, Владимира и Иванова.

Кстати, из личного состава вышеназванных танковых бригад был сформирован мотострелковый батальон, а специалисты, в основном экипажи танков, направлены в город Владимир. Из них сформируют новую танковую часть и вскоре направят на передовую.

211-ю стрелковую дивизию расформируют. Личный состав вольют в 17-ю стрелковую дивизию. 17-я будет передана 43-й армии и займет участок обороны на левом фланге, закрывая стык с соседней 49-й армией на одном из самых сложных участков – высокиничском. Здесь противник сосредоточит довольно значительную группировку, в том числе и танки, для броска на Серпухов.

113-ю стрелковую дивизию, которую на фронте больше знали как 5-ю дивизию народного ополчения, тоже основательно пополнят, пришлют нового командира. Судьба этой дивизии в ходе рославльских боев сложилась трагично. Три дня она стойко сражалась на рубеже Семирёво – Григорьевское – Желны южнее Варшавского шоссе. Ее обошли с флангов. Полки и батальоны продолжали драться в окружении и полуокружении. Затем генерал Пресняков приказал отойти на новые позиции. По пути к колонне дивизии присоединился отряд из 211-й стрелковой дивизии. Это были разрозненные группы частей из разных полков. Они не имели ни обоза, ни продовольствия, ни боеприпасов. Генерал Пресняков приказал присоединить к своей колонне эту группу, включив ее в состав 113-й дивизии. Вскоре они займут оборону под станцией Занозная и почти целиком погибнут там в бою с немецкими танками и мотопехотой. Генерал Пресняков будет ранен и попадет в плен. В плену будет расстрелян за несогласие сотрудничать с германскими властями. Формированием 113-й как раз и занимался генерал Акимов по прибытии под Малоярославец.

Самой боеспособной из всех дивизий, прибывших с реки Десны, оказалась 53-я стрелковая дивизия полковника Н.П. Краснорецкого. Под Малоярославец полковник Краснорецкий

вывел свою дивизию более или менее благополучно, сохранив основной костяк не только полков, но и батальонов, а также артиллерию и обозы. Согласно оперативной сводке, на 10 октября 1941 года дивизия насчитывала 4720 человек. Она первой вступит в бой на новом рубеже. Усиленная 17-й танковой бригадой майора Клыпина, она будет контратаковать от Ильнинского в сторону Медыни. К сожалению, полковнику Краснорецкому, так же как и генералу Акимову, судьба отпустит недолгие дни. Они погибнут почти одновременно и почти на одном и том же рубеже. Но об этом чуть позже.

К 14 октября 1941 года вновь восстановленная 43-я армия имела в своем составе следующие дивизии и части: 53, 110, 113, 312-ю стрелковые дивизии, 17-ю танковую бригаду, переданную из резерва Ставки 9-ю танковую бригаду, Подольские пехотно-пулеметное и артиллерийское училища и части усиления.

После того как рухнула оборона соседней 49-й армии под Калугой и противник овладел важнейшей рокадой, соединявшей Калугу и Варшавское шоссе, а далее на Боровск и Верею, создалась угроза не только левому флангу, но и правому, где на стыке с 5-й армией тоже образовалась брешь.

Накануне, 13 октября, Жуков в своем приказе пригрозил командарму 49 генералу Захаркину расстрелом за оставление Калуги и приказал 9-й танковой бригаде закрыть образовавшуюся брешь в районе Прудки – Тарановка. 49-я пыталась контратаковать в направлении Калуги с целью вернуть город. Так приказал Жуков. Но в распоряжении Захаркина была одна дивизия, и та наполовину выбитая, и с немецким корпусом, усиленным танками и артиллерией, он тягаться попросту не смог. Чтобы исполнить приказ командующего Западным фронтом, положил к северу от Калуги еще около батальона солдат и отошел к Тарусе.

Генерал Акимов вынужден был в этой непростой ситуации закрывать сразу три направления – боровское, малоярославецкое и детчинское. Каждое из них могло стать решающим в обороне Москвы. Боровское направление – это стык с 5-й армией, прямая дорога на Наро-Фоминск и далее к Москве. Малоярославецкое – Варшавское шоссе, Лопасня (ныне г. Чехов), Подольск и – Москва. Детчинское – Старая Калужская дорога, важнейшая рокада, позволявшая противнику оперативно маневрировать резервами, осуществлять подвоз и эвакуацию раненых.

Войска были так растянуты, что все нормативы, штаты и уставы казались просто насмешкой над реальностью. К примеру, 312-я стрелковая дивизия полковника А.Ф. Наумова была растянута в тонкую нитку на фронте более 50 км. Ее полки, не

имея сплошной линии обороны, вынуждены были действовать самостоятельно, рискуя оказаться во время боя изолированными и погибнуть в окружении.

Штаб армии располагался в Малоярославце. Командный пункт генерала Акимова был выдвинут западнее, в деревню Сергиевка. Здесь же, в Сергиевке, находилась оперативная группа штаба армии. Ею руководил начальник оперативного отдела штаба армии комбриг Любарский.

Штаб Западного фронта, понимая, в каких обстоятельствах находится фронт обороны на главнейших направлениях, постоянно направлял к передовой новые и новые части.

15 октября в распоряжение генерала Акимова прибыл 2-й Особый Люберецкий полк. Командовал полком полковник Волков. Удивительный это был человек. Старый солдат, умный, талантливый и храбрый командир, по сути дела выброшенный из Красной армии накануне войны и едва не сгинувший за колючкой советских концлагерей, но призванный в трудный час в армию и получивший полк.

Федор Андреевич Волков родился в 1898 году в деревне Косколово Петербургской губернии. По национальности – ижорец. В 1916 году добровольцем вступил в Русскую Императорскую армию. Вскоре 148-й Каспийский полк, в который он был зачислен в команду связи, отправили на Румынский фронт. За проявленный героизм солдат Волков был награжден тремя Георгиевскими крестами и произведен в унтер-офицеры. 1917 год принес в армию анархию и разложение. Унтер-офицер Волков отправился на родину. В Ревеле (Таллин) ему предложили вступить в эстонскую армию, которая тогда энергично формировалась новым эстонским правительством. Но он отказался. Весной 1918 года записался в красногвардейский отряд. Участвовал в боях против генерала Юденича. В польском походе его 11-й стрелковый полк дошел до предместий Варшавы. За храбрость и воинское отличие, проявленные во время штурма крепости Брест-Литовск, был награжден орденом Красного Знамени. В Смоленске окончил Высшие объединенные курсы старших строевых начальников Западного фронта. Участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте весной 1921 года. В возрасте двадцати трех лет Волков был награжден тремя Георгиевскими крестами и двумя орденами Красного Знамени. Служил в отрядах ЧОНа Петроградского военного округа. В 1923 году перешел на преподавательскую работу в Военно-политическую академию имени Н.Г. Толмачева. В 20-х годах началась дискуссия в войсках о разграничении полномочий командных и политических кадров. Толмачевцы выступили как сторонники укоренившейся в Красной

армии комиссарской практики, когда комиссары действовали в войсках самостоятельно, не подчиняясь командирам. В 1928 году Реввоенсовет СССР резко осудил толмачевцев и политработников Белорусского военного округа, не подчинявшихся новым веяниям и приказам центра. Волков получил взыскание по партийной линии и отправлен в город Полтаву с понижением в должности. С мая 1930 по апрель 1932 года Ф.А. Волков командовал стрелковым полком 81-й Калужской стрелковой дивизии. Полк дислоцировался в городе Медыни на Варшавском шоссе. Затем пять лет командовал полком на Дальнем Востоке. В 1936 году получил воинское звание полковник. В 1937 году, когда в Отдельной краснознаменной Дальневосточной армии шла усиленная охота на «врагов народа», выплыла история толмачевцев. Л.З. Мехлис, назначенный в тот год начальником Политуправления РККА, издал директиву об участниках белорусско-толмачевской оппозиции. Тут же были подняты списки слушателей и преподавателей Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева. Согласно постановлению Особого отдела ОКДВА и 5-го отдела УГБУ НКВД по ДВК полковник Волков был привлечен в качестве обвиняемого по статье 58—1 пункт «б» (контрреволюционные действия), 58—7 (противодействие деятельности государственных учреждений и предприятий), 58—9 (разрушение с контрреволюционной целью сооружений или государственного и общественного имущества), 58–11 (организационная деятельность, направленная к подготовке совершения преступления) УК РСФСР. Но полковнику Волкову повезло. После бесконечных изнуряющих допросов, избиений и пыток в следственной камере о нем на какое-то время забыли. В далекой Москве произошли перемены: нарком внутренних дел Н.И. Ежов был арестован как враг народа, на смену ему пришел Л.П. Берия. Берия начал пересматривать дела арестованных и осужденных. Волна оправдательных приговоров захватила и дело полковника Волкова. 11 декабря 1939 года Ф.А. Волков был оправдан, освобожден из-под стражи и… уволен в запас РККА. Перебрался с семьей в Калинин и до начала войны работал в Калининском государственном педагогическом институте, на кафедре военного дела. С первых дней войны полковник запаса Волков начал осаждать военкомат с просьбой вернуть его в ряды действующей армии и направить на фронт по специальности, а если таковой нет, то рядовым бойцом в ополчение. 30 августа 1941 года он был восстановлен в РККА и назначен на должность начальника отделения боевой подготовки 3-й запасной стрелковой дивизии Московского военного округа. Формирование, оснащение и боевая подготовка вновь

формируемых дивизий и полков происходили в полевых лагерях в окрестностях Москвы. Один из таких лагерей находился в Люберецком районе Московской области (ныне это 32-й микрорайон Выхино-Жулебино города Москвы). В начале октября, когда немцы прорвались на Десне и огненным потоком хлынули по всем направлениям к Москве, полковник Волков получил предписание: в кратчайший срок сформировать стрелковый полк, оснастить его, вооружить и отбыть на передовую в район Воробьи под Малоярославец (ныне Калужская область). В 3.00 13 октября 1941 года полковник Волков получил этот приказ, а в 12.00 того же 13 октября полк, которому было присвоено наименование 2-й Особый Люберецкий, грузился на автотранспорт и направлялся в пункт назначения. Полк состоял из одиннадцати маршевых рот, прибывших в основном из Приволжского военного округа. Основу рот составляли курсанты краткосрочных курсов Рязанского пехотного училища. На должности командиров батальонов и рот полковник Волков подобрал офицеров из числа слушателей военных академий. Полк получился довольно сильной частью, насчитывал 2632 человека. Примечательно, что водителями грузовиков, которые Моссовет выделил полку для выдвижения под Малоярославец, были в основном девушки и молодые женщины из числа комсомольцев. Прибыв на место назначения, полк поступил в подчинение 43-й армии генерала Акимова. Акимов усилил полк двенадцатью орудиями и шестью счетверенными зенитно-пулеметными установками и приказал не медля выступить по маршруту Белоусово – Угодский Завод – Черная Грязь – Недельное с выходом на Детчино – Абилей – Березенки и задачей прикрыть стык 43-й и 49-й армий. В 13.00 14 октября 1941 года полк начал выдвижение на указанный командармом рубеж. Утром следующего дня полк сменил части 9-й танковой бригады, заняв окопы в районе деревни Кобылино. В то же утро во всех ротах был зачитан приказ комполка: стоять на рубеже насмерть. Текст приказа был написан от руки и размножен для подразделений на основании приказа, полученного полковником Волковым из рук генерала Акимова: «Комполка Волкову.

14.10.41. Военный Совет обращает особое внимание командира 2-го СП на выполнение поставленной задачи. Без приказа Военного совета армии войска не имеют права отходить. Все отошедшие без приказа, будут расстреляны. Последний пункт приказа объявить всему личному составу до командиров отделений включительно…» Полк выполнит приказ генерала Акимова. 25 октября на короткий промежуток он выйдет из боя, имея в своем составе 476 человек. Ф.А. Волков закончит войну

весной 45-го на реке Эльбе близ Магдебурга в звании генерал-лейтенанта, командира 91-го стрелкового корпуса 69-й армии 1-го Белорусского фронта. Он станет Героем Советского Союза. За последнюю операцию, когда 91-й корпус соединится с 30-й пехотной дивизией американцев, покончив с сопротивлением последних групп немцев, генерал Волков получит второй орден Кутузова I степени. Но тогда, в октябре 41-го, только что восстановленный в звании полковник Волков выводил свои батальоны на рубеж обороны, где несколько часов назад немецкие танки и мотопехота прорвались сразу на нескольких участках, потеснили части 9-й танковой бригады (бригада действовала без танков, ее танковый полк в это время сосредоточивался в другом месте) и перегруппировывались для нового удара.

Вот какие люди стояли в обороне на многих участках Западного фронта. В самое тяжкое для страны время обстоятельства призывают самых лучших, самых храбрых, умных и надежных. Как правило, в более спокойное время, когда на ответственных участках не надо жертвовать собой, страна обходится и более мелкими, а иногда и просто ничтожными людьми. Но это уже другая тема. Правда, сегодня, когда Россия переживает новый кризис, вполне сравнимый с Великой Отечественной войной, очень актуальная.

– Слушай, Федот Пантелеич, а по котлу ихнему попадешь? – спросил правйльный Дремин наводчика и командира орудия старшего сержанта Дарькина.

Дарькин покрутил рыжий, будто в меду побывавший ус, загнул острый кончик кверху и сказал, но не сразу:

– А зачем нам это баловство?

– Да чтобы они там все разом своей проклятой кашей подавились, черти проклятые! – выругался Дремин.

– Тише ты. Наблюдатель… – Старший сержант поднял трофейный бинокль, посмотрел, поводил им туда-сюда, вправо-влево, зачем-то вверх и сказал: – Если бронебойным, то попаду.

– Давай, командир, шарахнем! Давай, Федот Пантелеич! Христом богом тебя прошу! Как друга. Шарахнем и – ходу! Кони накормлены, понесут как оглашенные! А?

– Дай подумать, – опять не сразу, спокойным тоном человека, на которого звание и обстоятельства возложили непростую должность командира, ответственного здесь за все и вся, ответил старший сержант.

Наводчик он был славный. Лучший в полку! Сравниться с ним мог только сам майор Свистунов. Но комполка убило вчера, на Снопоти. И зачем выдвигать батареи за реку? Ведь с самого начала было понятно, что пехота там удержится час-два, не

больше. Пехоте-то что? Винтовку за спину и – через реку, назад, в свои окопы. А их, артиллеристов, немецкие «лаптежники» прихватили как раз на переезде. Три захода – и двух батарей как не бывало. И комполка погиб, и весь штаб. Потом, когда прорвались танки, смяли еще одну батарею. Осталось одно орудие. Вот и весь их полк. «Тылы небось где-нибудь уже за Зайцевой Горой, – подумал старший сержант Дарькин с неприязнью о старшине Осоцком. – Увозят от нас наши полковые сухари…»

В животе заурчало. С утра расчет ничего не ел. Хорошо, пехотинцы подвернулись. Забрели к ним на позицию трое чудиков из стрелкового батальона, который прикрывал их истребительно-противотанковый полк в бою. Батальон тоже разнесло в клочья, когда немцы вчера вечером поперли всей силой вдоль Варшавки. Кто уцелел во время бомбежки и артобстрела, кто успел увернуться от танков, разбежались по лесу и по оврагам. Вот трое к ним ночью и прибились. У них «сидор» с рыбными консервами. И где они их натырили? Говорят, разбитую машину на дороге нашли, а в ней продукты. Врут. Хотя ребята вроде бесхитростные, здешние, смоленские. Тут же поделились и ночью обещались еще сходить на дорогу к той разбитой машине. Но на рассвете подошла вот эта проклятая колонна и остановилась. Видать, надолго. Раз кашу заварили…

– Это не каша, Дремин, – сказал старший сержант Дарькин. – Не кашу они варят.

– А что? – И правильный потянул чутким носом, поставив его по ветру, как опытная гончая, учуяв кабанью тропу.

– Макароны. Макароны с тушенкой.

– Точно. Точно, Федот Пантелеич. И из машины нашей, видать, тоже все выгребли.

– Не пропадать же добру.

Рассвело уже ясно. Туман стало утягивать в низины. Вот-вот из-за леса появится солнце. Оно уже встало, и присутствие его ощущалось в проснувшемся мире. Лес, луговины по опушке, молочная вуаль тумана в низинах и вся окрестность жили прежней жизнью природы, не понимавшей, что такое война и смерть людей, возненавидевших друг друга. Старший сержант Дарькин тряхнул головой, как задремавшая лошадь, и снова поднял бинокль.

– Буди народ и подавай запряжку, – коротко приказал он правильному.

– Вот это дело, Федот Пантелеич. Вот это правильно. Макароны им с тушенкой… – с готовностью, словно только того и ждал, отозвался правильный Дремин. Он сгреб с пожухлой

листвы винтовку и свой тощий, помятый, как заношенная портянка, «сидор», по-хозяйски оглядел лежбище, не оставил ли чего, и побежал в овраг, где стояли кони и спали бойцы.

Через минуту расчет сидел возле орудия.

– Надо подкатить немного, – вполголоса командовал старший сержант Дарькин, и расчет тут же выполнял сказанное. – Доворачивай. Вот так. Бронебойный.

Расчет у него был хороший. Каждый на своем месте. Никого он не потерял ни на Шуйце, ни на Снопоти, ни под Латышами. Что и говорить, везло. И артиллеристы, повидавшие за эти дни всякого и всякое пережившие, жались к нему, как ягнята к пастуху во время грозы. Приблудившиеся пехотинцы тоже скоро распознали в нем надежного человека и смотрели на него с уважением и подчинялись каждому слову.

Конечно, лучше ударить парой-тройкой осколочных. Противнику будет нанесен наибольший урон. Но пусть, гады, полюбуются на дыру в своем котле. Небось тащат его с самой Франции или Польши. А потом можно уже и осколочными. Все равно их осталось всего шесть штук. Парочку по мотоциклистам. Вон они, сидят в колясках, консервы жрут. И – парочку по грузовикам, по голове колонны. Чтобы запрудили дорогу и не сразу организовали погоню.

Два часа назад вернулся разведчик, которого старший сержант Дарькин посылал искать безопасную дорогу. Дорога нашлась. И уходила она все время в лес и в лес, отклоняясь от шоссе на юг. То, что надо.

Он установил панораму прицела. Деревянный ящик сунул под ноги – скоро прицел снова прятать.

Скошенный щит орудия резко присел, со ствола пылью поднялась ночная роса. Трасса ушла за дорогу и исчезла в гуще людей и повозок на той стороне.

– Осколочный! Быстро шевелись! Ти-вашу!..

Расчет работал, как единый организм.

Еще несколько снарядов один за другим ушли за дорогу.

– Быстро! Шевелись, ребята! Уходим! Эх, ти-вашу!..

«Погубил я ребят», – колотилось под горлом у старшего сержанта, когда они бежали по лесному проселку следом за орудием. Кони несли зарядный ящик и пушчонку легко, как игрушечную. Сейчас догонят, ударят из пулеметов и – конец…

Сколько они бежали по той дороге, никто потом вспомнить не мог. Опомнились на лесном хуторе, когда уже начало темнеть. То ли день кончался, то ли просто небо помутнело и из низко опустившихся облаков начал подсекать мелкий дождь.

– Федот Пантелеич! Федот… Пантеле… Ты ж пожалей хоть

коней! – Губы едва ворочались, и слова выходили деревянными, ненатуральными, как во сне.

Все кругом, и все, что случилось совсем недавно, из-за чего они вынуждены были совершить такой марш по лесному проселку и из-за чего оказались здесь, теперь представлялось чудовищным и нелепым сном. Зачем они стреляли? Какая глупая неосторожность! Отсиделись бы за дорогой и с наступлением темноты спокойно двинулись бы дальше на восток. Послушал этого дурака правильного… А теперь ему отдохнуть захотелось…

– Орудие к бою! – приказал он и ухватил левую пристяжную за узду.

Теперь его расчет двигался медленно. Бег по лесу вымотал всех. Не только лошадей.

В лесу на дорожной просеке, откуда они только что выбрались, действительно шло какое-то движение.

– Осколочный, – махнул рукой старший сержант Дарькин своему заряжающему.

– Последний, товарищ старший сержант, – сказал заряжающий. – Осталось еще два бронебойных.

Что ж им делать, когда кончатся снаряды? Что делать? Сдаваться? Сложить у ног винтовки и поднять руки? Старший сержант Дарькин вспомнил своих сыновей, жену, отца. Что подумают они, когда узнают, что он в плену? Он поднял бинокль. Слава богу, это не немцы.

– Отставить, – сказал он устало.

На дороге появились пехотинцы. «Какие хорошие ребята, – с теплотой подумал о них старший сержант Дарькин, – без приказа, а в заслоне остались, и прикрывали нас всю дорогу».

– Насилу догнали вас… Ух ты ж, ноги даже сводит! Как вы, артиллерия, бегать научились… – Пехотинец, видать старший в их тройке, говорил незло и невредно. Простодушная улыбка дергалась на его усталом, грязном лице. Он смахнул с головы пилотку и утер ею потную шею. – А ты, брат, специалист высшей категории! Ох и паника у них поднялась! Слыхали, как из минометов лупежили! Весь лес минами закидали! Мы лежим, а осколки – ширь-ширь… Но сами не пошли.

– Они вас не заметили? – спросил пехотинца старший сержант Дарькин.

– Нет. Мы тихо ушли.

– Как тебя зовут, пехота?

– Никанором. Боец второго взвода шестой стрелковой роты Никанор Петраченков!

– Выставляй посты, боец Петраченков.

– Слушаюсь!

Хутор оказался брошенным. Ничего съестного артиллеристы ни в сараях, ни в доме, конечно, не нашли. Приуныли. И тут один из пехотных говорит:

– Я знаю, чей это хутор. До войны тут семья лесника жила. Теперь они в деревне живут, в колхоз переехали. Деревня тут, недалеко.

На всякий случай старший сержант Дарькин послал с ним Дремина. По части провианта и трофеев правильный в расчете считался человеком незаменимым. Через час они вернулись. Вещмешки раздувались. Лица светились довольством.

– А хозяйка, Федот Пантелеич, хозяйка попалась – ну прямо карамелька! – тараторил правильный Дремин. Он был доволен походом в деревню.

– А что ж ты, балабон, на ночлег там не остался? – старался обрезать его трескотню по поводу неведомой хозяйки заряжающий Демьян Игнаткин.

– Оставляла! Говорю тебе, оставляла! – тут же нашелся правильный. – Солдатка. Годов тридцать. Самая – самая, говорю вам. Я ей намекнул, а у ней ямочки на щечках так и заиграли…

Расчет молчал. Старший сержант Дарькин знал причину этого напряженного молчания: народ у него в расчете подобрался степенный, все женатые. Так что вольностей по поводу солдаток не любили.

Ночевали спокойно. Канонада гремела уже северо-восточнее и юго-восточнее. Шоссе, оставшееся километрах в пяти севернее их хутора, гудело всю ночь.

На рассвете со стороны деревни прибежал мальчик и сказал, что к хутору движется колонна мотоциклистов. Быстро снялись, орудие на передок и – ходу. На этот раз заслон оставлять не стали. Бежали, размазывая по лицам потеки грязного пота. Тащили за уздечки лошадей. В лощинах и болотинах подхватывали сорокапятку и толкали ее вперед, скрипя зубами и матерясь. В зарядном ящике болтались три снаряда – один осколочный и два бронебойных.

К полудню вышли к речушке. Впереди дымились обломки моста. Зияла черным болотным илом глубоченная воронка. Следы гусениц и мотоциклетных колес на песке старательно огибали воронку. Срезанный лопатами береговой козырек, утоптанный колесами и гусеницами. По всему было видно, что колонна прошла совсем недавно. Воронка уже заполнилась водой, но вода еще оставалась мутной. Муть не осела и в глубоко прорезанных колеях возле берега.

На другом берегу за переездом цепочка окопов. Перед окопами остов грузовика. Куски резины, отпавшей от сизых

скатов, еще дымились. Кровавое тряпье, обрывки бинтов на обочине. За окопами открытая позиция ПТО. Одиночное орудие. Вокруг артиллерийской позиции и по горбовине берега вдоль окопов серые холмики убитых красноармейцев. Некоторые лежали прямо в ячейках. На дороге искореженные стволы, изломанные приклады трехлинеек.

– Бросали под гусеницы. Победители… – Старший сержант Дарькин остановился посреди дороги. Он смотрел то на убитых, то на изуродованное гусеницами танков оружие.

На позиции артиллеристов они нашли несколько ящиков снарядов. Снаряды тут же перегрузили в зарядный ящик.

– Посмотрите, ребята, может, есть раненые, – приказал он и наклонился к засыпанному землей артиллеристу, лежавшему возле раздавленного щита сорокапятки. По всему видать, это был наводчик. Стриженая голова, петлицы старшего сержанта… Тело уже застыло.

– Похоронить бы, а то вон уже вороны летают, – сказал Демьян Игнаткин. Заряжающий снял с одного из убитых подсумок с патронами, перекинул его через плечо и стоял, не отрывая взгляда от убитого. – На сына моего похож. На старшего. Эх, не дай бог, если война затянется. Нас побьют, детей на фронт погонят.

Хоронить убитых старший сержант Дарькин запретил.
– Некогда. Надо уходить. Искать проселок и двигаться дальше.

Через трое суток на реке Шане они встретили пост. Трое бойцов в шинелях с курсантскими петлицами и нашивками «ППУ» [24] остановили их на переезде через брод. Подошел сержант и сказал: – Я – командир боевого участка сержант Воронцов. С этого момента поступаете в мое распоряжение. Приказываю немедленно занять позицию позади наших окопов.

Войну закончит командиром батареи 76-мм орудий на косе Фрише-Нерунг. Из всего расчета, с которым он воевал на Варшавском шоссе в 41-м и 42-м годах, до Победы дойдет только правильный Дремин. После войны они часто будут приезжать на то место, где когда-то, в октябре 41-го стреляли из своей сорокапятки по котлу немецкой кухни. Года до пятидесятого пробитый котел валялся в овраге. Потом его увезли на металлолом. Пробоина была двойная. Во входную бывший правильный свободно просовывал кулак и говорил:

– Подавились они своей кашей, Федот Пантелеич. Во, смотри! А на выходе голова пролезет!

– Они кашу не ели, – усмехался бывший наводчик. – У них были макароны с тушенкой.

– Видать, вкусное блюдо.

– А ты что, ни разу не пробовал?
– Не довелось.

Глава 5 Трудные дни октября 41-го

«В образовавшийся прорыв противник бросает новые силы …»

Танки Гёпнера снова повернули на Москву. – Из дневника фон Бока. – Из журнала боевых действий штаба Западного фронта. – Потеря Боровска и попытка его отбить назад. – 2-й Особый Люберецкий полк дерется в районе Кудинова. – Встречный бой под Белоусовом. – Противник продолжает атаковать. – 17-я стрелковая дивизия полковника Козлова обороняла родную деревню комфронта генерала Жукова. – Обстановка на фронте начала существенно меняться: «Противник приступил к окапыванию…» – Генерал Голубев – новый командарм 43. – Расстрелянные лейтенанты и бойцы: сколько их было? – Нерасстрелянные полковники. – От кого мы прячем свою историю? – Прибытие генерала Голубева в штаб 43-й армии

Когда группа армий «Центр» покончила с окруженными под Брянском и Вязьмой, освободившиеся ударные танковые и моторизованные части после короткого отдыха и перегруппировки снова ринулись на Москву.

12 октября 1941 года фон Бок сделал следующую запись в дневнике:

«Вечером разговаривал с Браухичем, который одобрил мои планы относительно дальнейшего развития наступления группы армий.

Для окружения Москвы он мысленно наметил линию, которая проходит вокруг города примерно в сорока пяти километрах от городского центра. На это я сказал, что у меня нет войск для осуществления окружения по такой широкой дуге; кроме того, это оставляет противнику слишком большую свободу действий. Взамен я предложил более тесное окружение. Кстати сказать, фюрер запретил нам входить в Москву».

Мечта фон Бока сбывалась. Еще немного, еще одно усилие, и фронт русских рухнет, как рухнул под Спас-Деменском и Вязьмой. Но фельдмаршал постоянно имел в виду одну опасность, которая с течением дней превращалась в навязчивую идею: если у русских хватит сил остановить его корпуса на Можайской линии обороны, то его группе армий, совершенно не имеющей резервов, придется туго. К тому же время и погода начинают работать на русских. Из записи 13 октября: «…миссия по позднейшему окружению Москвы будет возложена в основном на 4-ю армию». И наконец, 15 октября, когда тон записей совершенно меняется: «Ухудшение погоды, как то:

перемежающиеся ливни, снегопады и заморозки, а также необходимость передвигаться по неописуемым дорогам сильно сказываются на состоянии техники, вызывают переутомление личного состава и как следствие этого падение боевого духа. Вопрос: «Что будет с нами зимой?» – тревожит каждого немецкого солдата».

Неуверенность фон Бока не была случайным или частным ощущением немецкого офицера, участвующего в русском походе. С каждым днем страх перед надвигающимися холодами и усиливающимся сопротивлением русских становился все сильнее. Вот откуда переутомление личного состава.

4-й полевой армии фельдмаршала фон Клюге предстояло сделать завершающий удар. Вот для чего экономились усилия и огневые средства этой армии. Однако противодействие армий центра Западного фронта, в том числе и 43-й, их постоянные яростные контратаки заставляли немецких генералов, командиров корпусов, дивизий и полков 4-й полевой армии вермахта бросать в бой последние резервы. Вскоре их не стало. Вот когда немцы в один голос заговорили о русском Генерале Морозе. И говорят до сих пор. Однако правда истории заключается в том, что весь октябрь и до середины ноября погода стояла теплая или умеренная для этих широт. Морозы ударили в конце ноября – в начале декабря. К тому времени немцы перешли к глухой обороне, еще надеясь перезимовать на достигнутых рубежах, и мороз со снегопадами становились помехой для наступающих, то есть для Красной армии, а не для вермахта. Так что причины немецким историкам поражения их армии под Москвой надо искать там, где они есть в действительности, а не придумывать картины замороженных германских войск на фронте от Волоколамска до Серпухова и Тулы.

Из журнала боевых действий Западного фронта:

«15 октября 1941 года.

Особенно упорные бои развернулись на фронте 5 и 43 армий.

<…> Противник в ночь на 15.10.41 группой тяжелых танков (до 15), автоматчиков и пулеметчиков ворвался в Боровск и овладел последним. Мост через р. ПРОТВА противником взорван.

Для ликвидации противника в районе БОРОВСК выдвигаются: 9 тбр – в БОРОВСК; 17 тбр – в ВОРОБЬИ.

9 тбр с утра 14.10.41 вела бой в районе БАШМАКОВКА; противник отброшен на МИХАЙЛОВО.

Частями бригады уничтожено до 2-х батальонов пехоты, до 6 батарей ПТО, 60 мотоциклов, захвачено два знамени и 4 пленных.

Потери бригады: убито – 4, ранено – 14 человек. Подбито 5 танков, из них «КВ» – 1, «Т-34» – 2, «Т-40» —

2. Танки вывезены с поля боя.

113 сд – в ночь на 15.10.41 после отхода из БОРОВСК сосредоточилась: одним сп в районе ТИМАШОВО, вторым – ГОРОДНЯ, где приводится в порядок.

Ее отряд в составе 800 человек организовал оборону на рубеже ЛАПШИНКА, КРИВСКОЕ.

Положение частей дивизии уточняется.

110 сд – закрепляется на рубеже лес ю.-в. МИТЯЕВО, РЕДКИНО, РЯБУШКИ, ЕРМОЛИНО, ЛАПШИНКА.

113, 110 сд получили задачу совместно с танками ликвидировать противника в БОРОВСК.

53 сд двумя полками и 17 сбр к утру 14.10.41 находились в районе БУРАКОВО, КОСТИНО, ШУБИНКА и к утру 15.10.41 заняли исходное положение для наступления в районе ОТЯКОВО, ВИСЯЩЕВО.

1298 сп отвел свой правый фланг в район АРТЕМЬЕВО. МИТЯЕВО занято противником силою до 2-х батальонов.

312 сд – обороняет прежний рубеж. В районе ИЛЬИНСКОЕ продолжаются атаки мелких групп противника, которые с успехом отбиваются частями дивизии.

В 6.00 15.10.41 противник силою до 2-х рот овладел БОЛ. и МАЛ. ШУБИНКА. Приняты меры к восстановлению положения.

9 тбр с утра 15.10.41 продолжает вести бой с полком противника в районе БАШМАКОВКА.

148 тбр сосредоточилась (без мотобатальона) в районе ст. БУТОВО. Ее МСБ обороняет АКСЕНОВКА, ВЫСОКИНИЧИ.
Сводный отряд МВ О [25] (усиленный стрелковый полк) на марше в район БАШМАКОВКА и к 16.00 15.10.41 головой достиг ФИЛИППОВКА» [26] .

Немецкие авангарды подошли к Можайской линии обороны и наткнулись на жесткую оборону. Не везде она оказалась крепка. Однако там, где части Западного фронта не успели построить оборонительные рубежи и подвести войска, прибывающие к передовой подразделения бросались в отчаянные контратаки буквально с марша. Бои середины октября на Московском направлении были особыми боями. Это была другая война. И другие войска участвовали в ней. Немцы таких солдат, как под Алексином, Серпуховом и Малоярославцем, еще не видели.

Немцы к Недельному, Ильинскому и Белоусову подошли тоже не свеженькими, а изрядно потрепанными в предыдущих боях и стычках с выходящими из окружения группами красноармейцев. К тому же пошли дожди, и дороги превратились в реки грязи с глубоко прорезанными колеями, в которых тяжелая техника тонула по ступицу, грузовики садились на мост, а маневр танков

сузился до того, что они зачастую использовались как неподвижные огневые точки поддержки атакующей пехоты.
Однако грязью, бездорожьем и грядущими морозами войны, и даже битвы, не выигрываются.

«16 октября 1941 года.

110 сд – обороняет КУПРИНО, РЯБУШКИ.

113 сд с 17 тбр – к исходу 15.10.41 вышли на рубеж КАВЕРИНО, КУРГИНО, АБРАМОВСКОЕ, где получила приказ о перегруппировке с целью удара на БОРОВСК и овладения последним.

223 сп совместно с 17 тбр, нанеся удар с юга в направлении БЕЛКИНО и УВАРОВСКОЕ, БОРОВСК, имеют задачей овладеть БОРОВСК.

475 сп – обороняет рубеж МАЛАХОВКА, ВИСЯЩЕВО.

12 сп обороняет ИГНАТЬЕВСКОЕ, ШУБИНКА, ТЕРЕНТЬЕВО, имея задачей уничтожить прорвавшегося в район ЧЕРКАСОВО противника.

Штадив 53 – ОТЯПОВО.

312 сд – занимает прежний рубеж обороны. Противник ведет арт. и мин. огонь по боевым порядкам дивизии. Район ДЕТЧИНО неоднократно подвергался атаке противника силою до пп.

9 тбр. С утра 16.10.41 противник силою до пп потеснил части 9 тбр к северо-востоку и вышел на фронт ВОСКРЕСЕНСКОЕ, КОБЫЛИНО, МАМОНОВО.

Танковый полк бригады в 13 ч. 16.10.41 сосредоточился в ВОРОБЬИ; остальные части в НОВ. СЛОБОДКА.
Сводный отряд МВО [27] ведет бой (предположительно) на рубеже ДОРОХИНО, КОЧЕРИНОВО, КУДИНОВО» [28] .

Удар на Боровск, похоже, на какое-то время стал навязчивой идеей штаба Западного фронта, и для контратаки на этот город накапливалась группировка войск. Последующие события покажут, что ничего, кроме истощения последних резервов, эта рискованная операция обороняющимся частям 43-й армии не принесет.

После овладения Боровском немцы начали сосредоточивать ударные силы на детчинском направлении. Детчинский сектор Можайской линии обороны продолжали удерживать курсанты подольских училищ и стрелковые части 43-й армии. В журнале боевых действий Западного фронта за 17 октября 1941 года записано: «Захваченные в районе ДЕТЧИНО пленные показывают, что в этом районе действуют 290, 285, 282 пп пр-ка» [29] .

Сам факт захвата нашими подразделениями пленных свидетельствует о том, что в этот период противостояние шло примерно на равных. Кто были эти солдаты вермахта,

перебежчики или захваченные в бою, не столь уж и важно. Важно другое: германская армия таяла на глазах, наступательный ресурс ее дивизий иссякал по мере продвижения от Рославля и Брянска к Москве. Вот что пишет по этому поводу известный британский историк Роберт Кершоу: «Успех блицкрига зависел от гибкости решений, принимаемых командным составом, зачастую прямо во время боя. Но к началу операции «Тайфун» трети офицеров и унтер-офицеров, начинавших кампанию, уже не было в строю. С точки зрения чисто арифметической потеря эта была вполне восполнима, но вот с точки зрения качественной их заменить оказалось просто невозможно – во-первых, на подготовку офицера вермахта уходило до полутора лет, во-вторых, боевой опыт обретается только в боях. Таким образом, у неприятеля появилось больше возможностей одержать победу в «войне умов» [30] .

Да, германское копье, запущенное из-за Десны в направлении Москвы, с каждым мгновением своего полета все сильнее и опаснее для самого себя истончалось, притуплялось, получало новые и новые зазубрины; кроме того, движение его, вначале стремительное, как удар тайфуна, к середине октября начало замедляться и, наконец, остановилось. Копье, которое не летит вперед, это – падающее копье.

Верно заметил британский историк, «война моторов», я бы добавил к этому: «война моторов» на советско-германском фронте шла параллельно с «войной умов». Потенциал Германии и СССР был в этом смысле конечно же несопоставим. Если в «войне моторов» на первом этапе Германия превосходила всю Европу, в том числе и СССР, то в «войне умов» свое превосходство она стала довольно быстро терять. Когда были призваны из запаса, а порой и небытия, когда прибыли на фронт такие люди, как полковник Федор Андреевич Волков, когда перестали расстреливать генералов и полковников РККА за ошибки и просчеты, допущенные вышестоящими штабами и начальниками, когда на командные должности пришли боевые офицеры, способные жертвовать собой ради защиты родины, когда люди, сидевшие в окопах в подмосковных полях, поняли, что отступать действительно уже некуда, позади их дома и их семьи, вот тогда на первый уровень вышел фактор, который принято именовать боевым духом армии. Как это ни парадоксально, боевой дух Красной армии в самый тяжелейший период битвы за Москву, а именно с середины октября до середины ноября 41-го года, поднялся до высот, пусть простит меня часть читателей этой книги, религиозных, космических. Как можно понять и объяснить подвиг Зои Космодемьянской или безвестных пехотинцев, которые обвязывали себя гранатами и ползли в поле наперехват

немецким танкам? Как словами выразить высоту порыва, который владел летчиком Виктором Талалихиным, когда он направлял свою боевую машину на немецкий бомбардировщик, чтобы не позволить врагу осуществить бомбовый удар по кварталам Москвы? А какие мотивы двигали курсантами подольских училищ, когда они выходили на линию огня под Мятлевом на реке Извери или под Малоярославцем на речушке Выпрейке против вдесятеро превосходящих их частей 57-го корпуса? Почему под Москвой советские бойцы и командиры не покидали доты даже тогда, когда положение было уже безнадежным и бой проигран? Их приходил ось выжигать огнеметами, по этим дотам немцы в отчаянии стреляли в упор в амбразуры бронебойными снарядами, потому что оттуда продолжал стрелять из револьвера последний из оставшихся в живых, какой-нибудь сержант-артиллерист с перебитыми ногами. Фанатизм? Но так скажут лишь некоторые, совсем немногие. И их мотивы мне понятны. А подвиг тех солдат на московском рубеже для нас, их потомков, временем и памятью поднят до высот священного предания, которое мы будем выучивать наизусть, и каждое новое поколение станет создавать о героях новые и новые романы, сочинять новые песни и снимать новые кинофильмы. Все это будет.

«Русский солдат – подлинная загадка, – размышляет Роберт Кершоу. – Несмотря на все невзгоды, порождаемые тоталитарным режимом, он готов был героически защищать этот режим».

Русский солдат под Москвой защищал не «тоталитарный режим», а советскую власть, которая дала ему, двадцати-двадцатипятилетнему, почти все, о чем можно было мечтать: образование, некоторым высшее, профессию, работу, широкую возможность заниматься физкультурой и спортом, бесплатное здравоохранение, жилье. Советская молодежь была прекрасно воспитана, и любовь к родине, готовность пожертвовать многим, вплоть до собственной жизни, ради родной земли были заложены в основу идеологии и культуры. Окопы под Москвой, в том числе и у Варшавского шоссе, отрыли не фанатики социализма, а патриоты своей страны. И они знали, что и кого защищают.

«18 октября 1941 года.

43 армия.

Продолжая вести оборонительные бои на прежних рубежах, частью сил ведет успешное наступление в направлении БОРОВСК, одновременно сдерживая прорвавшегося в район БЕЛОУСОВА противника.

Противник, развивая успех в сев. – вост. направлении, овладел г. МАЛ. ЯРОСЛАВЕЦ и отдельными группами автоматчиков достиг р-на БЕЛОУСОВА.

17 тбр успешно наступает на БОРОВСК. Положение частей уточняется.

Трофеи: две груз, машины, один РП [31] , 5 винтовок; захвачено в плен 3 чел. 8 пд.

Штаб бригады – ГОРОДНЯ.

53 сд – перед фронтом 12 сп и Подольского училища противник силою до батальона при поддержке 14 танков (из них 8 тяжелых) в 17.00 17.10.41 повел наступление на ЧЕРКАСОВО и ШУБИНКА, одновременно в тыл 12 сп выброшен авиадесант автоматчиков противника (14–16 человек).

Положение частей дивизии уточняется.

312 сд – согласно приказу Комфронта начала отход на рубеж РУБЦОВО, МАКСИМОВКА, ЕРДЕНЕВО, ЖИЛИНКА.

Противник силою до батальона повел наступление в направлении РЯБЦЕВО, ЯКУШЕВО и овладел ими; одновременно силами до двух батальонов противник повел наступление в направлении МАЛАХОВО, БЕРЕЗОВКА и овладел МАЛАХОВО.

Части отошли на рубеж: ТИМОВКА, БЕРЕЗОВКА и, отбив атаки противника, удерживают этот рубеж.

В 15.00 противник силою до 2-х рот овладел МАНДРИНО, пионер, лагерь.

2-й Люберецкий полк. Перед фронтом полка в районе ЧУХЛОВКА по опушкам леса противник приступил к окапыванию.

17 сд – занимает оборону по р. ПРОТВА от БЕЛОУСОВО до ВЫСОКИНИЧИ.

1316 сп – (иск.) шоссе МАЛОЯРОСЛАВЕЦ, ОБОЛЕНСК, (иск.) ДУБРОВКА, КРИВОШЕИНО.

1314 сп – ДУБРОВКА, СТРЕЛКОВКА, БОЛ. РОСЛЯКОВКА.

1312 сп – НОВ. СЛОБОДА, ВЫСОКИНИЧИ, ЛЫКОВО.

Штадив – УГОДСКИЙ ЗАВОД» [32] .

В этот день под Белоусовом на Варшавском шоссе произошел встречный бой. Противник, накопив силы, все же прорвал Можайскую линию обороны на ильинском ее участке, где храбро дрались курсанты и пехотинцы 53-й стрелковой дивизии. Немецкие танки ворвались в Малоярославец и обошли укрепрайон с тыла. Последние защитники ильинского сектора, седлавшего Варшавское шоссе, дрались и умирали в этот день в полном окружении.

Но на других участках, по всей вероятности, там, откуда немцы забирали все, что можно забрать для создания и усиления ударных групп в предполагаемых местах прорыва, начало происходить то, что не наблюдалось с самой Десны: солдаты «Тайфуна» начали окапываться. Это был симптом усталости. И признак того, что в немецких штабах уже начали понимать:

возможно, зимовать придется там, где теперь стоят войска.

Вермахт в очередной раз выдохся, не найдя сил и средств выполнить приказ до конца, следуя прекрасно разработанному плану.

Но в середине октября фельдмаршал фон Клюге все еще продолжал гнать вперед свои войска, торопил генерала Гёпнера и его танковые дивизии, чтобы до наступления зимы все-таки преодолеть непреодолимое и ворваться в Москву.

Именно в этот период на наро-фоминском, лопасненском и серпуховском направлениях противник создал наиболее угрожаемую для всего Западного фронта ситуацию, когда фронт обороняющихся частей Красной армии мог рухнуть буквально в любом месте. В этом случае в прорыв хлынуло бы все, что немцы имели в центре. Особенно мощные удары немцы предпринимали в полосе действий 43-й армии. Фронт армии оказался слишком опасно растянутым, а потому ненадежным. И Ставка направила именно сюда свои резервы – 201-ю и 10-ю воздушно-десантные бригады, 152-ю моторизованную бригаду, 12-й полк установок залпового огня М-13, другие части. На 43-ю армию был прислан новый командующий – генерал-лейтенант Константин Дмитриевич Голубев.

До сих пор исследователи истории 43-й армии спорят по поводу того, кто же в действительности командовал армией в середине октября, когда обстановка на центральном участке Западного фронта особенно накалилась.

15 октября 1941 года генерал Голубев получил предписание Ставки ВГК о вступлении в должность командующего 43-й армией. Новый командующий прибыл в войска 17 октября, когда ударная группа наступала на Боровск и завязла в ожесточенных боях на этом направлении. Документы свидетельствуют о том, что в этот день, 17-го числа, Жуков все еще упоминает генерала Акимова как командующего 43-й армией. Но отношение к нему со стороны комфронтом с каждым часом становится все более отрицательным. Именно в эти дни Военный совет Западного фронта телеграфирует генералу Акимову: «Военный совет фронта не удовлетворен вашим руководством, и в первую очередь прямым невыполнением приказа Военного совета… Отход 110 и 113 сд произошел по вашей вине и вине командиров дивизий, не выполнивших приказ… Всех, не выполнивших приказ, вы имели право уничтожать на поле боя, но вы этого не делаете. Требуем немедленно отбросить противника из района Митяево, Метелино и вернуть Боровск…» Из переговоров Жукова с начальником штаба 43-й армии полковником Боголюбовым [33] : «Почему нет связи с командующим? Совершенно неизвестно, что сделано

командующим в районе Боровска. Если так будет продолжаться, мы вынуждены будем не только снять с работы командующего и начальника штаба, но и судить».

«Виноватых» в том, что враг был все еще силен и продолжал наступать, в это время нашлось много. В том числе и в 43-й армии. Сколько было расстреляно лейтенантов и сержантов, рядовых бойцов, взводных и ротных командиров, неизвестно. Эта часть архивов все еще под ржавым замком. (От кого мы прячем свою историю? Разве что от самих себя.) Однако имена полковников известны. Полковники имели высокие должности, они были командирами дивизий.

Бывший командующий войсками Резервного фронта маршал С.М. Буденный командиров дивизий, на фронте которых противник делал прорыв, а значит, те автоматически попадали в разряд не справившихся с управлением войсками, тоже особо не жалел. Отстранил от должности, отдал под трибунал за оставление позиций без приказа, и ты вроде сам ни в чем не виноват, на дивизию новый полковник найдется, можно дальше воевать. У Жукова ситуация была посложней, запаса времени вообще не было, резервы ограниченные. В таких обстоятельствах сильная личность, притом что вся полнота власти находится в ее руках, берет все на себя. В том числе и ответственность за поздние последствия.

Вот эти последствия и настигают теперь маршала Победы Г.К. Жукова. Именно на его маршальские погоны, хотя носил он в то время петлицы с генеральскими звездами, и вешают всех дохлых собак, которых можно, при большом зуде, найти в любой масштабной битве. А уж в такой, как московская, их более чем достаточно. Ведь решалось многое. И обе стороны в этих чрезвычайных обстоятельствах в ход пускали все, что оказывалось под руками, не останавливаясь ни перед чем. Это теперь, когда медведь уже убит, когда события октября 41-го стали далекой и смутной историей, можно попенять *родному Степанушке* , что он, лапоть этакий, испортил шкуру медведя, грубовато хватив его по загривку топором, а ведь какая красивая шкура могла бы получиться…

Новый командующий прибыл в штаб армии и генерала Акимова на месте не застал. Тот был в войсках. На правом фланге, где создалась особенно тяжелая ситуация, Акимов собирал войска для контратаки. Только так можно было выправить положение, которое в какой-то момент казалось катастрофическим.

Вот приказ командирам 53-й, 312-й стрелковых дивизий и начальнику сводного курсантского полка. По всей вероятности,

текст приказа после переговоров с оперативной группой штарма и указаний генерала Акимова подготовил начальник штаба полковник Боголюбов. Подпись: «Командующий войсками 43 Армии Генерал-лейтенант АКИМОВ» исправлена на: «ГОЛУБЕВ». Исправлена от руки, видимо самим генералом Голубевым. Во всяком случае, фамилия первого зачеркнута теми же чернилами, что и подпись нового командующего.

«ШТАРМ 43. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ. 12.55 17.10.41.

Карта 100 ООО.

1. Противник незначительными силами проник в оборону, занимаемую ППУ в районе БОЛ. ШУБИНКА и МАЛ. ШУБИНКА, ЧЕРКАСОВО.

2. Отдельные подразделения Подольского пехотного училища проявили неустойчивость, трусость и без приказа оставили часть позиций.

3. С целью восстановления положения в оборонительной полосе на МЕДЫНСКОМ направлении ПРИКАЗЫВАЮ:

А) К-ру 53 сд: подчинить Подольские пехотное и артиллерийское училища, 108 зап. полк командиру 53 сд.

Б) 17.10.41 частями 53 сд и военных училищ занять и упорно оборонять заранее подготовленный рубеж по линии ЮРЬЕВСКОЕ, КОНСТАНТИНОВО, ИЛЬИНСКОЕ, МАЛ. ШУБИН КА.

В) Восстановить положение в районе ЧЕРКАСОВО, БОЛ. ШУБИНКА, МАЛ. ШУБИНКА.

Г) Прочесать всю местность в глубине своей обороны, собрать всех отставших от подразделений и вернуть их в части.

Д) В районе БУРАКОВО, ЧЕРКАСОВО создать резерв не менее двух батальонов из частей, не входящих в состав 53 сд.

Е) Два батальона 1033 сп 312 сд направить в район ЕРДЕНЕВО, СТАРОСЕЛЬЕ в резерв командира 312 сд.

4. К 8.00 18.10.41 представить подробное боевое донесение о принятом оборонительном участке».

17 октября 1941 года заместитель начальника оперативного отдела штаба Западного фронта полковник Чирков в своем донесении писал следующее: «…43 армия обороняет занимаемый рубеж, одновременно производит операции по ликвидации прорвавшегося противника в направлении БАЛАБАНОВО, МАЛОЯРОСЛАВЕЦ, ДЕТЧИНО, ЧЕРКАСОВО.

Противник предпринимает усилия к развитию успеха в направлении БАЛАБАНОВО, МАЛОЯРОСЛАВЕЦ и силою до полка вступает в ДЕТЧИНО» [34] .

А тем временем правым флангом в составе 113-й, 110-й стрелковых дивизий и 9-й танковой бригады командовал генерал Акимов. Эти подразделения составляли своего рода боевую

группу. На исходе 17 октября в штаб армии на имя генерала Голубева для передачи в штаб фронта офицер связи доставил коротенькую записку: «Противник в течение всего дня воздействовал на наши части с воздуха… Армия выполняет приказ № 31/ОП штарма от 16.10.41 г. с 7.00. Прошу действия армии прикрыть истребительной авиацией с воздуха в течение дня 18.10.41. *Акимов».*

Когда на левом фланге армии в районе Белоусова и Угодского Завода южнее Варшавского шоссе противник начал угрожать прорывом, генерал Голубев предложил штабу Западного фронта создать, теперь уже там, точно такую же группу, которая имела бы прямое подчинение командованию фронта и только в оперативном отношении штарму 43. На командование этой вновь созданной группой направлялся генерал Акимов. Прежняя его боевая группа перешла в состав вновь созданной 33-й армии. 43-я же армия в несколько усеченном составе продолжала удерживать свой рубеж, проводила частичную перегруппировку, пополнялась частями и соединениями из резерва Ставки. В этот период в центре Западного фронта все находилось в движении. В любой момент из штаба фронта в войска мог поступить самый неожиданный приказ.

18 октября наши войска оставили Малоярославец. 19 октября Ставка решилась на отвод войск с Можайской линии обороны на линию – для 43-й армии – рек Нары и Протвы. Отход должны были прикрывать сильные арьергарды. Но именно в этот день, 19 октября 1941 года, дивизия полковника Козлова самовольно покинула рубеж обороны по реке Протве, поставив тем самым под угрозу фланги соседей.

В журнале боевых действий группы армий «Центр» 19 октября 1941 года появилась следующая запись: «4 армия. 19 октября 1941 г. В полосе ХП-го армейского корпуса противник не смог воспрепятствовать занятию плацдарма на реке Протва юго-восточнее Черная Грязь и оставил населенный пункт Детчино. По шоссе Москва – Малоярославец противник вновь подтянул на автомашинах подкрепление (пехота и артиллерия) из Москвы. В результате наступления 19 танковой дивизии противник был оттеснен на юг в леса. В районе Боровск продолжается очистка местности…»

Заняв Детчино, немцы продолжали давить в сторону Москвы вдоль Старой Калужской дороги. Здесь наметился успех, и сюда были срочно переброшены резервы для развития удара.

17-я стрелковая дивизия была остановлена у Тарутина. Панику удалось прекратить. Генерал Акимов отстранил от должностей командира и комиссара дивизии:

«Комбригу Любарскому, батальонному комиссару Кудря немедленно принять командование 17 С Дивизией.

Полковнику и бриг, комиссару Яковлеву быть при дивизии, помогать комбригу Любарскому и бат. комиссару Кудря.

21.10.41.

Командующий группой

Генерал-лейтенант АКИМОВ.

Член Военного совета армии

Бриг, комиссар СЕРЮКОВ».

В этот же день заместителем командующего 43-й армией был назначен генерал-майор В.А. Ревякин. Комендант города Москвы, вдруг оказавшийся на фронте, да в самом пекле, конечно же представлял не бог весть какую помощь командарму, тем более в качестве его заместителя. И можно предположить, что Голубев, понимая ситуацию и желая иметь под рукой опытного и надежного помощника, немало усилий приложил к тому, чтобы оставить генерала Акимова в армии. Для судьбы последнего это стало роковым. Через несколько дней генерал Акимов был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Жить ему оставалось всего несколько дней.

Рота курсантов Подольского пехотно-пулеметного училища, усиленная артдивизионом артиллерийского училища, срочно перебрасывалась в район Медыни. Когда авиаразведкой были подтверждены сведения о том, что многокилометровая колонна немецкой бронетехники из Юхнова движется в сторону Медыни по Варшавскому шоссе, в Ставке некоторое время царило оцепенение.

Случившееся казалось невероятным. Армии Западного и Резервного фронтов, занимавшие оборону по оси шоссе, были оттеснены на север, к Спас-Деменску и Вязьме, и там блокированы. Те немногие разрозненные части, которые пытались организовать оборону непосредственно у Варшавки, были разбиты и, окончательно потеряв управление, отходили в сторону Малоярославца и Белоусова. Других войск до самой Москвы на пути немцев просто не было.

Вот тогда-то и подняли курсантов, чтобы занять Можайскую линию обороны. Варшавское шоссе перехватывал участок УРа в районе села Ильинского на речушке Выпрейке. Но для развертывания училищ на ильинском рубеже требовалось время. А немецким танкам от Юхнова до Малоярославца два часа ходу. Мотоциклисты за это время могли домчаться до самой Москвы.

Вот тогда-то и было решено выбросить в район Юхнова передовой отряд курсантов.

6-я рота ППУ старшего лейтенанта Мамчича и сводный

дивизион ПАУ капитана Россикова ночью выступили из горящей Медыни, миновали мост через реку Шаню, станцию Мятлевскую и вышли к реке Извери. Здесь, на шоссе, по северо-западной окраине деревни Воронки окапывались какие-то люди.

Курсанты Воронцов и Смирнов, всю дорогу от Подольска сидевшие рядом и по очереди выглядывавшие из-под брезента в стылую звездную ночь, увидели, как мимо машины пробежал их ротный. Вскоре из темноты послышался его голос. Ему ответил другой. Курсанты услышали имя того человека, который несколько дней будет командовать их боевой группой.

– …Капитан Старчак, – отозвалась темень простуженным усталым голосом неведомого капитана.

Значит, приехали, поняли курсанты.

Через минуту им приказали строиться у дороги. А еще через пятнадцать минут Воронцов, Смирнов и их товарищи долбили сырую землю по обрезу берега, отрывая индивидуальные ячейки.

Немцы появились на рассвете.

Рокот моторов нарастал с каждым мгновением. Впереди шла легкая танкетка, сопровождаемая тремя мотоциклами. Разведка. Головное боевое охранение.

Мотоциклисты гарцевали. Они то обгоняли танкетку, то мчались по обочинам рядом с ней, то отставали, и мотоциклисты и пулеметчики переговаривались между собой, смеялись.

Основные силы 57-го моторизованного корпуса ушли на север, к Вязьме, обеспечивая внешнее кольцо окружения русских армий. И ехавшие по шоссе Брест – Москва в сторону Москвы знали, что все войска противника сейчас там, севернее, они уже частично блокированы и через день-два судьба их будет решена. Их постигнет участь тех, кто летом пытался им противостоять под Минском и Смоленском. Они были уверены, что впереди войск, способным им противостоять, нет. Так сказали им офицеры.

Танкетку забросали гранатами сразу, как только она поравнялась с окопом боевого охранения. Две противотанковые гранаты с небольшим интервалом полетели в нее. Взрывом опрокинуло один из мотоциклов, коляской накрыло пулеметчика. По дороге, звеня и подпрыгивая, покатился его стальной шлем. Другой мотоцикл резко развернулся и помчался назад. Но его достал огонь «максима». Пулеметчик стоял на коленях на подчищенном дне окопа и, расчетливо чередуя короткие и длинные очереди, расстрелял вначале один мотоцикл, потом другой и третий. Это был курсант Иван Макуха, лучший пулеметчик 6-й роты.

Вскоре боевое охранение вернулось из-за реки. В бой вступили артиллеристы.

Две сорокапятки стояли на открытой позиции. В первом наводчиками в расчетах были офицеры из числа преподавателей. Дивизион усиления состоял из двух батарей: 45-мм и 76-мм орудий. Училище готовило командиров огневых взводов противотанковой артиллерии. У панорамы одной из сорокапяток стоял командир батареи старший лейтенант Носов.

Все замерли, когда комбат приник к панораме прицела. И первый же выстрел оказался точным. Тут же подпрыгнула, дернув узким хищным стволом, вторая сорокапятка. Началась дуэль немецких танков и противотанковых орудий курсантов Подольского артиллерийского училища.

Вскоре расчеты поменяли позицию. Немецкие танкисты обнаружили цели, и их снаряды рвались все ближе и опаснее. Но атаковать в этот день они так и не осмелились.

Каждый удачный выстрел, каждое попадание в цель курсанты сопровождали восторженным, азартным «Ур-ра!». Перед ними за рекой Изверью горели немецкие танки и бронетранспортеры. Это была первая победа.

Через несколько часов появилось до тридцати немецких пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Фронтовики их прозвали «лаптежниками» из-за неубирающихся шасси, которые были «обуты» в бронированные саркофаги.

Сколько длился тот налет, никто не смог потом вспомнить. Окопы были наполовину завалены землей и выдранными с корнями деревьями.

Курсанты Воронцов и Смирнов, отрывшие один окоп на двоих, выглянули через наполовину сметенный взрывной волной бруствер и увидели цепи немецкой пехоты. Они приближались к реке неровными волнами. Десантники капитана Старчака, занимавшие оборону правее, уже вели огонь во фланг наступающим.

– Степка! Стреляй! – закричал Воронцов, подбадривая и своего товарища, и себя самого.

Воронцов положил на бруствер свою самозарядную винтовку, передернул затвор, дослав патрон в патронник, и прицелился. Цепь, которая охватывала курсантский взвод, окопавшийся по краю картофельного огорода, казалась огромной. Но Воронцов выцеливал одного. Немец бежал прямо на их окоп и, казалось, тоже выбрал его и спешил подбежать на верный выстрел. Шинель его была расстегнута, и Воронцов разглядел темные полосы – видимо, вымок, перебираясь через болото на той стороне, оказавшееся в полосе наступления немцев.

Воронцов нажал на спуск. Но сгорбленная фигура немца продолжала бежать на него. Развевались мокрые полы его

зеленой шинели. Из-за голенища сапога торчала граната. Сейчас подбегут и забросают нас гранатами.

– Стреляй! – рявкнул он на товарища, который, замешкавшись, все еще никак не мог пристроить свою СВТ на бруствере.

Немец подбежал к деревянной загородке и начал перелезать через прясло. И в этот момент, когда он немного приподнялся, легко спружинив от земли, Воронцов нажал на спуск. Немец на мгновение замер и упал навзничь, ломая бурьян. Попал! Я в него попал! Я убил врага!

Сердце курсанта Воронцова колотилось. Он выстрелил еще раз в то место, где шевелились черные султаны конского щавеля и полыни.

И тут ударили минометы. Мины рвались вдоль реки. Некоторые попадали в воду, взбрасывая вверх столбы грязи и донного песка. Если бы вовремя не подключились минометчики, вряд ли они отбили бы эту первую атаку немцев.

Спустя некоторое время они сидели на дне окопа и протирали свои винтовки, готовясь к новому бою. Они еще не знали, какая судьба выпала им. Не знали, что вместо суток, которые им приказали продержаться здесь, на Извери, им придется сражаться почти четверо суток. И это будут непрерывные бои. Что немногим повезет ранеными, в кровавых бинтах, уехать в тыл, в Подольск. Что из 6-й роты в живых останется всего несколько человек.

Глава 6 Подольские курсанты

«От прямого попадания в дот нас сбивало с ног взрывной волной…»

Москву спасли подольские курсанты. – Кто они, подольские курсанты? – Сколько их было? – Авиаразведка установила: колонны немецкой бронетехники на шоссе от Юхнова движутся к Медыни. – За что генерал Захаров сбил немецкий «хеншель». – Красные флаги на броне. – Почему в Москве не поверили, что немцы уже в Юхнове. – Мехколонна движется на Медынь. – Подольские училища подняты по тревоге. – Смертники из передового отряда. – Десантники капитана Старчака. – Курсантские роты атакуют на Юхнов. – Рубеж на реке Извери. – Потерянное письмо и баллада о сгущенном молоке. – Хроника боев на Извери. – Героическая 17-я танковая бригада майора Клыпина. – Отступление с Извери. – Бои на Шане. – Окружение. – Прорыв. – Контратака на Медынь. – Ильинский сектор. – Полковник Наумов и его 312-я сд. – Состояние оборонительных сооружений в Ильинском секторе. – Четыре курсантских батальона. – Непрерывные бои, перерастающие в рукопашные схватки. – Как немцы выкуривали курсантов из дотов. – Что рассказал немецкий историк о «красных юнкерах». – Пьяный летчик и «красные юнкера». – «Реляция» полковника Васильева. – Алешкин дот

Долгое время существовала легенда: Москву спасли подольские курсанты. Эта легенда в семидесятых годах материализовалась в граните, бронзе и музеях. Имя подольских курсантов носят улицы и школы. О курсантах подольских училищ, в октябре 1941 года занимавших оборону в Ильинском и Детчинском секторах Можайской линии, написаны книги, картины, сняты кино– и телевизионные фильмы. Но теперь, даже среди части военных историков, и особенно публицистов, приближенных к политике, гуляет мнение, что это далеко не так. Одни говорят, что роль курсантов подольских училищ в судьбе обороны на Можайской линии была незначительной. Другие – что никаких курсантов на этом рубеже и вовсе не было. Ох уж эти либералы… А война на территории нынешней России, господа, была? Жгли здесь танки вермахта? Или их под Москвой тоже не было? И все немецкие дивизии дрались против англичан и новозеландцев в африканской пустыне, на Крите и в Арденнах?

В этой главе мы попытаемся, по возможности объективно, исследовать тему роли курсантов Подольских пехотно-пулеметного и артиллерийского военных училищ в битве за Москву.

Чтобы взглянуть на проблему шире и глубже, необходимо вернуться немного назад.

К 1 октября 1941 года на двух курсах, первом и втором, ППУ обучался 2101 курсант. В соседнем ПАУ обучалось 1500 курсантов. Программа трех лет обучения в связи с острой нуждой лейтенантов на передовой была сокращена до шестимесячной. Многие курсанты успели отучиться всего один месяц. Подольск расположен на Варшавском шоссе. За Подольском уже Москва. 5 октября, когда разведка подтвердила движение многокилометровой механизированной колонны на отрезке Юхнов– Медынь, член Военного совета Московского военного округа генерал К.Ф. Телегин произнес ту знаменитую фразу, которая теперь цитируется всегда, когда речь заходит о Варшавском шоссе и октябре 41-го года: «Главная наша надежда и опора в эти часы – Подольские училища…» [35]

Днем раньше с аэродрома Тёмкино [36] поднялся легкий и маневренный И-16 и взял курс на Двоево [37] . Истребитель пилотировал не просто опытный летчик и ас, прославившийся своими воздушными победами еще в Испании, в кабине истребителя сидел командир 43-й авиадивизии генерал-майор Георгий Нефедович Захаров [38] . После войны генерал Захаров написал очень хорошую мемуарную книгу. Она называется очень просто и точно: «Я – истребитель». В ней он подробно рассказал об этом необычном полете.

«Набрав высоту, заметил ХШ-126. Немец шел в сторону Юхнова, над дорогой Юхнов – Медынь. Мне показалось странным, что немецкий разведчик идет в том направлении – по моим данным, там должны были находиться наши войска. Забираться в сторону Медыни ХШ-126 раньше не решались. Тогда я пошел за немцем и вдруг увидел, что дорога запружена танками и автомашинами. Поведение немца, который безбоязненно и нахально кружил над танками на небольшой высоте, меня удивило: ведь танки шли под красными флагами. Невольно подумал сначала, что танкисты, очевидно, не знают силуэтов немецких разведчиков и потому не стреляют по «хеншелю». Если бы они поняли, что обнаружены, то, конечно, попытались бы сбить этот самолет. Но я уже настигал его, деться немцу все равно было некуда. А танкисты высовывались из люков и, глядя в небо, приветливо махали руками. Я понял, что они видят мой И-16. Круто спикировал. ХШ-126 завертелся было, да поздно: я уже всадил в него несколько очередей с большим энтузиазмом.

Смущала танковая колонна. С самого начала войны не видел таких мощных колонн с красными флагами. Но вскоре все прояснилось. Едва ХШ-126 упал в придорожный лес, внезапно все

танки открыли по мне бешеный огонь! Я был ошарашен. Рискуя быть сбитым, снизился до бреющего полета и прошел над самой колонной. Что же увидел? На красных полотнищах явственно просматривались черные свастики…

Это было в первых числах октября, когда враг прорвал фронт…»

Генерала Захарова возмутило *нахальство* немецкого ближнего разведчика, безнаказанно порхающего над *нашей* колонной. Представляю, каково же было возмущение всей колонны, когда у нее на глазах неожиданно появившаяся из-за леса Die Ratte (крыса – так немцы называли наш истребитель И-16) *нахально* и стремительно атаковала «хеншель» и завалила его первыми же очередями.

Генерал Захаров доложил о движении колонны в штаб армии. Информация пошла по команде и вскоре попала в Москву в Главный штаб ВВС, а потом в Ставку. Но в нее вначале не поверили. Срочно были подняты скоростные бомбардировщики, базировавшиеся под Рязанью. Разведывательная эскадрилья СБ в эти дни не знала отдыха. Один за другим самолеты поднимались в воздух, держа курс на Юхнов. Информация подтвердилась: на Медынь и в сторону Калуги двигались немецкие колонны. Беспрепятственное движение противника по Варшавскому шоссе воспринималось как катастрофа.

От Юхнова до Москвы 198 километров. Войск на пути немцев нет. По сообщениям авиаразведки, немецкая колонна – танки, артиллерия, грузовики, бронетранспортеры, повозки на гужевой тяге – растянулась на 25 километров. По данным некоторых исследователей, в 25-километровой колонне двигалось до 200 танков и около 20 ООО пехоты. Справедливости ради необходимо сказать, что основная часть этой колонны, достигнув Юхнова, повернула на север, к Вязьме.

5 октября начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников позвонил командующему войсками Западного фронта генералу И.С. Коневу. Иван Степанович доложил обстановку. Шапошников спросил о положении на левом фланге, и в частности о войсках Резервного фронта. Генерал Конев ответил:«0 Резервном фронте известно, что мотомехчасти противника заняли СПАС-ДЕМЕНСК и продвигаются на северо-восток в направлении ВЯЗЬМЫ. 12.00 противник занял ВСХОДЫ, что 15 км сев-вост. СПАС-ДЕМЕНСК. Утром мотомехчасти противника заняли ЮХНОВ и в 13.00, по данным авиации, повернули на север и северо-восток. Мне известно, что в этих направлениях у Буденного дело плохо». Шапошников: «Проверяли ли Вы данные своей разведки? Подчеркиваю, именно своей, потому что продвижение между

15 и 16 часами авиационная разведка Главного Командования не подтвердила движение мотомехчастей противника на север на Вязьму от шоссе Спас-Деменск. Много вранья в данных авиационной разведки, поэтому надо тщательно проверить». Конев: «Докладываю: данные о положении Резервного фронта получены лично мною от тов. Анисова, кроме того, у них есть специальное сообщение по Бодо. Проверено нашей авиацией. Авиация подтверждает движение противника от Спас-Деменска на север и от Юхнова одна колонна до 50 единиц движется на северо-восток. <…> Докладываю, что по моим данным, у Резервного фронта, как в Вязьме, так и в Юхнове, никаких войск нет, дороги свободны» [39] .

В Москве все еще не верили в то, что произошла катастрофа. Катастрофа произошла и под Вязьмой, и под Юхновом, и под Спас-Деменском, и в районе Белого и Ельни. Но самое страшное для Москвы в эти дни происходило в районе Юхнова.

Изучение документов того отрезка времени наводит на мысль о растерянности штаба Резервого фронта и лично маршала Буденного. Командующий Западным фронтом генерал Конев, к сожалению, поздно получил разрешение на отвод войск. Вяземское кольцо замкнулось.

Часть войск противника, как мы видим из фрагментов документов, приведенных ниже, продолжала продвигаться в северо-восточном направлении – по Варшавскому шоссе. По некоторым данным, в колонне, которая 6 октября двигалась от Юхнова к Медыни, было до 20 единиц бронетехники, артиллерия, минометы. В авангарде шел саперный батальон, усиленный мотоциклетным подразделением и фактически выполнявший роль штурмового батальона.

Эту колонну остановили на реке Извери у деревни Воронки, что в нескольких километрах от железнодорожной станции Мятлевская. И сделали это десантники капитана Старчака и передовой отряд курсантов подольских училищ под командованием старшего лейтенанта Л.А. Мамчича (6-я рота ППУ) и капитана Я.С. Россикова (артдивизион ПАУ).

Курсантов подняли по тревоге. Училища спешно выдвигали под Малоярославец на Можайскую линию обороны. Необходимо было торопиться, так как противник мог опередить и первым занять рубеж.

Для того чтобы развернуть училища на ильинском участке, который перекрывал Варшавское шоссе, требовалось время. И тогда решено было выбросить вперед, к реке Угре, передовой отряд.

Это были по сути дела смертники.

Накануне 6-я рота сдала в стирку шинели. Поэтому в ночь с 5 на 6 октября они отправились к Юхнову в гимнастерках и пилотках. Шинели и шапки, как вспоминают очевидцы, им подвезли вместе с боеприпасами на вторые или третьи сутки. Многим они уже не понадобились.

Иногда в прессе мелькает: мальчишки, мол, с одними винтовками, вышли против танков…

Были среди курсантов и вчерашние школьники. Но основной состав курсантов обоих училищ составляли люди, которым было от 23 до 27 лет. Некоторые пришли в училища с заводов, со студенческой скамьи, из колхозов и учреждений. Вчерашние учителя, киномеханики, инженеры, агрономы. Было некоторое число курсантов, переведенных из других военных училищ, в том числе считавшегося тогда образцовым Московского военного училища имени Верховного Совета РСФСР, а также Киевского военного пехотного. Командирами взводов служили лейтенанты, окончившие Харьковское, Сумское, Смоленское артиллерийские училища.

Из приказа по ППУ № 257: «В соответствии с… указанием командующего войсками Московского военного округа полагать училище выбывшим на фронт в качестве отдельной боевой группы действующей армии…» [40]

Передовой отряд под Юхнов перебрасывали на грузовиках, собранных по всему Подольску. Водителями были гражданские, в том числе много девушек.

6 октября на рассвете курсанты и десантники контратаковали немецкие авангарды, переправившиеся через реку Угру, и отбросили их до моста через реку.

Вот как вспоминал первый бой бывший курсант ППУ В.Ф. Леонов из Москвы: «Видим перед собой гитлеровцев… Бегут… Не верим своим глазам…враг бежит. Бежит от нас, курсантов. Мы ликуем, успех удваивает силы» [41] .

В первом бою немцы потеряли убитыми до 300 человек, 5 танков и несколько орудий. Курсанты захватили несколько пулеметов, минометов, много стрелкового оружия и других трофеев. Пленные, взятые в ходе боя, показали, что они из подразделений авангарда одного из моторизованных полков 20-й танковой дивизии, что основной состав дивизии действует севернее, в районе Вязьмы, а им приказано двигаться в сторону Медыни, захватить мосты и ждать подхода основных сил, что основные силы прибудут со дня на день.

В 57-й моторизованный корпус генерала танковых войск Кунтцена входили следующие части: 20-я танковая дивизия, 3-я моторизованная дивизия и дивизия СС «Рейх». Часть эсэсовской

дивизии впоследствии действовала под Можайском. Но некоторые подразделения остались здесь и были переброшены севернее лишь в ноябре перед общим отступлением.

57-й моторизованный корпус относился к 4-й танковой группе. В 1942 году он будет преобразован в танковый корпус.

20-я танковая дивизия воевала исключительно на Восточном фронте, в России. Осенью 1941 года на вооружении дивизии стояло большое количество трофейных чешских легких танков Pz-38(t) [42] . Внешне они были похожи на наши БТ-7 и Т-26. Вот почему их легко приняли за свои и истребитель Захаров, и курсанты, оборонявшиеся в ильинском секторе, когда их обошли с тыла. Но об этом рассказ еще впереди.

Передовой отряд курсантов был вооружен 45-мм противотанковыми пушками (батарея старшего лейтенанта Т.Г. Носова) и 76-мм дивизионными пушками ЗИС-3 (батарея капитана В.И. Базыленко). У десантников была еще одна сорокапятка, подобранная ими в пути, и трофейная танкетка, отбитая у немцев во время боя у моста через реку Угру.

Силы были конечно же неравными. Но немцы не знали, чем располагают русские, какие силы стоят перед ними. Когда колонна выступала из Юхнова, командиры сказали своим солдатам, что путь до Москвы свободен. Но не прошли и десяти километров, как встретили атакующие цепи и сильный артиллерийский огонь. Кроме того, и переправу, и колонну атаковали одиночные самолеты. Разведка, которая уходила вперед, либо не возвращалась, либо приносила противоречивые данные.

5 октября начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер сделал среди прочих такую характерную запись: «Перед войсками правого фланга танковой группы Гёпнера, за которым следует (57-й) моторизованный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, противника больше нет». 6 октября: «4-я танковая группа, подчиненная 4-й армии, заходит главными силами на север. Войска противника, по некоторым признакам, деморализованы. Правый фланг танковой группы Гёпнера и левый фланг 2-й армии наступают на Юхнов и далее, не встречая значительных сил противника» [43] .

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок, все эти дни сосредоточенный на событиях, происходивших в районе Вязьмы, считая их наиважнейшими, о чем позже сожалел, спохватился только 9-го числа: «LVTI танковый корпус (Кунтцен), который должен был наступать через Малоярославец, «застрял» из-за взорванных мостов, и через Изверь на восток практически не

продвинулся» [44] .

Мосты десантниками капитана Старчака и курсантами передового отряда были действительно взорваны. Но тот, кто знает отрезок этого старинного шоссе от Юхнова до Малоярославца, вспомнит, пожалуй, всего лишь два моста: через реки Угру у Юхнова и Шаню в нескольких километрах северо-восточнее станции Мятлевской. Мост через Угру должны были взорвать десантники. Капитан Старчак имел такой приказ. И они его действительно взрывали – дважды. И оба раза не совсем удачно. Поврежден был всего лишь один пролет, который немцы тут же заделали и начали переправу войск на левый берег. Кроме того, за ночь навели понтонную переправу, мост через Шаню.

Итак, 6 октября курсанты и десантники атаковали в направлении Юхнова и дошли до Угры. Вечером вернулись назад и окопались на реке Изверь у деревни Воронки. Утром 7 октября боевое охранение 6-й роты разгромило небольшую колонну противника, уничтожив два бронетранспортера и несколько десятков немцев. Спустя час с небольшим до тридцати пикирующих бомбардировщиков обрабатывали оборону курсантов и десантников. Видя, что те не дрогнули, противник начал прицельный огонь из орудий и минометов. Огневой налет длился почти час. Как только закончился артобстрел, позиции десантников и курсантов атаковали два батальона пехоты. Чтобы отбить атаку, курсанты поднялись в штыковую. Немцы этого не ожидали. Такого упорного сопротивления они не встречали еще нигде. Штыковая атака была короткой и стремительной. Немцы, не выдержав натиска курсантов, отошли, имея при этом значительные потери.

Первые победы окрылили курсантов. В какой-то момент они поверили в то, что остановили противника, что дальше враг не пройдет.

Вечером 7 октября к ним подошла 2-я курсантская рота старшего лейтенанта М.Х. Максумова и усиление: батарея 222-го зенитного артполка. Ночью передовой отряд усилился еще одним подразделением – маршевой ротой 108-го запасного стрелкового полка.

Именно в дни первых успешных боев курсантов и десантников, перекрывших Варшавское шоссе в районе реки Изверь, севернее, под Вязьмой, разыгрывалась трагедия пяти советских армий, попавших в окружение.

Утром 8 октября курсанты вновь пошли в наступление. На этот раз немцы приготовились заранее и ждали на позициях в районе деревни Пушкино на Варшавском шоссе. Бой длился четыре часа. Авангардные группы курсантов прорвались к деревне

Кувшиново. Но противник усилил огонь, и на исходе дня курсанты начали отход.

Снова сосредоточились на восточном берегу реки Изверь. Отправили в тыл раненых, похоронили убитых. В этот день был контужен командир 6-й роты старший лейтенант Мамчич.

Вечером в Воронки прибыл командир ППУ генерал-майор В.А. Смирнов, выслушал доклады командиров и отдал распоряжение: первое – все войска, находящиеся в обороне в районе Варшавского шоссе, переходят в подчинение командира 17-й танковой бригады майора Клыпина; второе – утром 9 октября повторить атаку по оси

Варшавского шоссе в направлении на Юхнов при поддержке танков 17-й танковой бригады. По всей вероятности, именно накануне новой атаки курсантам наконец привезли шинели. К тому времени многие из них уже щеголяли в немецких, споров с них погоны и знаки отличия.

В 2007 году, когда я работал над романом о подвиге передового отряда подольских курсантов «Поздний листопад» [45] , в Малоярославце в редакции районной газеты «Маяк» мне дали адрес одного из бывших курсантов. Ветеран жил в Тульской области, кажется в городе Щекино. Я написал ему. Получил ответ. Но и письмо его, и адрес впоследствии пропали вместе с частью моего архива. Письмо было большое. Курсант (не хочу называть его бывшим) вспомнил потрясающие подробности. Я их запомнил. Конечно, в общих чертах. Так вот рассказал он и о таком случае, произошедшем, как я понял, именно числа восьмого.

В деревню Воронки в штаб передового отряда со станции Мятлевской пришел начальник продсклада и сказал, что ему приказано уничтожить продовольственный склад до подхода немцев, что медлить уже нельзя и что, если курсанты и бойцы нуждаются в продуктах, пусть берут тару и немедленно следуют с ним.

Конечно, защитники рубежа на Извери нуждались в продовольствии. Сухпаек они получили на двое суток. Именно столько им было первоначально приказано продержаться здесь. Оборона на Угре и Извери держалась уже трое суток. Приказа на отход не поступало. Напротив, на утро 9 октября назначена новая атака.

Для похода за продуктами была назначена команда из пяти человек. Они взяли с собой рюкзаки и вещмешки. Когда курсанты пришли на склад и увидели сгущенное молоко… В расположение отряда группа прибыла нагруженной под завязку. Во всех мешках была сгущенка.

Курсанты этому неожиданному пайку несказанно обрадовались. Многие пробовали этот городской продукт впервые. Курсант писал в своем письме, что старший лейтенант Мамчич был расстроен, а рота радостно, с восторгом поглощала сгущенное молоко. Курсанты откупоривали банки немецкими штыками, густо намазывали сгущенку на куски белого хлеба и самозабвенно ели этот деликатесный продукт. В письме курсанта были и такие строки: когда теперь случается есть сгущенку, всякий раз живо вспоминается поздний вечер октября 41-го, окопы по краю деревни и радостные лица товарищей…

Утром 9 октября 1-й танковый батальон 17-й танковой бригады вышел на исходные. В батальоне были в основном тридцатьчетверки. Командовал ими капитан Т.С. Позолотин. Бой на Извери уже шел, когда танки подошли к Воронкам. Подробно об этом см. приложение № 2, где опубликован журнал боевых действий 17-й танковой бригады майора Клыпина [46] за период с 6 по 26 октября 1941 года.

Действия 17-й танковой бригады майора Клыпина – это тоже забытая страница забытой истории. Страница очень яркая, поистине героическая, вполне достойная отдельной книги. И когда-нибудь она будет написана. Ведь всего каких-то десять лет назад я пришел в одно из московских издательств и сказал, что у меня есть рукопись книги о командарме М.Г. Ефремове. Мне не позволили даже вынуть рукопись из папки. «Ну что вы! – сказал человек, решавший тогда ее судьбу, на расстоянии, как маг. – Какой Ефремов?! Мы еще не обо всех маршалах написали! А Ефремова мы не продадим». Так и сказал. Делая вид, что не расслышал последней фразы, я пытался настаивать, правда, уже не по поводу своей рукописи. Бог с ней, с рукописью, подумал я, но генерал… И тут в комнату вошел охранник и сказал моему магу что-то о ключах и дверях. И вдруг тот спросил его: а скажите, любезный, кто такой генерал Ефремов и слыхали ль вы о таком вообще? «Это тот, который под Вязьмой застрелился?» – мгновенно отреагировал охранник. Когда охранник удалился, маг сказал, что судьбу книги не должен решать охранник… И уже на улице я спохватился: а все-таки решает!

От кого мы *охраняем* свою историю?

Теперь о генерале М.Г. Ефремове создана целая литература. Созданы музеи, сняты фильмы, установлены памятники и бюсты. Величина, а точнее, величие памяти о воине измеряется не размером и количеством звезд на петлицах или погонах, которые он выслужил при жизни, а тем, что воин совершил. Если же мы говорим о погибшем, то ничто другое, как его смерть, последние часы и мгновения жизни, не свидетельствует о сути этого

человека. Командарм Ефремов не бросил своих солдат в окружении, не воспользовался возможностью вылететь из котла на самолете, а остался с ними до конца и испил общую чашу страданий и гибели. И, будучи тяжело раненным, застрелился, чтобы не стать пленным, трофеем в руках противника. В этом его величие. В этом залог его восхождения в нашей памяти, в нашем сознании и нашей народной душе. Мы испытываем трогательную жалость к погибшему герою. Всякие поправки, вроде «там было не совсем так», уже не столь существенны. Смерть героя покрыла все.

В канун 70-летия битвы за Москву в журнале «Сенатор» появилась статья сотрудников Центрального музея Великой Отечественной войны Галины Грин и Владимира Чернова «Семнадцатая танковая на Варшавском шоссе». В ней авторы рассказывают об одной досадной исторической ошибке, которая много десятков лет тиражировалась с подачи маршала Г.К. Жукова, который в своих «Воспоминаниях и размышлениях» неверно назвал имя командира той самой 17-й танковой бригады.

Это тот самый, довольно знаменитый эпизод воспоминаний, о том, как в начале октября Жуков ездил в сторону Малоярославца и Юхнова, чтобы понять состояние войск, оставшихся вне вяземского котла, и решить, что можно предпринять для недопущения противника к столице здесь, в центре, на наикратчайших путях к Москве.

«В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И.В. Сталину. Он еще работал. Доложив обстановку на Западном фронте, я сказал:

– Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на можайскую линию обороны.

И.В. Сталин спросил:

– Где сейчас 19-я, 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

– В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

– Что вы намерены делать?

– Выезжаю сейчас же к Буденному.

– А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

– Буду искать где-то в районе Малоярославца.

– Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

Моросил мелкий дождь, густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское, мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Я спросил:

– Куда тянете, товарищи, связь?

– Куда приказано, туда и тянем, – не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

– Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведен сюда два часа назад и размещен в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машины повернули обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А.Ф. Анисов. Л.З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

– Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем.

– А вы приняли меры к его розыску?

– Да, послали офицеров связи, они еще не вернулись.

Обращаясь ко мне, Л.З. Мехлис спросил:

– А вы с какими задачами прибыли к нам?

– Приехал как член Ставки по поручению Верховного главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

– Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л.З. Мехлисом и А.Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте в войсках скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил свое детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил ее вдоль и поперек. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, – моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и ее четверо детей. Как они? Что, если заехать? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я

успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

Мои земляки оказали врагу серьезный отпор. В районе был организован партизанский отряд, который возглавил мужественный борец за Родину, умный организатор, комсомолец-пограничник Виктор Карасев. Комиссаром стал секретарь Угодско-Заводского райкома ВКП(б) Александр Курбатов. В этом же отряде находился бесстрашный народный мститель, председатель Угодско-Заводского районного исполнительного комитета Михаил Алексеевич Гурьянов.

Угодско-Заводский партизанский отряд производил смелые налеты на штабы, тыловые учреждения и отдельные подразделения немецких войск.

В ноябре 1941 года коммунист Михаил Алексеевич Гурьянов был схвачен, зверски избит и повешен немцами. Мои земляки свято чтят память бесстрашного героя.

При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжен был и дом моей матери.

Другим крупным партизанским отрядом, действовавшим в этом районе, был отряд под командованием В.В. Жабо. Этот отряд играл важную роль во всех операциях против частей 12-го корпуса немцев, готовившегося к наступлению на Москву. Об одной из таких операций 29 ноября 1941 года Совинформбюро сообщило: «Получено сообщение о большом успехе партизан в Н-ском районе. 24 ноября несколько партизанских отрядов совершили налет на крупный населенный пункт. (Имелся в виду Угодский Завод. – Г. Ж.) Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы».

Владимир Владиславович Жабо родился в Донецке в 1909 году. Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В.В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов, как лучше выполнить поставленную задачу. Операция была успешно выполнена. Владимир Жабо пал смертью героя 8 августа 1943 года в бою в районе деревни Дуброво Хотынецкого района Орловской области, где он командовал тогда 49-й мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса.

Угодско-Заводский район освободила в декабре 1941 года 17-я стрелковая дивизия генерала Д.М. Селезнева.

Там, где был в 1941 году штаб Резервного фронта, а затем штаб Западного фронта, на месте деревни Пяткино (которую

немецкие войска при отступлении тоже сожгли), после войны возник город Обнинск. Теперь он известен далеко за пределами нашей страны: здесь построена первая атомная электростанция. Город Обнинск в настоящее время является одним из крупнейших научных центров.

Но вернемся к событиям того времени.

Проехав до центра Малоярославца, я не встретил ни одной живой души. Город казался покинутым. Около здания райисполкома увидел две легковые машины.

– Чьи это машины? – спросил я, разбудив шофера.

– Маршала Буденного, товарищ генерал армии.

– Где Семен Михайлович?

– В помещении райисполкома.

– Давно вы здесь?

– Часа три стоим.

Войдя в райисполком, я увидел склонившегося над картой С.М. Буденного.

Мы тепло поздоровались. Было видно, что Семен Михайлович многое пережил в эти тяжелые дни.

– Ты откуда? – спросил С.М. Буденный.

– От Конева.

– Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи. Вчера я находился в штабе 43-й армии, а штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился.

– Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, значительная часть сил попала в окружение.

– У нас не лучше, – сказал С.М. Буденный, – 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо для обхода города с востока.

– В чьих руках Юхнов?

– Сейчас не знаю. На реке Угре было до двух пехотных полков, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

– Ну а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

– Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

– Поезжай в штаб фронта, – сказал я Семену Михайловичу, – разберись в обстановке и сообщи в Ставку о положении дел, а я поеду дальше. Доложи Верховному о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что

там происходит.

В Медыни я действительно никого не обнаружил. Только одна старая женщина что-то искала в развалинах дома, разрушенного бомбой.

– Бабушка, что вы тут ищете? – спросил я.

Она подняла голову. Широко раскрытые, блуждающие глаза бессмысленно смотрели на меня.

– Что с вами, бабушка?

Ничего не ответив, она снова принялась копать. Откуда-то из-за развалин подошла другая женщина с мешком, наполовину набитым какими-то вещами.

– Не спрашивайте ее. Она сошла с ума от горя. Позавчера на город налетели немцы. Бомбили и стреляли с самолетов. Эта женщина жила с внучатами здесь, в этом доме. Во время налета она стояла у колодца, набирала воду, и на ее глазах бомба попала в дом. Дети погибли. Наш дом тоже разрушен. Надо скорее уходить, да вот ищу под обломками – может, что-нибудь найду из одежды и обуви.

По щекам ее катились слезы.

С тяжелым сердцем двинулся я в сторону Юхнова. Временами приходилось притормаживать и внимательно осматриваться, чтобы не заехать в расположение врага.

Километров через 10–12 меня внезапно остановили в лесу вооруженные советские солдаты в комбинезонах и танкистских шлемах. Один из них подошел к машине.

– Дальше ехать нельзя, – сказал он. – Вы кто будете?

Я назвал себя и, в свою очередь, спросил, где их часть.

– Здесь, в лесу, в ста метрах, стоит штаб танковой бригады.

– Очень хорошо. Проводите меня в штаб.

Меня обрадовало, что здесь оказалась танковая бригада. В штабе навстречу мне поднялся невысокого роста, подтянутый танкист в синем комбинезоне, с очками на фуражке. Сразу показалось, что этого человека я где-то видел.

– Докладывает командир танковой бригады резерва Ставки полковник Троицкий.

– Троицкий! Вот не ожидал вас встретить здесь!

И.И. Троицкий мне запомнился по Халхин-Голу, где он был начальником штаба 11-й танковой бригады, той самой, которой командовал Герой Советского Союза М.П. Яковлев. Эта бригада была грозой для японцев.

– Я тоже не думал, что встречу вас здесь, товарищ генерал армии. Знал, что вы командуете Ленинградским фронтом, а что вернулись оттуда, не слыхал.

– Ну, что у вас тут делается, докладывайте. Прежде всего, где

противник?

Полковник И.И. Троицкий рассказал:

– Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре. Посылал я разведку и в Калугу. В городе противника пока нет, но в районе Калуги идут напряженные бои. Там действуют 5-я стрелковая дивизия и некоторые отошедшие части 43-й армии. Вверенная мне бригада находится в резерве Ставки. Стою здесь второй день и не получаю никаких указаний.

– Пошлите офицера связи в штаб Резервного фронта в район полустанка Обнинское; он расположен в деревне Пяткино за рекой Протва. Информируйте С.М. Буденного об обстановке. Разверните часть бригады и организуйте оборону с целью прикрытия направления на Медынь. Через штаб Резервного фронта доложите в Генштаб о полученном от меня приказании и сообщите, что я поехал в Калугу в 5-ю стрелковую дивизию.

Позже мне стало известно о том, что мост через реку Угру был взорван отрядом майора И.Г. Старчака, начальника парашютно-десантной службы Западного фронта. Этот отряд численностью в 400 человек был сформирован 4 октября по его личной инициативе из числа пограничников, которые готовились к действиям по вражеским тылам.

Отряд И.Г. Старчака после взрыва моста занял оборону по реке Угре. Вскоре он был поддержан отрядом курсантов подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л.А. Мамчика и капитана Я.С. Россикова. Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались героическими действиями этих отрядов.

В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве. Тем временем в районе Малоярославца, на его укрепленный рубеж, вышли и развернулись артиллерийское и стрелково-пулеметное училища Подольска.

В районе Калуги меня разыскал офицер связи штаба фронта и вручил телефонограмму начальника Генерального штаба, в которой Верховный главнокомандующий приказывал мне прибыть 10 октября в штаб Западного фронта» [47] .

Георгий Константинович Жуков очень точно описал картину событий тех дней трагической неопределенности, царившей под Москвой. Генерал не просто ездил по прифронтовым дорогам в поисках штабов и воинских частей, он проезжал по дорогам своей родины, и потому с такой болью наблюдал картины разрушенной

Медыни, пытался заговорить с земляками, но эти дорожные, случайные беседы приносили лишь новую боль. Генерал невольно думал об участи своих родных, матери и сестры, оставшихся в Стрелковке, до которой от Медыни рукой подать…

Мемуары писал уже конечно же другой Жуков. Память подводила. Неверно названа фамилия командира 6-й курсантской роты старшего лейтенанта Л.А. Мамчича. Фамилию же командира 17-й танковой бригады, в расположение которой он прибыл, как отмечено в журнале боевых действий бригады, «к исходу дня 8.10.41», он при написании воспоминаний спутал с фамилией офицера (И.И. Троицкого), который почти всю войну прослужил в войсках одного из внутренних военных округов и к событиям 41-го года под Медынью, Угодским Заводом и Малоярославцем вообще никакого отношения не имеет. Путаница, как объясняют авторы публикации в журнале «Сенатор», по всей вероятности, произошла потому, что в штабе 17-й бригады генерал Жуков встретил своего знакомого и сослуживца по Халхин-Голу – бывшего начальника снабжения особого корпуса, которым командовал Жуков, Александра Спиридоновича Кислицына.

А.С. Кислицын служил в 17-й танковой бригаде начальником штаба. Вот и осела в памяти генерала неожиданная и радостная встреча. Маршал же по прошествии времени вспомнил ее иначе. Историки исправлять ошибку почему-то не стали. Деликатность, которая на долгие годы вычеркнула целую танковую бригаду из истории битвы за Москву. Думаю, автор «Воспоминаний и размышлений» был бы только благодарен, если бы о досадной ошибке ему сказали сразу после выхода первого издания мемуаров. Но архивы подмосковного периода открылись только десять лет назад, и все документальные свидетельства, в том числе и журнал боевых действий, публикуемый в этой книге, стали нашим общим достоянием уже после того, как ушли из жизни все маршалы и генералы, написавшие свои мемуары о московских сражениях 41-го года. Свою подлинную историю мы умеем хранить надежно…

Но вернемся все же к курсантской теме. Хотя на Варшавском шоссе в эти дни они воевали не одни. И предыдущее невольное отступление тому подтверждение.

9 октября начальник училища усилил передовой отряд 1-й ротой под командованием капитана С.П. Лаврентьева.

Позиция на реке Изверь уже была оставлена. На станции Мятлевской горели склады с горючим и продовольствием. Мятлево – перекрестье дорог: Сызрано-Вязем-ской железной дороги и шоссе Москва – Брест. Немцы наконец-то захватили станцию и поселок и хозяйничали здесь.

В конце 80-х годов мне довелось жить в Мятлеве. Редактировал местную районную газету «Рассвет» (Износковский район), но жилья в Износках не было, и меня поселили в тихом, тоскливом Мятлеве. Однажды я забрел на окраину поселка и встретил старика-пастуха. Стадо его было небольшим – пара коз и козел, облепленный репьями. В своем панцире тот был похож на небольшого динозавра. Старик рассказал такую историю.

Когда в Мятлево вошли немцы, народ попрятался куда мог. Днем раньше с продовольственных складов люди успели натаскать много всего, чего давно уже было не купить в магазинах. Немцы, заняв поселок и станцию, приказали все расхищенное вернуть. Никто ничего не возвращал. Тогда пошли по домам. В доме одной старухи обнаружили нескольких красноармейцев. Среди них двое оказались курсантами. Один – раненный в ногу, передвигался при помощи палки, на ногу не наступал. Их повели расстреливать. Раненого вначале бросили. Но он ковылял вслед за своими товарищами, изо всех сил стараясь не отставать от них. Хотя было уже понятно, куда их ведут. Старик рассказал, что раненый был в гимнастерке, с курсантскими петлицами, лет двадцати пяти– тридцати. Когда их поставили к стене сарая, один из бойцов заплакал и упал на колени. И тогда тот ему что-то сказал, подал руку и все время, пока немцы не начали стрелять, придерживал. Где похоронили расстрелянных, старик ничего толком не сказал. Возможно, местные знают эту историю и могли бы показать место захоронения.

К 10 октября в 6-й курсантской роте в строю осталось 20 человек. В других – чуть больше. Дивизион ПАУ тоже нес потери. Часть орудий была разбита, другая повреждена. Но капитан Россиков сохранял в батареях дисциплину. Расчеты, потерявшие орудия, тут же распределялись по другим, все еще действующим. «Ребята, надо продержаться еще немного, – говорили курсантам их командиры. – В Ильинском уже занимают оборону основные силы». Это действовало магически: «Основные силы…»

Тем временем основные силы реденькой цепочкой, тонкой, туго натянутой ниткой растягивались по фронту Можайского укрепрайона. Из Казахстана, из далекой Актюбинской области прибывали эшелоны с 312-й стрелковой дивизией полковника А.Ф. Наумова. Батальоны спешно занимали окопы рядом с ротами курсантов. 312-я стрелковая вскоре проявит себя с самой лучшей стороны и станет еще одним героем Московской битвы. Именно на нее и на полковника Наумова, назначенного в эти дни начальником Малоярославецкого боевого участка, ляжет основная тяжесть боев в Ильинском секторе обороны. 60-я

стрелковая дивизия, занявшая оборону левее, у Высокиничей, будет растянута до самого Серпухова, так что на километр фронта придется по три бойца и одно орудие со средним боекомплектом в шесть-семь выстрелов. Такое положение сохранялось несколько суток. На подходе были свежие дивизии, маршевые роты и батальоны. Их Ставка направляла сюда. Но для их развертывания нужны были еще одни сутки.

«Ребята, еще одни сутки…» Курсанты, измученные бессонницей и почти непрерывными боями и схватками, молча выслушивали слова своих командиров. Эти слова уже не были похожи на приказы. Но сила их оставалась прежней – их надо было выполнять.

10 октября немецкие самолеты начали интенсивно бомбить расположение 17-й танковой бригады. Майор Клыпин, понимая, что бригада обнаружена и, если не поменять место дислокации, пикировщики разделают бригаду за считаные часы, принял решение на отход.

В полдень того же дня немецкая пехота вышла в тыл курсантским ротам, оборонявшимся по фронту реки Шани. Начался бой в окружении. Вечером остатки 1, 2 и 6-й рот вышли к деревне Дворики на Варшавском шоссе. Медынь была оставлена.

Тем временем сосредоточение резервов и вновь формируемых подразделений из групп и остатков выходящих из окружения войск на Можайской линии обороны еще продолжалось. Подвозили орудия, закатывали их в доты. Пехота занимала ячейки и блиндажи. Из Подольска и Москвы подъезжали грузовики с патронами и снарядами. Для некоторых орудий снаряды не подходили. Снабженцы снова мчались на склады, чтобы найти и доставить нужные боеприпасы. Построить оборону – это не только отрыть окопы и отлить из бетона доты. Построить оборону – это еще и заполнить окопы бойцами, в дотах оборудовать огневые точки, обеспечить войска всем необходимым. На все нужно время. Дни, часы…

В Двориках передовой отряд пополнился 3-й курсантской ротой старшего лейтенанта С.В. Кубарева и развед-отрядом 53-й стрелковой дивизии. Вместе с пополнением поступил приказ: утром 11 октября атаковать Медынь и занять город. В журнале боевых действий 17-й танковой бригады есть такая запись: «11.10.41 в 4.00 командир бригады получил устный приказ командующего 43 Армией: ведя наступление вдоль шоссе, овладеть Медынь. Выполнение задачи возложено на 17 танковый полк. 17 ТП в составе 1 танк Т-34 и 6 шт. Т-40, наступая на Медынь, был обстрелян артиллерией и пулеметами с восточной окраины Медынь. В результате этого полк задачи не выполнил. В

8.00 11.10.41 танковому полку была поставлена задача: удержать шоссе восточнее Медынь и обеспечить действие пехоты Малоярославецкого УР» [48] .

В книге Д.В. Панкова и Д.Д. Панкова «Подвиг подольских курсантов» [49] , которая до сих пор является наиболее полным исследованием темы участия курсантов ППУ и ПАУ в октябрьских боях на Варшавском шоссе, сказано о том, что атака на Медынь не состоялась по причине того, что противник атаковал первым и сломил сопротивление курсантских рот.

В начале 90-х годов в Медыни местные поисковики рассказали мне такую историю. Если в нее поверить, то атака на Медынь все же была.

Теперь документально невозможно подтвердить даже факт этой безумной атаки, а не то что выяснить, что это за рота наступала на Медынь с гармошкой и винтовками против пулеметов и минометов, кто ею командовал и куда ушли остатки уцелевших. Если в архивах почти ничего не сохранилось о действиях передового отряда курсантов и десантников капитана Старчака, то что уж говорить об этой безумной роте. Но сам факт того, что она под гармошку кинулась на Медынь, где немцы уже успели основательно закрепиться, говорит о многом.

В боях за Москву вообще много неизвестного. Много того, что забыто. Что надо было забыть, потому что это кому-то мешало жить и спокойно дышать после войны. Много тайн. И того, что когда-то казалось незначительным. И даже в эпопее увековечения памяти подольских курсантов изначально сделан перекос в пользу событий на Ильинском и в Детчинском секторах и совершенно вытерты бои передового отряда. Как будто его и не существовало. А ведь три роты ППУ, дивизион ПАУ, 1-я рота 108-го запасного полка, батарея 222-го зенитного артдивизиона, подразделения 17-й танковой бригады, команда охраны авиационного склада, артиллеристы 517-го артполка (восемь 37-мм противотанковых пушек), десантники сводного батальона капитана Старчака сдерживали немцев пять дней. Пять дней противник шел к Можайскому УРу. Вместе с перечисленными выше подразделениями сражались бойцы выходивших из окружения частей 113, 17, 60, 149-й стрелковых, 148-й танковой бригады, 149-й танковой дивизии, других частей Западного и Резервного фронтов, которые отступали от Рославля и Спас-Деменска вдоль Варшавского шоссе и пробились в обороне на реке Изверь. Что мы знаем о них? Только то, что они были, и больше ничего.

История Великой Отечественной войны, и в частности битва за Москву, ждет своих летописцев.

Из сводки разведуправления Генштаба РККА на 8.00 11 октября 1941 года:

«На Юхновском направлении до пех. дивизии пр-ка с 50 танками, наступая вдоль шоссе на Медынь, к исходу 10.10.41 вышли креке ШАНЯ на участке МИХАЛЬЧУКОВО, МОШАРОВО. Все попытки противника форсировать р. УГРА на участке ТОВАРКОВО, ПЛЕТЕНЁВКА были отбиты нашими частями. Авиацией в течение 10.10.41 отмечено движение двух пп из ЮХНОВ на МЕДЫНЬ головой у ВОРОНКИ (25 км сев. – вост. ЮХНОВ). На этом же участке отмечено до 500 автомашин; скопление до 50 танков отмечено в районе КАПУСТИНКИ; до 200 танков, автомашин и войск в районе ЧЕМОДАНОВО, ВНУКОВО (35 км зап. КАЛУГА); крупное скопление мотомехчастей в период 7.20 10.10.41 отмечено в районе ЮХНОВ, ЖУКОВКА (25 км юго-зап. ЮХНОВ), КАРМАНОВО. Авиаразведкой 11.10.41 установлено движение автомашин с юго-запада на РОСЛАВЛЬ и автомашин и танков, неустановленной численности, из РОСЛАВЛЯ на ЮХНОВ.

Вывод

3 и 4 танковые группы, установив взаимодействие в районе ВЯЗЬМА, ГЖАТСК, стремятся не допустить выхода из окружения армий Западного и Резервного фронтов.

На Юхновском направлении сосредоточивает пехоту и танки в районе зап. КАЛУГА, откуда возможен переход в наступление в северо-восточном и восточном направлениях» [50] .

Так вскоре и произошло. Немецкие колонны, увязая в грязи, двинулись на Тарусу, вскоре овладели этим старинным городком на Оке, но через Оку не пошли, а двинулись большаком на Серпухов. Другой поток после взятия Калуги хлынул по Старой Калужской дороге на Детчино. Через несколько дней авангарды противника появились у Высокиничей. Высокиничи в 1941 году были районным центром Московской области. (Ныне пос. Высокиничи принадлежит Жуковскому району Калужской области.)

Начальник Малоярославецкого боевого участка командир 312-й стрелковой дивизии полковник Наумов [51] расположил батальоны ППУ и огневые расчеты ПАУ непосредственно у Варшавского шоссе в селе Ильинском. По опыту прежних боев было понятно, что противник бросит в дело танки как основную пробивную силу. Сюда, в Ильинское, на танкоопасное направление был выдвинут 108-й запасной полк и 301-й пулеметный батальон. Ильинский участок обороны усилили также другими частями и подразделениями.

Оборона курсантских батальонов тянулась по западным берегам рек Лужи и Выпрейки по линии Лукьяново – Ильинское –

Малая Шубинка. Бетонные доты, построенные на этом рубеже, оказались недостроенными. К примеру, амбразуры не были защищены стальными бронеплитами. Некоторые к моменту подхода противника не были засыпаны грунтом и возвышались над землей наподобие бетонных зданий. О комплектовании этих капитальных оборонительных сооружений штатным артиллерийским и стрелковым вооружением и говорить не приходилось. Орудия курсанты в доты закатывали сами. Некоторые пушки не помещались, с них снимали колеса и щиты. Никакой пристрелки не производилось. Да и стрелять порой было нечем. Снаряды подвезли в самый последний момент. Для некоторых расчетов – уже во время боя. Многие курсанты артиллерийского училища вынуждены были драться как пехота, орудий либо не хватало, либо для них так и не подвезли огнеприпасы.

Плотность обороны была следующей.

На участке Подсосино – Бутырки на один километр фронта приходилось 280 винтовок, 6 ручных и 4,5 станкового пулемета, 0,5 миномета, 1 орудие.

Высшую военную школу РККА и одновременно Туркестанские курсы востоковедения РККА, в 1936 г. – заочно Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1951 г. – ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова с отличием. Награжден орденом Св. Анны IV степени, Георгиевским крестом IV степени, двумя орденами Ленина, орденом Суворова II степени, тремя орденами Красного Знамени. В 1958 г. уволился в запас и поселился в г. Обнинске на земле, где воевал в 41-м году. Умер в возрасте 95 лет, похоронен в г. Обнинске. В 1968 г. в Алма-Ате вышла его книга «На Варшавском шоссе».

На соседнем участке Юрьевское – Подсосино: 120 винтовок, 6 ручных и 4,5 станкового пулемета, 0,5 миномета, 3 орудия.

На участке Песочня – Устье: 60 винтовок, 1 ручной и 0,8 станкового пулемета, 0,4 миномета и 0,5 орудия.

Пехотное училище было разделено на четыре батальона. Каждый батальон получил свой участок обороны. Артиллерийское училище сформировало несколько дивизионов.

Первый удар противник нанес по обороне 3-го батальона ППУ. Немцы словно знали, что в окопах перед ними сентябрьский набор, курсанты, успевшие проучиться всего лишь две недели. Перед атакой противник произвел массированный авианалет. Пикировщики Ю-87 прицельно и почти без помех бомбили оборону Ильинского сектора. Затем в дело вступила артиллерия и минометы. 3-й батальон дрогнул и расступился. Немецкая пехота вклинилась в оборону курсантов местами до 300 метров в

глубину. Но вскоре была отбита мощной контратакой. Противник потерял шесть танков и до роты пехоты и вынужден был отойти за реку.

Вечером 12 октября противник двинулся непосредственно по Варшавскому шоссе и вдоль него. В бой были брошены пятнадцать танков с пехотой. Это был лобовой таранный удар, не характерный для немцев. Видимо, разведка не смогла найти в обороне курсантов и стрелков 312-й дивизии бреши, чтобы втиснуться в нее с минимальными потерями. По берегам Выпрейки и Лужи были построены проволочные заграждения в три кола, а предполье заминировано. Так что на Ильинское немцы полезли, видимо не имея других вариантов. Командование 57-го корпуса понимало, что теряет драгоценное время, и генерал Кунтцен торопил своих командиров дивизий, прекрасно понимая, что войска устали, но и Москва – вот она, рядом.

На этот раз курсанты встретили немецкую колонну сосредоточенным артиллерийским огнем. Результаты этого огня запечатлены на трофейных немецких фотографиях, которые часто публикуются в различных изданиях, посвященных московской битве: подбитые и сожженные Pz-III и чешские PzKpw-38(t) в изрядном количестве прямо на шоссе и на обочинах. В этом бою курсанты уничтожили пять танков и 70 человек пехоты. Больше на Ильинское через мост по Варшавскому шоссе немцы не наступали.

В этот же день, 12 октября, южнее, в Детчинском секторе Малоярославецкого боевого участка 4-й батальон ППУ атаковал противника, занявшего село Устье. Немцы начали накапливаться здесь для дальнейшего броска вперед. Но курсанты сорвали их замысел. Бой длился несколько часов. На отдельных участках вспыхивали рукопашные схватки.

13 октября командарм Акимов провел срочное совещание, на котором поручил генералу Смирнову руководить правым крылом Малоярославецкого боевого участка, а левым – полковнику Наумову. Сложность ситуации заключалась в том, что противник, встретив упорное сопротивление на шоссе в районе Ильинского и на детчинском участке, начал активно действовать на флангах, пытаясь обойти укрепрайон. Начались мощнейшие налеты авиации. Немецкие бомбардировщики сбрасывали тяжелые 500-килограммовые бомбы, пытаясь разрушить доты и засыпать противотанковые рвы, мешавшие маневру танков. На отдельных участках это им удавалось. Недавно из архивов были извлечены опять же трофейные кадры киносъемки. Немецкий оператор запечатлел разрушенные доты, траншеи и окопы, наполовину срытые артиллерийско-минометным огнем и точными

попаданиями авиабомб. На дне окопов лежат тела курсантов. Некоторые сидят с винтовками в руках, уткнувшись головой в стенку траншеи…

Немецкий оператор, должно быть, снимал триумф германского наступления на Москву, материальные доказательства мощи германского оружия, а снял торжество духа и доказательства несгибаемой воли русского солдата. Говоря о русском солдате, я конечно же включаю в эту историческую и нравственную категорию воинов всех народов СССР, воевавших в Красной армии: казахов, украинцев, белорусов, татар, башкир, якутов, чувашей… В 43-м году все они будут называть друг друга *славянами.* «Эй, славяне, огоньку не найдется?..» Это – славяне – охватит всю армию, все фронты, полки и подразделения, как вспышка внезапного и мгновенного понимания друг друга, проникновенного чувства братства навсегда, до смертного края. Потому что он, этот край, был всегда рядом, перед глазами, как край окопа. Вот и тянулись друг к другу, понимая одно – человеческое тепло. Как жаль, что многое из того, добытого поколением наших отцов и дедов, мы бездарно промотали, растеряли, а зачастую и просто выбросили за ненадобностью…

После неудачи под Устьем немцы сосредоточились в Башкировке и повели наступление на Большую Шубинку. Бой шел весь день и затих только ночью. Курсанты отошли на запасные позиции. В зареве пожаров, охвативших Большую Шубинку, курсанты наблюдали, как хозяйничали в селе представители высокой крови. Резали поросят, стреляли кур, чистили у колодцев картошку. В проулках дымились трубы полевых кухонь. О горячей пище курсанты уже забыли и мечтать – несколько суток грызли сухари и довольствовались сухим пайком.

Командир 3-го батальона капитан Бабаков быстро собрал роты, определил им места сосредоточения. В 23.30 ротные доложили о полной готовности. И вот тремя стремительными потоками батальон ворвался в Большую Шубинку. Началась рукопашная. В дело пошли штыки и саперные лопатки, приклады, каски. Бой распался на отдельные схватки. К полуночи село было отбито. Немцы отошли.

Утро 14 октября началось с кромешного ада: вначале налетели самолеты, потом начался мощный артобстрел. Противотанковый ров перед Большой Шубинкой был почти полностью разрушен. Еще не осела копоть, через него пошли немецкие танки. Их было пятнадцать. До двух батальонов пехоты густыми цепями шли за ними. Вскоре противник окружил батальон и начал расчленять его. Некоторые группы офицеров и курсантов так и остались в окопах и дотах под Большой

Шубинкой. Остальные прорвались из окружения и вышли в свое расположение.

В этот день на Ильинском рубеже курсанты, бойцы 312-й стрелковой дивизии и подразделения, оборонявшие этот участок московского фронта, подбили 14 танков противника и уничтожили до батальона пехоты.

К 15 октября из 500 курсантов, оборонявших Ильинский сектор, в строю осталось только 180 человек.

16 октября бои в Ильинском и его окрестностях приняли еще более ожесточенный характер. Группы немецкой пехоты проникли в оборону в нескольких местах, вплотную подошли к дотам и начали забрасывать их гранатами. Танки подходили вплотную и расстреливали амбразуры в упор. Бывший курсант ПАУ В.С. Шапков вспоминал: «Во время боя к нам в окоп приполз курсант. Весь в крови, без шинели. Теряя сознание, он еле слышно произнес: «Из дота я… Орудие разбито. Патроны, гранаты кончились. Там – никого…» Алексей Бараночников, Виктор Баскаков взяли ручной пулемет и поползли к доту. За ними – Иван Корольков, Василий Смирнов. Завязался бой. Фашистов выбили, и курсанты снова закрепились в доте».

Как пишут исследователи отец и сын Панковы, некоторые доты по нескольку раз в день переходили из рук в руки. То немцы забрасывали курсантов гранатами, то курсанты подползали к амбразурам и закидывали в них тяжелые противотанковые РПГ-40. Немцы для выкуривания артиллеристов и пулеметчиков из дотов применяли танки. Танк, маневрируя в мертвом пространстве, подходил к доту почти вплотную и открывал огонь. Когда я осматривал уцелевшие доты (они стоят у Варшавского шоссе, в полях и перелесках у Ильинского и Кудинова и теперь), то невольно обратил внимание на борозды, прорубленные в верхней части стен и на потолке дотов. Курсант, письмо которого я потерял, пояснил мне: это следы немецких болванок; противотанковыми снарядами они стреляли потому, что фугасные рвались, как правило, вне помещения дота, в лучшем случае в амбразуре, и поражаемость осколками была небольшой. Курсанты уже научились спасаться от осколков. Но когда сбоку, из мертвого пространства, на огромной скорости залетала противотанковая болванка и начинала, рикошетируя, метаться по внутреннему помещению, она калечила все на своем пути, и материальную часть, и людей, и если даже ни в кого не попадала, то многие после таких прямых попаданий в амбразуру получали контузии, а у некоторых сдавала психика.

Курсант Иван Макуха, тот самый отважный пулеметчик из передового отряда, вспоминал: «От прямого попадания снарядов в

доты нас сбивало с ног взрывной волной, осыпало бетонными осколками, из глаз и ушей выступала кровь. Я получил тяжелую контузию, ранение в лоб, затылок, семь осколков гранаты…»

Курсант Степан Жарков, обвязав себя связками гранат, бросился под немецкий танк.

Очень часто в окопах и возле дотов завязывались рукопашные схватки. Курсанты не оставляли своих позиций, имея приказ стоять насмерть, а немцы тоже лезли напропалую, имея приказ взять Ильинское во что бы то ни стало.

Вот как описывает события у села Ильинского известный немецкий историк Пауль Карель в своей книге «Гитлер идет на восток». Привожу отрывок в полном объеме:

«Подполковник Вагнер расстелил карту на ящике из-под ручных гранат. Офицеры инженерно-саперного батальона 19-й танковой дивизии собрались вокруг командира. – Здесь, – Вагнер указал на точку на карте, – здесь Малоярославец, в девятнадцати километрах впереди. Тут наши танки должны быть завтра. А вот Подольск, это в тридцати четырех километрах от Москвы. Задача дивизии овладеть им на следующей неделе. – Вагнер поднял глаза от карты и посмотрел на подчиненных. – Поэтому мы должны прорваться через эти чертовы доты, что перед нами, и открыть путь бронетехнике. Танки не могут пройти по раскисшим полям, а пехотинцам, что продвинулись вперед к югу от дороги, нужны боеприпасы и все прочее.

Было 16 октября. Совещание Вагнер проводил поблизости от Ильинского, ключевого пункта первой линии обороны Москвы. Позиции тут удерживали курсанты Подольского военного училища. 19-я танковая дивизия из Нижней Саксонии застряла перед советскими дотами, где немцам противостояли будущие офицеры – молодые фанатики-коммунисты. Бомбы пикировщиков не могли уничтожить доты. Не лучше получалось это и у артиллеристов. Поэтому в дело предстояло вступить саперам Вагнера.

Штурмовая группа с двумя огнеметами и подрывными зарядами осторожно просачивалась на ровную заболоченную местность перед позициями русских. Воронки от бомб и снарядов помогали саперам прятаться, а артиллерия яростно била по дотам. Под прикрытием огня саперам удалось подобраться вплотную к бетонным сооружениям.

Снаряд разорвался слишком близко. Унтер-офицер Трипп, возглавлявший отделение инженерного батальона 19-й танковой дивизии, поднял ракетницу. В небо взлетела белая ракета – условный сигнал, означавший: мы достигли цели. Пушки разом замолчали.

– Пошли!

Огнеметы изрыгнули длинные струи горючей жидкости, поливая ею два дота в середине и справа. С ревом ворвалось в амбразуры пламя. Все потонуло в черном дыму. Русские не могли надеяться выстрелить из автоматов или бросить гранаты. Дот слева немцы обстреливали из автоматов, стараясь попасть в амбразуру, а тем временем ефрейтор Фогель забрался на крышу. Он сверху бросил заряд взрывчатки в амбразуру и спрыгнул назад. Раздался грохот взрыва, полыхнуло пламя, повалил черный дым.

Со вторым препятствием немцы покончили аналогичным способом. Но тут из бетонного хода, соединявшего доты, вдруг застрочил пулемет, скосивший огнеметчиков справа. Трипп побежал к ходу сообщения слева и открыл огонь из автомата. Русские подняли руки, только один комиссар продолжал бросать гранату за гранатой, пока его не настигла очередь. Они пустили еще одну ракету – белую. Пехотинцы далеко позади повеселели:

– Получилось!

Стена под Ильинским была пробита.

Вперед по очищенному пути на Малоярославец пошел 27-й танковый полк подполковника Томале вместе с 2-м дивизионом 19-го артиллерийского полка и батареей 88-мм зенитных орудий. Во главе следовала 1-я рота обер-лейтенанта фон Вертерна. Роты 74-го стрелкового полка двигались по обеим сторонам шоссе. До Москвы оставалось 100 километров.

Реку Протву наступающие перешли без затруднений. Они продолжали продвижение.

Мост оказался невзорванным. Переправу отчаянно защищал расчет советской противотанковой пушки.

«Огонь из всех видов оружия и перейти реку», – радировал фон Вертерн командирам подразделений, входивших в его полк. Лейтенант Ранге командовал головным танком. Водитель Курт Вигманн слышал приказ подполковника и не нуждался в указаниях. Он включил передачу и повел машину вперед.

Они почти уже достигли цели, когда броню их машины пробил снаряд советской противотанковой пушки, расположившейся на крутом берегу слева. Последовал удар, и танк наполнился дымом.

– Покинуть машину! – приказал лейтенант Ранге. Они все сумели выбраться из танка и спрыгнули в ров. Оттуда экипаж видел, как прямым попаданием русские подбили второй танк, который запылал как факел. Выскочить смог только командир. Через мост, развернув башню на 10 часов и ведя огонь, шла третья машина. Советскую противотанковую пушку накрыло

прямым попаданием. Под огнем русской артиллерии, бившей с опушки леса, мост пересек тягач с 88-мм зенитным орудием. Расчет вывел его на позицию и начал стрелять по батареям противника. Пока все шло хорошо.

Несмотря на яростное сопротивление противника, 1-я рота Вертерна удерживала плацдарм. Со стороны русских действовали курсанты офицерского училища, сражавшиеся с невероятной отвагой. Вновь и вновь они атаковали немецкие танки на ближней дистанции.

Подполковник Томале переправил через мост все имевшиеся под рукой подразделения из состава своего 27-го танкового полка. Он оторвался от дивизии на 40 километров и должен был удерживать Истьинский плацдарм до подхода ее главных сил. Боевой группе Томале удалось справиться с задачей. К ночи немцы одолели русские рубежи, возведенные в спешке за последние несколько дней, но обороняемые сильными частями противотанковой и полевой артиллерии.

Командир 19-й танковой дивизии, генерал-лейтенант фон Кнобельсдорф, посетил головные подразделения.

– Мы не должны позволить русским окопаться вновь, – сказал он. – Не останавливаться. Следующая цель – Нара.

Река Нара служила вторым и, по всей видимости, последним рубежом обороны на подступах к Москве.

Моросил дождь. Было холодно. Дороги становились все более труднопроходимыми. Техника вставала. Все чаще раздавались крики: «Русские танки!» Т-34 на своих широких гусеницах быстро катились с холмов. Конструкция этих машин идеально подходила для езды по грязи и снегу. Немцам они наносили огромный ущерб. Часто лишь в самый последний момент удавалось спасти ситуацию, подтянув 88-мм зенитные орудия и задействовав их в качестве средств ПТО. Но, невзирая ни на что, мотоциклетные части и танки 19-й танковой дивизии добрались до Нары. Несмотря на губительный огонь советских минометных батарей, саперный батальон в рекордные сроки в темноте навел понтонную переправу, и наступающие перешли на другую сторону реки. Удастся ли превратить ручеек наступления в бурный поток?

Неожиданным броском танкисты захватили высоты к востоку от Нары.

– Получилось! – шло радостное известие от одного солдата к другому. Через реку был переброшен 59-й стрелковый полк 20-й танковой дивизии, временно подчиненный 19-й танковой дивизии. Все теперь зависело от того, как быстро наступающим удастся достигнуть автомагистрали и преодолеть серьезный

заградительный рубеж между Горками и Никольским. Тогда дорога в Кремль будет открыта.

Несмотря на состояние дорог, 98-я пехотная дивизия продвигалась форсированным маршем. У Детчино немцам пришлось пробиваться через хитроумно устроенные оборонительные позиции из линий дотов, выстроенных глубокими эшелонами. Защищали эти позиции монгольские и сибирские дивизии. Эти люди не сдавались в плен, потому что им сказали, что немцы сначала отрежут им уши, а потом пристрелят. Пять дней полыхало ожесточенное сражение. Немецкие батальоны несли тяжелые потери. Численность личного состава 282, 289 и 290-го пехотных полков значительно сократилась; большинство батальонных и ротных командиров погибло или получило ранения. Саперный батальон потерял 100 человек. Но великая цель – Москва – подгоняла людей, хотя они и находились в крайней степени утомления. Кроме всего прочего, зарядили дожди, всех донимали холод и вши. До сих пор не прибыло зимнее обмундирование. И все же сознание того, что они ведут решительный и решающий бой, гнало солдат вперед. Они отдавали последние и самые последние остатки своих сил.

23 октября 290-й пехотный полк перешел Нару в Тарутине, южнее автомагистрали. Дивизии тотчас же повернули к северу, чтобы оказать поддержку 19-й танковой дивизии в деле зачистки Московского шоссе.

1-й и 2-й батальоны (289-го пехотного полка) под командованием подполковника фон Бозе и капитана Штрёляйна штурмовали поросшие густыми зарослями леса высоты поблизости от Горок. Русские немедленно контратаковали и вытеснили 289-й полк с захваченных им позиций. Сражение продолжалось и на следующий день. Каждый сантиметр территории приходилось завоевывать в кровопролитных рукопашных схватках. В итоге наступающим осталось до шоссе всего 200 метров.

Обер-лейтенант Эммерт, исполняющий обязанности командира 1-го батальона 282-го пехотного полка, лично возглавил атаку 1-й роты. Командир ее, лейтенант Бауэр, погиб на месте. Слева и справа падали сраженные пулями и осколками солдаты. С огромным трудом наступающие добрались до зданий Горок и залегли. Русские отступили. Конечно, немцы находились пока только в южной части города, однако на сей раз за спиной у них остался последний рубеж обороны Москвы. До нее от Горок оставалось только 65 километров.

– Шестьдесят пять километров – это как от Нюрнберга до Бамберга, – заметил лейтенант Фрай, командир истребительно-

противотанковой части из дивизиона 198-й дивизии. Самому ему, правда, довелось пройти всего три. Его похоронили около Горок, в Кусолеве.

Наступление на Москву являлось, по сути дела, битвой за дороги. Летом они служили жизненно важными для армии артериями, по которым поступали боеприпасы и снабженческие грузы. Но теперь с наступлением зимней грязи, когда все проселки, не говоря уж о бездорожье, превратились в непролазное месиво, от дорог зависели не только поставки всего необходимого для передовых частей, но сами действия танкистов и пехоты. Для наступающих непогода становилась серьезной помехой, зато она играла на руку обороняющимся. Обойти прикрывавшие перекрестки доты и дзоты удавалось все реже. Их приходилось брать, атакуя в лоб. Поэтому битва за Москву становилась битвой за каждый перекресток на пути к ней.

Одной из такого рода транспортных развязок являлись Горки на реке Нара…» [52]

Немцы высоко оценили воинские качества подольских курсантов. В утраченном мной письме курсант рассказывал такую историю. Однажды над позициями батальонов появился немецкий самолет. Это был ближний разведчик, «хеншель», знакомый нам по рассказу генерала Захарова. Фронтовики называли его «костыль». Так вот «костыль» начал выделывать над окопами такие фигуры, что курсанты были изумлены. Наконец зенитный пулемет прервал безумный полет «костыля», тот грохнулся на территории, занятой курсантскими батальонами, но не взорвался. И каково же было общее изумление, когда навстречу подбежавшим курсантам из обломков кабины упавшей машины выбрался немецкий летчик, поправил летный реглан и направился к ним. Причину его нетвердой походки курсанты, разумеется, видели в том, что тот только что пережил. Но как только немец расстегнул реглан и, вынув пачку листовок, заговорил о том, что желает немедленно видеть их командира, все поняли, что он в стельку пьян.

Текст листовки был таков:

«Доблестные красные юнкера! Вы мужественно сражались, но теперь ваше сопротивление потеряло смысл. Варшавское шоссе наше почти до самой Москвы. Через день-два мы войдем в нее. Вы – настоящие солдаты. Мы уважаем ваш героизм. Переходите на нашу сторону. У нас вы получите дружеский прием, вкусную еду и теплую одежду. Эта листовка будет служить вам пропуском».

Немцы были конечно же благородными воинами. И степень своего благородства по отношению к «доблестным красным юнкерам» проявили неделю назад, в Мятлеве, когда стреляли в

раненого «настоящего солдата» с петлицами подольского курсанта, который ковылял на палке за своими обреченными товарищами, не желая их, слабеющих духом, покидать в последние их минуты…

16 октября две роты автоматчиков при восьми танках атаковали командный пункт подольских курсантов, расположенный в Кудинове. Атаку отбили. Противник, потеряв два танка и до взвода пехоты, отошел на исходные. Но атаки не прекратились. Немцы буквально навалились на Ильинское. Дело в том, что у курсантов закончились огнеприпасы. Замолчали пушки в дотах и пулеметы в окопах. Танки начали подходить вплотную. Началась зачистка Ильинского сектора. К вечеру курсанты удерживали лишь небольшой участок укрепрайона, где держалась 5-я рота и остатки батальонов, которых как боевых единиц уже не существовало. От 2-го батальона осталось два взвода. В 1-м – 120 человек. Во 2-м – 150. Из числа командиров и преподавателей уцелели единицы.

Упорное сопротивление курсантов бесило противника, доводило его буквально до истерики. Однажды в расположение последних защитников Ильинского рубежа с самолета был сброшен завязанный мешок. На мешке висела бирка с надписью: «Вот вам председатель колхоза». В мешке было тело человека, неизвестного мужчины. Дело в том, что последним островком обороны, на который курсанты все еще не пускали противника, перехватывая Варшавское шоссе, был совхоз «Кудиново», а антибольшевистская и антиколхозная пропаганда, вопреки стараниям немецких агитаторов, на комсомольцев в курсантских гимнастерках не действовала.

Утром 17 октября генерал Акимов своим распоряжением создал ударную группировку из 53-й стрелковой дивизии и подразделений 108-го запасного стрелкового полка, подчинив ее командиру дивизии полковнику Краснорецкому с задачей: восстановить утраченное накануне положение, соединиться с находящимися в окружении остатками курсантских батальонов и закрепиться на рубеже Юрьевское – Подсосино. Это было последнее распоряжение командарма Акимова. В штаб 43-й армии уже прибыл новый командующий – генерал Голубев.

Странное это было распоряжение. Оно было отдано полковнику Краснорецкому, который уже был отстранен от командования дивизией за оставление позиций без приказа. Такая формулировка в те дни была расстрельной. Это понимали и полковник Краснорецкий, и генерал Акимов. Знакомы они были давно, вместе воевали на финской и даже к орденам за ту незнаменитую войну были представлены в одном приказе.

В заключение этой главы будет приведен документ, который в какой-то мере придавливает наше представление о том, что было на Ильинских рубежах в октябре 41-го. Но надо понимать, в какое время и, главное, для чего был создан этот документ. «Заключение…» написано 30 октября 1941 года, через полмесяца после прорыва немцев в Ильинском. Мы знаем, что от командования 43-й армией был фактически отстранен генерал Акимов, хотя документов о его отстранении от должности в архивах до сих пор не обнаружено. Под суд отдан командир 53-й стрелковой дивизии полковник Краснорецкий. И, не настигни его немецкая пуля под Чернишней, он, возможно, получил бы *свою* . В те дни под Малоярославцем были расстреляны многие старшие офицеры. Этим суровым мерам требовалось документальное оправдание, хотя бы и задним числом. Вот мы нынче открыли архивную папочку, и – нате вам, пожалуйста: «При более твердом управлении части могли бы удерживать занимаемые рубежи…» Но и нижеприводимый документ, и свидетельства участников тех событий говорят о том, что при всем том, что Малоярославецкий участок Можайской линии обороны все же пал и хорошо организованной, согласованной обороны не получилось, бои у Ильинского, Большой и Малой Шубинки, Подсосенки и Кудинова получили ярко выраженный очаговый характер, когда отдельные батальоны, взводы, гарнизоны дотов и просто группы курсантов численностью до отделения, имея орудие и один-два пулемета, дрались в полуокружении или в полном окружении просто героически и наносили при этом противнику огромный урон. Жгли танки, уничтожали технику и живую силу. При этом немногие из них выжили и написали донесения о потерях и трофеях.

В начале 90-х архивы рассекретили серию материалов, среди которых оказался и этот. В интересующей нас теме он проливает свет на многое. И на причины того, почему в 43-ю в самый пик боев на Можайской линии обороны прибыл новый командующий. И почему и за что хотели расстрелять командира 53-й стрелковой дивизии полковника Краснорецкого. И на ход боев на Малоярославецком участке Можайского УР.

Привожу его с некоторыми сокращениями, так как слишком длинные цитаты раздражают моего издателя и, возможно, читателя.

Заключение старшего помощника начальника оперативного отдела штаба Западного фронта по вопросу оставления войсками 43-й армии района г. Малоярославца 18 октября 1941 года

«30 октября 1941 г.

Совершенно секретно
Военному прокурору Западного фронта
<…>

I. Ход событий 14–18.10.41 г.

К 14.10 43 А[рмия], выполняя задачу командования фронта «по активной обороне на подготовленном рубеже Московским резервным фронтом, с задачей не допустить прорыва противника через линию, укрепленную в восточном направлении», с запада и юго-запада обороняла рубеж: Юрьевское, Ильинское, Мошкино, Детчино, имея на этом направлении 312 с[трелковую] д[ивизию] и Подольское пехотное училище.

53 с[трелковая] д[ивизия] находилась в резерве в районе Бураково, Черкасово, Шумятино (223 и 475 стрелковые] п[олки], 17 т[анковая] бр[игада]).

12 с[трелковый] п[олк] этой дивизии доукомплектовывался в Белоусово.

14.10, около 14.00, противник, силою до батальона, атаковал [войска] в направлении Бол[ыпая] Шубинка и Мал[ая] Шубинка и к 15.00 занял эти пункты. В результате контратаки 107 с[трелкового] п[олка] и батальона Подольского пехотного училища к вечеру 14.10 противник из этих пунктов был выбит.

С утра 15.10 противник вновь перешел в наступление и к 12.00, заняв вторично эти пункты, мелкими группами начал просачиваться в направлении Черкасово, устремляясь к шоссе на Малоярославец. Левый фланг Подольского пехотного училища под воздействием противника частично рассеялся, частью отошел в северном направлении.

В ночь на 16.10 около роты противника овладела Черкасово, где и закрепилась. В течение ночи в этот пункт накапливались новые части противника.

Находившийся к этому времени в районе восточнее Черкасово 12 с[трелковый] п[олк] с утра 16.10 вел безуспешный бой с противником. Попытки полка вести наступление в направлении Черкасово с целью восстановления положения на левом фланге Подольского пехотного училища были безрезультатны.

К исходу 16.10 в район Терентьево, Шубинка, Немцово вышел и занял оборону 475 с[трелковый] п[олк] 53 с[трелковой] д[ивизии].

Командарм-43 генерал-лейтенант Акимов, в связи с создавшейся обстановкой, в 4.00 17.10 приказал командиру 53 с[трелковой] д[ивизии], подчинив себе Подольское пехотное училище и 108 запасный полк, восстановить положение на левом фланге, прочно занять и оборонять рубеж Юрьевское, Подсосино.

Приказ этот командиром 53 с[трелковой] д[ивизии] выполнен не был.

17.10 в 13.00 вновь назначенный командарм генерал-майор Голубев подтвердил этот приказ.

17.10 в 18.00 командарм приказал – 223 с[трелковому] п[олку] (самовольно оставившему 16.10 фронт в районе Каверино и вышедшему в район Доброе) занять оборону по западной окраине Малоярославца, подчинив ему четыре огнеметные роты и 301 пульбат[альон].

Таким образом, к исходу 17.10 на направлении Малоярославец, Ильинское в три эшелона должны были обороняться 12 с[трелковый] п[олк], 475 с[трелковый] п[олк] и 223 с[трелковый] п[олк] (первые два были к этому времени в назначенных им районах, последний – на подходе к Малоярославцу).

Артиллерия 53 с[трелковой] д[ивизии] находилась восточнее Малоярославец, куда была отправлена ранее командиром дивизии.

17.10 в 17.00 8 тяжелых и 6 средних танков противника с мотопехотой из района Черкасово атаковали 12 с[трелковый] п[олк] и прорвали его фронт обороны. Полк, не приняв бой, рассеялся.

Противник к исходу 17.10, не встречая особого сопротивления со стороны 475 и 223 с[трелковых] п[олков], подошел к западной окраине г. Малоярославец на расстояние минометного выстрела и открыл огонь по городу.

С утра 18.10 до 20 танков противника с мотопехотой неустановленной численности продолжали выдвижение в направлении города и в 10.30 заняли город.

На восточной окраине города противник встретил слабое сопротивление батальона 53 с[трелковой] д[ивизии] и, обходя его с юго-востока, начал беспрепятственное движение по шоссе на Подольск. К исходу 18.10 передовые части противника были задержаны 152 м[ото]с[трелковой] бр[игадой] в районе Воробьи.

Таким образом, противнику в течение 4 суток удалось совершенно безнаказанно прорвать оборону Малоярославецкого У[крепленного] Р[айон]а на глубину до 40–45 км без особого сопротивления в этот период со стороны наших войск.

Одновременно в районе Боровск (который был занят противником 14.10), развивая успех в восточном направлении, противник вел бои с частями 113 с[трелковой] д[ивизии] и 17 т[анковой] бр[игады], а на южном участке окружил части 108 полка и батальон Подольского пехотного училища в районе Детчино.

II. Оценка действий наших частей

Для обороны Малоярославецкого У[крепленного] Р[айона] командованием были сосредоточены значительные силы. В состав их входили: 312 с[трелковая] д[ивизия] с 859 артиллерийским] п[олком] (34 орудия), Подольское пехотное училище, Подольское артиллерийское училище, 108 стрелковый запасный полк, 12 гвардейский полк «РС»,

222 а[ртиллерийский] п[олк] П[ротиво]Т[анковых] 0[рудий] (16 орудий), 382 артиллерийский] п[олк] Щротиво] Т[анковых] 0[рудий], 395 а[ртиллерийский] п[олк] Противо]Т[анковых] 0[рудий] (16 орудий), 452 артиллерийский] п[олк] П[ротиво]Т[анковых] 0[рудий] (16 орудий), 31 артиллерийский] дивизион (16 пушек), 301, 303 и 304 отдельные пулем[етные] батальоны, 28, 29, 33, 35, 36, 39 и 43 отдельные] огнеметные роты, 517 артиллерийский] п[олк] Р[езерва] Г[лавного] К[омандования] (12 орудий 152 мм).

Кроме того, в распоряжении армии имелись: 53 стрелковая] д[ивизия] с 64 г[аубичным] артиллерийским] п[олком] и 36 д[альнобойным] артиллерийским] п[олком], 113 с[трелковая] д[ивизия] и 17 т[анковая] бр[игада] (действовавшие в районе Боровск) и 9 т[анковая] бр[игада] (последняя действовала по указаниям фронта).

Рубежи обороны западнее Малоярославец были заранее оборудованы, имели ДЗОТ и дот.

Командование армии располагало достаточными силами для прочной обороны Малоярославецкого направления.

Некоторые части, как, например, 12 с[трелковый] п[олк] 53 с[трелковой] д[ивизии], не имели артиллерии или имели неосвоенное оружие иностранных образцов (303 пульбат).

Распределение всех этих сил по решению командования армии было в основном правильное до 15.10, однако решение одновременно двух задач (на Боровском и Ильинском направлениях) внесло неорганизованность в дальнейший ход событий и привело к катастрофическим результатам.

О характере действий некоторых частей можно сделать следующие выводы:

Подольское пехотное училище, прибывшее в район действий 8.10 в составе 4 батальонов, в первый период боев действовало хорошо. Стойкость отдельных групп курсантов и начсостава можно назвать примерной.

В донесениях по этому поводу говорится:

«После этого (безрезультатных атак подразделений училища 14.10 в районе Бол[ьшая] Шубинка) мною были выдвинуты на этот участок остатки моего резерва из состава 1-го батальона под

командованием командира батальона капитана Черныш, который перешел в контратаку, отбил у противника 5 дот и продолжал их удерживать до полного окружения дотов и уничтожения их гарнизонов, причем и командир батальона капитан Черныш, и комиссар батальона ст[арший] политрук Курочкин погибли со своими бойцами, защищая до последнего патрона обороняемые доты».

«…противник предпринял атаку левого фланга 2-го батальона, который продолжал оборонять занимаемый район. Своими танками противник подходил на 50 метров к амбразурам и в упор расстреливал гарнизоны дот, причем были уничтожены все защитники дот 8 роты, доты были разрушены и заняты танками и пехотой противника…»

<…>

«…около 14.00 противник с пехотой и танками одновременно с фронта и тыла вдоль шоссе атаковал Командный] Щункт]. Атака была отражена силами комсостава Командного] Щункта] и батальоном 12 с[трелкового] п[олка]…»

«…с 16.00 противник вновь атаковал танками и пехотой К[омандный] Щункт] и участок левого фланга 2-го батальона одновременно с фронта и тыла. Атака на Командный] Щункт] была отбита, причем было уничтожено 8 танков противника и две машины с мотопехотой…»

«…пехота, оборонявшая Командный] Щункт], представляла из себя сборный взвод из разных частей и при атаке свежих сил противника отошла, оставив на Командном] Щункте] один комсостав, который продолжал оказывать дальнейшее сопротивление противнику…»

(Из доклада о боевых действиях Подольского пехотного училища.)

После прорыва частей противника в направлении Черкасово действия училища были дезорганизованы и существенных изменений в общее положение не внесли.

В целом училище, принявшее на себя 1-й главный удар частей 3 м[ото]п[ехотной] д[ивизии] и 4 п[ехотной] д[ивизии] противника, достаточно упорно обороняло свой рубеж и вело борьбу внутри оборонительной полосы.

Недостаточная плотность огня обороны (фронт 3-го батальона – 6 км, при наличии у него 7 станковых, 8 ручных пулеметов и пульроты пульбат[альон]а, имевшей на своем вооружении неосвоенные пулеметы иностранного образца), малое количество артиллерии на участке училища (дивизион 517 [артиллерийского] полка Р[езерва] Г[лавного] К[омандования] в составе 4 орудий,

222 п[ротиво]т[анковый] п[олк] – 16 орудий, 31 противотанковый] д[ивизион] – 16 орудий, батареи 34 артиллерийского] п[олка] – 5 орудий без тяги) и недостаточно эффективное использование ее, незаконченность работ по устройству укреплений (доты не закончены, не имели взаимной огневой связи, не были замаскированы), слабая подготовка курсантов 3-го батальона и пульбат[альон]а, отсутствие средств связи в училище и наконец проявленная неустойчивость некоторыми командирами (командир 3-го батальона) – были причинами, которые ослабили оборону на участке прорыва.

Отсутствие транспорта для подвоза боеприпасов и неудовлетворительное питание бойцов усугубили и без того тяжелое положение училища.

«Довольствие курсантов производилось сухим пайком, так как в училище походных кухонь не было, вследствие этого люди на всем протяжении боев горячей пищи не получали, ас 15 по 21.10, когда пути подвоза были закрыты противником, питание как продовольствием, так и боеприпасами отсутствовало» (Из доклада о боевых действиях Подольского пехотного училища).

«…с выходом из Подольска не получали горячей пищи. До 40 % [артиллерии] выведено из строя огнем автоматчиков, гранатометов и артиллерии. Тяжелая 152 мм артиллерия осталась без снарядов. Эвакуация раненых и подвоз боеприпасов и [предметов] хозяйственного снабжения прекращены» (Из боевого донесения № 2 штаба группы командарму-43 от 16.10.41).

Что касается действий других частей, то они характеризуются следующими данными.

12 с[трелковый] п[олк] 53 с[трелковой| д[ивизии]:

«8.20 16.10 12 с[трелковому] п[олку] приказано [было] наступать [в] направлении Черкасово, Бол[ьшая] Шубинка с целью восстановить положение на левом фланге Подольского пехотного училища с одновременным уничтожением противника в районе Черкасово. Полк эту задачу не выполнил. Продолжал топтаться вокруг Черкасово…» (Справка о событиях в районе Малоярославец 17–18.10.41 г. начштарма-43).

«…17.10 17.00 8 тяжелых танков и 6 средних танков с мотопехотой атаковали из Черкасово 12 с[трелковый] п[олк] и прорвали фронт. 12 с[трелковый] п[олк], как доложили делегаты Штарма, разбежался и не принял бой» (Из этой же справки).

«…Танки в количестве 15 шт. прорвались на Черкасово и разогнали действовавший в этом районе 12 стрелковый] п[олк] 53 с[трелковой] д[ивизии] без всяких противотанковых средств (полк не имел ни одного орудия). После разгона полка танки

обошли Черкасово» (Из объяснения комбрига Любарского от 27.10.41 г.).

53 с[трелковая] д[ивизия]. «В связи со сложившейся обстановкой и необходимостью ликвидировать прорыв командарм генерал-лейтенант Акимов в 4.00 17.10 отдал 53 с[трелковой] д[ивизии] приказ: в течение 17.10, подчинив себе Подольское пехотное училище, 108 запасный] [стрелковый] полк, восстановить положение на левом фланге, прочно занять и оборонять рубеж: Юрьевское, Подсосино. Приказ этот командиром 53 стрелковой] д[ивизии] выполнен не был.

В 12.00 17.10 новый командарм генерал Голубев подтвердил этот приказ и потребовал его выполнения. Командир 53 с[трелковой] д[ивизии] доложил, что приступил к выполнению [приказа], но, как оказалось впоследствии, только отдал приказ, а войска оставались на месте» (Из этой же справки).

223 с[трелковый] п[олк]: «223 с[трелковый] п[олк] 16.10 самовольно оставил фронт [в] районе Каверино и вошел [в] Доброе, вост[очнее] Малоярославец. Командир полка и комиссар полка расстреляны» (Из той же справки).

Батарея «РС»: «17.10 прибыла (в район действий 12 с[трелкового] п[олка]) батарея «РС», которая дала один неудачный залп. Стреляли они по деревне Черкасово, но туда не попали, а попали в нашу пехоту и убили 7 красноармейцев. Вернее, не убили, а ранили» (Из показаний старшего политрука Железовского).

Все эти отрицательные факты способствовали тому, что недостаточно четко налаженное управление войсками со стороны штаба армии и штаба 53 с[трелковой] д[ивизии] к моменту решительных боев за Малоярославец еще более ослабло.

Невыполнение приказов командующего армией, самовольные уходы частей с позиций, слабо налаженное боевое питание войсковых частей, отсутствие контроля за действиями войск 17–18.10 (штарм-43 после минометного обстрела 17.10 из Малоярославца перешел в Беоусово) – вот основные недочеты боевой работы 43 армии в этот период.

Наряду с этим, части армии вели бои с противником, пытавшимся развивать наступление в глубине обороны. Тот же 12 с[трелковый] п[олк] 17.10 вел бой в районе Черкасово, сдерживая наступление противника. При более твердом управлении части, несомненно, смогли бы удерживать занимаемые рубежи.

Слабая обеспеченность частей боеприпасами и артиллерией (которой [в] армии в целом имелось значительное количество) дала возможность танковым группам противника свободно маневрировать в глубине оборонительной полосы наших войск.

Политрук Железовский, бывший на участке 12 стрелкового] п[олка], показывает: «Утром этого же дня (17.10) появились два танка противника, а вечером появились еще 17 танков, которые прошли через Черкасово на Малоярославец. Вести борьбу с танками нам нечем было. Командование полка решило пропустить танки, а пехоту задержать. Бутылок с КС и керосином у нас не было. Пехоту мы задержали и оттеснили [в] Черкасово. Танки прошли в Малоярославец и через некоторое время стали проходить обратно. К этому времени я в лесу разыскал бутылки с КС – 40 штук. Организовал группу подрывников. Под первый танк бросил связку снарядов. Повредил танк. В последующем в танки были брошены бутылки, но неудачно. Танки ушли и на буксире утащили подбитый танк.

Утром 18.10 в 8.00 быстро проехал в сторону Малоярославца мотоциклист, который вскоре проехал обратно. Он был обстрелян, но не убит. После этого тут же появилась группа танков до 10 штук. После этого появились мотоциклисты противника и мотопехота, которых мы своим огнем повернули обратно. После этого появились танки с прицепами, в которых была пехота.

Затем пошли машины с прицепами – пехотой. Танки обстреливали по сторонам. Появились самолеты, которые стали [нас] бомбить и обстреливать из пулеметов. Когда сопротивляться было бесполезно, то начштаба полка майор Блинов отдал распоряжение организованно отходить. Это было тогда, когда противник прошел в Малоярославец…»

III. Выводы

В результате трехсуточных боев на Малоярославецком направлении противник частями 3 м[ото]п[ехотной] д[ивизии] и 4 п[ехотной] д[ивизии] прорвал оборонительную полосу Подольского пехотного училища и, развивая успех в восточном направлении, 18.10.41 г. без серьезного сопротивления со стороны наших частей овладел районом и городом Малоярославец.

Основными причинами неуспеха наших частей являются:

1) Слабость управления войсками со стороны командования армии и 53 с[трелковой] д[ивизии], благодаря чему значительные силы, находящиеся в их распоряжении, не были своевременно использованы для обороны района и ликвидации прорвавшихся групп противника.

2) Нерешительность действий 53 с[трелковой] д[ивизии] в деле восстановления положения на участке Подольского пехотного училища, в результате чего противник незначительными силами свободно маневрировал в районе

действий дивизии, деморализуя ее части.

3) Отсутствие контроля со стороны командования и штабов армии и дивизии за выполнением боевых приказов, в результате чего не только пехота, но [и] артиллерия и специальные части (огнеметные роты) достаточно эффективно на решающих направлениях использованы не были. Большая часть артиллерии (свыше 100 орудий) войсками армии оставлена в районе боев при отходе.

4) Отсутствие танков и артиллерии в таких частях, как 12 с[трелковый] п[олк], 475 с[трелковый] п[олк] и 223 с[трелковый] п[олк], вызывало необходимость создания истребительных отрядов. Эти отряды созданы не были. Благодаря этому целые части, имевшие полный штатный состав (12 с[трелковый] п[олк] – около 2500 человек), не смогли оказать сопротивления прорвавшимся группам противника и после коротких боев рассеивались.

5) Одновременно наступление противника в направлении Детчино не дало возможности командованию армии организовать контрудар в направлении Малоярославец, почему противник в течение одного дня (18.10) овладел районом Малоярославец, Воробьи, где в последующем и закрепился.

В дальнейшем действия наших ограничились боями местного значения за удержание занимаемых рубежей и приведением в порядок отошедших на новые оборонительные позиции подразделений.

Старший помощник
начальника оперативного отдела
штаба Западного фронта
полковник ВАСИЛЬЕВ » [53] .

Реляция полковника Васильева была написана вовремя, легла на нужный стол и имела, как свидетельствует история, свои последствия. 3 ноября 1941 года был издан приказ войскам Московского военного округа за № 0226, в котором сказано: «В период с 5 по 20 октября с. г. пеший батальон Подольского артиллерийского училища дрался с немецкими захватчиками на Малоярославецком направлении, обороняя Ильинский боевой участок. Курсанты, командиры и политработники проявили в борьбе исключительную стойкость, мужество и отвагу…»

В приказе перечисляются подвиги курсантов и офицеров училищ, проявленные ими в боях под Юхновом, Мятлевом и на Малоярославецком участке. В конце: «Личному составу, участвующему в отражении фашистских захватчиков, проявившему при этом мужество и отвагу, от лица службы ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ».

Видимо, где-нибудь в архивах лежит точно такая же благодарность и в адрес курсантов Подольского пехотнопулеметного училища «…проявивших при этом мужество и отвагу» и т. д.

Ну, хоть так, косноязычно, скупо, а все же не забыли. Приказ подписан заместителем командующего войсками МВО генерал-майором Никольским.

Справедливости ради надо сказать, что некоторое время спустя группу командиров, политработников и курсантов училищ все же наградили орденами и медалями. К ордену Красного Знамени были представлены политрук Я.П. Киселев, военфельдшер И.Я. Петров, к ордену Красной Звезды батальонный комиссар П.Д. Кулаков, старший политрук А.Г. Капитонов, секретарь парткомиссии Е.Е. Варламов, к медали «За отвагу» курсанты В.В. Чебоненко, А.П. Лыков, к медали «За боевые заслуги» курсанты В.А. Лагутин, К.А. Васильев, старшина П.И. Сидоренко и др.

На большее ни у кого из начальства тогда души для благодарности курсантам не хватило. Это потом уже, в мемуарах…

Эх, слаб человек.

А ведь в истории обороны Ильинских рубежей и боев передового отряда старшего лейтенанта Мамчича были подлинные герои. К примеру, подвиг расчета 45-мм орудия лейтенанта Афанасия Ивановича Алешкина. Алешкин дот… Лейтенант Алешкин со своими учениками, курсантами 4-й батареи ПАУ, занимал дот у деревни Сергеевка. Немцы никак не могли обнаружить искусно замаскированную позицию артиллеристов. Это было 16 октября (в Москве в этот день была паника, начался бег, закрылись заводы, не работало метро, не ходили трамваи, мародеры грабили магазины…), в самый трудный день обороны Ильинского сектора, когда часть дотов и окопов сводного курсантского полка была уже захвачена противником и у оборонявшихся начали заканчиваться боеприпасы. Дот, занятый расчетом лейтенанта Алешкина, был замаскирован под стенку сарая. Как только немцы решались идти вдоль шоссе вперед, курсанты производили несколько выстрелов. Немецкие танки снова горели и снова пятились назад. Немцы обработали площадь из минометов, и угол бетонного сооружения открылся. Тогда они подвезли 88-мм зенитную установку и начали стрелять по позиции курсантов. Снаряды взрывались внутри дота, и там уже никого не должно было остаться в живых. Но взвод солдат, которые отправились к доту собирать трофеи, внезапно был встречен огнем ожившей сорокапятки. Дело в том,

что лейтенант Алешкин, изучив методику артиллерийского огня и последующих действий пехоты и танков противника, приказал после каждой серии выстрелов быстро выкатывать свою учебную пушчонку из бетонного укрытия. Обстрел курсанты пережидали на запасной позиции, а когда он заканчивался, закатывали сорокапятку обратно. 17 октября к доту подползли немецкие саперы и взорвали его вместе с отважным гарнизоном.

Известны факты, что некоторые доты продолжали держаться до 20 октября, когда немцы уже захватили и Ильинское, и Кудиново и вышли к реке Наре. Начальник училища генерал Смирнов, хорошо зная характер своих питомцев, разослал посыльных, и те ночами обшаривали окопы и руины дотов. В некоторых были живые.

В Подольске были собраны остатки сводного курсантского полка, примерно около 400 человек. Из 2500 человек. Их погрузили в эшелоны и отправили в Иваново и Бухару. ППУ – в Иваново. ПАУ – в Бухару.

И снова не могу удержаться от пересказа потерянного письма. Курсант N выбрался из Ильинского ночью 18 октября. В их окоп пришел посыльной и передал устный приказ начальника училища: сниматься и с оружием отходить вдоль шоссе на совхоз Кудиново, а далее на Подольск. В окопе их осталось двое. N наконец-то раздобыл себе исправную винтовку. До боев на Ильинском рубеже у него была учебная СВТ, вся разболтанная, без ремня, без мушки. Мушку N приделал к ней в Воронках на рассвете 6 октября перед наступлением на Юхнов. «Мой окоп, – писал он, – оказался на краю картофельного огорода. Рядом изгородь из жердей. Смотрю, в столбе торчит старый ржавый гвоздь. Я его вытащил, выпрямил, отрубил саперной лопаткой кусочек и заклепал его в лунку на стволе. А ремень снял с себя. Подпоясался куском телефонного провода, который нашел по дороге». Когда N со своим товарищем пробирался к лесу, их обстреляли из Ильинского. До леса он добежал один. В лесу отдышался. Решил идти на восток вдоль дороги. Когда вышел к опушке, чтобы взглянуть, что творится на шоссе, его окликнули: «Эй, мудак подольский!..» Он оглянулся и увидел бойца. Тот держал на плече ручной пулемет и с усмешкой смотрел на N. За спиной сумка с запасными дисками. Как потом выяснилось, все диски пустые. Это был боец одного из полков 312-й стрелковой дивизии. Он поделился с N сухарями. Дальше пошли вместе. Вышли к Наро-Фоминску. Бойца-пулеметчика отправили на сборный пункт, а N на Казанский вокзал – там находился сборный пункт. А дальше была дорога в Бухару…

Глава 7 Подвиг 17-й дивизии

«Родные мои… я трепещу за вашу судьбу. Крепко целую…» Из письма ополченца Л.А. Кулика родным

Дивизия первого формирования. – Советско-финляндская война. – Бои под городом Лидой: «…застрелиться было нечем». – Остатки шли на восток. – Расформирование. – Второе формирование. – Московские ополченцы – жители Замоскворечья, а также деревень и небольших городов Московской области. – Латыши, Старые Ближевичи, Ковалевка… – Тревожная ночь со 2-го на 3-е. – Панике не поддались… – Первый бой у деревни Латыши. – Второй бой у деревни Латыши. – Как дрались петушинские мужики. – Окружение. – Разгром. – Прорыв на восток. – Ополченец Кулик. – Переформирование и новая оборона. – На Протве. – Арест и «расстрел» полковника Козлова. – Последний бой красноармейца Пальцева и его товарищей

17-я стрелковая дивизия первого и второго формирования…

Судьба этой дивизии, так же, впрочем, как и судьба ее командира полковника П.С. Козлова, в истории битвы за Москву оказалась очень короткой и драматичной. В октябре 41-го именно 17-й, возможно, как никакой другой довелось хлебнуть полной мерой чашу страданий, горечи и мужества, выпавших на долю оборонявшейся стороны. И дивизия, и ее командир словно для того и появились в истории Великой Отечественной войны, чтобы мелькнуть под Москвой кратким эпизодом, в котором сконцентрировалась вся трагедия, весь ужас этого колоссального по своим масштабам и ярости сражения, и исчезнуть на десятилетия.

У нас богатейшая история. А потому люди, профессионально ведавшие ею, не дорожа, разбрасывались этим богатством, многое прятали, угождая лицам и тенденциям, царившим в то или иное время, держали под спудом. А когда кое-что из спрятанного вдруг просачивалось на страницы журналов, газет или книг, эти профессионалы позволяли себе грубый окрик. Или, когда это не имело действия, начинали интриговать. В итоге все оставалось на своих местах. К счастью, сейчас, когда доступными стали некоторые полки архивов, положение несколько изменилось. Хлынул поток ранее закрытой информации, и замалчивать некоторые очевидные факты стало невозможно. Хотя противостояние продолжается.

Но вернемся к 17-й стрелковой дивизии.

История этого воинского соединения РККА началась в 1918 году, когда в Смоленске были слиты Смоленская и Витебская

пехотные дивизии в одну. Дивизия принимала участие в советско-финляндской войне, отличилась и была награждена орденом Красного Знамени. Июнь 41-го застал ее в летних лагерях под Витебском и Полоцком. Через месяц в составе 4-го стрелкового корпуса 13-й армии вступила в бой под городом Лида. Выжившие в тех боях вспоминали, что дивизия была крайне слабо обеспечена всем необходимым для ведения боевых действий, в том числе патронами. Бывший красноармеец А.Н. Семяшкин: «Не то что воевать – застрелиться было нечем!» Основной состав погиб в белостокском котле в июле 1941 года. Остатки прорвались на восток. В августе расформирована. Командовал дивизией генерал-майор Терентий Бацанов. В августе 41-го он погиб во время прорыва из окружения.

Буквально через месяц 17-я стрелковая дивизия была возрождена. Полки формировались в основном из ополченцев. Как принято было считать – ополченцев города Москвы. Но документы и свидетельства ветеранов 17-й стрелковой дивизии второго формирования говорят о том, что основу полков, батальонов и артподразделений составляли жители Московской области и Замоскворечья.

Добровольцы из числа резервистов Орехово-Зуевского и Петушинского района Московской области (сейчас эта местность частично отошла к Владимирской области) составляли не только костяк стрелковых батальонов. Были среди ополченцев младшие и средние командиры, военные специалисты, к которым относились связисты, пулеметчики, артиллеристы, медперсонал. Вчерашние рабочие, ученые, студенты, служащие различных учреждений.

26 сентября дивизия ополченцев Московской области (ДНО) получила общевойсковой номер – 17-й стрелковой. К этому моменту штатный состав ее был таков: 10 500 человек; вооружение: 8341 винтовка, 270 пулеметов (ручных и станковых), 52 миномета, 28 орудий. Спустя несколько дней была пополнена, по всей вероятности, маршевыми ротами и вооружением. Известно, что в бой она вступила 2 октября 1941 года при численном составе в 11 454 человека с вооружением: 8087 винтовок, 60 станковых пулеметов, 148 ручных, 3 зенитных пулемета, 79 минометов калибра 50 мм, 27 орудий разного калибра. На вооружении появилось большое количество автоматов ППШ – 159 единиц. Как видим, дивизия накануне вступления в бой была основательно усилена стрелковым автоматическим оружием. Дивизией командовал полковник П.С. Козлов. Военный комиссар дивизии – бригадный комиссар С.И. Яковлев.

Накануне немецкого наступления («Тайфун») 17-я стрелковая дивизия, войдя в состав 33-й армии Резервного фронта, была развернута на южном фланге Вяземского оборонительного рубежа в полосе Старые Ближевичи – Латыши. Правый ее фланг находился всего лишь в пяти километрах от Варшавского шоссе. Сосед справа 113-я стрелковая дивизия генерал-майора Преснякова. Затем в результате частичных передислокаций и перегруппировок фронт дивизии сдвинулся правее, и соседом справа оказалась 60-я стрелковая дивизия, а правофланговый полк оседлал Варшавское шоссе западнее хутора Новоалександровский. Вчерашние жители Петушков, Костерева, Орехова-Зуева, Покрова и сотен окрестных деревень, таких как Старое Семёнково, Новое Омутище, Глубоково, Старое Перепечино, Грибово, Сеньга-Озеро, Кибирево, Большая Пекша, Волосово, Крутово, Молодилово, Замоскворечья и Москвы торопливо окапывались в песчаных пригорках и в суглинке полей незнакомого края. Фронт обороны вначале составлял 28 км, затем растянулся до 32. Согласно уставу стрелковая дивизия могла оборонять фронт протяженностью 8—12 км и глубиной 4–6 км. Но оборонявшихся в те дни успокаивала надежда, что они находились во втором эшелоне. Впереди стояли дивизии 43-й армии.

Но уже в первый день, когда немецкий «Тайфун» рванулся на восток, вдоль Варшавского шоссе – на Москву, позиции 17-й дивизии подверглись интенсивной атаке с воздуха. Пикировщики Ю-87 и бомбардировщики Ю-88 несколькими волнами налетели на участки, прилегающие к дорогам и большакам. Следом за ними пошли танки.

Но вначале 17-я дивизия пропустила через свои порядки остатки отходящих дивизий первого эшелона. Можно себе представить, каково было бойцам и командирам врывшейся в землю дивизии смотреть на бредущие толпы оборванных, перераненных людей, измученных долгим маршем после неудачных боев. Что думали они о своей участи, глядя на результаты встречи с немцами частей первого эшелона? Всю ночь со 2 на 3 октября шли через окопы 17-й отходящие войска.

В своем донесении в штаб армии полковник Козлов сообщал: «Состав 17-й сд пропустил через свой участок три передовые отходящие дивизии. Панике, при отходе последних, не поддался». Всю ночь скрипели повозки обозов по большакам и проселкам, уходившим на восток. Шли войска 43-й армии первого эшелона: остатки 211-й, державшей оборону в верховьях реки Шуйцы, 113-й, храбро дравшейся в полуокружении в районе Желны – Суборово – Семирёво, 53-й, других частей и мелких

подразделений. Всю ночь прислушивались бойцы и командиры 17-й дивизии к грохоту канонады, томительно ожидая рассвета.

А утром началось…

На рассвете немецкий авангард – несколько легких танков и мотоциклисты – подлетели по большаку к деревне Латыши. Здесь оборону держал 1316-й стрелковый полк. Еще ночью по приказу полковника Козлова вперед вышли несколько разведгрупп, которые, продвигаясь вдоль дорог, забитых отходящими войсками и беженцами, вскоре обнаружили немцев. И потому утром группы боевого охранения встретили мотоциклистов огнем и после короткого боя отогнали их. Но после стычки отошли на основные позиции и сами.

Когда окончательно рассвело, налетели самолеты. Едва успели откопаться и поправить снесенные взрывной волной брустверы и маскировку, в глубине большака послышался рокот моторов, и тотчас над окопами пронеслось: «Танки!»

Первая атака немецких танков и мотопехоты была отбита. Отличились в этом бою и артиллеристы, и стрелки.

Несколько танков, прорвавшихся к окопам 1316-го полка, бойцы забросали бутылками с бензином прямо на своих позициях. Очевидцы и участники этого боя в Латышах рассказывали, что ни один из немецких танкистов не выскочил из горящих машин, даже люки не открылись. Видимо, боялись попасть в плен.

Тем временем подошли колонны второго эшелона немецких войск, двигавшиеся по большаку. Бой гремел уже по всему фронту 17-й стрелковой дивизии. Полковник Козлов построил боевой порядок в два эшелона, имея два полка впереди и один в резерве. Немцы, встретив яростное сопротивление на рубеже, где уже не предполагали никаких войск, «уткнулись» в оборону московских ополченцев, стараясь прорвать ее именно здесь, на большаке, и, не теряя времени, продолжать свой марш в сторону Варшавского шоссе. Перед фронтом отчаянно сражающихся батальонов стояли авангарды 5, 2 и 11-й танковых и 252-й и 197-й пехотных дивизий.

Варшавское шоссе седлал 1312-й стрелковый полк. К полудню он отбил несколько лобовых атак ударных групп 2-й танковой и 258-й пехотной дивизий с большими потерями и в своих батальонах, и для противника. Горели танки. На обочинах шоссе лежали трупы солдат в мундирах и шинелях цвета фельдграу. Немцы были ошеломлены упорством русских. А русским успех и вид искромсанных перед их позициями авангардов противника внушал веру в то, что враг остановлен, что еще немного, что вот-вот подойдет подкрепление, и они

погонят «германов» назад, к Снопоти и Десне.

Во второй половине дня из штаба группы армий «Центр» в штаб 4-й полевой армии пришел телекс: «Согласно донесениям авиаразведки, в районе Спас-Деменска отмечено скопление крупных сил противника. Что в связи с этим намерено предпринять командование 4-й армии?»

В ближнем тылу, в Спас-Деменске и его окрестностях, немецкие летчики, возможно, действительно наблюдали большое скопление советских войск. Но это были уже не войска. Это были бегущие толпы бывших дивизий, полков и дивизионов.

А здесь, на Варшавском шоссе и по левому северо-восточному берегу небольшой речушки Десёнки, вытянувшись в тугую тонкую нить, дрались, врытые в землю, девять батальонов и артполк.

Немецкая разведка ощупывала оборону неатакованных участков и вскоре нашла не занятый войсками разрыв между левым флангом 17-й стрелковой и 173-й стрелковой дивизии. 173-я прикрывала райцентр город Киров и железную дорогу на Сухиничи. Тут же в разрыв вошла колонна 10-й танковой дивизии противника. Дивизия имела задачу, не ввязываясь в бои, обойти районы, занятые советскими войсками, обогнуть Вязьму с юго-востока и там войти в соприкосновение с 7-й танковой дивизией, которая тем временем окружала район Вязьмы с севера.

2-я танковая дивизия получила приказ охватом второго рубежа обороны 17-й стрелковой дивизии выйти на ее тылы, окружить, уничтожить остатки обороны в полной изоляции, а затем следовать по маршруту 10-й, туда же, к Вязьме.

Не обладая полной информацией о том, что происходит впереди и вокруг, а лишь разведданными по своему фронту, брошенная штабом 33-й армии, дивизия полковника Козлова по существу перешла в подчинение штаба 43-й армии, который все еще находился в селе Любунь, неподалеку. Ополченцы до ноздрей врылись в землю и, похоже, решили остановить «Тайфун» здесь, перед Спас-Деменском. И остановили его.

17-я стрелковая дивизия, ее действия перед фронтом пяти немецких пехотных и танковых дивизий, схватка ее стрелковых батальонов и артбатарей с немецкими танками и мотопехотой и упорное стояние на своем месте – это, по своей нравственной сути, повторение сюжета из «Войны и мира» о батарее капитана Тушина. Командование не оценило подвига храброй дивизии, ее мужественных бойцов из Петушков, Костерева, Старого Омутища, Сеньги-Озера и Замоскворечья. Более того, не пройдет и двух недель, как командира 17-й стрелковой дивизии и ее комиссара арестуют и поведут на расстрел. Но об этом немного позже.

Упорная оборона 17-й стрелковой дивизии и соседней 60-й

стрелковой дивизии, которая стояла севернее Варшавского шоссе, почти на сутки задержала продвижение немецких моторизованных колонн по маршруту, намеченному планом операции «Тайфун», и стала проблемой. В этих кромешных обстоятельствах две дивизии оказались связанными одними обстоятельствами и одной судьбой.

60-я стрелковая дивизия была не просто ополченческой, а 1-й Московской дивизией народного ополчения. В конце июля дивизия прибыла в район Спас-Деменска и начала окапываться. В августе она получила общевойсковой номер – 60-й сд. Полки – 1281, 1283 и 1285-й. Во время начала операции «Тайфун» дивизия стояла севернее Варшавского шоссе, имея на левом фланге соприкосновение с 17-й стрелковой дивизией. 3 октября первый удар пришелся по 1281-му полку полковника Крицкого. Мотоциклисты с ходу атаковали оборону полка и были почти полностью уничтожены пулеметным и минометным огнем оборонявшихся. После короткого артналета немцы пустили вперед танки и пехоту. Четыре танка были подбиты и подожжены гранатами и бутылками с горючей смесью, еще три подорвались на минах. Пехота залегла, а затем начала откатываться назад. Здесь дрались так же храбро и умело, как и южнее Варшавского шоссе. Вечером 4 октября 60-я дивизия оказалась в окружении. Командир, генерал-майор Л.И. Котельников, приказал отходить на восток, к деревне Лозинки. С 60-й отходила часть правофлангового полка 17-й стрелковой дивизии. Более того, в какой-то момент две дивизии начали отходить вместе. Командиры согласовали порядок отхода и движения. Командование, как старший по званию, принял генерал Котельников. Но вскоре противник нарушил их движение, часть 17-й была отсечена.

Несколько суток остатки двух дивизий, 17-й и 60-й, будут плутать по спас-деменским и вяземским лесам, кидаясь то на север, к Вязьме, то на восток, ко Всходам, стараясь вырваться из окружения. В одном из боев погибнет командир дивизии генерал Котельников.

Остатки 60-й с боями вырвутся на восток.

16 октября, пополненная, с новым командиром, полковником В.И. Калининым, 60-я стрелковая дивизия уже будет стоять в обороне на реке Истье под Малоярославцем, а спустя двое суток ее батальоны будут переброшены юго-западнее, под Тарусу и встретят противника там.

Вскоре дивизия, оставив Тарусу, отойдет к Серпухову и намертво вроется в землю вдоль реки Протвы, имея справа давнего своего и надежного соседа – 17-ю стрелковую. К тому

времени раненого полковника Калинина заменит Герой Советского Союза полковник М.А. Зашибалов [54] .

А теперь – назад, к нашей доблестной 17-й, под Латыши и Старые Ближевичи. Ее полки и батальоны все еще там, храбро сражаются с наседающим врагом.

Утром 4 октября полковник Козлов понял, что удержаться на занимаемом рубеже дивизия, а вернее, то, что от нее осталось, не сможет. Уже нарушился подвоз, и в окопах ощущался недостаток патронов, продуктов, медикаментов. К вечеру разведка доложила: немцы ворвались в Старые Ближевичи, занята Буда, Любунь и Сутоки. Чуть позже – новое донесение: немецкие танки вошли в Верхуличи, Понизовье и на хутор Новоалександровский. Медлить больше было нельзя. Разведка доносила о парашютном десанте в тылу, о группах немецких мотоциклистов в тылу. И он дал приказ на отход.

Отходила дивизия очень грамотно, оставляя заслоны и минируя дороги и броды, по которым противник мог организовать преследование.

1316-й стрелковый полк, как наиболее удаленный от намеченного коридора на выход, начал сниматься со своих позиций первым. Его батальоны понесли особенно большие потери. Бойцы покидали свои окопы и блиндажи, расположенные по левому берегу речки Десёнки, прощались с могилами своих товарищей, наспех прикопанных в воронках, и уходили по лесным дорогам на северо-запад. Большак на Тягаево и Усохи уже был занят, по нему на восток, в сторону хутора Новоалександровский и станции Занозная шли немецкие танки, грузовики, тягачи тащили орудия, двигались полковые и дивизионные тылы.

Колонны 17-й дивизии какое-то время двигались почти параллельно большаку, занятому немецкой техникой, потом отклонились севернее и исчезли в лесном массиве. Ночью с боем перешли Варшавское шоссе. Сосредоточились северо-восточнее Спас-Деменска в лесу. Впереди населенные пункты – деревни Ртинка, Коскино, Наумово, Старинки. Все – по берегам речки Малая Ворона.

Полковник Козлов выслал вперед разведку. Вскоре разведгруппы вернулись и доложили, что все деревни заняты противником.

Ночью пошли на прорыв. Им противостояли части 5-й танковой и 252-й пехотной дивизий 4-й полевой армии. Севернее прорывалась 60-я дивизия и левофланговая колонна 1214-го стрелкового полка. Всю ночь длился бой. Батальоны и роты бросались вперед, пытаясь прорубить коридор, но пулеметный и минометный огонь тут же гасил их порыв. Мертвые падали на

сырую осеннюю землю, раненые катались в окровавленной траве и ползли назад. Немцы рассекли порядки полков.

Видимо, именно в это время решено было оставить в селе Всходы (ныне Смоленской области) раненых. Возможно, был оставлен весь лазарет, к которому прибились также многие раненые из других частей, выходивших из окружения и нуждавшихся в медицинской помощи. Известно, что лазаретом руководили два военврача из Москвы – Поздняков и Барон. Так вот именно с этим лазаретом был оставлен старшина саперной роты первого батальона 1312-го стрелкового полка ученый с мировым именем, астроном, исследователь Тунгусского метеорита Леонид Алексеевич Кулик [55] .

Ученому было 58 лет, когда он ушел на фронт. Ушел, по его собственному признанию, после того, как 3 июля по радио прослушал речь Сталина, его обращение к народу: «Братья и сестры…»

Размышляя о феномене стойкости и победы Красной армии под Москвой, я снова и снова прихожу к одной и той же мысли, которая сформировалась уже в стройное и твердое убеждение в том, что московское сражение выиграла не Красная армия, вернее, не совсем Красная армия, а народ, надевший шинели и взявший в руки винтовку. Армии мирного времени очень сильно отличаются от армий воюющих, армий периода войны. Первые существуют по большей части для формирования так называемой военной доктрины, совершенствования вооружения, для государственного престижа, а также для парадов. Последнее подчас оказывается решающим в оценке армии государством и правителями. В Великой Отечественной войне нашего народа против Германии и ее союзников воевали две армии. Первая дралась летом на границах по Бугу, Неману и Пруту, Днестру. Она в основном погибла, пытаясь остановить немецкие войска в районе Минска, Киева, Смоленска и Пскова. Из-под Москвы немцев погнала уже другая армия. В окопах возле Латышей, Кирова, на реках Протве, Оке и Наре сидели уже другие бойцы и командиры. Такие, как полковник Федор Андреевич Волков и старшина Леонид Алексеевич Кулик. Да, именно так. Потому что так же, как и первый владел искусством управления войском, второй умел исполнять приказы непосредственно в окопе. Ученый Кулик был профессиональным солдатом в большей степени, чем любой военнослужащий РККА, отслуживший срочную службу и призванный в качестве резервиста на прежнюю должность. Профессор Кулик был русский солдат, обученный и воспитанный Русской Императорской армией. Дело в том, что еще в 1904 году он успешно окончил Тираспольскую полковую школу. Воевал в

Первую мировую войну на германском фронте в чине поручика. Так старшина саперной роты первого батальона 1312-го полка 17-й стрелковой дивизии Кулик службу знал, пожалуй, получше многих своих непосредственных начальников. Профессор умел обращаться и с винтовкой, и с пулеметом. Знал и минно-взрывное дело. И как среднестатистический солдат конечно же по многим параметрам превосходил среднестатистического солдата вермахта. Вот только годков профессору из бывших поручиков было многовато. Ведь фронт – это не партизанский отряд. Фронт – тяжелейшая, каждодневная физическая работа при минимальном времени, отводимом на отдых и сон. Такой ритм по силам только молодому организму.

Л.А. Кулик погиб. Вначале он остался среди раненых в лазарете во Всходах. Работал в качестве санитара и медбрата, являясь уже военнопленным. Всходы и вся Смоленщина в октябре 41-го были оккупированы. Потом, когда Красная армия ударила из-под Москвы и немцы начали отводить свои войска, был переведен в Спас-Деменск. Там началась эпидемия тифа. Заразился и умер. В приложениях даны уникальные материалы, собранные потомками великого ученого и солдата.

Старшина саперной роты, раненный в ногу, описал фрагмент боя (см. приложения), когда полковые колонны 17-й стрелковой дивизии пошли на прорыв через болотистый брод речки Малая Ворона. Это была ночь с 6 на 7 октября.

Два взвода караульной роты, усиленные несколькими установками счетверенных пулеметов, и два танка прикрывали отход дивизии. Двигались на Городечню и Ключики. Вначале все шло хорошо. Часть колонны благополучно переправилась через брод. Но вскоре немецкая разведка обнаружила их движение. Начался минометный и артиллерийский обстрел. Потом переезд атаковала пехота противника. Путь вперед прокладывали ручными гранатами и штыками.

Через Малую Ворону прорвались с большими потерями.

Утром полковник Козлов отдал последний приказ: разделиться на мелкие, до 100 человек, группы и пробиваться на восток, в район Медыни и Белоусова. Были назначены командиры групп. Самую многочисленную повел сам полковник Козлов.

Судьба каждой из этих групп, а их были десятки, сотни, судьба одиночек, пробиравшихся к своим по занятой врагом территории, – это десятки и сотни сюжетов, подчас захватывающих, трагических, героических. Но кто о них знает? Героев и действующих лиц этих историй почти уже не осталось в живых. О каждой из групп, состоявшей подчас из двух, трех, пятерых человек, можно написать книгу – повесть страданий и

надежд. А говорят, что о войне уже все написано…

Краевед Игорь Роганов из города Костерёва собрал вот какую статистику: из Петушинского района (в тот период Московской области) на фронт в ополчение ушло около 3000 призывников, почти все они попали в 17-ю стрелковую дивизию, некоторые батальоны были полностью петушинскими; с фронта вернулось около 200 человек. 90 % погибли и были пленены именно в боях под Латышами, Леоново и на Варшавском шоссе с 3 по 6 октября 1941 года. Список ополченцев из Книги памяти города Петушки частично публикуется в приложениях.

Поисковики, работавшие на раскопках в районе Латышей и Вороновки в середине 90-х годов, показывали мне свои находки. Погибшие в основном лежали в воронках или в своих окопах. При них находили оружие, снаряжение и личные вещи. Стволы винтовок системы Мосина, подсумки с нерасстрелянными обоймами патронов, ремни и много стреляных гильз на дне ячеек. Бутылки с зажигательной смесью или бензином. Гранат мало. Среди личных вещей домашние полотенца, смена неармейского нижнего белья. Бритвенные и письменные приборы. Некоторые из них свидетельствовали о том, что владельцы их были людьми городскими и до войны занимались умственным трудом. Когда металлоискатель включали вверху, на брустверах ячеек, он звенел непрерывно – брустверы буквально набиты пулями и осколками.

7 октября выпал первый снег. Дорога на восток стала еще труднее и невыносимей. Накопившаяся усталость и подавленность от поражения, разгрома, пережитого у Латышей и Новоалександровского, давали о себе знать – у некоторых не выдерживали нервы. Вскоре закончились продукты. В деревни заходить опасно. Там стояли немецкие танки. По проселкам стрекотали немецкие мотоциклы. По Варшавскому шоссе курсировали дежурные танкетки. Кроме того, двигались нескончаемые колонны бронетехники и войск. И это тоже натягивало нервы.

Вот почему большинство пленных в немецких учетных карточках помечены 5, 6, 7-м числами октября 1941 года.

А оперативной сводке за 14 октября сообщается: «…В отделы штарма прибыли отсутствовавшие 9 чел., в том числе начальник артиллерии армии генерал-майор Офросимов, начальник оперотдела армии полковник Сафонов, командир 17 сд полковник Козлов, военком артотдела штарма старший политрук Токарев и группа командиров и сотрудников штаба в количестве 5 человек» [56] .

Каким образом в группе 17-й стрелковой дивизии, возглавляемой полковником Козловым, оказалась по существу вся

оперативная группа 33-й армии, в которую в тот период формально входила дивизия, понять трудно. Можно лишь предположить, что комбриг Онуприенко, перепуганный «танковым десантом», второпях попросту забыл своих офицеров, находившихся в момент бегства значительно ближе к фронту.

Генерал-майор Офросимов был прекрасным артиллеристом, настоящим русским офицером. Судьба его сложилась трагически. Он погибнет в апреле 1942 года вместе со своим непосредственным начальником, командармом 33 генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым во время боя на прорыв из окружения под Вязьмой [57] .

Когда полковник Козлов со штабом вышел из окружения, его вначале отстранили от должности. Офицеры особого отдела вели проверку всех прибывающих. Но чем выше было звание и должность командира, тем больше к нему было вопросов.

Вышедшие из окружения дивизии вновь формировались в Белоусове, Тарутине, Малоярославце, Воробьях, Угодском Заводе. Со стороны Серпухова, Лопасни (ныне г. Чехов Московской области), Подольска прибывали маршевые роты и батальоны, отдельные части усиления. Ставка спешно выскребала по сусекам последнее, чтобы остановить «Тайфун» на рубеже Можайской линии обороны.

Проверка прошла более или менее благополучно, полковника Козлова вновь вернули на прежнюю должность. Но воевать ему оставалось всего лишь несколько дней.

18 октября пополненная 17-я стрелковая дивизия заняла оборону по левому восточному берегу реки Протвы от Белоусова на Варшавском шоссе до Высокиничей. В полосу обороны дивизии входил также райцентр Угодский Завод и деревня Стрелковка – родина нового ком-фронтом генерала армии Т.К. Жукова [58] .

На следующий день, потеснив соседнюю левофланговую 60-ю стрелковую дивизию, немцы ворвались в Высокиничи. К тому времени уже была оставлена Таруса, и дорога от Калуги, где противник накопил довольно сильную группировку, на Серпухов оказалась свободной. Обстановка ухудшалась с каждым часом.

И 17-я, и 60-я дивизии были вытянуты в тонкую нитку по своему фронту (меньше отделения бойцов при одном орудии с боекомплектом в пять-семь снарядов на километр фронта) и существенное сопротивление противнику оказать в те дни не могли. Полковники Козлов (17-я сд) и Зашибалов (60-я сд) маневрировали своими скудными силами как могли, концентрируя подразделения и огневые средства то на одном угрожаемом участке, то на другом.

По сводкам на 20 октября, 17-я дивизия имела 2500 человек

и 30 км фронта на одном из самых опасных направлений. Справа она прикрывала Варшавское шоссе, в центре старый тракт на Серпухов.

21 октября ситуация осложнилась выходом противника со стороны Тарутина в тыл 17-й дивизии.

В этот же день генерал Жуков отдает приказ Военному совету 43-й армии: «Заставить 17 и 53 сд упорно драться и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя. О сформировании отряда донести. 1) Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 еще раз категорически запрещаю. 2) На 17 дивизию немедленно послать Селезнева, командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять. 17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10.41 Тарутино во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования».

Обстановка тех дней требовала именно таких приказов и распоряжений. Это теперь можно судить-рядить о жестокости и кровожадности некоторых начальников. А тогда и начальники ходили под дулом пистолета…

24 октября произошел такой случай. Варшавское шоссе по фронту Климовка – Петрово – Тетеринки-Колонтаево прикрывал уже известный нам 2-й Люберецкий полк полковника Волкова. Порядком потрепанные в предыдущих боях, уставшие от непрерывных атак и контратак, батальоны Люберецкого полка в какой-то момент дрогнули и начали отходить. Позади, вторым эшелоном, стояли остатки 17-й танковой бригады майора Клыпина. Наблюдая за отчаянно опасным маневром стрелков, майор написал записку полковнику и тут же отправил ее на КП Волкова: «24.10.41. 16.00. Немедленно приостановить отступление вашей части. Приведите ее в порядок и сдерживайте наступление противника в районе Рождествено. За отступление без письменного приказа командарма 43 А будете расстреляны».

Вскоре 2-й Люберецкий полк приостановил отход, короткой контратакой восстановил положение и занял свои прежние позиции. Вот так исполнялся приказ № 270 от 16 августа 41-го года.

Судьба же полковника Козлова в дальнейшем сложилась так.

На 17-ю дивизию прислали генерала Селезнева. Новый командир управлял остатками дивизии не лучше своего предшественника, попавшего под горячую руку генерала Жукова. Но это был уже ставленник Жукова, и отношение к нему, так же как и к новому командарму Голубеву, было иным. Правда, серьезных ошибок в управлении войсками и явной слабости духа Жуков не простил бы и им.

22 октября в бою у деревни Чернишня гибнет командир 53-й стрелковой дивизии полковник Краснорецкий.

23 октября в бою у деревни Корсаково тяжело ранен командир боевой группы генерал Акимов.

Как же расстреливали полковника Козлова?

А никак.

Из доклада генерала Голубева:

«Генералу армии Жукову. 31.10.41. 23.40.

…Докладываю о преступном факте. Сегодня на месте установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян перед строем, а бежал. Обстоятельства дела таковы. Получив Ваш приказ арестовать и расстрелять командира 17 сд перед строем, я поручил это выполнить выезжавшим в дивизию члену Военного совета Серюкову и генерал-лейтенанту Акимову. По непонятным причинам они этого не сделали и направили командира дивизии ко мне. Я под конвоем, организованным начальником Особого отдела армии, отправил его обратно с категорическим указанием, что приказ командарма должен быть выполнен. Мне доложили, что он был расстрелян, а сегодня я узнал, что не расстрелян, а бежал от конвоя. Назначаю следствие. *ГОЛУБЕВ».*

И Акимов, и Серюков были ранены в тяжелых боях в эти дни. Они знали, какой ценой оплачивается стойкость войск на рубежах у Тарутина, Чернишни и Рождествено. Конечно, теперь остается только гадать, каковы же были истинные причины неисполнения ими расстрельного приказа командарма. Но факт остается фактом – полковника Козлова не расстреляли. И, бежавшего от конвоя, не нашли.

История… Если учесть, что конвоировали арестованных непростые ребята. Наверняка обреченного на расстрел перед строем полковника сопровождал не Петруха, а несколько человек с лейтенантом во главе. И в таких случаях начальник конвоя имеет однозначный приказ, как действовать при возникновении любой опасности, тем более побега.

Правда, и полковник Козлов был непростым полковником. Из послужного списка следует, что буквально накануне войны в совершенстве овладел двумя профессиями: парашютным делом и знанием немецкого разговорного языка. Ну зачем, скажите, простому пехотному полковнику такие редкие для этих войск и, можно даже сказать, экзотические профессии? Можно предположить, что полковник Козлов неплохо овладел и приемами рукопашного боя, а также радиоделом и прочими знаниями, необходимыми для работы в глубоком тылу противника. Возможно, так оно и было. На фотографиях он

выглядит крепким, подтянутым; покатые плечи свидетельствуют о большой физической силе и регулярных занятиях спортом. Ну просто типичный портрет кандидата на должность командира спецподразделения для серьезной разведывательно-диверсионной работы в немецком тылу. Возможно, так оно и было. Но прорыв противника под Рославлем спутал все карты, и полковник Козлов остался на дивизии.

В центре Западного фронта действовало несколько разведывательно-диверсионных групп, в том числе батальон капитана Ивана Старчака и группа, а впоследствии партизанский полк капитана Владимира Жабо.

В истории Великой Отечественной войны еще очень много тайн, и многие из них так и останутся тайнами.

Во всяком случае, бежавший из-под стражи обреченный на позорную казнь перед строем полковник Козлов под своим именем так нигде и не всплыл. Следов его не обнаружено ни у немцев, ни в наших архивах.

В 90-х годах группа сотрудников Института военной истории Министерства обороны РФ, а также сослуживцы полковника Козлова и бригадного комиссара Яковлева возбудили ходатайство перед Главной военной прокуратурой о реабилитации офицеров. Был подготовлен обширный документ – «Военно-историческое заключение», в котором читаем буквально следующее: «В действиях командира 17-й стрелковой дивизии полковника П.С. Козлова и военного комиссара дивизии бригадного комиссара С.И. Яковлева состава преступления нет. Они были настоящими патриотами и отдавали все свои силы, знания и опыт делу защиты Родины. Расправа над ними была учинена в условиях кризисной обстановки на подступах к столице, определенной паники среди руководства страны, введения осадного положения в Москве, смены командования армии, без проведения следственных действий, без суда военного трибунала и даже без оформления акта об исполнении приговора».

На реке Протве, на новом рубеже, это была уже другая дивизия. Не та, какой 17-я была всего две недели назад. Пополненная людьми либо зараженными вирусом страха и бега, либо еще не нюхавшими пороху, она уже не обладала той мощью и стойкостью, с какими она держала свои окопы в ста километрах западнее на Варшавском шоссе. Первый состав дивизии остался под Ковалевкой и Латышами на речке Десёнке. Удержать бегущих полковник Козлов не смог. Видя, что полки дрогнули, он начал их отводить, чтобы сохранить материальную часть и как можно больше людей. Другого выхода не было. Иначе дивизия погибла бы целиком. Погибла изолированно, безвестно. Но отход – маневр

не из простых. И начался бег, который с трудом остановили в районе Тарутина. Причем бегущих останавливали лично генерал Акимов и комбриг Любарский с офицерами штаба оперативной группы.

В одном из боев в эти дни погибнет командир 53-й стрелковой дивизии полковник Краснорецкий. Из остатков трех дивизий – 17, 53 и 312-й – будет сформирована одна, ее возглавит полковник Наумов, командовавший 312-й дивизией.

17-я стрелковая дивизия полковника Козлова выполнила свою миссию и была… нет, она не была расформирована – она погибла. Пала смертью храбрых в подмосковных полях и перелесках, растерзанная танковыми гусеницами и налетами авиации, атаками немецкой пехоты 4-й полевой армии.

Немецкий историк Клаус Рейнхардт в своей книге «Поворот под Москвой» писал: «Вместо быстрого продвижения пришлось вести тяжелые бои, которые позволили советскому командованию дождаться спасительной распутицы и так задержать немецкое наступление, что передовые части подошли к Туле только в конце октября. Тем самым были решающим образом парализованы маневренные действия южного крыла группы армий «Центр», что в последующем очень чувствительно сказалось на действиях всей немецкой армии».

«Маневренные действия» немецких войск были парализованы активными, упорными действиями именно таких соединений и частей Красной армии, как 17-я стрелковая дивизия.

От роты осталось девять человек. Голодные и злые, они окапывались возле шоссе, изредка поглядывая в сторону леса, где несколько минут назад скрылись последние повозки санитарного обоза. Третий раз за минувшие сутки их роту оставляли в заслоне. Вначале восемьдесят человек с капитаном и двумя лейтенантами. Потом тридцать шесть с лейтенантом. Теперь девять со старшиной Девяткиным. Со всего обоза собрали им патроны, автоматные диски, гранаты и два кисета табака.

Табак сразу пустили в дело.

– Давайте, ребята, по кругу, – сказал старшина и пустил кисет по рукам.

Они сворачивали самокрутки, хорошо понимая, что, возможно, это последняя в их жизни закрутка. Но надо было торопиться, успеть зарыться в землю. Они пережили два заслона и хорошо знали, что тут будет с минуты на минуту.

– Старшина! – вдруг махнул в сторону леса пулеметчик Чеплыкин. – Смотри! Никак кто-то возвращается!

– Он что, сдаваться, что ль, надумал? – напряженно глядя сквозь табачный дымок и слезу, сказал старшина Девяткин. Он

уже узнал своего бойца, пожилого Пальцева.

Боец шел тяжело, осторожно ступал на толсто забинтованную ногу, которая не гнулась в колене, при этом опираясь на свежевыстроганную, видимо там, в лесу, палку.

– Ты что, Савельич? – издали окликнул его старшина Девяткин, как окликнул бы часовой человека, бредущего прямо на пост.

– Дай-ка потянуть разок-другой, – ответил тот. – Куда мне в тыл? Все мои костерёвские здесь.

Пальцев затянулся, по-хозяйски оглядел начатые окопы, своих земляков и спросил старшину:

– Где мне занимать позицию?

И старшина Девяткин, и все бойцы молча смотрели на своего товарища.

Пальцева, в последнем бою исполнявшего обязанности второго номера расчета ручного пулемета, ранило утром, когда они переправлялись через Угру и их роту рассыпали по жнивью перед какой-то безымянной деревней. В деревню уже влетели немецкие мотоциклисты. Они пытались проскочить к переправе. Развернулись и веером выскочили в поле прямо перед окопами заслона. Лейтенант, оставшийся за командира роты, приказал сосредоточить огонь вначале на одном мотоцикле, потом на другом. Третий и все остальные тут же повернули назад и больше в поле не высовывались. Установили пулемет между сараями и начали поливать поле и переправу прицельным огнем. Пальцева ранило, когда они начали отходить к переправе. Дело было сделано, обоз ушел за реку, и надо было переправляться на ту сторону самим и жечь мост.

– Что ж ты творишь, Савельич? У тебя ж ранение и семеро детей! – Старшина Девяткин не обрадовался такому пополнению. Будь его воля, он снова бы отправил Пальцева в обоз, под присмотр санитаров. Но где он теперь, обоз? Должно быть, уже по дороге к Медыни.

На западе, в стороне шоссе, погромыхивало.

Остатки 17-й стрелковой дивизии шли на восток вдоль Варшавского шоссе. Дивизия, разбитая и рассеянная по лесам танковым ударом немцев, теперь небольшими группами пробиралась к Медыни. Но противник продвигался так стремительно, что слово «Медынь» уже звучало не так спасительно, и бойцы произносили его все реже и реже. Пункт сбора вначале был назначен в Медыни, но потом его перенесли дальше на восток. Что это могло означать?

Пальцев расчехлил свою лопату и принялся долбить землю. Позиция ему досталась не ахти какая: на краю неглубокой

лощинки, заросшей редким осинником, между пулеметным расчетом и старшиной Девяткиным. Дорога невысокой песчаной насыпью, заросшей пыльным бурьяном, проходила левее. Видна она была хорошо. Но и с дороги цепочка их редких ячеек просматривалась, должно быть, как на ладони. Пальцев замаскировал бруствер травой, воткнул несколько ивовых кустиков. Куст ивы рос рядом, левее, и Пальцев посматривал на него с какой-то надеждой. Быть может, потому, что никакого другого укрытия, кроме этого куста, поблизости не было. В какое-то мгновение подумал: а хорошо бы запасную позицию отрыть за ним, на всякий случай. Но посмотрел на старшину и смирил свое беспокойство: Девяткин снова его, старика, перед молодыми начнет корить, что, вот, мол, папаша до земли дорвался, новый огород пошел распахивать…

– Ну что, распахали свои огороды? – будто угадывая его мысли, сказал старшина Девяткин. – У кого жратва есть?

У Пальцева в вещмешке лежал кулек с сухарями. Сухарей оставалось порядочно, штук шесть. Он их берег.

Но теперь беречь НЗ стало незачем. Сколько они тут продержатся? Полчаса? Час? Смотря кто к ним подойдет. Если просто разведка, постреляют и отойдут. А если повалит сразу колонна…

Он распустил потертые лямки и достал кулек. Но сам к сухарям не притронулся. Подумал: земля тут какая – песок да галька, а у нас в Желтухине сплошной суглинок. Такая же и в Варееве, и в Новинках. Правда, огороды хорошие, веками удобрялись со скотных дворов. Он посмотрел в конец лощинки, где в зарослях ивы и ольхи угадывался ручей или речушка. В глазах тут же встала родная Пекша, Кукушкинское озеро, лица детей, последние слова Евдокии, ее взгляд… Как она с семерыми… если что… Пекша – река большая, не ровня здешним. И берега у нее покруче, и пойма куда шире и вольнее. Эх, какие покосы у них под Желтухином на Пекше!

Горький комок спекся в горле, ни протолкнуть его, ни выкашлять. Заныла нога. Палка, вырезанная в лесу, лежала рядом с окопом. Понадобится она ему еще когда-нибудь или уже нет?

Этот бой получился совсем не таким, как предыдущие. Немцы появились не с запада, откуда их ждал и старшина Девяткин, и все они. Старшина уже начал посматривать на часы:

– Ребята, еще час и уходим.

Все сразу оживились – появилась надежда.

Но вскоре позади них в лесу застучали моторы, послышались голоса. Они сразу поняли – мотоциклисты. И много, не меньше пяти-шести. Или усиленная разведка, или передовой отряд. А

может, это наши? Обоз дошел до Медыни, и за ними, оставшимися в заслоне, прислали транспорт?

– К бою! Чеплыкин! Давай пулемет! Без приказа не стрелять!

Перекидывать на другую сторону брустверок и маскировать его было уже поздно. Пальцев положил на вещмешок винтовку и начал ловить в прицел ближнюю цель: одиночного мотоциклиста, который, обогнав небольшую колонну, вынырнувшую из леса, лихо мчался по пыльной дороге прямо на их позиции. Команда старшины Девяткина слилась с дружным залпом, и мотоциклист мотнул головой и вместе с мотоциклом начал заваливаться на бок, в кювет.

Старшина Девяткин перезаряжал заклинивший ППД и матерился. Он недоумевал, откуда в лесу, за их спинами, немцы и почему их атаковали с тыла?

С дороги по ним ударили сразу два пулемета. Пулеметчики вели огонь прямо из колясок. Они сразу перехватили инициативу. Из окопов им отвечали редкими винтовочными выстрелами, но и они вскоре прекратились.

Пальцев стрелял прицельно, каждый раз уговаривая себя не бояться, не прятать голову в ровик, когда пули начинали хлестать совсем близко. Надо было опередить немецких пулеметчиков, заставить их замолчать, хотя бы одного. Но обойма быстро кончилась, и он дрожащими пальцами стал запихивать в магазин новую. Окинул взглядом соседние окопы. Старшина Девяткин оттаскивал Чеплыкина от пулемета, Чеплыкин весь в крови – попали в Чеплыкина. Теперь они без пулемета. Сунулся лицом в землю парень из Бормина, его Пальцев помнил еще по боям под Новоалександровской. Каска сползла набок, висок прострелен.

– Ах, вы ж разбойники! – выругался Пальцев и стал прицеливаться еще тщательней. Он уже не слышал пуль, не почувствовал даже, как одна из них рванула шинельное сукно на спине, а другая задела каблук ботинка.

Немец, которого он несколько секунд с ненавистью рассматривал через колечко намушника, отвалился от дымящегося пулемета и запрокинул голову. Мотоциклист тут же дал газу и развернулся к лесу. Голова убитого моталась из стороны в сторону. Второй мотоцикл повторил маневр первого. В поле затихло.

– Спасибо тебе, Савельич. – Старшина Девяткин подполз к его окопу, он тащил пулемет и два запасных диска. – Прости, что плохо о тебе подумал. Думал, обузой будешь. А ты… вон как его уделал.

– Сколько нас осталось? – спросил он старшину, пока тот не уполз далеко, волоча по изрубленной пулями траве

окровавленный пулемет. Куда он его волок? Должно быть, на запасную позицию.

– Антонова убило, Гаврилин ранен. И еще одного, парня этого…

– Хромов жив?

– Жив. Винтовку его искорежило. Плачет.

Хромов был из Омутищ. Вася Антонов из деревни

Сеньга-Озеро, а Егор Гаврилин из самих Петушков, жил на улице Первого Мая, работал на фабрике «Катушка». Еще двое ребят из деревни Липны находились левее дороги. Они тоже стреляли и что-то кричали старшине во время боя. Неужто отбились и немцы больше не сунутся? Но если даже отбились, то куда им теперь отходить? Дорога перехвачена. Видать, туда они прошли кружным путем, а на них выскочили, когда решили разведать дорогу.

В лесу зарокотало. Работал тяжелый мотор, не мотоциклетный.

На опушку выползла приземистая танкетка. Съехав с дороги, она некоторое время маневрировала среди деревьев. Остановилась. Открылся люк. Из башни высунулся танкист и начал осматривать в бинокль дорогу, редкий кустарник и обрез лощины, где окопались владимирские мужики во главе со старшиной Девяткиным. Люк захлопнулся, и танкетка медленно, будто крадучись, стала продвигаться вперед. Время от времени она делала короткие остановки, и тогда ее пулемет начинал работать.

Сражаться с железной машиной было бессмысленно. Старшина Девяткин дал несколько очередей и спрятал пулемет за камнями. Пальцев тоже вжался в землю и закрыл руками голову. Услышал голос старшины:

– Давай гранаты!

Танкетка прямо на них все же не пошла. Видя, что красноармейцы не сдаются, как это случалось почти всегда в предыдущих схватках на дорогах, механик-водитель начал маневрировать, объезжая окопавшихся по периметру.

А тем временем старшина Девяткин куском телефонного провода скручивал противопехотные гранаты. Но бросить связку под танкетку ему не удалось. Механик-водитель все время держал дистанцию, а пулеметчик поливал огнем окопы с живыми и мертвыми защитниками рубежа.

В какой-то момент между танкеткой и окопом старшины оказались ивовые кусты, и Девяткин выскочил из ячейки, перебежал вперед и залег за ивами. Переполз через лощинку и затаился за муравьиной кочкой. Он ждал, что танкетка пойдет

вдоль лощины, и тогда он сможет добросить до нее связку гранат. Но пулеметчик, видимо, заметил его передвижение. Танкетка взяла немного правее, развернулась. Ствол пулемета опустился чуть ниже. Пошла очередь. Одна, другая. Старшина, понимая, что обнаружен, отпрянул к лощине, скатился вниз. И замер. Все, убит Девяткин, понял Пальцев, наблюдая за схваткой старшины с немецкой танкеткой. И гранат больше нет.

Ползти к соседним ровикам и искать там гранаты было делом безнадежным. Во-первых, пулеметчик держал их позицию под постоянным прицелом. Во-вторых, до старшины Пальцеву было ближе. И к танкетке ближе.

Расправившись с гранатометчиком, танкетка поползла вдоль лощины дальше. Через лощину она не пойдет, понял Пальцев, там, внизу, болотина. Ждать, когда она пройдет дальше и скроется за бугром. Танкетка, урча мотором, уползала дальше, и вскоре ее корма начала оседать за небольшим бугром, заросшим ивняком и конским щавелем.

Пальцев выбрался из окопа и прямиком, не теряя ни секунды, пополз к лощине.

Внизу было сыро. Пахло болотиной. Вспомнилось Кукушкинское озеро, заводь с болотистыми берегами, где он с отцом когда-то давно, еще до первой войны, ловил линей…

Эх, доползти бы до Девяткина. Не потерял ли он гранаты…

Старшина лежал на боку. Пули вошли ему в поясницу и вышли одна под ключицей, а вторая ниже, разорвав ватник на груди. Как берег он этот свой ватник! С сентября держал в обозе, доставал только почистить и просушить от ночной сырости.

Связка гранат лежала рядом. Пальцев отвел руку старшины, взял связку. Рука Девяткина была еще теплая. Может, еще жив наш старшина, с надеждой подумал Пальцев. Вот сейчас отобьемся и перевяжем нашего командира, перетащим в лес…

Танкетка возвращалась. Пулеметчик прострига короткими очередями линию окопов. Никто оттуда уже не поднимал головы. И немцы, видимо считая, что дело сделано, возвращались назад.

Пальцеву оставалось ждать. Если танкетка пойдет по своему следу, то через минуту-другую она будет в пяти шагах от края лощины. Надо подползти поближе, и тогда он до нее добросит связку наверняка. Но если отползти от старшины, из танкетки его заметят и начнут расстреливать в упор. Нет, лучше ждать здесь. Он прижался к неподвижному телу старшины и позвал Девяткина:

– Девяткин, ты живой, брат?

Девяткин молчал.

Уже дрожала земля, пахнуло выхлопными газами и смазкой.

Нет, не поднимать головы, пока она не подойдет совсем вплотную. Боль в ноге совсем пропала. Пальцеву казалось, что и колено сгибалось и было послушно, что через мгновение он сможет легко вскочить на ноги, чтобы доделать свою работу до конца.

Танкетка выползла на край лощины и остановилась.

Пальцев поднял голову. Ствол пулемета, торчавшего из приземистой башни, опускался вниз. Значит, немцы насторожились, увидев рядом с телом старшины его. Сейчас полоснут очередью и…

Он вскочил на ноги и, не чувствуя боли, побежал навстречу железной машине. Чека гранаты уже была выдернута, и он перехватил связку и обеими руками метнул ее точно под правую гусеницу. Связка упала там, куда он ее и бросал. Но прежде чем взорваться, перекатилась под днище.

Прежде чем его смело взрывной волной и осколками, Пальцев успел оглянуться на окопы своих товарищей, на лежавшего в лощине старшину Девяткина. От леса шла цепь немецких пехотинцев.

Немцы остановились и, пока горела танкетка, не осмеливались подойти ни к окопам, ни к лощине, ни к горящей боевой машине. Они мрачно поглядывали то на своего фельдфебеля, то на жуткое пламя, в котором им мерещились предсмертные стоны их товарищей. Фельдфебель тоже стоял на месте, лицо его было каменным.

Глава 8 Тарутинский рубеж, Стремиловский рубеж…

«Большие потери с нашей стороны …»

Отход на реку Нару . – Дожди. – Отставшая артиллерия. – 34-я пехотная дивизия продолжает атаковать. – Создание противотанковых отрядов. – Немцы атакуют Нарский рубеж. – Полное превосходство противника в танках и самолетах. – Последний нажим фон Кюге. – Немцы выдохлись. – Подольск – город-воин. – Оперативная «пауза». – Приказ, который не хотел исполнять никто. – Баня и приварок. – Подарки к 7 Ноября. – «… всей силой огня и штыка защищать родную Москву». – Создание ударных отрядов. – Война на истощение. – Локальные атаки на всех участках фронта. – Разведка боем. – Деревня Степановка, где жила его любимая…

Итак, одно из наиболее вероятных направлений нового удара группы армий «Центр» на Москву Генштаб определял в центре Западного фронта по оси Варшавского шоссе в районе Малоярославец – Тарутино.

19 октября пошли дожди. Дороги сразу испортились. Русская глина стала еще одним препятствием на пути движения немцев на Москву. Но бездорожье стало помехой и для частей и подразделений 43-й армии, которые проводили перегруппировку основных сил в район Тарутина. К тому же уже к 19 октября противник подошел к Тарутинскому рубежу, а 21-го, при поддержке авиации, атаковал. Атаки велись все в том же направлении – вдоль Варшавского шоссе. Так что непогода немцам в этот период не могла быть большой помехой. Не дождь жег немецкие танки у Тарутина и Корсакова, а бойцы 53, 312 и 17-й стрелковых дивизий.

Противник все же запаздывал в своем маневре, отставала его артиллерия. Но штурмовая авиация безраздельно хозяйничала в воздухе, пожалуй целиком восполняя нехватку артиллерии: «25 пикирующих бомбардировщиков противника со 2-й половины 21.10.1941 года несколько раз подвергали бомбометанию и пулеметному обстрелу обороняющиеся части 53-й СД и подразделения 312-й и 17-й стрелковых дивизий. И каждый раз после авиационной подготовки части 34-й ПД противника переходили в наступление при поддержке авиации».

Тарутинский рубеж был оставлен. Войска отошли на реку Нару и закрепились на ее левом берегу. Вся обстановка

напряженных дней конца октября, все предшествовавшие события свидетельствовали о том, что именно сейчас, в эти дни и ночи, здесь, на Варшавском шоссе, может произойти решающее – либо немцы прорвутся по шоссе и по второстепенным дорогам вдоль магистрали вглубь, к Москве (а там на их пути уже никого нет!), либо все начнет развиваться по совершенно иному сюжету.

Накануне генерал Голубев разослал в дивизии приказ о создании противотанковых отрядов. Приказ командарма появился после директивы командующего Западным фронтом генерала Жукова № 80 от 18 октября 1941 года, которая так и называлась: «О создании противотанковых отрядов» и предписывала следующее:

«КОМАНДУЮЩИМ 5, 16, 33, 43, 49-й АРМИЯМИ

Копия: НАЧАРТ. ФРОНТА

НАЧ. ИНЖ. УПРАВЛЕНИЯ

В целях организации прегражденияпутей движения танкам противника к утру 20.10.41 г. поставить на тыловых рубежах и тыловых дорогах противотанковые отряды, состоящие из 1–2 орудий ПТО, взвода истребителей с гранатами и бутылками КС, взводом саперов с минами, ротой стрелков, выделяемых за счет пассивных участков и отходящих частей.

Обязательно иметь противотанковые отряды на линиях: 1) Волоколамск, Руза, Дорохово, Маурино, Наро-Фоминск, Каменка, Тарутино, р. Протва, Серпухов;

2) Теряева Слобода, Новопетровское, Покровское, Колюбакино, Кубинка, Рассудово, Кресты, Лопасня.

Схему отрядов заграждений ПТО представить мне к утру 20.10.41 г. нарочным за подписями членов Военного совета армии» [59] .

Штарм 43 эту директиву переплавил в следующую форму, наполнив ее своим содержанием:

«…создать в каждом стрелковом полку – по одному отряду, в составе: во главе среднего командира 15 бойцов, в том числе группа саперов с противотанковыми минами. Вооружение: 150 противотанковых гранат, 75 бутылок КС, ППШ – 3, бронебойное ружье с патронами и одна грузовая машина. В каждой стрелковой дивизии – по два отряда; в армии – по три истребительных отряда.

Отряды сформировать из самых смелых, ловких и умелых бойцов, обеспечив в них должную партийно-комсомольскую прослойку. Отряды должны действовать внезапно, дерзко, накоротке».

Так они и действовали. Но не все.

Когда небольшой отряд попадал в расположение войск противника, способ ведения боевых действий для него резко

менялся. Одно дело занимать определенный участок обороны, оборонять его, зная, что рядом сосед, который делает то же, когда за твоей спиной пусть немногочисленная, но все же какая-никакая артиллерия, доты, резервы, штабы, которые, в случае осложнения ситуации, тут же предпримут действия, направленные на исправление положения. Другое дело действовать автономно, небольшими силами, исполняя роль, по сути дела, диверсионных и полупартизанских отрядов. Правда, после серии неудач на территории противника противотанковые отряды применялись в основном в качестве мобильных резервов и действовали по приказу командиров полков и дивизий.

24 октября на рассвете противник атаковал оборону 43-й армии на Нарском рубеже.

Что представляла собой оборона армии генерала Голубева на реке Наре?

Линия окопов, местами имеющая проволочные заграждения, завалы и противотанковые рвы. В обороне стояли следующие части и подразделения: 312-я стрелковая дивизия полковника Наумова, состоящая из трех сводных полков трех, по сути дела, разбитых дивизий; 152-я мотострелковая бригада; 9-я танковая бригада, имевшая всего 12 легких и один средний танк Т-34; 5-й воздушно-десантный корпус двухбригадного состава. Вечером 24 октября, уже в разгар боя, к рубежу подошла 24-я танковая бригада полковника В.П. Зелинского, имевшая 24 танка. Противник снова сконцентрировал свою ударную группировку в центре, вдоль Варшавского шоссе, а также на левом фланге, и превосходил наши войска по количеству солдат в четыре раза, по артиллерии в семь раз. По танкам и самолетам, как и в предыдущих боях, немцы имели полное превосходство.

Бой шел весь день, весь вечер, местами не затих и в ночь на 25 октября. Немцы атаковали упорно, из последних сил, и местами добились успеха, форсировав реки Нара и Черничка.

200 лет назад, в августе 1812 года именно здесь разворачивалось Малоярославецкое сражение русских войск с французской армией Наполеона Бонапарта. В боевых донесениях штабу фельдмаршала Кутузова часто упоминались Тарутино, Спас-Купля, Кузовлево, река Нара и ее притоки. И вот спустя 129 лет снова русскому солдату выпало умирать на этих исторических, на полметра пропитанных кровью рубежах.

Вечером в штаб армии в деревню Ясенок разведчики привели пленного немецкого офицера, который показал, что 57-й моторизованный и 12-й армейский корпуса получили подкрепление и в ближайшие дни начнут наступление.

Вечером следующего дня командир 312-й сд полковник

Наумов докладывал в штаб армии:

«Противник двигается от деревни Ильино на деревню Климовка. Оборонявшийся к западу от этой обороны полк (223 СП) попал под фланговый огонь противника, большие потери с нашей стороны, немцы взяли д. Климовка и устремились на высоту 196,7.

Заняв эту высоту, немцы не смогли продвинуться дальше, так как со стороны деревни Круча была выдвинута стрелковая рота, пекари, ездовые, писари, которые и остановили продвижение немцев, наступила ночь. За 25.10.41 г. в бою погибло 30 человек и 80 ранено».

Резервов ни у той ни у другой стороны уже не было. Все резервы поглотили схватки за населенные пункты и непрерывные бои в районе Варшавского шоссе. А потому судьбу боя решала последняя стрелковая рота и взвод ротных и батальонных писарей, кашеваров и ездовых. Как правило, это были не ахти какие солдаты, нестроевой народ, случайно не забракованный военкоматами и медкомиссиями, «папаши», как называли в войсках перестарков, словом, не орлы. Но винтовка в руках, порученный рубеж и приказ, помноженный на осознание того, что дальше пятиться некуда, что за спиной уже Москва, превращали этих людей в настоящих воинов, и противник уже не смог преодолеть рубежи, заставленные этими последними солдатами Красной армии.

Именно в эти дни в штаб армии пришло известие о подходе свежей сибирской дивизии. Правее активизировала свои действия и стабилизировала фронт на Наро-Фоминском направлении 33-я армия генерала Ефремова. Левее насмерть встала 49-я армия генерала Захаркина, закрыв Серпуховское и Алексинское направления и не давая свободно маневрировать правому крылу «Тайфуна», нацеленному на Тулу.

25 октября к Наре подошла 93-я стрелковая дивизия в составе 51, 129 и 26-го стрелковых полков, гаубичного и легкого артиллерийского полков, истребительного противотанкового дивизиона и 11-го танкового батальона, а также подразделений связи и других служб. По штату в дивизии числилось 10 032 человека. Командовал дивизией генерал-майор К.М. Эрастов. Полки тут же заняли оборону, расположившись в два эшелона. Дивизия закрыла самое опасное направление – район Варшавского шоссе. С этого момента расклад сил в полосе обороны 43-й армии начал меняться в нашу пользу. Хотя численное превосходство по-прежнему оставалось на стороне противника. Но дух прирастал в рядах Красной армии гораздо мощнее, чем пополнение людьми и вооружением.

В ночь на 26 октября 43-я армия атаковала противника. Вот текст приказа, согласно которому генерал Голубев двинул вперед свою ударную группировку:

«1. С целью недопущения прорыва танков противника на город Подольск – рубеж Горки – прикрывать этот рубеж 2-мя батальонами пехоты и 2-мя танками КВ 24-й ТБ и противотанковыми дивизионами.

2. 201 ВДБр будет наступать на фронте южнее деревни Горки 1 км на западном берегу реки Нара. 152 МСБр наступает на фронте Никольское. Наступление поддержат: 64 ГАП, 1 танк КВ и 7 танков Т-60. Граница слева: Каменка и (исключительно) Никольское, Окатово.

3. 93 СД наносит удар на д. Кузовлево, Тарутино с задачей выйти на восточный берег реки Нара, на фронте

д. Ольхово, Тарутино с задачей выйти и захватить переправы и плацдарм у д. Никольское, Орехово, Борисово, Тарутино. Наступление поддержит 998 АПРГКА и нанесет залп 3-мя батареями М-13. По артиллерии противника работает 320 ПАП. Для усиления удара придается 3 танка – КВ, 3 танка Т-34 и 15 танков Т-60. Граница слева: деревня Богородское (исключит.), Ильино, Дубровка с выходом на фронт Тарутино.

4. Сводная 312 СД наступает во втором эшелоне за 93 СД в направлении д. Ильино, Дубровка и выходит на фронт (исключит.) Тарутино, Курилово. Поддержат дивизии: 403 АПРГК и приданные танки: 2 танка КВ и

8 танков Т-34.

5. Резерв 43-й армии – один батальон 93 СД и батальон 10 ВДБр из деревни Кресты – выдвинуть в рощу северо-восточнее деревни Каменка.

6. Батальон 10 ВДБр в составе 3 СВСП 17 СД в д. Стремилово остается и ведет активную разведку на Чубарово– Бегичево.

7. Разведку вести на населенные пункты Балабаново, Малоярославец, Новая Слободка.

8. Начало наступления назначаю на 7.00 2.10.1941 г., артиллерии огневыми налетами открыть огонь с 6.00, залп РС в 7.00.

9. При наступлении посадить десант на тяжелые танки, иметь также тракторы и усилить все саперами» [60] .

В день атаки с утра моросил мелкий осенний дождь. В низинах стоял туман. Погодные сводки свидетельствуют о положительной температуре, стоявшей в тот день: четыре градуса тепла.

Погода портилась, и это обстоятельство конечно же не лучшим образом влияло на темпы наступления немцев. Но, как я

уже заметил, непогода мешала и нашим войскам. Немецкие историки и мемуаристы, бывшие солдаты и офицеры вермахта, проигравшие под Москвой свою решающую битву, склонны главную причину провала операции «Тайфун» видеть в неблагоприятной погоде. Летом группе армий «Центр» (да и не только ей) мешала жара и пыль – портились танковые и автомобильные моторы, забивались воздушные фильтры и прочее, солдаты сильно потели и болели желудочно-кишечными заболеваниями, в основном диареей, осенью мешали дожди и грязь – застревали танки и бронетранспортеры, быстро изнашивалась обувь пехотинцев. Наступившая зима, которую так ждали немецкие танкисты, чтобы быстрее покатиться к Москве по замерзшим большакам и полям, снова, как оказывается, обратилась в напасть – вермахт начал катастрофически мерзнуть в тонких шинелишках. Что ж, на то и война, чтобы громить противника всеми силами и средствами. Значит, средств не хватило. На что и надобно пенять западным историкам. А пыль, бездорожье, дождь и морозы в России и не напасть вовсе, а обычное дело, для нас привычное. Вон сколько лет прошло, а дорог все нет. Может, поэтому мы и непобедимы.

Наступление оказалось неудачным. В яростных атаках на немецкие опорные пункты сгорали роты и батальоны. Горели танки. Противник, как правило чувствуя упорство атакующих, оставлял те или иные населенные пункты и высотки, но потом, проведя перегруппировку и подтянув артиллерию и танки, контратаковал и восстанавливал положение, нанося полкам и батальонам 43-й армии огромные потери. Об этом свидетельствуют донесения из дивизий, бригад и отдельных полков.

Но вот что рассказывает об этом бое немецкий автор, бывший командир 98-й франконско-судетской пехотной дивизии Мартин Гарайс:

«Главный удар врага сейчас направлен на Горки. В 8 часов утра начинается атака парашютно-десантного полка совместно с десятком сверхтяжелых танков Т-34 на восточную окраину Горок, где стоит 3-й батальон 282-го пехотного полка. Не обращая внимания на оборонительный огонь, танковый клин прорывает слабую линию немецкого фронта и вклинивается в ряды пехоты. Перескакивая из одного укрытия в другое, беззащитные и ошеломленные пехотинцы пытаются бежать к излучине Нары, с тяжелым сердцем оставляя своих раненых. Остатки батальона собираются под крутым склоном у реки. Позже им удастся соединиться со 2-м батальоном своего полка севернее Ольхова. Потери ужасающи.

До батальона Эммерта, на основных позициях батальона, доносится приглушенный гул тяжелых моторов Т-34, а затем беда обрушивается и на его бойцов. Даже здесь, в деревне, старые деревья не могут сдержать продвижение стальных колоссов. И именно здесь проявляется их полное превосходство. Подчистую рушатся деревянные избы и глинобитные домишки, широкие гусеницы с жутким грохотом перемалывают пулеметы, минометы и даже 3,7 см противотанковые пушки. Гранатометчик ефрейтор 1-й роты 282-го пехотного полка Экхард выскакивает перед тремя легкими танками и удачно брошенными гранатами останавливает их, так что в ближнем бою с ними вскоре было покончено. Позже Экхард будет раздавлен гусеницами танка в стрелковом окопе. Дом, где располагался КП батальона, рушится. Раненые не могут выбраться из-под обломков и находят тут свою братскую могилу. Маленькими группками бойцы распавшихся рот пробиваются обратно к Наре. Бешеный огонь противника, парашютистов-десантников, вооруженных до зубов автоматическим оружием, мало кому дает выжить на этом пути.

Успех вражеской контратаки приводит к тяжелейшим потерям в живой силе и технике 98-й пехотной дивизии, но плацдарм по ту сторону Нары все же удалось удержать.

Замысел противника – прорваться через брешь между Горками и Ольховом – сорван саперами и велосипедным взводом, а также связистами штаба 282-го пехотного полка совместно с подразделениями II батальона полка. Штаб при этом потерял троих убитыми и троих ранеными. Враг отброшен, но остается на высотах у края леса. Отсюда его танки свободно простреливают открывающуюся внизу местность.

Окопавшись на высоком берегу западнее Горок, стрелковый батальон принимает бойцов разбитого 1-го батальона 282-го пехотного полка. Среди них обер-лейтенант д-р Эммерт, оставшийся без своего батальона. Этим вечером обер-лейтенант д-р Мауль из 289-го пехотного полка записывает в свой дневник: «Дивизия, несомненно, разбита в пух и прах. Наши земляки, лежа в грязи под дождем, бьются уже третью неделю. Все, что в солдатских силах, они сделали» [61] .

27 октября немцы решили окончательно перехватить инициативу. Артподготовка длилась 50 минут. Потом началась атака. Пехота и танки атаковали при поддержке штурмовой авиации. Но теперь небо над полем боя противнику пришлось делить с советскими истребителями. 177-й авиационный истребительный полк расстраивал порядки немецких бомбардировщиков, не позволял производить бомбометание по назначенным целям. Именно в этот день над позициями 43-й

армии погиб Герой Советского Союза летчик-истребитель младший лейтенант Виктор Талалихин. Его самолет, атакованный «мессершмиттами», упал близ деревни Лопатино недалеко от Варшавского шоссе.

О накале боев свидетельствует донесение, поступившее в этот день из штаба 93-й сд. В нем говорилось о том, что у деревни Ольхово, где оборонялся стрелковый батальон 129-го полка и части 5-го воздушно-десантного корпуса, после семи атак с обеих сторон противник остановлен.

И снова словно немецкому историку:

«27-го октября с рассветом большевик начинает новое наступление по всему фронту дивизии с вводом в бой всей своей огневой мощи: артиллерии, тяжелых минометов, реактивных установок и танков – с беспрецедентным расходом боеприпасов. На этот раз главный удар направлен на Чернижную и Кузовлево. Прямым попаданием разгромлен командный пункт I батальона 290-го пехотного полка; убиты двое связных, ранены майор д-р Клотц, лейтенант Аммер, лейтенант Астфальк, старший врач д-р Шрётер и офицер связи II батальона лейтенант Кольб. Лейтенант Эггерсторфер принимает командование «батальоном». Сборные роты ведет в бой фельдфебель. Кучка защитников и некоторое число кадрового состава из «костяка» тает на глазах. Под Ореховом в результате прямого попадания гибнет командир 3-й батареи 198-го артиллерийского полка обер-лейтенант Дёрфляйн. В его лице 1-й дивизион потерял одного из храбрейших офицеров.

Особой силы удар пришелся на стык 290-го и 289-го пехотных полков. Там разражается паника. Части бегут. Но уже на южном выезде из Чернижной им навстречу выступает полковник Гайгер. Присутствие командира в нужном месте, в нужное время мгновенно приводит малодушных в чувство. Они возвращаются и снова отбивают позиции.

В 282-м пехотном полку собираются остатки разбитого I батальона, 3-я рота распускается и проводится полная реорганизация. Боевой состав батальона насчитывает 148 человек. Один только день под Горками стоил ему 90 бойцов. Большая часть из них пропала без вести, раздавлена танками или беспощадно уничтожена парашютно-десантными частями» [62] .

Надо признать, что 43-я армия своим упорством, храбростью бойцов и командиров смогла превратить бои на Нарском рубеже в настоящий ад для немцев.

Нарский рубеж держался. Противник был остановлен на линии Инино – Горки – Ольхово – Кузовлево – Ильино – Тетеренки – Колонтаево – Дмитровка – Стремилово.

Любопытный факт. Просматривая списки награжденных по итогам боев, обнаружил, что среди представленных к ордену Красного Знамени политрук, зам. политрука, оперуполномоченный 00 НКВД, военный комиссар, начальник 1-го отделения штаба дивизии и т. д. Окопный народ получал в основном медали. Правда, медали 41-го года, как известно, приравнивались к самым высоким орденам. И все же…

30 октября в расположение 43-й армии прибыли командующий войсками Западного фронта генерал Жуков, начальник штаба фронта генерал Соколовский и член Военного совета фронта Булганин. Жуков приказал проводить его на позиции первого эшелона. С КП первого батальона 120-го стрелкового полка 93-й сд он долго осматривал предполье, воронки, брошенные окопы, наполовину сожженную деревню на той стороне. Это была его родина. Здесь прошло детство, юность. Здесь он знал каждую тропинку, каждый изгиб реки. И то, что враг был остановлен войсками его фронта именно здесь, в окрестностях Угодского Завода и Малоярославца, волновало особенно.

Вечером Жуков приказал собрать всех командиров, до командира полка включительно, и провел совещание. Выслушал доклады и предложения. Поставил задачи. Главной задачей было – держаться там, где стоишь, ни шагу назад. Неустойчивые будут отданы под суд и расстреляны перед строем. Это он повторил несколько раз. Командиры смотрели на него молча, будто замерев. Он видел взгляды людей, готовых на все. Вот почему он с такой уверенностью скажет Верховному, что враг не пройдет, что Москвы немцам не видать.

Перед совещанием состоялся разговор с командармом. Жуков все еще сомневался в том, что противник выдохся и остановлен здесь, на Стремиловском рубеже, на подступах к Подольску.

– И все же, – сказал он, – что произошло на вашем рубеже обороны, доложите более подробно. Сегодня я буду докладывать о положении на вашем участке Верховному.

– Войска противника остановились, – подтвердил Голубев.

– Чем это можно подтвердить?

– Сегодня в 7.00 артиллерийской подготовки по нашим позициям не было. В 8.00 противник в наступление не перешел. Не появилась и его авиация. Наши наблюдатели отметили следующее: в 8.50 в центре и на левом фланге противник приступил к совершенствованию своей обороны. На правом фланге части 57-го моторизованного корпуса тоже приступили к строительству оборонительных укреплений.

– Что сообщает разведка?

– Войсковая, армейская и авиационная разведка, а также командиры переднего края на 19.00 еще раз подтвердили, что войска 98-й и 34-й пехотных дивизий 12-го армейского корпуса в течение суток создали оборону на всю глубину своих боевых порядков. Танковые подразделения второго эшелона 57-го моторизованного корпуса от населенного пункта Воробьи повернули направо на направлении поселка Балабаново и двигаются дальше. Сегодня утром в полосе обороны 53-й стрелковой дивизии ее разведкой был захвачен офицер 289-го пехотного полка 98-й пехотной дивизии. Он показал следующее: в пехотных ротах его полка осталось по 15–20 человек, все обмундирование летнее, оборванное, питание плохое. Лошади почти все убиты и съедены. Людской состав переносит боеприпасы и другие грузы на себе и перетаскивает орудия и минометы. Настроение солдат да и младших офицеров подавленное. Клюге обещал, сказал он, что у русских нет сил для обороны, что через день-два мы будем в Москве, но мы, солдаты, этому не поверили. Еще сказал следующее: такого мощного сопротивления они не испытывали с начала кампании на Востоке.

– Какие вы делаете выводы из происходящего?

– На наш взгляд, противник измотан. Думаю, что немцы понимают, что дальнейшее наступление на Москву по Варшавскому шоссе через Подольск перспективы не имеет. Докладываю, что в районе Варшавского шоссе, включая Подольск и окрестности, создается Подольский боевой участок. Центральная ось боевого участка – шоссе и прилегающие населенные пункты. В настоящее время ведутся усиленные работы по совершенствованию обороны Подольского боевого участка и эшелонирования его в глубину. – И командарм показал на карту, на которую штабными работниками была тщательно нанесена схема боевого участка и обозначены линии обороны стрелковых частей, ПВО, противотанковые районы и ловушки, минные поля и проволочные заграждения.

В публикациях многих исследователей истории боев 43-й армии период конца октября (после смены командующего армией и «расстрела» полковников) – начала ноября характеризуется как непродолжительная оперативная пауза, возникшая как следствие усталости наступавшей стороны и упорства оборонявшейся. Немцы проводили частичную перегруппировку для нового броска вперед.

Действительно, под Малоярославцем и Тарутином наступило относительное затишье. Обе стороны готовились к новым боям.

Из отчета, подготовленного офицерами Генштаба в ноябре 1941 года по итогам минувших боев, которые уже тогда поименовали

первым этапом московской битвы:

«К 1-му ноября 1941 г. на Западном фронте сложилась следующая оперативно-стратегическая обстановка.

1. Начатое 2 октября немцами наступление на МОСКВУ к концу октября выдохлось, и ослабленные в результате октябрьских боев немецкие дивизии вынуждены были прервать свое наступление;

2. План Гитлера – молниеносного захвата МОСКВЫ провалился, и немецкое командование, учтя, видимо, несостоятельность такого плана, решило взять МОСКВУ с «передышкой» – прервать наступательную операцию, пополнить войска, подтянуть резервы, хотя в истории наступательных операций немецких армий по овладению ВЕНОЙ, ПРАГОЙ, ВАРШАВОЙ, ПАРИЖЕМ и другими столицами государств Западной Европы не значится перерывов.

Там наступательные операции немецких войск были непременно непрерывными.

На Восточном фронте фашисты встретили иную армию, иную страну и иной, советский строй, которые заставили немецких оккупантов отказаться от молниеносного захвата МОСКВЫ.

Поэтому немецким армиям, видимо, придется закрепиться на исходном для очередного наступления на МОСКВУ рубеже, подтянуть резервы и подготовить во всех отношениях новую наступательную операцию.

3. Таким образом, Гитлеру не удалось с рубежа ДНЕПРА одним прыжком приблизиться к МОСКВЕ и овладеть ею. Тем более не удалось ему разбить КРАСНУЮ АРМИЮ и до наступления зимы закончить войну на Востоке.

…Выводы:

а) Понеся большие потери в предыдущих боях и не имея сил для дальнейшего наступления на МОСКВУ, противник перешел к обороне, производит перегруппировку сил и подтягивает резервы в направлении ВОЛОКОЛАМСК, СКИРМАНОВО и целью ударить на КЛИН и ИСТРА и в районе ГОРКИ, БАЛАБАНОВО с целью удара в направлении ЛОПАСНЯ, ПОДОЛЬСК.

б) Оперативные резервы в расчет не включены за отсутствием о них точных данных. Тех же сил, которые оказались в первом эшелоне немцев, достаточно лишь для закрепления за собою достигнутых рубежей.

в) Маловероятно, чтобы противник в ближайшие 2—3 дня смог возобновить наступление на МОСКВУ. Для подтягивания оперативных резервов, подброски продовольствия и другой материальной части противнику потребуется потратить минимум полмесяца, при условии, если все необходимое для

нового наступления заранее подтянуто в район СМОЛЕНСК – ВЯЗЬМА».

Однако немецкая группировка была по-прежнему сильна, и от фон Бока можно было ждать нового удара вперед. Что вскоре и произошло. Но время наступающей стороной было упущено. Были израсходованы основные ресурсы, в том числе и людские. Ставка в Москве, напротив, воспользовалась возникшей паузой и энергично подводила из тыловых районов свежие войска. Жуков уже вечером 30 октября подписал директиву, которая предписывала 16, 5, 33-й, 43 и 50-й армиям:

«Немедленно провести следующие мероприятия:

а) Создать заграждения, разрушить все шоссе, прилегающие к вашему переднему краю обороны.

б) Уничтожить все мосты, все танкоопасные направления заминировать противотанковыми минами и бутылками КС.

в) На возможных направлениях исходных атак поставить проволочные заграждения, завалы, баррикады, противопехотные минные поля и подготовить огневые заграждения. Баррикады строить во всех населенных пунктах.

г) Для создания огневых заграждений подвезти нефть, керосин, мазут, бензин и подготовить к быстрому зажиганию. На всех направлениях построить ловушки, поставить ежи и другие сюрпризы».

С этого дня Подольск стал не просто городом ближнего тыла. Город начал строить усиленную оборону на Нарском рубеже, эшелонировать ее в глубину. Тысячи подольчан трудились на сооружении оборонительной линии, ремонтировали в цехах оружие и боевую технику, снабжали армию продовольствием и обмундированием. «Идет война народная, священная война» – эти слова были не просто словами, а сутью той непростой, полной трагизма, напряженной жизни, которой жила вся страна, весь народ. Подольск, так же как и десятки других прифронтовых городов, стал городом-воином. В Подольске дислоцировался 186-й запасной стрелковый полк. Это означало, что и в городе, и в окрестных селах и деревнях шла мобилизация мужского населения призывного возраста, призванных пропускали через запасной полк, и маршевые роты и батальоны пополняли дивизии и бригады 43-й армии. Работали ускоренные курсы младших командиров. Готовились специалисты, в которых особенно нуждалась передовая: пулеметчики, минометчики, саперы, танкисты, артиллеристы. Здесь же, в запасном полку формировался экипаж бронепоезда «Подольский рабочий». Исследователь военной истории Подольска И.А. Красильников свидетельствует о том, что каждые сутки 186-й запасной сп

отправлял на передовую по восемь маршевых рот.

В ноябре 43-я армия получила еще одну полнокровную стрелковую дивизию – 19-ю. Командовал дивизией полковник Н.И. Утвенко. Ее полки заняли участок фронта на линии Семёнково – Кресты – высота 236,6—Богоявленское– Алексеевка.

Из резерва Ставки армии была передана 112-я танковая дивизия. Танки Голубев тут же перебросил на самый угрожаемый участок – в район Варшавского шоссе. Дивизия перебрасывалась с Дальнего Востока, из города Ворошилов-Уссурийский в Подольск. Но вскоре Жуков передал дивизию левофланговому соседу Голубева генералу Захаркину. В полосе действий 49-й армии в районе Серпухова намечалось серьезное дело – наступление. На этом наступлении настаивал Сталин.

Тем не менее боевые порядки армии уплотнялись. Кризис миновал. Но было понятно, что немцы готовятся к новому удару. Пленные и авиаразведка подтверждали эти опасения.

Ноябрь принес первые морозы. И – новую директиву штаба фронта. Это был приказ, исполнять который не хотел никто, ни солдаты, ни генералы.

«СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
ПРИКАЗ
от 17 ноября 1941 года № 428
О СОЗДАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМАНД ПО РАЗРУШЕНИЮ И СЖИГАНИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ТЫЛУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК
г. Москва

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях, в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным Советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты» [63] .

Приказ подписан Сталиным и генералом Шапошниковым.

По воспоминаниям ветеранов, команды охотников, созданные в каждом полку, не желая жечь деревни, очень часто свои рейды завершали в самом начале пути. Выходили на видное место и попадали под дальний огонь немецких пулеметов. Возвращались назад и докладывали, что приказ выполнить не удалось по

следующим причинам…

А вот какую докладную записку составил начальник штаба 93-й сд майор Корженецкий на имя командующего армией генерала Голубева 5 ноября 1941 года:

«1. На участке дивизии ликвидации подлежит населенный пункт Богородское.

2. Приказом по дивизии создана команда в количестве 20 человек 129 СП, назначен ответственный командир для сжигания с. Богородское (в случае необходимости), составлен план сжигания села.

Команда обеспечена необходимым количеством горючего для сжигания села.

3. Несмотря на троекратное предупреждение об эвакуации крестьян из села Богородское последние категорически отказались. При разборе построек оказывали сопротивление. Прошу ускорить отдачу распоряжения властям об эвакуации населения села Богородское».

Любопытна здесь вот какая фраза: «…в случае необходимости». Острой необходимости оставлять население накануне зимы без крыши над головой и тепла войска не видели. В штабах, которые, к слову сказать, тоже в основном располагались в крестьянских избах, вскоре возобладали те же настроения. Редкий случай: приказ словно исчез, за его невыполнение никто не был наказан.

Командующий Западным фронтом на этот раз тоже будто ослеп и оглох. Ведь жечь нужно было дома земляков. Непросто отдавать такие приказы. А требовать их исполнения – тем более. Все чаще в донесениях сообщалось о том, что группа охотников ушла на задание и не вернулась. Если учесть, что на задания отбирались лучшие бойцы и командиры, то потери были слишком большими по сравнению с уроном, наносимым противнику, который достигался даже полным сожжением той или иной деревни.

Передышка для солдата на передовой как божья благодать. Бойцы затопили бани, впервые за многие месяцы помылись. Переоделись в чистое. Многим выдали новое обмундирование, теплое зимнее белье, ватные стеганые штаны, полушубки. Старшины старались угодить личному составу своих рот сытным приварком, горячей кашей, сверх нормы заправленной мясной закладкой. Колхозы везли воюющей армии муку, гречку, молоко и масло, гнали скот. Из Подольска и Москвы грузовики везли консервы, различные полуфабрикаты, сахар, сладости и конечно же спиртное.

В канун годовщины Великого Октября в подразделениях

зачитали приказ командующего армией, в котором говорилось: «На долю частей нашей армии выпала почетная и ответственная задача – всей силой огня и штыка защищать родную Москву. <… > Ни шагу назад! Не бывать проклятым немецким варварам в нашей столице. Не топтать им грязным гитлеровским сапогом улиц, площадей и тротуаров нашей красавицы-Москвы!»

На совещании в Орше немцы приняли решение: как только подморозит, и вновь появится возможность свободно маневрировать крупными танковыми соединениями, возобновить наступление на Москву. Основной удар, как и в начале «Тайфуна», противник предполагал нанести севернее, в районе Волоколамска, и южнее, в районе Тулы. В начале октября, когда немецкие танки были под Рославлем и Вязьмой, это были всего лишь направления их ударов, но теперь они стояли у стен Москвы в районе Волоколамска и Тулы. В центре 4-я полевая армия фельдмаршала фон Клюге должна была с ходу форсировать Нару и сковать «значительные силы Красной армии».

Перед фронтом 43-й армии стояли следующие немецкие дивизии: 20-я танковая, 263, 98 и 15-я пехотные, а также части усиления – артиллерия, минометы, авиация.

14 ноября 53-я сд полковника Наумова атаковала противника в направлении деревни Петрово и высоты 180,7. Стрелковые батальоны поддержали танки 9-й танковой бригады. Одновременно сводный батальон вновь сформированной 17-й сд при поддержке 26-й танковой бригады пытался наступать в направлении Леоново, Тунаево. В ходе разведки боем был достигнут частный успех. Но мощной контратакой противник восстановил положение. Батальоны понесли большие потери. Такими же ощутимыми оказались и потери в танках.

Эти атаки показали: враг силен. Вдобавок ко всему без маскировочной одежды пехота мгновенно превращается в легкие мишени для противника, слабо поставлена разведка – перед атакой практически не выявлены огневые точки противника, а потому вылезшая из окопов пехота тут же попала под пулеметы. Деревни превращены в мощнейшие опорные пункты с хорошо продуманной системой ружейно-пулеметного и артиллерийско-минометного огня. Такие крепости просто так, одной пехотой, не взять.

В середине ноября противник заметно активизировался и на отдельных участках предпринял атаки. Но они были отбиты. Обмен атаками продолжался и постепенно принял характер позиционных боев. Бои шли с переменным успехом.

21 ноября ударил мороз. Наступила русская зима. Повалил снег.

В полках 43-й армии были созданы ударные отряды, которые проникали в расположение противника (сплошной линии фронта не существовало), наносили локальные удары по опорным пунктам, заставляли немецких солдат часами сидеть в промерзших дотах и насквозь продуваемых окопах. Такая война изматывала войска первого эшелона группы армий «Центр». Солдаты вермахта теряли уверенность в том, что не только до наступления зимы (зима уже наступила), но и вообще Москву им удастся взять. Пленные показывали: личный состав передовой линии замерзает в тонких летних шинелях, если есть возможность, переодевается в красноармейские шинели, повальная вшивость, диарея, потеря уверенности в победе, большие потери, ротами командуют фельдфебели.

19 ноября командарм Голубев издает приказ о создании в частях снайперских команд. Теперь противнику нет покоя ни днем ни ночью. Хороший снайпер мог точно поражать цель на вспышку спички или зажигалки, на огонек сигареты или на звук, поэтому темнота для такого стрелка не помеха. Напротив, ночь, темень помогали снайперу надежно маскироваться.

На северном и южном флангах Западного фронта немцы вновь и вновь предпринимали атаки с целью охвата Москвы и всей группировки Красной армии, оборонявшей столицу своей родины. А здесь, в центре, шла упорная позиционная рубка на истощение.

Из журнала боевых действий 5-го воздушно-десантного корпуса полковника Гурьева

«23.11.41 г.

Выборочно артиллерия и минометы противника ведут огонь по нашему оборонительному рубежу, в ответ наша артиллерия вела огонь по обороне противника и скоплению пехоты, по высоте 186,7 и 186,1. По данным нашей разведки, на выс. 186, 1 подбит танк и два орудия противника, разрушено 3 блиндажа и огневая точка.

Группа по сжиганию населенного пункта Романово с

22 по 23 ноября не вернулась. Наши потери: 3 человека ранено.

24.11.41 г.

В течение дня противник вел артиллерийский и минометный огонь. Перед передним краем 2-й роты 315 СП (капитана Пимкова) 19 СД появилась группа разведчиков противника. Огнем из ручного пулемета разведгруппа была рассеяна.

Саперной ротой 10 ВДБр, чтобы он не достался врагу, подорван наш танк КВ, у него кончилось горючее. Смелая вылазка оказалась успешной, погибших нет».

Из журнала боевых действий 93-й сд

«24.11.41 г.

100 ЛАП дивизии. 15.00. Арт. полк прибыл в составе дивизии из Забайкальского военного округа.

1-я батарея вела огонь по роще западнее д. Ольхово, слышались взрывы и наблюдался густой дым (попали в бензовозы противника). 5-я батарея вела огонь по минометной батарее противника севернее населенного пункта Иванова Гора. По приказу командира полка все стреляные гильзы сданы на ДОП (Дивизионный обменный пункт).

1/266 СП готовится к занятию рощи в 300-х метрах западнее д. Ольхово. 1-я батарея готовится к нанесению удара по роще и д. Ольхово».

Из журнала боевых действий 53-й сд

« *24.11.41 г.*

36-й ГАП. Батарея под командованием лейтенанта Хлебнова в 11.30 вела огонь по скоплению пехоты противника на южной окраине д. Ильино, пехота рассеяна и частично уничтожена.

Дивизион старшего лейтенанта Постаногова в 9.00 вел обстрел по восточной окраине Ильино, пехота противника рассеяна.

Батарея лейтенанта Щапова произвела огневой налет с 15.00 до 16.00 по западной окраине д. Ильино, прямым попаданием уничтожено орудие большого калибра, на юго-западной окраине Ильино зажжен занятый противником дом» [64] .

А вот наградные листы бойцов и командиров 43-й армии.

«Демин Федор Иванович, 1913 г. р., трубач 129 СП 93 СД ЗабВО, 27 и 28 октября в бою под д. Горки проявил исключительную смелость, организовал группу из 7 красноармейцев музыкального взвода, которая проникла в село, занятое противником, откуда вынес 2 ручных пулемета, несколько винтовок, боеприпасы (гранаты и патроны), которыми громил противника, сидя в 50 метрах от него всю ночь, обстреливая его, не имея поддержки и соседей ни справа, ни слева. Награжден орденом Красной Звезды».

«Кошкин Василий Алексеевич, 1020 г. р., красноармеец, стрелок комендантского взвода штаба 93 СД. Красноармеец т. Кошкин, находясь на передовой линии фронта, показал образец мужества и стойкости в боях с фашистами. Так, при наступлении на д. Горки дал пример для всех, как надо воевать, и, кроме того, вернул около 200 человек, бежавших с поля боя. В результате наступления была взята д. Горки. Награжден медалью «За отвагу», по представлению к ордену Красной Звезды».

«Вовченко Иван Антонович, 1905 г. р., майор, командир 9

танкового полка 24 ТБр (адрес: г. Воронеж, в/городок имени Фрунзе, с июля по август воевал под г. Великие Луки), в боях за г. Малоярославец у д. Якимовка

13.10.41 смело повел полк в атаку и умело руководил боем. Кроме того, своим танком уничтожил 9 ПТО, до взвода пехоты, разгромил штаб арт. полка противника и лично расстрелял находившихся там офицеров. Награжден орденом Ленина».

«Денисов Иван Павлович, 1918 г. р., красноармеец, наводчик орудия 24-го зен. дивизиона (адрес: Лысьвинский район, с. Н. Красный Яр), на Зап. фронте с 22.10.41.

23.10.41 в д. Бунчиха сбил 1 пикирующий бомбардировщик Ю-88, пытавшийся бомбить колонну наших войск, двигавшуюся к передовой линии фронта. 29.11.41 в д. Каменка Клинского направления сбил еще один Ю-88, который бомбил наши огневые точки. Награжден орденом Красной Звезды».

26 ноября 1941 г., как о том сообщает донесение в штаб армии, десантники 10-й воздушно-десантной бригады, занимавшие участок обороны у деревни Горки, огнем из минометов и пулеметов пресекли необычную атаку противника.

Наблюдатели неожиданно сообщили о появлении колонны, которая двигалась прямо на позиции десантников со стороны Горок, занятых противником. В бинокль было видно, что одеты идущие в красноармейские шинели и ватники. Кто-то высказал предположение, что это наши, выходят, мол, из окружения. Шли те с оружием. Когда подошли совсем близко, десантники окликнули их, спросили, какой части и откуда идут. Те молчали. А через минуту бросились в атаку. Их отбили почти на своих брустверах. За переодетыми «красноармейцами» двигались автоматчики, которые уже не камуфлировались в чужую форму.

30 ноября генерал Голубев получил из штаба Западного фронта приказ: на всех участках обороны провести усиленную разведку боем.

В разведке боем участвовали: сводный полк армии под командованием майора Ермоленко и до батальона от каждого полка. Все наступали на своих участках. Приказ командарма предписывал: «…батальоны должны действовать налегке, в ватных куртках, без шинелей и ранцев, но больше иметь патронов, гранат, ручных и противотанковых, бутылок КС. Кроме того, иметь на 2-е суток паек».

Артиллерия накануне атаки вела обычный беспокоящий огонь. Казалось, ничего на фронте не изменилось.

Но изменилось многое. Наша сторона набухла резервами, и они продолжали и продолжали поступать из тылов.

И вот – пробная атака.

«Выявленных в предыдущих боях трусов в разведку не брать», – говорилось в приказе.

Батальоны усиливались расчетами противотанковых ружей, минометными подразделениями.

Главная задача атакующих – вскрыть систему обороны противника, по возможности вклиниться в его боевые порядки, уничтожить блиндажи, огневые точки, захватить языка.

Не везде батальонам сопутствовал успех. На некоторых участках противник тут же открыл сильный ружейно-пулеметный и минометно-артиллерийский огонь. Повели огонь и окопанные танки. Теряя десятки убитыми и ранеными, пехота откатилась на исходные.

Но на других участках подразделения прорыва проникли в опорные пункты. Завязались бои с гарнизонами. Противотанковыми гранатами красноармейцы взрывали блиндажи, выжигали огнеметами доты. На улицах завязывались рукопашные схватки. Чтобы выбить наши батальоны из опорных пунктов и ликвидировать вклинения в свою оборону, противник вынужден был подвести резервы, обнаружив тем самым расположение своих резервов.

Разведка боем показала: противник на всем протяжении линии фронта перед 43-й армией имеет законченную оборону с наличием минных полей, с завалами, с развитой системой огня. Основные силы обороны находятся в окопах, соединенных ходами сообщения, в 200–300 метрах от передовых боевых охранений.

Атака началась ранним утром и закончилась к 14.00–15.00. Батальоны вернулись на исходные. С большими потерями. Но и противнику нанесли урон примерно равноценный.

Тогда еще мало кто предполагал, что эти маломощные атаки силой до батальона с ограниченными целями не что иное, как разведка перед грандиозным наступлением всех сил, прикрывавших Москву и подведенных к передовой в последние сутки. По крыльям «Тайфуна», разведенным на сотни километров севернее и южнее Москвы, готов был ударить не менее мощный ураган. И он вскоре ударил.

В книге «Поворот под Москвой» немецкий историк Клаус Рейнхардт пишет: «Поскольку наступление соединений правого крыла немецкой 4-й армии, проведенное 1–3 декабря 1941 года, упредило наступление русских, Жуков решил перенести начало операции на 5–6 декабря. 30 ноября он отдал приказ войскам провести разведку боем и взять, по возможности, больше пленных, чтобы получить достаточно данных о состоянии немецких войск и подтвердить целесообразность начала операции. Результаты этих действий, а также контрудар 33-й

армии против немецкой 4-й армии 2 и 3 декабря показали Жукову, что силы противника на исходе. В своем приказе на наступление войскам Западного фронта от 6 декабря он указывал, что немецкая пехота при наступлении русских танков «все бросает и в сильной панике бежит… По нашим данным, противник больше не располагает резервами. В течение последних 18 дней он их полностью израсходовал. В танковых дивизиях насчитывается только 30 % штатного состава и в среднем имеется по 40–50 танков различных типов. У противника осталось совсем немного артиллерийских боеприпасов и горючего… Противник боится, прежде всего, окружения и танковых ударов во фланги и в тыл» [65] .

Тому, кому предстояло прорывать немецкую оборону, вовсе не казалось, что «силы противника на исходе». Простые бойцы и командиры передовой видели противника иначе, чем вверху, в штабах. Ставка подтягивала к передовой и накапливала в ближнем тылу резервы. Противник ничего равноценного выставить уже не мог.

Английский историк Второй мировой войны Роберт Кершоу, размышляя о битве за Москву, очень точно заметил: «…войскам вермахта на Восточном фронте для победы следовало послать русских в нокаут. А Красной армии для победы требовалось всего лишь удержаться. Русские обладали воистину сверхъестественной способностью сводить на нет последствия поражений».

Нечувствительность к смертельным ударам отмечал и генерал Гальдер.

До сих пор не прекращается дискуссия по поводу того, как же все-таки Красной армии удалось выстоять под Москвой и удержать столицу? И зачастую эта дискуссия из области аргументов, фактов и цифр переносится в космос. Потому что вся логика фактов и цифр выстраивается в пользу того, что победить должны были авторы и исполнители «Тайфуна».

Но мы выстояли!

Группу возглавлял младший лейтенант Снопов. Уже больше часа они плутали по лесу. Похоже, младшой слабо ориентировался и даже не умел как следует пользоваться компасом. Но виду не подавал. Хотя нервничал.

Деревня, которую они должны были сжечь, находилась в трех километрах от реки. Реку по льду они перешли еще вечером. Деревня называлась Степановкой. Только вот где она?

С тех пор как они пересекли реку и вошли в лес, на их пути вообще никакой деревни не попадалось.

– Студент, иди-ка сюда, умник, – позвал его младшой, в очередной раз рассматривая карту и компас.

Судя по движениям командира отряда, либо барахлил компас, либо какая-то ошибка закралась в карту.

Боец Степанов обогнал шедших впереди и сунул приклад винтовки в снег, деревянными от мороза губами буркнул:

– Боец Степанов по вашему приказу… прибыл…

– Слушай, Степанов, ты, говорят, из этих мест. Где эта чертова деревня запропастилась?

– Так у вас же карта, товарищ младший…

– Да черта в этой карте!.. В ней же не написано, как нам идти.

Степанов молча кивнул. Командир есть командир, с ним всегда лучше согласиться.

– Что молчишь? Места эти знаешь? – спросил Снопов.

– Я же, товарищ младший лейтенант… из города…

– Но здесь-то бывал?

– Разок, может, и бывал. За грибами… Давно, в детстве… Все уже забылось.

– Забылось, не забылось… Будешь проводником. За правильность маршрута отвечаешь теперь ты, красноармеец Степанов. Повторите приказ.

Степанов повторил. После такого приказа губы его совсем онемели. Хотя из-под воротника телогрейки валил пар. Неделю назад им выдали стеганые ватные штаны и телогрейки. В такой одежде не замерзнешь.

Шли по одной лыжне. Все двадцать человек, вытянувшись в одну нитку, соблюдая интервалы, скользили по лиловому снегу. Теперь впереди шел Степанов. За ним младшой Снопов.

Где-то впереди и левее послышался собачий брех.

– Там, – сказал Снопов и указал палкой в сторону просеки, которая едва угадывалась левее.

Степанов знал эту просеку. Перед самой войной ходил сюда с Таней собирать землянику. Можно сказать, тут, на этой просеке, и началась их настоящая любовь. Может, и поженились бы. К осени, к Покрову, точно сговорились бы. И родителей уговорили. Проклятая война.

Степанов на мгновение закрыл глаза, и ему почудился тот, казалось, уже забытый запах, похожий на запах спелой ягоды… Это был запах Тани, запах его счастья, которым он так и не успел насладиться. Таня сейчас, должно быть, спит и не знает, что он совсем рядом…

– Вешки, – сказал он в сторону Снопова. – Это деревня Вешки. Или Николаевка. Точно не знаю.

Снопов поднял руку. Хруст снега мгновенно прекратился. Командир нагнулся, прикрылся белым маскхалатом и начал рассматривать карту, подсвечивая себе фонариком.

– Степанов! – окликнул он проводника. – Вешки севернее Степановки, а Николаевка примерно в пятишести километрах южнее. Ты ничего не путаешь? А может, это и есть Степановка?

– Степановка стоит среди леса, а тут, видите, поле вокруг.

Это были Вешки. Степанов здесь часто бывал. Вечерами иногда приходили сюда играть в лапту с местными. Степановские против вешкинских.

Таня сейчас наверняка спала, укрывшись теплым одеялом. В доме напротив спали его родители и младшие брат и сестра. Спала бабка Катерина. Все спали. Вся деревня. Если их не выгнали из домов немцы. Но немцы лесную деревню вряд ли решились занимать. Хотя кто знает… Как он мог жечь свою деревню? Хорошо, что Снопов не разбирается в карте и ориентировании. Хорошо, что он такой лопух. Видать, в школе учился так себе.

Они стояли перед Вешками и не знали, что делать дальше. Снопов совсем запутался и ругал всех подряд, и разведку, которая не сориентировала его как следует, и лес, в котором они могли отклониться от маршрута и выйти не туда, и Степанова, что тот хоть и местный, а ни черта не знал.

Наконец двинулись дальше. Решили обойти деревню северной опушкой леса. Степанов знал, что минут через пятнадцать они пересекут дорогу, большак, ведущий на северо-запад. Если пойти большаком или параллельно ему, то через три километра – Степановка. Они отклонились от маршрута в лесу. А когда Снопов назначил его проводником, он взял еще сильнее в сторону…

Дорога была расчищена. Виднелись автомобильные и санные следы. Темнели пятна лошадиного навоза.

– Стоп, – скомандовал Снопов.

Младший лейтенант Снопов принял такое решение: поскольку деревня, которую им приказано сжечь, не найдена, устроить засаду на дороге, атаковать немецкий обоз и, по возможности, захватить пленных, а затем, пока не рассвело, уйти домой. Конечно, даже если они не сожгут Степановку, но приведут пленного, ротный им все простит и даже, возможно, в награду прикажет старшине выдать им по пачке табака. Степанов не курил, табак обменивал на сахар. Пожилые бойцы охотно отдавали свой сахар. Табачок на передовой ценился дороже.

Снопов распределил отряд по обеим сторонам дороги, уступом, чтобы во время возможного боя бойцы не перестреляли друг друга. Установили пулемет.

Степанову назначили позицию рядом с пулеметным расчетом.

Залегли. Затихли. Мороз начал проникать под ватники. Сперва он ухватил бойцов за запястья, потом полез под воротники, захолодил спины. Кто постарше, начали кряхтеть и ворочаться в снегу. Снопов занервничал.

Но вскоре в стороне деревни послышались голоса и скрип снега. А спустя некоторое время заревели моторы. Пошла колонна.

Вот тебе, Снопов, и обоз… Так думал не только боец Степанов.

Когда голова колонны начала втягиваться в лес и передние грузовики поравнялись с их засадой, бойцы с ужасом ждали команды взводного открыть огонь. Но тот не решился. «Слава богу, – думали они, одеревеневшими губами хватая мерзлый снег, – все же наш командир не совсем дурак и кое-что в войне понимает…»

Колонна шла долго, может, около часа. И откуда она тут взялась? Немцы везли тяжелые орудия. Их тащили тягачи и шестерки лошадей. От дороги несло выхлопными газами и лошадиным потом. Слышались голоса ездовых и лязг оружия.

На душе у Степанова было муторно: колонна уходила в сторону Степановки.

Когда все стихло, Снопов приказал выбираться в сторону лощины. Там они отыскали свою лыжню и молча пошли на восток.

Снопов с тоской думал, что же написать в донесении.

Глава 9 Наступление

«…Батальоны после ожесточенных скоротечных боев выбили противника из Тарутино»

Положение армий центра Западного фронта и кто им противостоял. – Мрачный прогноз фон Бока. – Последний удар под Наро-Фоминском. – Трофеи сводного полка майора Ермоленко. – Портянки, перчатки, водка и патроны… Вши, баня и кино. – Тылы как мощное оружие в Московской битве. – Наступление: первые атаки, первые неудачи. – Б.М. Шапошников о действиях 43-й армии в декабре 41-го. – Как действовала разведка 43-й армии. – 18 декабря на рассвете армия атаковала. – Огромные потери в 10-й вдбр. – Приказ Гитлера. – Приказ Жукова. – Ударные батальоны. – Батальон майора Эпельгардта

Центру Западного фронта в ходе декабрьского контрнаступления предстояло решать непростые задачи. Вот данные из справки на 6 декабря 1941 года о войсках противника, действовавших перед фронтом четырех армий, которые все эти напряженные дни с октября месяца закрывали главные магистрали на Москву: «В центре фронта войска 5, 33, 49 и 43-й армий продолжали вести оборонительные действия против частей и соединений

9, 7, 20, 57 и 12-го немецких армейских корпусов, которые состояли из 14 дивизий, в том числе 11 пехотных (252, 7, 78, 267, 7, 192, 258, 183, 98, 34), 2-х танковых дивизий (19 и 20 ТД), 1 моторизованная (МД). В резерве в районе Можайска стояла 63 ПД» [66] .

3 декабря состоялась встреча командующего группой армий «Центр» фон Бока и командующего 2-й танковой армией Гудериана. Немецкие военачальники обсудили текущие дела. Фон Бок, выслушав доклад Гудериана и имея в виду не только тяжелое положение 2-й танковой армии, мрачно заметил:

– Уже близится час, когда силы войск иссякнут.

В тот же день, 3 декабря, танковые корпуса Гудериана и Гёппнера начали планомерный отход на заранее оборудованные позиции. В немецких армейских штабах прекрасно понимали, что Красная армия вот-вот нанесет удар, и, чтобы сохранить войска и выгодные позиции для зимовки, необходимо было поступить так, как предписывал устав и здравый смысл: уклониться от неминуемого удара на невыгодных позициях.

В это время шли упорные бои под Наро-Фоминском, где ударная группировка фон Клюге, используя последние силы и средства, снова пыталась прорваться к Москве. На правом фланге

на стыке с 33-й армией тоже шли упорные бои. Там действовала боевая группа майора Ермоленко. Это был сводный стрелковый полк усиленного состава, хорошо вооруженный и оснащенный. С 2 по 4 декабря полк яростно дрался в районе деревень Клово и Каменское. Вначале полку Ермоленко сопутствовал успех, батальоны ворвались в Клово, затем опасно атаковали восточную окраину Каменского. Населенные пункты были превращены немцами в опорные пункты, и взять их было не так-то просто. Последовала контратака, и полк был оттеснен в лес восточнее Клово. Немцы решили добить полк, подтянули танки. Но Ермоленко тоже получил подкрепление, энергично произвел перегруппировку своих сил и, прекрасно ориентируясь в обстановке благодаря хорошо поставленной работе разведки, ночью с 4 на 5 декабря неожиданно атаковал и овладел Кловом и Каменским. Полком были захвачены большие трофеи, в том числе 7 танков различного типа, 4 88-мм зенитных орудия, стоявших на позициях для стрельбы по танкам, 8 ручных пулеметов, 2 миномета. Взяты пленные.

Но главным в эти дни было все же другое. Армия готовилась к наступлению. Из донесения начальника штаба 93-й сд майора Корженевского начальнику штаба армии полковнику Боголюбову:

«1. Обеспеченность дивизии теплой одеждой 100 %. В настоящее время требуется на износ 1500 пар ватных шаровар, которые пришли почти в негодность. Шаровары были выданы еще с места передислокации из числа 2-й и 3-й категории. Требуется перчаток на замен износившихся вместе с возимым запасом 800 пар. Недополучен обменный фонд портянок примерно 6000 пар.

2. Водочные порции бойцы получают регулярно, перебоев в снабжении водкой нет. В настоящее время в дивизии имеется водки две суточные дачи, из коих одна суточная дача в частях, расходная.

3. В каждой роте имеется санитарный инструктор, который выявляет больных и направляет в батальонный пункт медпомощи (БПМ)» [67] .

В это время дорог был каждый человек. Да, в бою людей не жалели. Но перед боем, в период накопления сил и подготовки к операции, с командиров строго спрашивали за боеготовность и здоровье каждого бойца. На передовую были направлены группы врачей для оказания конкретной помощи санинструкторам в ротах. Они проводили беседы среди солдат, инструктировали, как избежать обморожений, чем пользоваться и как себя вести в случае, если обморожение все же произошло. Инфекционных больных тут же изолировали, направляя в тыл на лечение.

В приказе войскам, подписанном начальником штаба

полковником Боголюбовым и членом Военного совета армии Шабаловым, говорится о тех профилактических мерах, которые в этот период предпринимались для выправления санитарной обстановки в войсках, особенно на передовой:

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В целях предоставления отдыха войскам организовать периодическую смену подразделений и частей, находящихся в первой линии обороны, частями второго эшелона.

Смену частей производить скрытно, силу обороны не ослаблять.

2. Все войска, выводящиеся во второй эшелон, за время своего нахождения в нем должны быть вымыты в бане, одеты в чистое белье и избавлены от вшивости.

3. Организовать культурное обслуживание красноармейцев (кино, самодеятельность). Ансамбль 43-й армии «Красноармейская зарядка» командировать в части для культурного обслуживания» [68] .

Листая документы той поры, видишь, в каком напряженном режиме работали интендантские и все тыловые службы армии, дивизий, бригад, полков. Бойцы получали новое теплое обмундирование, о котором в октябре– ноябре могли только мечтать. В ротах целые взводы получали со складов новенькие автоматы ППШ и ручные пулеметы Дегтярева. В ружейных мастерских ремонтировались винтовки, получившие повреждения в предыдущих боях, нуждавшиеся в замене деталей, пристрелке и других мерах по приведению их в надежное боевое состояние. В банях солдаты смывали коросту многих недель, смывали ее вместе со вшами, засохшей кровью и страхом. Кинопередвижки демонстрировали фронтовые киносборники и кинофильмы: «Романтики», «Разгром Юденича», «Сердца четырех», «Свинарка и пастух», «Дело Артамоновых».

С особым тщанием шла подготовка к наступлению в гвардейских минометных частях. Армии были приданы 2, 19, 22 и 24-й минометные батальоны. Гвардейцы-минометчики еще раз проверяли боеготовность своих установок, исправность машин. Пополняли запас горючего. Получали на складах боеприпасы. Районы, в которых дислоцировались «катюши», были оцеплены войсками, в расположение гвардейцев-минометчиков не пропускались ни пешие, ни конные, ни военные, ни гражданские.

В ближнем тылу в селах и пристанционных поселках Молоди, Гривно, Львовская, Бутово, Кирпичный Завод день и ночь сновали грузовики и гужевой транспорт, разгружались вагоны с артиллерийским имуществом, лошадьми, армейским снаряжением, боеприпасами, горючим, продовольствием. В

Подольске разместились инженерно-передвижные ремонтные мастерские, в Домодедове – специальная интендантская база тыла. Госпитали находились в районе Столбовой, в Климовске, в Подольске, в Красной Пахре. Нервная система фронта, передовой уходила своими корнями и многочисленными отростками в тыл, и все там было напряжено до крайности. Тыл немедленно реагировал на каждое движение фронта, на каждый запрос с передовой.

Эта книга написана в том числе и для того, чтобы попытаться осмыслить те неимоверные усилия, страдания и жертвы, которыми была оплачена победа под Москвой. Так вот, мне кажется, что в этой битве победили и тыловики. Наши тылы в этот период работали лучше и оперативней снабженцев вермахта. И Сталин оказался более заботливым и дальновидным главнокомандующим, чем Гитлер, который не смог даже наскрести в своих тылах достаточное количество теплой одежды и подштанников для своих солдат. Генерал же Мороз не был на стороне Красной армии, этот генерал был третьей силой, и он косил всех подряд, кто поддавался ему. Так что победу нашим армиям обеспечивали отнюдь не осенняя грязь и не каленые зимние холода и глубокие снега, а четкая, бесперебойная работа тылов, хорошее оружие (новые Т-34, установки М-13 – «катюши», дивизионные пушки ЗИС-3, автоматы ППШ). Сто граммов перед боем помогали преодолеть оцепенение страха, справиться с холодом. Помните, как Василий Теркин говорил старику: «Это доктор на дорожку для здоровья выдал мне». Здоровье наш Василий Теркин имел и телесное, и духовное.

А дорожка впереди предстояла долгая и непростая. И смутная. Потому что не было полной уверенности в том, что наступление пойдет успешно, что оно вообще возможно. Ноябрьская проба под Серпуховом оказалась неудачной – положили много людей, израсходовали немалые боезапасы, потеряли большое количество танков и бронетехники. Но декабрьское наступление все же пошло, пошло на запад. Загремело, заполыхало, покатилось в сторону Вязьмы и Брянска, Калуги и Малоярославца, словно табун громадных валунов чья-то сила выдернула из мерзлой подмосковной земли и погнала, пыля снегами и огненными метелями, в ту сторону, откуда все и пришло…

Заканчивалась первая декада декабря 41-го года. На северном и на южном флангах Западного фронта позиции немецкой армии были уже атакованы, и первые значительные успехи Красной армии, первые богатые трофеи придавали силы и уверенность. Штабы гнали войска, наращивали удар вводом новых и новых

сил. Маршал Б.М. Шапошников, через которого в те дни проходили все нити управления и все нервы Ставки и фронтовых штабов, после войны писал:

«В связи со сложившейся обстановкой командованием Западного фронта 13 декабря 1941 года были даны армиям центрального участка (5, 33 и 43-й) указания о переходе в контрнаступление.

Замысел фронтового командования состоял в том, чтобы ударом наших армий сковать силы противника в центре, не позволить им маневрировать в сторону флангов; в дальнейшем не исключалась возможность раскола фашистского фронта против Москвы на две не связанные между собою части.

Директивами командования фронтом № 0103 и 0104/оп армиям центра ставились такие задачи:

5-й армии, которая во взаимодействии с 16-й армией своим правым флангом преследовала отходившего противника, к исходу 18 декабря выйти на фронт Васюково, Клементьево, Облянищево, Грибцово, Маурино, достигнув 16 декабря главными силами рубежа: Сафониха, река Озерная, Таболово, Руза, Тучково. Разграничительная линия слева до Маурино прежняя, далее – Ново-Никольское, станция Колочь.

В директиве 0104/оп указывалось:

«33 и 43 армиям – нанести удар в направлении Атепцево, Балабаново, Малоярославец. К исходу 18.12 армиям: выйти на рубеж: Таширово, Мишуково, Балабаново, Тарутино, Комарово, Черная Грязь.

а) Командарму 33 группировкой в составе не менее четырех стр. дивизий со средствами усиления с исходного положения искл. Наро-Фоминск, Каменское, с рассветом

17.12 нанести удар в направлении Балабаново, Малоярославец, разбить противника и к исходу 18.12 выйти на рубеж Таширово, Мишуково, Балабаново. Разгранлиния слева – Дятлово, Балабаново, Уваровское, Ступино.

б) Командарму 43 за счет перегруппировки сил армии создать группировку на правом фланге и с рассветом

17.12 нанести во взаимодействии с 33 армией удар в направлении Романово, Балабаново и к исходу 18.12 выйти на рубеж искл. Балабаново, Воробьи. Разгранлиния слева: Буриново, Малоярославец, Медынь».

Всем армиям указывалось:

1. За своевременный выход на указанные рубежи персональную ответственность несут командующие армиями.

2. Наступление армий будет поддерживаться военными воздушными силами фронта.

3. Преследование вести стремительно, не отрываться от противника, широко применяя сильные подвижные передовые отряды для захвата узлов дорог, теснин и дезорганизации походных и боевых порядков противника.

Категорически запрещались лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления противника; головным эшелонам предлагалось обходить такие пункты, возлагая уничтожение их на вторые и последующие эшелоны.

Особо указывалось на необходимость четкого взаимодействия с соседями и оказания помощи друг другу. В этом случае предлагалось «стремиться окружать и уничтожать противника, не отговариваясь формально начертанием разграничений».

Итак, Б.М. Шапошников, оперируя документами первоисточников, пишет, что «43-я армия, взаимодействовавшая с 33-й армией, по приказу командующего фронтом должна была нанести удар в направлении Романово, Балабаново и к исходу 18 декабря выйти на рубеж Балабаново (искл.), Воробьи.

Перед фронтом прорыва оборонялись части 15-й пехотной (частично), 19-й танковой и 34-й пехотной дивизий противника. Оборона носила здесь такой же характер, как и перед 33-й армией.

Сосед справа (33-я армия) решал задачу, аналогичную задаче 43-й армии. Сосед слева (49-я армия) прорывал фронт противника в направлении Кузьмищево, Высокиничи».

Далее в своем капитальном труде «Битва за Москву» маршал пишет конкретно о действиях армии генерала Голубева. Чтобы не путаться самому и не путать читателя, приведу длинную цитату из книги Б.М. Шапошникова, так как она в любом случае будет короче и толковей любого комментария по интересующей нас теме:

«Командующий 43-й армией задачу прорыва обороны противника решил следующим образом.

а) Первый эшелон: ударная группа – 93-я стрелковая дивизия, 5-й воздушно-десантный корпус, 26-я танковая бригада; сковывающая группа – 53-я и 17-я стрелковые дивизии. Фронт ударной группы – 10 км, фронт сковывающей группы – 22 км;

б) второй эшелон (298-й пулеметный батальон) – за левым флангом ударной группы.

Задача, поставленная перед частями армии в приказе командующего 43-й армией № 41/оп от 15 декабря 1941 года, была сформулирована так:

«43 А, продолжая частью сил оборонять ранее занимаемый рубеж, с рассветом 18.12 переходит в наступление, имея целью во взаимодействии с 33 А разбить противостоящие части

противника, нанося главный удар своим правым флангом: с фронта искл. Каменское, брод 1 км зап. Инино в общем направлении на Романово, Балабаново, и к исходу 18.12 выходит на фронт Балабаново, отм. 181,0 на шоссе Балабаново, Воробьи».

Приказ на наступление 43-й армии так же, как и приказ командующего фронта, содержит: запрещение производить лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления противника, указание вести преследование противника стремительно, не допуская отрыва его отходящих частей, требование четко взаимодействовать с соседом и соблюдать внезапность наступления.

На рассвете 18 декабря 43-я армия после часовой артиллерийской подготовки перешла в наступление. 93-я стрелковая дивизия, переправившись через реку Нару и преодолевая огневое сопротивление противника, к исходу дня вышла на восточную опушку леса, что юго-западнее Мельникова, овладела высотой 208,3, блокировав Романово. 5-й воздушно-десантный корпус, неся большие потери от минометного и пулеметного огня противника, к исходу дня овладел высотой 189,2 и Никольскими Дворами. В это время 26-я танковая бригада сосредоточилась в Серговке, в готовности развить успех ударной группы. 53-я и 17-я стрелковые дивизии обороняли рубеж Инино, Стремилово, Кормашевка.

Ночью на 19 декабря 93-я стрелковая дивизия и 5-й воздушно-десантный корпус подверглись ожесточенным контратакам со стороны противника. 93-я стрелковая дивизия отбила атаки, 5-й воздушно-десантный корпус принужден был оставить Никольские Дворы и отойти к реке Наре.

19 декабря не принесло успехов армии. Части приводили себя в порядок после неудачных боев и готовились к продолжению наступления с утра 20 декабря.

20 декабря 93-я стрелковая дивизия начала атаку на Романово, 5-й воздушно-десантный корпус – на Никольские Дворы. Бои за эти пункты приняли затяжной характер, и продвижение наступающих частей остановилось. Стоявшие перед армией задачи не были выполнены – так же как и задачи, поставленные перед соседом справа. 43-я армия оказалась не в состоянии сломить противника на линии его главного сопротивления».

Далее Б.М. Шапошников размышляет о причинах неудачи наступательных действий армий центрального участка Западного фронта. Причины, по Шапошникову, следующие:

«Во всех трех армиях центрального участка наступление не получило развития; войска армий не добились поставленных

целей и частью принуждены были вернуться в исходное положение.

Одной из причин неуспеха было то, что наступавшие части не имели решающего перевеса в силах в полосах своего наступления.

Противник же упорно сопротивлялся. Успех в этом случае мог быть достигнут при условии искусных и решительных действий войск.

Как раз в отношении действий войск командование Западного фронта отмечало ряд существенных недочетов, которые понижали результаты боевой работы. Эти недочеты имелись главным образом в управлении войсками в бою.

Соглашаясь с заявлениями командующих армиями о больших трудностях наступления (зимой, без дорог, по глубокому снегу, при больших морозах и по местности, минированной и загражденной), командование фронтом тем не менее видело основную причину неуспеха наступления не в этом, а в неудовлетворительном управлении войсками. В директиве фронта № 0120/оп от 23 декабря и в приказе командующего фронтом № 0137/оп от 1 января 1942 года указывалось, что штабы располагаются далеко от войск и не имеют с ними постоянной и надежной связи, в результате чего управление отстает от развития обстановки и руководство запаздывает.

Рекогносцировок на главных направлениях наступления командиры соединений с подчиненными командирами полков часто не делают – в результате некоторые командиры батальонов и даже полков не знают, где находятся артиллерийские наблюдательные пункты поддерживающей артиллерии, а командиры артиллерийских дивизионов не знают задач стрелковых батальонов и полков. Как правило, указывалось в приказе по фронту, командиры стрелковых батальонов и полков не знают, какие танки им приданы или какие танки действуют в полосе их наступления. Задачи танкам ставятся неконкретно, наспех. Атака танков не поддерживается огнем нашей артиллерии. Работа артиллерии в наступлении ограничивается артиллерийской подготовкой, после чего и танки и пехота предоставляются самим себе и несут большие потери. В наступлении, несмотря на прямые указания, имели место лобовые атаки, приводившие к большим потерям.

Командующий фронтом предлагал перечисленные недочеты устранить. Войска и командование должны были пересмотреть методы своей работы и на основе проведенной разведки противника подготовиться к новым наступательным действиям. В 5-й армии, имевшей наибольшее количество потерь, на это ушло больше времени, в 33-й и 43-й – меньше. Возобновление

наступления в двух последних армиях совпало с переходом фланговых армий Западного фронта в общее наступление».

Делая выводы из событий в середине декабря 1941 года в центре Западного фронта, Б.М. Шапошников далее пишет:

«Операции, проведенные армиями центрального участка Западного фронта в декабре 1941 года, несмотря на их неудачный исход, в известной мере поучительны.

1. Они показывают, что иногда по обстановке требуется наступать, не имея решающего превосходства в силах. Но такое наступление должно быть особенно хорошо организовано. Командующий Западным фронтом в середине декабря 1941 года (по сложившейся обстановке) имел основания отдать приказ армиям центрального участка Западного фронта на наступление, хотя они и не обладали к этому времени превосходством в силах над противником.

2. Наступление на организованную оборону при всех благоприятных обстоятельствах не должно вестись без соответствующей разведки противника и предварительной рекогносцировки направления главного удара. Это особенно относится к наступлению на укрепленную полосу. Неудачи 5-й армии на западном берегу реки Руза и на южном берегу реки Москва в значительной мере объясняются поспешным наступлением на полосу обороны противника, которая к этому времени не была разведана.

3. В наступлении и прорыве оборонительной полосы противника существенное значение имеет правильное построение боевого порядка. С этой стороны оперативное построение 33-й армии перед наступлением и распределение танков между всеми дивизиями поровну не могут считаться удачными. Фронт ударной группы (16 км) был широк, а распределение танков по дивизиям приводило к распылению сил.

4. При наступлении на реке Нара артиллерийское обеспечение наступавших войск было организовано по старинке. Артиллерийская подготовка, проводимая в течение определенного времени на широком фронте, в современных условиях себя не оправдывает. Отрыв артиллерийского огня от наступающей пехоты дает возможность противнику своими артиллерийскими и минометными средствами воздействовать на нашу пехоту и срывать проводимое ею наступление.

Вместо артиллерийской подготовки необходимо практиковать артиллерийское наступление, собирая сгусток артиллерийских средств на наиболее ответственных участках и сопровождая артиллерийским огнем и колесами наступающие части на всю глубину наступления.

5. Управление, организация взаимодействия родов войск и служба обеспечения в наступлении играют огромную роль. Одной из основных причин, вследствие которых наступление армий центрального участка Западного фронта не получило развития, были недочеты в управлении войсками.

6. Во время наступления в зимних условиях возникает ряд трудностей, не известных летом: продвижение по глубокому снегу без дорог, обмораживание, затруднения со связью, перебои в боевом и продовольственном питании и пр. Все это должно учитываться при организации наступления и постановке задач войскам» [69] .

Однако не все упреки и выводы Б.М. Шапошникова верны в отношении действий 43-й армии. К примеру, разведка здесь действовала достаточно успешно и к моменту наступления штарм и штабы дивизий и бригад располагали довольно полной картиной происходящего перед их фронтом. Вот разведсводка, составленная офицерами разведотдела штаба армии к 21.00 15 декабря 1941 года:

«Первое: противник обороняется на прежнем рубеже, активности не проявляет, ведет арт. мин. огонь по нашим боевым порядкам и пулеметно-автоматный огонь по нашей разведке.

Второе: разведкой и наблюдением установлено:

А) Арт. мин. огонь из р-нов: Романово, Петрово, Илино, Дедня, Леоново, квадратной рощи сев. – зап. Тунаево, рощи юго-вост. Малихово и Рыжково. В течение ночи непрерывное освещение местности из этих р-нов ракетами.

Б) Пулеметно-автоматный огонь по всему фронту и перед рассветом беспорядочный огонь из р-на Горки. Огонь вызван действием наших РГ (разведгрупп).

В) На дороге из Тетеренки на Илино завал.

Г) 11.00 15.12 – движение колонны противника до 100 человек из р-на Кащеево и Чернишня, предположительно, отведено усиленное БО (боевое охранение), вызванное налетом нашей РГ. Противник на ночь выдвигал группы автоматчиков на линии Б О для противодействия нашим РГ. (Роща Кащеево, лес вост. Илино, р-н квадратной рощи.)

Д) Южн. Леоново по опушке рощи проволока в два кола, там же обнаружены мины, подвешенные на деревьях.

Е) (АРТ) Окопные работы на сев. и сев. – вост. окр. Кузовлево. Подтверждается наличие проволоки в овраге сев. – вост. Кузовлево, направление которой на рощу Кащеево.

Ж) Систематическое движение с 11.00 15.12 легковых машин и подъезд их на юго-зап. окр. Чубарово – указывает на наличие штаба, предположительно, полка.

3) 11.07, из Балабаново на Тарутино движение до 30 танков. В р-не Доброе (10 км сев. – вост. Малоярославец) две автоколонны по 60–70 автомашин на месте, одна головой на запад, другая на восток.

11.15, Ильинское (западнее Малоярославец) – до 10 автомашин в движении на запад.

11.20, Медынь – большое скопление автомашин. От Медыни на запад колонны до 50 автомашин в движении.

11.16, из Тишнево через Боровск на Балабаново движение 180 автомашин, 30 танков и 100 подвод.

Третье: (ПВО) Вдоль шоссе Малоярославец – Подольск в течение 15.12 зарегистрировано 5 самолетовылетов противника.

Вывод:

Первое: противник, обеспокоенный действиями разведорганов, усиливает на ночь БО, выдвигает группы автоматчиков и всеми видами огня стремится прикрыть свой передний край обороны.

Второе: необходимо авиаразведкой установить движение мотоколонн из Воробьи на Малоярославец, Папино и Тарутино» [70] .

43-я армия атаковала 18 декабря в 9.30. Вперед пошли ударные группы, сформированные во всех дивизиях и полках. В первые же часы боя все пошло не так, как было задумано. Немцы тут же открыли бешеный огонь. Ожили опорные пункты. Они перекрывали перекрестным и косоприцельным огнем все свободное пространство, создавали огневые мешки и практически не давали красноармейцам поднять головы. На некоторых участках ценою больших потерь нашим полкам все же удалось вклиниться в оборону противника. Но тут же последовали жесткие контратаки. Противник словно предчувствовал наше наступление и встретил его так, что казалось, и здесь, на Наре, повторится серпуховская история месячной давности.

Вот какие потери к исходу дня понесли воздушно-десантные бригады, наступавшие в направлении Романово, высота 186,1, Никольские Дворы: 21-я вдбр – 197 убитыми, 10-я – 990 человек. Особенно пострадала 10-я десантная бригада, она буквально засеяла телами своих бойцов и командиров юго-восточную окраину деревни Романово и скаты высоты 186,1.

До недавнего времени здесь работали поисковые отряды. За лето они находили до 120 советских воинов. Их останки переносили в братскую могилу близ деревни Кузовлево. Но недавно эти земли продали под строительство коттеджей. Богатые люди новой России создают здесь для себя райский уголок. Затворили участки заборами, бывшие позиции 10-й

воздушно-десантной бригады захламляются строительным мусором и бытовыми отходами. Это называется: живым – живое. А мертвым… Мертвым уже ничего не надо, они свою работу выполнили и стали землей.

Вот я и думаю: как же можно покупать и продавать эту землю?

Во время той печальной первой атаки на высоту произошел такой эпизод. Рота второго батальона под огнем вышла к проволочным заграждениям. Лейтенант Чехович подбадривал своих людей: «Вперед, ребята! Вперед!» Уже забросали гранатами пулемет, длинными очередями бивший понизу колючки. Но тут попали на минное поле. Атака сразу заглохла. Взводы залегли. Так и лежали до тех пор, пока не стемнело. Только кто шевельнется – пулеметная очередь с той стороны из-под нижнего ряда колючей проволоки. Те, кто выжил, ночью выползли к своим окопам. Мороз стоял такой, что в лесу лопались деревья. Ползли израненные, обмороженные. Им повезло выжить.

На следующий день под сильный огонь из Никольских Дворов попала другая десантная рота. И там тоже уцелевшие выползали под покровом ночи. Из всей роты в живых осталось семь человек.

Здесь стали землей и травой тысячи.

Многие исследователи подмосковных боев этого периода говорят об одной не весьма приятной черте характера командарма Голубева – слишком хладнокровно, что называется без затей, гнал подчиненные ему войска на огонь опорных пунктов противника. Действительно, изучая документы тех дней, невольно обращаешь внимание на то, что атаки проводились в лоб, по одной схеме, что потери все время росли, что результаты наступательных действий никак не оправдывали понесенных потерь убитыми и ранеными. На некоторых форумах в Интернете, в статьях краеведов и историков генерала Голубева называют *мясником,* который не особенно утруждал себя и свой штаб заботами о том, как выполнить тот или иной приказ с наименьшими потерями. На войне основной платой за успех, или неуспех, была солдатская кровь.

О личных качествах командарма Голубева мы еще поговорим.

Жуков внимательно наблюдал за происходящим, вчитывался в донесения, поступающие с передовой, из армейских штабов и разведотделов. Часто выезжал на передний край сам. Во время одной из встреч с командующим 43-й армией сказал об очередном пополнении, но тут же заметил, что следует более тщательно готовить наступление, не совать пехотные части в лоб на пулеметы, что необходимо в каждом полку сформировать

ударные подразделения, во время атак действовать охватом, малыми силами, концентрировать огонь артиллерии.

Генерал Голубев тут же отдал приказ: сформировать в каждом полку ударные батальоны, вооружить их автоматическим оружием, усилить минометами, подобрать гранатометчиков, которые хорошо освоили все системы гранат, находящиеся на вооружении; в ударные батальоны подбирать самых сильных и надежных бойцов и командиров.

Судя по телефонным переговорам, текст которых сохранили архивы, отношение Жукова к командарму 43 было ровным, уважительным, спокойным. К примеру, с генералами Захаркиным и Болдиным комфронта разговаривал более резко, а порой и откровенно грубо.

Перед наступлением армий центра Западного фронта Гитлер отдал приказ, в котором говорилось: «…удерживать фронт до последнего солдата… Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать фанатически упорное сопротивление противнику, прорвавшемуся на флангах и в тыл. Только подобного рода тактикой можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкреплений из Германии и с Западного фронта, о чем я уже отдал приказ. Только когда резервы прибудут на отсечные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи». А спустя несколько дней, когда советское наступление в центре возобновилось с новой силой, в войска была разослана телеграмма следующего содержания:

«2-й, 2-й ТАНКОВОЙ, 4-й АРМИИ,
4-й ТАНКОВОЙ ГРУППЕ, 9-й АРМИИ,
КОМАНДУЮЩЕМУ ТЫЛОВЫМ РАЙОНОМ
ГРУППЫ АРМИЙ С СОДЕРЖАНИЕМ
ДИРЕКТИВЫ ОКХ № 32081 ОТ 21.12.1941 г. (10.35)
О МЕРАХ ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ОТСТУПЛЕНИЯ
№ 326 ˚Сов. секретно. 21 декабря 1941 г. 15.15

Еще раз подчеркивая свои мысли, выраженные в директиве ОКХ, фюрер в своем выступлении 20.12 сказал следующее:

1) Фанатическая воля к защите той территории, на которой стоят войска, должна прививаться каждому солдату всеми, даже самыми жестокими средствами. Если любая часть в равной мере проникнется такой волей, то все атаки противника, даже если они на отдельных участках привели к вклинениям или прорывам в линии фронта, в конечном итоге будут обречены на неудачу. Каждый офицер и каждый солдат должны осознать, что при отступлении войска будут в большем объеме подвергнуты опасностям русской зимы, чем на позициях, пусть и не

оборудованных в должной мере, не говоря уже о значительных и неизбежных при любом отступлении материальных потерях. Русские будут немедленно наступать вслед за отходящей частью и будут постоянно атаковать ее, не давая возможности остановиться, т. к. тыловые позиции не подготовлены.

История отступления Наполеона грозит повториться вновь. Поэтому отход возможен лишь с тех участков, где подготовлены тыловые позиции. Только если солдат видит, что, оторвавшись от противника, он займет пусть даже наспех оборудованную позицию, он поймет этот отход. Только тогда доверие между войсками и командованием не будет подорвано. Если же войска будут отходить с позиции, на которой они уже обжились, и на новом месте не получат соответствующей замены, то в результате такого отступления может развиться кризис доверия к руководству.

2) Всеми средствами следует воспрепятствовать падению боевой численности дивизий. Независимо от стремления ускорить доставку на фронт пополнения, важно внутри дивизий как можно больше людей использовать на передовой и сократить тыловые службы. Любая часть, в том числе относящаяся к тыловым службам, должна проникнуться такой же фанатической волей обороняться там, где она расположена. Не может быть никаких отговорок, что колонна беззащитна, если при ней нет пехоты. Каждый должен в такой же мере ощущать себя бойцом, как и пехотинец, действующий на передовой. Любая занятая войсками деревенька должна стать опорным пунктом, за организацию обороны которого несет ответственность комендант. Если все это станет действительностью, то в тылу фронта сама по себе возникнет глубокая зона обороны, в которой противник непременно будет остановлен.

3) Территория, с которой наши войска были вынуждены отступить, должна попасть в руки противника непригодной для использования. Каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен, чтобы противник был лишен мест расквартирования. Это нужно заранее подготовить. Если разрушение осуществить не удастся, то оставшиеся неразрушенными населенные пункты должны быть впоследствии уничтожены авиацией, т. к. в мороз противник, естественно, привязан к населенным пунктам. Противник как атакующий встретится с большими трудностями, чем мы, если наши войска будут находиться на оборудованных позициях» [71] .

А вот какой приказ был издан в эти дни в штабе 43-й армии:

«Командиру 93 СД генерал-майору Эрастову.

Комиссару дивизии полковому комиссару Сергееву.

Военным Советом армии получена следующая телеграмма: «Завтра 21 декабря. День рождения товарища Сталина постарайтесь ознаменовать захватом Балабанова для включения в боевое донесение товарищу Сталину. Об исполнении сообщите не позже 19 часов.

ЖУКОВ. БУЛГАНИН».

Военный Совет армии уверен, что 93 СД приложит все свои усилия, чтобы эту задачу блестяще выполнить и Балабаново освободить от фашистских гадов.

Об исполнении донести в штаб армии в 18.00 21.12.41.
Текст телеграммы довести до всего состава войск».

Шла война, и все средства для достижения победы были хороши.

Ударная группировка 43-й армии упорно прогрызала оборону немцев севернее Варшавского шоссе в районе Аристово, Романово и безымянной высоты. Потери, как и в предыдущие дни, были огромные. В некоторых ротах осталось по двадцать человек. Ротами командовали сержанты, а взводами простые бойцы. Особенно ценились люди, прошедшие летние бои.

53-я сд, седлавшая Варшавское шоссе, отбила несколько контратак противника. Ее артиллерия постоянно вела усиленный огонь по боевым порядкам противника. При этом наблюдатели зафиксировали ослабление артиллерийского огня с той стороны. То ли контрартиллерийский налет имел свои плоды, то ли немцы начали перегруппировку.

В районе населенных пунктов Мельниково и Рыжково в нескольких километрах севернее Варшавского шоссе успешно действовал 169-й отдельный полк НКВД под командованием полковника Новичихина.

Утром 23 декабря на участке фронта 53-й сд полковая разведка захватила двоих перебежчиков. А случилось это так.

Разведчики возвращались из-за линии фронта, и перебежчики на ту сторону, по всей вероятности, приняли их за немецкий патруль. Белые халаты, трофейные МП-38, при этом никаких знаков различия – таких действительно можно было легко принять за немцев. Перебежчики шли в сторону опорного пункта противника с белым флагом, размахивая листовками ШВЗ – «Штыки в землю!». Их схватили, скрутили и доставили в ближайший штаб. Там с пристрастием допросили. Оказались бойцами пятой стрелковой роты первого батальона 1316-го полка. Следствие шло недолго. Таким же недолгим было и заседание военного трибунала.

Вечером перебежчиков расстреляли перед строем своего же полка.

В двадцатых числах декабря потеплело до 2–4 градусов мороза.

23 декабря 1941 года в состав армии прибыл особый батальон Военного совета Московского военного округа и сосредоточился близ деревни Новоселки. В батальон входили: две стрелковые роты, одна пулеметная рота, одна минометная рота, саперный взвод, взвод истребителей танков, батарея 76-мм пушек ЗИС-3, разведвзвод. Всего 702 человека. Командовал батальоном майор Эпельгардт. В ночь на 24 декабря майор Эпельгардт вывел свое войско на рубеж леса восточнее Аристово и Алопово и внезапной атакой совместно с подразделениями 93-й сд вклинился в оборону немцев. В ходе кратковременного боя была наконец пробита в немецкой обороне узкая брешь, и батальон втянулся в нее и сосредоточился в лесу восточнее Аристово. Оказавшись в тылу, батальон подошел к крупнейшему на этом участке опорному пункту противника Воробьи. Саперы быстро разминировали проходы в минных полях, и стрелковые роты при поддержке пулеметно-минометного огня ворвались в Воробьи и вскоре очистили село от неприятеля. Действия батальона были столь стремительны и решительны, что немцы не всегда успевали открыть огонь и бежали в соседнее Окатово. Окатово тоже было превращено в опорный пункт и оборонялось сильным гарнизоном.

Уже стемнело, когда Эпельгардт отдал приказ атаковать Окатово. Восточная часть деревни была вскоре занята. В полночь роты вышли к шоссе. Это был большак на Малоярославец, который все эти дни, как артерия, питал немецкую оборону всем необходимым для того, чтобы выполнить приказ фюрера о фанатичной защите той территории, на которой стоят войска. Майор тут же приказал перерезать шоссе и, оседлав его, закрепиться для круговой обороны.

Успешным действиям батальона способствовали местные партизаны. Они не только обеспечили штаб майора Эпельгардта разведданными, но и дали проводников.

Тем временем противник обнаружил, что некое довольно крупное подразделение проникло в его тыл и перехватило важнейшую коммуникацию. По месту сосредоточения батальона немцы открыли шквальный минометный огонь, постепенно наращивая его интенсивность. Но в атаку так и не пошли.

Впоследствии командующий Западным фронтом попытается использовать тактику таких отрядов, как батальон Эпельгардта, в более крупных масштабах. К примеру, в январе из района Износок в прорыв войдет ударная группировка 33-й армии во главе с командармом Ефремовым. Ее огульно, без обеспечения флангов,

погонят к Вязьме через опорные пункты и тыловые коммуникации противника. Но под самой Вязьмой встретят сокрушительным огнем. Но об этом будет рассказано чуть позже.

В ночь на 25 декабря снова подморозило, столбик термометра упал ниже отметки 20 градусов мороза. В эту ночь противник начал повсеместный отход.

Дело в том, что южнее, одновременно под Тарусой и Алексином, у немцев произошел серьезный кризис – ударная группировка 49-й армии генерала Захаркина уверенно прорвала фронт и двинулась вперед, к Калуге и Недельному, угрожая перехватить железную дорогу и старый калужский большак. Это грозило окружением, которое захватывало и район Варшавского шоссе близ Малоярославца. Севернее 33-я армия штурмом захватила село Иклинское, крупный опорный пункт. Немцы, не в силах больше удерживать давление войск генерала Ефремова, приступили к выводу своих частей и эвакуации тяжелого вооружения, имущества и транспорта из Наро-Фоминска.

Дивизии 43-й армии начали преследование. В районе Никольских Дворов было захвачено большое количество инженерного имущества, склады с боеприпасами. В Акатове и Воробьях на Варшавском шоссе захвачены шесть танков, большое количество боеприпасов, стрелковое оружие.

Командир 53-й сд полковник Наумов доносил в штаб армии:

«Перед полосой обороны дивизии противник отходит на юго-запад, не оказывая сопротивления.

1. Дивизия с приданными частями начинает наступление на Воробьи, Тарутино, Дубровка.

2. Правая колонна в составе: 71 ОАЗД, 298 Пульбат, 304 и 230 АЗД (дивизионы), начальником колонны назначен капитан Боргест, выдвигается с целью захвата д. Воробьи.

3. Средняя колонна в составе: 475 СП с приданными частями выдвигается в район Тарутино, командир колонны майор Меликян. Разведгруппы 475 СП в 10.00 вышли в район деревень: Кузовлево, Орехово, Чернишня, по их сообщению, мелкие группы противника в спешке отходят на запад, минируя дороги и оставшиеся постройки. Части 475 СП, 1 и 2 батальоны после ожесточенных скоротечных боев выбили противника из Тарутино. Командир 1-го батальона старший лейтенант Бараев на плечах противника первым ворвался в Тарутино, тем самым были спасены 10 пленных красноармейцев от расстрела противником. 3/475 СП после 2-х часового боя занял д. Агафьино.

4. Сводный отряд (приданный полку) с боем занял населенные пункты: Горки, Папино, Никольское. Левая колонна – 12 СП с приданными частями выдвигается в район д. Колонтаево,

после 4-х часового боя выбивает противника из деревни и ведет наступление на Дедню, продвижение полка задерживается из-за заминированных дорог, разного рода заграждений и глубокого снега, командир колонны майор Автандилов, он же командир 12 СП» [72] .

Во время наступления часто терялась связь штабов с частями, ушедшими вперед. Не получалось единой наступательной операции, охватов, отсечений групп и колонн противника от коммуникаций с последующим их уничтожением или пленением. Наступали оравой, подстегиваемые азартом, что противник бежит.

А противник не бежал. Планомерно отступал. Минировал дороги и постройки. Оставлял заслоны и отдельных пулеметчиков. С ними и схватывались части преследования, принимая их за основные силы.

Опоздали. Все-таки прозевали отход немцев войска 43-й армии. Для сравнения, сосед слева, части 49-й армии в эти дни буквально вламывались в отступающие колонны противника, иногда занимая населенные пункты на крупных дорогах и встречая противника огнем [73] .

В донесениях штабов дивизий и бригад очень часто мелькает примерно такая фраза: «В занимаемых населенных пунктах противника не оказывается».

Немцы отходили на заблаговременно подготовленные рубежи. Вдоль Варшавского шоссе, прикрывая отход основных сил, действовал 533-й пехотный полк 34-й мотодивизии, усиленный танками, артиллерией и минометами.

28 декабря 93-я сд, вошедшая в состав 33-й армии, возобновила свое наступление в направлении на Балабаново. 129-й полк после двухчасовго боя захватил опорный пункт Киселево, с ходу атаковал окраины Балабанова и на плечах отступающего противника ворвался на железнодорожную станцию. К 20.00 станция Балабаново и пристанционный поселок были полностью очищены от немцев. Зачисткой станции и поселка занимался 266-й стрелковый полк.

Среди трофеев, захваченных на станции и в окрестностях, оказались 5 танков, 10 орудий разного калибра, 19 легковых автомашин, 19 грузовиков, 15 ручных пулеметов, 129 винтовок, большое количество боеприпасов и другое армейское снаряжение.

Почти одновременно со 129-м полком 93-й сд на станцию Балабаново ворвался Особый полк Западного фронта под командованием майора Шевцова. Полк входил в состав 5-го воздушно-десантного корпуса. В штаб фронта полетели два донесения: генерал Голубев доносил о том, что его десантники

освободили важный коммуникационный узел, а генерал Ефремов – что станция захвачена его левофланговой дивизией. Жуков назначил прокурорскую проверку, которая вскоре установила: станцию Балабаново занял Особый полк Западного фронта.

После драки на подступах к Балабанову, которое немцы защищали до последней возможности и оставили среди развалин пристанционных построек около 300 трупов, началась драка за трофеи.

Отдельный батальон майора Эпельгардта при поддержке двух танков 26-й танковой бригады утром 28 декабря атаковал село Белоусово, расположенное на Варшавском шоссе, и с ходу ворвался в него. Атаку немцы встретили огнем из всех видов оружия. Полк понес большие потери личного состава – около 100 человек убитыми и ранеными. Дальше было Оболенское. Его брали охватом. Но потери здесь оказались вдвое большими.

Впереди открывался Малоярославец. Малоярославец – город вроде и небольшой. Но слава у него великая. Город-воин. В 1812 году в ходе Малоярославецкого сражения русской армии с французами несколько раз переходил из рук в руки. И вот, спустя много лет, здесь снова суждено было пролиться русской крови в битве с иноземными захватчиками.

Стоит напомнить читателю, что Великая армия Наполеона, в 1812 году вторгнувшаяся в пределы России, только наполовину была французской. Другую половину составляли немцы, поляки, испанцы, итальянцы, австрийцы и прочие. Особенно много было немцев – из Пруссии, Баварии, Саксонии, Вюрмеберга, а также австрийцев. Против 43-й армии в числе других стояли 19-я танковая нижнесаксонская и 98-я франконско-судетская пехотная дивизии. Так что эти парни шли по следам своих дедов. Вот такая история. И не случайно то, что она для них жестоко повторилась.

Рота уже второй раз поднималась в атаку и второй раз не могла преодолеть этих ста шагов открытого пространства, которое отделяло лес от крайних дворов деревни.

Ротный Авдеев, раненный в самом начале боя осколком мины и наспех перевязанный санинструктором, бывшим ветеринаром Кутовым, путаясь в полах шинели, бултыхался в глубоком снегу, перебегал от взвода к взводу и материл своих лейтенантов и залегших бойцов.

– Что ж вы меня позорите, суккины дети! – хрипел он, посвечивая в темноте свежей повязкой. – Там же два сраных фрица на всю деревню! И вы, туда-то вашу рас-туда-то!..

– Товарищ старший лейтенант, – окликнул его санинструктор, – погоди.

Они стояли за деревьями и вели вот какой разговор.

– Дайте мне троих ребят с гранатами. Мы обойдем деревню с другой стороны. Днем я видел – там есть лощинка. И уделаем этих пулеметчиков за милую душу, товарищ старший лейтенант, – уговаривал ротного санинструктор.

– Да ты что, Иван Савельич? Ты ж… сколько тебе годов?

– Сорок восемь.

– Ну вот. А там по снегу надо ползти…

– Да меня молодые не догонят, товарищ старший лейтенант!

Бывший колхозный ветеринар Кутов попал в полк из расформированной ополченческой дивизии, растрепанной еще в октябре прошлого года под Спас-Деменском. Дело свое знал хорошо. Таскал на себе раненых, перевязывал, отправлял в лазарет. Никто никогда не видел у него оружия. Санитарная сумка с красным крестом – вот и весь его арсенал. И теперь ротный, глядя на мешковатого дядьку, которого всегда называл по имени и отчеству, потому что тот был вдвое старше его по годам, не знал, как поступить. То ли послать его куда подальше, чтобы впредь не совался не в свое дело, то ли действительно выделить ребят помоложе и попроворней и послать их в обход опорного пункта.

Немцы, по всей вероятности, из деревни уже ушли, но оставили два пулемета. И теперь те резали его роту как хотели. Батальон давно ушел вперед. Комбат прислал связного и записку с приказом: если деревню через полчаса не возьмешь, пеняй, мол, на себя…

Деревню он пока взять не мог. Пробовал и охватом. Вон они, лежат на снегу бугорки, шестеро, с пулеметом. Посылал их зайти и ударить с тыла. Ударили…

– Давайте, товарищ старший лейтенант, решайтесь скорей, а то светать станет. Тогда не пройдем. – В голосе санинструктора чувствовалась решимость. Такой тон подчиненных всегда внушал ротному уважение и надежду на то, что задача будет действительно выполнена.

Он позвал троих бойцов. Собрали гранаты. Винтовки поменяли на автоматы. Кутов автомата не взял. Засунул в санитарную сумку несколько гранат и сказал:

– Ну, пошли, что ли? Пока темно.

Группа скрылась в березняке. Началась поземка. Может, потому рассвет и не торопился. Остатки ночи гуще всего держались в лесу и в овражках.

Спустя несколько минут Авдеев увидел, как от опушки отделились сизые тени и, сливаясь с окрестными снегами, заскользили к деревне. Вскоре они исчезли в лощинке, потом опять появились, замелькали среди кустов, но уже совсем близко

к домам. Немецкий пулемет, тот, что был установлен правее, в крайнем доме, полыхнул несколькими короткими очередями. Затих. Что это было? Стрельба для острастки? Или немцы обнаружили группу Кутова и расстреляли ее в упор? Оставалось ждать.

Кутов загребал снег голыми руками, но руки не мерзли. Следом и немного правее похрустывал снег под телами других бойцов. До крайней избы, откуда только что стрелял немецкий пулемет, оставалось совсем немного, шагов двадцать.

Пулемет бил из дыры, проделанной в фундаменте дома. Значит, сверху все завалено землей. Расчет сидит на метровой глубине, как в блиндаже, и взять его гранатой невозможно. Кутов видел такие огневые точки немцев в захваченных деревнях. Земля под полом выбрана в человеческий рост и насыпана сверху, до оконных проемов и выше. В фундаменте несколько амбразур. Ни из орудия, ни из миномета такую огневую точку не возьмешь.

Часового возле дома не было. И это их спасло. Они перебрались через изгородь, огородами пробрались к надворным постройкам и замерли. Послышался хруст снега по мерзлым доскам. В дверном проеме появился немец в шинели с винтовкой. Это, по всей вероятности, и был часовой, охранявший вход в блиндаж.

– Погоди-ка, летинар, это уже наше дело, – прошептал Кутову один из бойцов, которых ему в помощь выделил ротный. Кутов знал его – разведчик, сержант из первого взвода.

Разведчик переполз за сарай, исчез за углом. Через минуту там завозились, как будто в углу ловили кого-то, поймали, но не могли придавить как следует и пойманный вот-вот мог вырваться.

– От Ростовского не уйдешь, – прошептал другой боец, успокаивая Кутова.

Затихло. Но уже через мгновение послышался приглушенный кашель.

– Пошли, – скомандовал Кутов.

Это был условный знак. Они протиснулись в узкий проем, облицованный досками. Лаз вел вниз. Гранаты держали в руках наготове.

Вскоре стало светать – в конце зала мерцал желтоватый свет. Видимо, горела керосиновая лампа. Пахло пороховой гарью. Послышались голоса.

– Бросай! – крикнул Кутов и швырнул свою гранату на свет. Туда же полетели еще несколько чугунных ребристых шариков. Загрохотало. Затрещали над головой доски. Посыпалась холодная земля. Свет погас.

Второй пулеметный расчет они встретили наверху. Немцы

уходили к лесу, прикрываясь редким огнем из винтовок. За ними организовал погоню первый взвод.

Дело было сделано. Прибежал ротный и обнял Кутова:

– Ну, Иван Савельич! Ну, герой! На взвод тебя, что ль, поставить?

– Зачем на взвод? – насторожился санинструктор.

– Лейтенанта Фролова ранило. Ребята в тыл понесли. В грудь навылет.

Фролов был земляком Кутова, и призывались они в один день.

– Кто ж его перевязывал?

– Да перевязали. Как смогли.

Вот беда, думал Кутов. И зачем он напросился идти в деревню? Фролова бы он сам перевязал хорошо, как следует, и в лазарет бы отправил на подводе, чтобы поскорей до места доставить.

– Сильно ж его?

– Сильно. Не жилец. – И ротный снова похлопал его по плечу. – К медали буду представлять. Всю группу.

Кутов махнул рукой. В глазах стоял лейтенант Фролов. Мальчишка совсем, двадцать лет. С его матерью, Галиной, Кутов вместе ходил в школу, а потом как-то раза два-три даже провожал после танцев до дома…

Глава 10 Атака на Малоярославец

«На залитых кровью улицах разгораются жаркие бои …»

Кому брать Малоярославец? – Фон Клюге перебирается в Юхнов . – Дивизии 43-й армии все упорнее атакуют противника. – Освобождение Белоусова, Угодского Завода и Маклина. – Блокада Малоярославца. – Уличные бои в Малоярославце. – Трофеи и потери. – Полк капитана Гусака. – Изумление генерала Наумова. – Ильинский рубеж противника: в бывших курсантских дотах теперь сидели немецкие пулеметчики и артиллеристы. – Подвижной отряд решает исход боев на Ильинском рубеже. – Путь на Медынь открыт

Еще 26 декабря, когда началось преследование отходящего противника, было неясно, кому предстоит атаковать Малоярославец. Вначале штаб фронта на город нацеливал 49-ю армию. Потом Малоярославец оказался на разгранлинии 49-й и 43-й армий. Но вскоре малоярославецкое направление стало для армии генерала Голубева основным. Зимой 42-го подобная ситуация в полосе Западного фронта возникнет при подходе к Юхнову. Казалось бы, небольшие города, провинциальные райцентры, песчинки на карте Подмосковья… А тогда, зимой 1941/42 года, – мощнейшие укрепрайоны с цепью опорных пунктов, соединенных хорошо продуманной и так же четко работающей системой перекрестного огня.

25 декабря 1941 года штаб командующего 4-й полевой армией фон Клюге из Малоярославца был срочно перемещен в Юхнов. Оба города стоят на Варшавском шоссе. Их отделяют 46 км. Полчаса на машине. Для танков – чуть больше. Сейчас, проежая по Варшавскому шоссе от Малоярославца до Юхнова через Медынь и Мятлево, трудно представить, какая упорнейшая и кровопролитная битва здесь происходила в те дни. Она началась в октябре 41-го и не утихала до весны 42-го, а потом продолжалась до конца лета 43-го, лишь немного сместившись на запад, к Зайцевой горе и Спас-Деменску. На этом сорокакилометровом участке и в его окрестностях сгорали целые дивизии, полки и батальоны. Тысячи, десятки и сотни тысяч судеб столкнулись здесь в кровавой схватке. Десятки языков. В рядах вермахта, как известно, воевали не только немцы и австрийцы. Местные жители и архивные документы свидетельствуют о том, что в дивизиях 4-й полевой армии служили финны, поляки, итальянцы, венгры (самые верные союзники Гитлера), чехи, словаки, французы, испанцы. *Все*

промелькнули перед нами, все побывали тут… В Красной армии, сродненные бедой и общей волей к победе, сражались рядом с русскими, украинцами и белорусами татары, казахи, мордва, башкиры, якуты, латыши, узбеки, азербайджанцы, грузины, армяне, осетины, молдаване, евреи, киргизы. Пройдут годы войны, советские фронты, тесня врага, подойдут к границам СССР и западных стран, начнется освободительный поход, и все эти народы и народности, одетые в красноармейские шинели и телогрейки, будут с гордостью именовать друг друга одним общим словом – *славяне.* И это *славяне* будет раздаваться в окопах и атакующих цепях как боевой клич единого народа, монолитной непобедимой армии.

Отступали немцы не так быстро, как наступали. Отдавали захваченную территорию с боями неохотно.

На следующий день генерал Голубев отдал приказ на наступление. Малоярославец назначен конечной целью атаки 93-й сд, 26-й танковой бригады и особого батальона майора Эпельгардта.

В этот же день 93-я сд была выведена из состава 43-й армии и передана соседу справа – 33-й армии.

27 декабря частями 17-й сд атакован Угодский Завод. 30 декабря части 17-й и 53-й стрелковых дивизий ворвались в Угодский Завод. Родина генерала Жукова была очищена от неприятеля.

В этот же день 93-я дивизия при поддержке 26-й танковой бригады на Варшавском шоссе освободили крупный населенный пункт Белоусово.

О том, что происходило в Белоусове на Варшавском шоссе, лучше всех хронистов расскажет наш немецкий коллега Мартин Гарайс:

«Отправленные за Протву для рекогносцировки части истребительно-противотанкового батальона и разведывательный эскадрон Виммера отзываются и по тревоге маршем перебрасываются в Белоусово к 282-му пехотному полку, куда они и входят около полудня. Также части батальона связи привлекаются к исполнению задач пехоты. Враг напирает на Белоусово с использованием лыжных частей и танков по обе стороны от «автострады».

Связь с северным соседом утеряна. 27 декабря у Пантелеевы! атакован 2-й батальон 289-го пехотного полка, он отражает атаку, следующей ночью пробивается через позиции врага, уже стоящие у него в тылу, и выходит на Мишкино. Там он сутки держит оборону фланга дивизии. В течение 27 декабря обер-лейтенант Айгельсбургер с полутора ротами пробивается через занесенный

снегом лес к батальону фон Бозе. Затем под напором неприятеля им приходится отступить от Балабанова; ночью они входят в Самсоново на Протве. Численный состав компаний уже не более 20–30 бойцов.

Сильную тревогу дивизионного командования вызывает неопределенность участи 290-го пехотного полка. На протяжении нескольких часов от него не поступает известий.

Остатки 2-го и 3-го батальонов 282-го пехотного полка на рассвете 28 декабря выходят на «автостраду» с заданием к северу от Белоусова снова занять временный оборонительный рубеж. Но там ничего, кроме глубоких сугробов! Тогда они расстилают плащ-палатки, устанавливают на них пулеметы – и позиции готовы.

По широкой дороге все еще беспрестанно тянутся на Малоярославец, в полной неразберихе отступления, повозки, орудия, боевые машины, грузовики и танки трех дивизий: 19-й танковой, 34-й и 98-й пехотных. Теперь уже нет и малейшей возможности отойти, а честнее – «убежать» на юго-запад обходным путем. Единственная дорога проходит через узкое «горлышко» въезда в Малоярославец.

Это хорошо известно и большевику, который, под впечатлением своего успеха на Истье, бросается по нашему следу.

Слабое прикрытие 282-го пехотного полка и истребительно-противотанкового дивизиона у Белоусова заставляет ожидать новых атак с душевным смятением. К полудню появляется враг. День снова солнечный, и скользить по сухому снегу легко. Танки выстраиваются на дороге и оттуда осуществляют огневую поддержку. На белом снегу наши оборонительные позиции быстро обнаружены. Скрывающееся в лесу северное крыло истребителей танков охвачено, и теперь с фронта и фланга ведется атака на позиции 282-го пехотного полка под Белоусовом. Вскоре схватка переходит в ближние бои.

Командиру полка, находящемуся на высоте в 500 м от деревни, открывается удручающая картина отчаянного сопротивления его солдат. Неподалеку развертывается расчет зенитной артиллерии и тут же открывает огонь по хорошо видимым танкам противника. Один горит, второй обращается в бегство. В ту же секунду со стороны тыла над дорогой низко проносятся восемь Ratas и как одержимые расстреливают орудие. Боеприпасы взлетают на воздух. Тяжелая пушка содрогается под дождем разлетающихся на части снарядов. Один артиллерист убит, двое других ранены. Как только налет закончился, остаток расчета снова у орудия и продолжает вести огонь.

В Белоусове между тем разыгрываются ожесточенные бои.

Майор Аберле, сражающийся вместе со своими бойцами, получает сквозное ранение в бедро. Вокруг повсеместно кипит рукопашный бой. Легкие сани, на которые погрузили смертельно раненного, через несколько метров ломаются. Нести раненого на руках по глубоким сугробам не получается. Адъютант, унтер-офицер медицинской службы и связист напрасно хлопочут над своим командиром. Обстрел вклинившегося в наземный бой советского самолета кладет конец страданиям истекающего кровью Аберле: он мгновенно погибает от попадания пули в шею. Сослуживцы с тяжелым сердцем вынуждены оставить тело командира посреди разгорающегося вокруг них сражения. Здесь навсегда сомкнул веки прямой, честный, смелый и безупречный человек; сердечный и всеми уважаемый командир и товарищ.

«В охваченной пожарами деревне, часть которой еще продолжительное время удерживает 3-й батальон 282-го пехотного полка, несмотря на действенную артиллерийскую поддержку в атаке с трех сторон, постепенно прекращается сопротивление почти обескровленного 2-го батальона полка», – с таким донесением погибает по пути на КП 282-го пехотного полка лейтенант Мартини, офицер-ординарец батальона. Потери жесточайшие. Батальоны оторваны друг от друга, силы к противостоянию иссякают.

Еще долго из расположенной в глубокой низине деревни доносятся стоны и крики раненых. Свирепая, лютая жестокость большевиков не знает сострадания – это известно всем, и потому каждый старается унести ноги, покуда они еще волочатся, покуда хватает дыхания.

Северо-восточнее Доброго удается создать новый рубеж обороны. На свободных высотах собираются возвращающиеся рассеянные части 198-го батальона связи под командованием обер-лейтенанта Абее и лейтенанта Циграна.

С наступлением темноты небо приобретает грязно-багровый оттенок от горящих окрестных деревень. Яркие сполохи, сменяющие темные промельки, только усиливают ощущение поражения и опустошенности» [74] .

А что ж вы еще хотели здесь увидеть? Вы, пришедшие сюда с мечом…

Наступал новый 1942 год. В ночь на 1 января вперед пошла 17-я сд, та самая, дважды погибавшая на Варшавском шоссе и теперь вновь восстановленная. Ею командовал генерал Селезнев. Полки дивизии по глубокому снегу скрытно, без боя, обошли Малоярославец с юга, вышли к деревне Маклино. Ныне это черта города. А тогда наши бойцы оказались в тылу у противника и начали охватывать южную окраину. Одновременно бригады 5-го

вдк, принимая на себя основной удар малоярославецкой группировки противника, прорвались на Варшавское шоссе и перехватили магистраль западнее деревни Шумятино. Когда подразделения 53-й сд оседлали большак Малоярославец – Боровск, немцы оказались блокированными.

Местные хроники сохранили имя командира 12-го стрелкового полка капитана Гусака, который первым привел своих бойцов в город. Ранним утром, когда не улеглась еще ночная метель и темень вокруг стояла особенно плотно, батальоны переправились через реку Лужу и с ходу захватили первые дома. Сразу же завязались ожесточенные уличные бои. Местами они переходили в яростные рукопашные схватки, где все решали напор, сила и ловкость. Снова повторялась история полуторавековой давности. Тогда гренадерские и егерские полки генералов Дохтурова и Раевского схватились здесь с вестфальцами, гессенцами, швейцарцами и итальянцами из корпуса маршала Богарне. Именно с Малоярославецкого сражения началось истребление Великой армии Наполеона и изгнание ее из пределов России.

Политработники и командиры в минуты затишья и короткого отдыха рассказывали своим бойцам о подвигах их славных предков. Конечно, усталому солдату слушать очередную политбеседу было в тягость. Поесть горяченького, покурить с товарищем махорочки, вспомнить довоенное да соснуть часок… Но слова политруков и взводных командиров сквозь пелену обволакивающей полудремоты нет-нет да и прорывались в сознание. Как же не думать об этом, ведь было время, когда на этих рубежах тоже бились не на жизнь, а на смерть, и тогда тоже решалась судьба страны. Нет, не думать об этом было нельзя.

Одновременно подошедшие к городу части 17-й и 93-й сд при поддержке танков 26-й бригады штурмовали западные и южные кварталы.

Когда положение стало очевидным, немцы предприняли несколько контратак с целью вырваться из города, наводненного советскими войсками и боевой техникой. Документы не сохранили сведений о том, удалось ли противнику, столь упорно оборонявшему Малоярославец, хотя бы незначительными силами избежать уничтожения и пленения во время боя, продлившегося до 2 января. Но известно другое. Местные краеведы утверждают: в ходе боев за город уничтожено до 4000 солдат и офицеров противника, захвачены трофеи – 35 танков,

12 танкеток, 13 бронемашин, 560 автомашин различного типа, 160 орудий разного калибра, 65 минометов, три склада с боеприпасами и армейским снаряжением, около 1000

велосипедов, сотни железнодорожных вагонов с военными грузами и продовольствием.

Любопытный документ хранится в Государственном архиве Калужской области (ГАКО): составленный работниками Малоярославецкого райисполкома в то время Московской области подробный перечень присвоенного вермахтом скота, принадлежавшего колхозам, совхозам и гражданам района. Немецкие солдаты и специальные команды «вывезли из района 615 голов лошадей, из них четырех жеребцов и 131 мерина» [75] . Угнали и зарезали для продовольственных нужд «5612 голов крупного рогатого скота». «Из свиноводческого комплекса района враги увезли 2337 свиней, из этого количества оккупанты уничтожили четырех хряков-производителей, 41 свиноматку, 109 голов свиного молодняка, истребили 98 570 голов птицы, 5742 головы овец и уничтожили 2 тыс. ульев» [76] .

Немцы, как просвещенная европейская нация, знающая толк в старине, подвергли разграблению Малоярославецкий музей Отечественной войны 1812 года.

Любопытны картины малоярославецкого смятения, описанные Мартином Гарайсом в своей истории 98-й пехотной дивизии:

«В Малоярославце волнение нарастает. Внушает опасения и полная неразбериха. Противник многократно бомбит переполненный город. Пожары во многих кварталах. От южного фланга корпуса пробивается 34-я пехотная дивизия; с севера части 15-й пехотной дивизии, с фронта у Нары 19-я танковая дивизия и 98-я пехотная «дивизия». Всем им нужно пройти через город, чтобы отойти на Медынь. Все другие дороги из-за заносов не пригодны для передвижения в нужном темпе. Разворачивается борьба за «автостраду», за теплые квартиры, за возможность в них поспать. Солдаты переутомлены, многие обморожены, особенно среди недавно прибывших на фронт в качестве пополнения, также среди связистов, штабных и других вчерашних тыловиков. И тем не менее все они пребывают в боевой готовности.

Разбитые стекла, невыносимый холод вынуждают санитарную роту эвакуироваться из Малоярославца в Кудиново. В старом школьном здании оставлено лишь хирургическое отделение. Многочисленные раненые и обмороженные находятся в бедственном положении.

В полночь, с наступлением нового 1942 г., большевик начинает просачиваться в город и в тот же час атакует с северо-востока. Все смешалось: друг и враг. Повсюду возникают все новые очаги ближних боев. В такой обстановке о том, чтобы оторваться от врага, уже нечего и думать – это означало бы

разворот кругом и позорное бегство! Так что схватка защитников и нападающих – кое-кто из них пьян, – жаждущих взять город как трофей, становится все ожесточеннее. В то время как на залитых кровью улицах разгораются жаркие бои, температура понижается до 40° ниже нуля. После полуночи Малоярославец превращается в кромешный ад. Инженерно-саперный батальон, полностью введенный в боевые действия пехоты, теперь насчитывает всего лишь 35 стрелков. Сборный из радистов и телефонистов батальон обер-лейтенанта Абее теряет 17 чел. ранеными, среди них лейтенант Цигран с тяжелым ранением; вахмистр Кёнзен получает смертельную рану; унтер-офицер Вундт из штаба истребительно-противотанкового дивизиона погибает в уличном бою.

Ужасающие картины зверства и жестокости открываются вбегающим на только что разгромленную большевиками боковую улицу: из окон, где располагался медпункт, свисают обезображенные тела раненых, другие, выброшенные из окон, голыми валяются в уличной грязи. Пьяные орды повсюду, где только ни натыкаются на беззащитных, устраивают кровавую резню.

Истребители танков с отчаянной решимостью удерживают самые дальние западные позиции, чтобы держать открытым северный выезд из города по мосту через Лужу для 289-го пехотного полка. Их положение становится все тяжелее, и, наконец, с большими потерями им самим приходится прорываться к юго-восточному пути. Все задействованные орудия и транспорт потеряны. 60 стрелкам удается выйти на окраину Марьина к 34-й пехотной дивизии, а затем через Немцово у Шубки они присоединяются к 98-й дивизии.

Остаткам 282-го пехотного полка под командованием майора Хайма также посчастливилось пробиться через центр Малоярославца к его западной окраине.

Как только забрезжило утро 1 января 1942 г., враг начинает наступление широким фронтом на западный и северо-западный районы города. Он разворачивает строй боевыми разведывательными группами и продвигается вперед, поливая кварталы минометным огнем от угла до угла. Около 5 часов большевик хлынул в центр города и с севера. А в направлении юго-западного выезда на Медынь все еще торопятся разрозненные группы немецких солдат, вынужденные оставить сопротивление и использовать последний шанс на спасение.

На рассвете стрелковый батальон под командованием полковника Гайгера отбивает ожесточенную атаку на Миличкино [77] . У одного из погибших большевиков найден простреленный

бумажник ротмистра фон Вендланда.

В 10 часов 1 января 1942 г. отважные защитники Миличкина, выполнив задачу, готовятся в соответствии с приказом пробиваться к «автостраде». И это прямо под носом у врага! Все части с полным вооружением вначале добираются до Черикова. Затем группа Гайгера отправляется выполнять полученный по радио приказ: обеспечить проход через город с востока и далее соединение с 34-й пехотной дивизией.

Войска понимают, что поставлено на карту: вместе со стрелковым батальоном, стоящим западнее «автострады», с остатками 289-го пехотного полка, между шоссе и железной дорогой, будет совершен решительный прорыв. Поначалу сопротивление пьяных орд в городе невелико. Но чем ближе к центру, тем труднее продвижение, и все-таки после окружения немедленно продолжается на юго-восток в направлении вокзала. Ибо нельзя терять ни минуты.

Враг захвачен врасплох. Он уже не ожидал увидеть в городе боеспособные немецкие части. И невозможное случается: к вечеру соединение с 34-й пехотной дивизией юго-западнее Малоярославца обеспечено. За группой Гайгера, мимо отсеченных огнем улиц, в спускающихся сумерках первого дня нового года артиллерия 34-й пехотной дивизии отходит на запад!

Только благодаря беспримерному сопротивлению 98-й пехотной дивизии с 29 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г., на пределе всех сил, несмотря на тяжелые потери в живой силе и технике, удалось сохранить главные силы артиллерии и обозов трех дивизий и разных родов сухопутных войск. Жертва ради такого успеха была сродни самоубийству.

Утром 1 января 1942 г. за окраиной города на выезде из Малоярославца на Медынь стоит командир дивизии со штабом и несколькими смельчаками из рядовых, вышедших из города. Они перехватывают всех отступающих, успокаивают, организуют и отправляют в деревню Терентьево. Каждый, кто видел в этот день вызывающую жалость цепочку ковыляющих к месту сбора солдат: с отмороженными, обернутыми тряпьем ногами, обмороженными носами, ушами и щеками, без теплого нижнего белья, в оборванной униформе, в замызганных и истрепанных летних шинелях, истощавших, завшивленных, покрытых коростой, – тот испытал шок. Боже, это не их вина, что они доведены до такого состояния, они, бравые фронтовики, которые еще час назад смотрели в глаза смерти, и еще будут смотреть!

Кем бы ни были рядовые: артиллеристами ли, саперами, истребителями танков, связистами, окопниками или снабженцами – все, что еще осталось от 98-й пехотной дивизии, в

эти дни сплотилось, спаялось в настоящее боевое содружество верных товарищей, прочнее которого не бывает. Только такое содружество, связанное единой судьбой, сможет выстоять в тех невзгодах, что выпадут на их долю в ближайшие недели.

До наступления темноты удалось занять целый ряд деревень западнее Малоярославца: между Терентьевом и Копенками, к западу от дороги до «автострады». В них надо было организовать сопротивление. Время сражений на полевых «рубежах», по «отмелям рек» или «лесным опушкам» прошло! Кто может лежать в снегу в летнем обмундировании? А на ночь обещают 42° мороза!

Прорыв врага на севере, между 98-й и 15-й пехотными дивизиями, теперь идет полным ходом: кавалерия и пешие колонны тянутся от Боровска на запад. Уму непостижимо, когда только большевик смог подготовить такие силы для атаки на Малоярославец! Неужели конец трех дивизий предрешен?» [78]

Через несколько суток все они исчезли из Малоярославца. Другие навсегда остались на русской земле, пополнив сонмы завоевателей, тени которых вечно будут бродить по здешним полям и перелескам…

Взятием Малоярославца Красная армия одержала яркую победу. Части 43-й армии повторили мощь русского удара, напомнив и своим войскам, и противнику, что всякий иноземец, пришедший на русскую землю с мечом, от меча же и погибнет.

Но дорога до великой Победы была еще длинна.

При штурме Малоярославца и в уличных боях погибло 1350 наших бойцов и командиров.

Мне рассказывали, что однажды, когда малоярославчане в очередной раз пригласили в гости на празднование дня освобождения города генерала А.Ф. Наумова, тот попросил остановить машину в пойме реки Лужи. Он сразу узнал знакомые места, пересеченный рельеф, который усложнял действия наступавшей пехоты. Своим спутникам он сказал: «До сих пор не могу себе объяснить, как мы смогли перескочить это пространство? Ведь все здесь простреливалось из крайних домов. Наверное, молоды были, бесшабашны, не думали о смерти…»

Генерал Наумов доживал свою жизнь в городе Обнинске, в скромной квартире, выделенной Министерством обороны СССР. Выйдя в отставку, пожелал жить там, где когда-то воевал. Был почетным гражданином Малоярославца и Обнинска. Написал несколько книг мемуаров.

7 января наши войска были уже под Ильинским и атаковали немецкие позиции – ту самую линию обороны, которую в октябре занимали подольские курсанты. Немцы переоборудовали

железобетонные доты, блиндажи, усилили систему окопов и ходов сообщения.

Напомним читателю, что село Ильинское расположено на Варшавском шоссе. Сейчас здесь музей, посвященный подвигу курсантов подольских училищ. Так вот противник, пытаясь сбить темп наступления 43-й армии, именно здесь оборудовал промежуточный рубеж обороны. И наши войска были остановлены. Они буквально воткнулись в оборону Ильинского укрепрайона, широко разветвленного вправо и влево от шоссе.

Тогда из состава 53-й сд был создан подвижной отряд: батальон пехоты и артполк. Люди были поставлены на лыжи, орудия на сани и – вперед. Продвигались скрытно. Накануне разведка нашла разрыв, не занятый противником, и отряд беспрепятственно вошел в него. Подошли к Старому Рыбину, занятому противником. Деревня была превращена в мощный опорный пункт, входивший в общую систему обороны немцев на Варшавском шоссе и его окрестностях. Выбить немцев из Старого Рыбина, овладеть деревней – это означало разорвать целостность обороны противника, нарушить систему его огня, дать возможность соседям наступать беспрепятственно, не опасаясь губительного флангового огня.

Подошли к опушке леса. Затаились. Разведка начала наблюдение.

Весь день 8 января прошел в ожидании и борьбе с холодом. Мороз стоял под 30 градусов. Костров не разведешь, да и не попрыгаешь – противник в пятидесяти– восьмидесяти шагах. На рассвете 9 января, точно определив огневые точки немцев, батареи провели короткий огневой налет. Батальон рванулся вперед. Через несколько минут бойцы были уже в деревне и среди домов, во дворах и в огородах кромсали штыками и саперными лопатами разбегавшихся немецких солдат. Внезапность, тщательная разведка, точный огонь артиллеристов и стремительность пехоты принесли успех этой операции. Затем, развивая наступление, ударили немцам в тыл и во фланг. В этот же день и Ильинское, и Башкировка, и Лобково, и другие населенные пункты нынешнего Малоярославецкого и Медынского районов Калужской области были очищены от противника. Тогда это было Подмосковье.

Перед 43-й армией открывалась дорога на Медынь.

Для красноармейца Дятлова этот бой был первым. Взводный, наблюдая за ним на марше, когда сводный батальон двигался по проселку в немецкий тыл, сказал:

– Вот что, парень, держись Добрушина. А ты, Николай Фомич, его не бросай. Держитесь вместе.

Николай Фомич, почувствовав свою власть над молоденьким бойцом из недавнего пополнения, тут же забрал у него кисет с табаком и сказал:

– Тебе это ни к чему. Молод еще. – И сунул в руки бумажный кулек.

Дятлов пощупал – сахар.

Но закурить тоже хотелось. В запасном полку он успел пристраститься к куреву. Уже не тошнило. Да и чувствовал себя настоящим бойцом.

– Ты, главное, что… – И дядька Добрушин задумался.

Они сидели на опушке леса, ожидали возвращения разведки и отдыхали. Разрешили закурить. Дятлов сунул в рот небольшой кусок сахару. Сразу стало хорошо, и даже тепло.

– Главное, не наделать в штаны. Хотя в первом бою и это не позор. – Дядька Добрушин затянулся. – Позор для солдата – что? Позор товарища в беде бросить. А беда бывает разной…

Дядька Добрушин говорил как-то витиевато, неконкретно, и какие-то четкие и определенные выводы из его нравоучений сделать было почти невозможно. То, что он говорил, Дятлов и раньше знал. А потому слушал своего наставника вполуха.

– Ладно. Не робей. Смотри на меня. И делай то же самое.

«Ну-ну, – подумал себе Дятлов, – посмотрю я на тебя, храбреца, когда дело начнется».

А дело уже начиналось. Только не все это поняли. Добрушин как-то сразу сжался и словно бы сбавил в росте. Правее, за лесом, зарокотало. В другой стороне трещали пулеметы, отрывисто, резко бухали винтовки. Только было непонятно, соседи ли там бились или их разведка на немцев напоролась?

Вернулась разведка. Целая, непобитая. Значит, обошлось. Пришел ротный и поставил задачу: до рассвета сидим в лесу, а на рассвете, по его команде, повзводно, тремя волнами атакуем северо-восточную окраину села.

– Там у них пулеметы. Не то два, не то три, – осевшим голосом сказал дядька Добрушин и больше не проронил ни слова до самого рассвета.

На рассвете их взвод вывели в первую цепь. Сорокапятки и легкие батальонные минометы еще долбали постройки и немецкие окопы на окраине села, а они уже поднялись и пошли.

– Господи Исусе Христе, – чужим голосом прошептал дядька Добрушин, перекрестился и перекрестил его, Дятлова.

Тот хотел что-то возразить, но в горле сразу пересохло. Когда пошли, почувствовал, что ноги держат слабо. Дядька же Добрушин двигал лыжами вполне уверенно и обгонял Дятлова на целый корпус.

– Давай, давай, сынок, не отставай. Немец сейчас больше твоего трусится. Вон как его наша артиллерия обработала. Там, должно, и живых-то никого не осталось. Пойдем сейчас, сапоги ихние соберем и – деру.

Сапоги Дятлову были ни к чему. Да и дядьке Добрушину тоже. Обуты они были хорошо, в валенки. Это дядька Добрушин так, для форсу болтал языком, себя успокаивал.

Вжикнула стайка пуль, рассыпалась над головой разноцветным веером. Началась пристрелка. Значит, не все пулеметы подавили доблестные боги войны. Затрепетало пламя на дульном срезе под фундаментом крайнего дома. Именно туда шел взвод.

– Ложись! – крикнул дядька Добрушин и сбил с ног Дятлова.

Руки совсем онемели. Дятлов никак не мог передернуть затвор. К тому же затвор после падения винтовки в снег покрылся коркой льда. Дядька Добрушин быстро вынул малую саперную лопату и так же быстро и ловко принялся выбрасывать из-под себя снег. Вскоре он соорудил перед собой нечто вроде бруствера и принялся стрелять из винтовки в сторону крайнего дома.

– А ты чего сомлел, сынок? – крикнул он Дятлову, зло оскалившись.

Надо было что-то делать. Или окапываться, как это сделал дядька Добрушин. Или начинать стрелять в сторону деревни, куда стрелял весь взвод. Но руки не слушались. Винтовка лежала рядом, и у Дятлова даже поднять ее не было сил.

Тем временем орудие, которое артиллеристы тащили на руках вслед за ними, сделало несколько выстрелов, и они оказались точными. Один снаряд ударил в угол фундамента, другой влетел в дом, проломив стену, и разорвался внутри. Дом загорелся. Пулемет замолчал.

Будто вихрь пронесся над залегшим взводом и в один миг поднял его на ноги. Дядька Добрушин схватил своего напарника за маскхалат, рванул на себя. Поднял винтовку, сунул в окоченевшие руки.

– Держись, засранец, а то убьют!

Эти слова заставили Дятлова встрепенуться. Он наконец справился с затвором. Но стрелять было уже поздно. Неровная цепь охватила горящий дом и втянулась в ближний проулок. Впереди замелькали какие-то фигуры. Они низко припадали к сугробам, к натоптанной дороге и тут же исчезали за строениями и кладушками дров. Дятлов не сразу понял, что это немцы, что вот он, враг, совсем рядом.

– Не отставай! – рычал, зло оглядываясь на него, дядька Добрушин.

«Куда он тащит меня, – ошалело думал Дятлов, – туда же нельзя, там могут убить…»

Миновали яблоневый сад с поваленным забором. Правее вспыхнул еще один дом, подожженный или артиллеристами, или уже стрелковым батальоном. В проулке, куда они забежали, стало совсем светло. Откуда-то из темноты навстречу им выбежал взводный и закричал на пулеметчика, чтобы тот не мешкал. Пулеметчик залег за кладушкой дров и открыл огонь по ближайшему сараю. Оттуда тоже начали стрелять. Пули зашлепали по поленьям. Лопнула граната. До сарая она не долетела, зацепила сучья яблонь и упала между поленницей и сараем. Другая взорвалась в проеме. Там заорали нечеловеческими голосами.

И тотчас дядька Добрушин толкнул Дятлова вперед и сам побежал, что-то злобно крича. Винтовку он держал как вилы, штыком распарывая пространство перед собой, словно уже видя цель и стремясь поскорее ее настигнуть. Из проема навстречу им выскочили две тени. Одна кинулась прямо на Дятлова, но он успел выставить винтовку вперед, так же как и дядька Добрушин, и тень наткнулась на нее и послушно остановилась.

– Вали, вали его! – рычал дядька Добрушин, орудуя штыком в снегу.

Кто-то судорожно бился у него под ногами, а дядька Добрушин хладнокровно ловил его штыком и никак не мог поймать.

Наконец, все было кончено. Взводы начали собираться в центре села.

Дятлов еле передвигал ноги. Ремень отяжелевшей винтовки давил на плечо.

Подошел командир роты, что-то говорил, смеялся и хлопал по плечу и дядьку Добрушина, и его, Дятлова.

– А мой-то, мой!.. – взахлеб хвалился дядька Добрушин.

Только немного погодя, когда они вошли в жарко натопленную хату, Дятлов понял, что тот говорил о нем.

Через час они уже шли колонной по расчищенному проселку в сторону другой деревни. Там их тоже не ждали. Разведка донесла, что в деревне до роты пехоты и два танка. Артиллеристы нахлестывали лошадей, в лощинках помогали им сами. Пехота тоже впрягалась и выталкивала тяжелые сани на пригорки. Без артиллерии им бы села не взять.

– Ну что, сынок, согрелся?

Дятлов кивнул. Его мутило. Он снова и снова думал о том немце, который наскочил на его штык, и тошнота подступала к горлу. Он вспомнил, что у него есть сахар. Сунул в рот небольшой

кусок. Стало легче. Тошнота прошла. Он был благодарен дядьке Добрушину и за сахар, и за то, что не бросил его в бою, и за то, что похвалил его, рассказал ротному, как храбро он действовал во время атаки.

Глава 11 На Медынь и Мятлево!

«К утру 14 января город был в наших руках»

Впереди – Смоленщина. – Группировка 43-й армии. – Медынско-Мятлевская наступательная операция. – Обеспокоенность Гальдера. – Гитлер о положении у Медыни. – Десантники майора Старчака. – Захват Мятлева. – Взрывы на дорогах. – Генерал Кюблер: «Медынь блокирована…» – Перегруппировка на правый фланг для захвата станции Кошняки. – Схватка за Медынь. – Как считали трофеи. – «Судетские орлы» генерала Грайса. – Окружение крупной немецкой группировки в районе Мятлева. – Блокировать окруженных или штурмовать Мятлево? – Отход немцев от Мятлева. – Был ли развязан «оперативный мешок»?

Вдоль Варшавского шоссе на Медынь продвигались части 17-й и 53-й сд. Правее и левее по флангам шли остальные войска армии генерала Голубева.

В Московской наступательной операции начинался новый период. Подмосковье осталось позади. В тылу лежали черные от пороховой копоти поля, разбитые деревни, разрушенные города. Там уже налаживалась мирная жизнь. Партийные и хозяйственные органы власти приступили к своей работе. Народ впрягался в тяжелую работу по восстановлению разрушенного.

А здесь, перед войсками первого эшелона, простирались белые поля Смоленщины, укутанные снегами леса, замерзшие болота, пространство бездорожья, утыканное противотанковыми и противопехотными минами, опутанное колючей проволокой, густо изрытое окопами.

17, 53, 415-я стрелковые дивизии, 5-я воздушно-десантная и 26-я танковая бригады почти без оперативной паузы начали новую операцию – Медынско-Мятлевскую.

13 января, во вторник, генерал Гальдер сделал в своем дневнике очередную запись: «Группа армий «Центр». Командующий группой армий неоднократно в отчаянии звонил по телефону. В то время как линия фронта в южной части мешка под Сухиничами начинает постепенно стабилизироваться, 4-я армия, по-видимому, не в состоянии сдержать натиск противника, который наносит удар с юга на двух участках в направлении автострады. Автострада перерезана. Как это отразится на снабжении 4-й армии, пока сказать трудно. Бои за Медынь настолько обострились, что фон Клюге просил разрешить ему сдать город. Фюрер согласился вопреки своему желанию. Брешь к северу от Медыни по-прежнему вызывает большие опасения». Днем раньше Гальдер записал реплику Гитлера, брошенную им в

адрес фельдмаршала фон Клюге на совещании 11 января 1942 года в ставке: «Удерживать Медынь и закрыть брешь с севера. Следует сделать попытку закрыть брешь с севера еще до того, как фронт под Медынью дрогнет. Выдвигать силы из глубины. Брешь у Ржева закрыть путем наступления из полосы 9-й армии. На подготовительные меры при занятии войсками оборонительных позиций нет времени. Если время будет выиграно, то части, прибывающие из глубины, должны использоваться для ликвидации брешей. Прежде всего удерживать Сухиничи. <…> Деблокирующие действия в виде контрудара с юга остаются нашей целью. Наша задача – экстренное подтягивание к фронту людей. Задача фронта – не отдавать ни метра территории, если это не является абсолютно необходимым. Медынь – ранее предложенный рубеж обороны! Отход разрешается только в том случае, если опасность становится совершенно очевидной и других путей ее преодоления нет». По итогам совещания Гальдер сделал краткое резюме: «Клюге намерен удерживать Медынь. Рубеж по реке Шанья».

В боевых донесениях начала и середины января 42-го года, в сводках Красной армии и вермахта Медынь, Ржев, Сухиничи, Кондрово и Юхнов упоминаются довольно часто. Главные события в какой-то момент происходили именно здесь.

14 января Гальдер вновь упоминает в своем дневнике маленькую и наполовину сожженную бомбардировками Медынь. Правда, упоминает в связи с опасностью открывшейся бреши севернее города. Однако именно в этот день части 43-й армии вошли в Медынь и захватили большое количество трофеев, а также, как свидетельствуют документы, пленных. Видимо, начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии в эти дни больше беспокоила Вязьма и осложнение обстановки в районе Ржева. События развивались стремительно, и смертельная угроза нависла над всей группой армий «Центр».

Однако после того, как были захвачены Малоярославец и Боровск, Медынь мгновенно приобрела огромное значение. Для обеих сторон. Для немцев сдача Медыни означала распахнуть ворота к станции Мятлево, наиважнейшему коммуникационному узлу. В Мятлеве сходились две дороги: железнодорожная ветка Калуга – Вязьма и шоссейная – Варшавка. Шоссе соединяло медынско-мятлевскую группировку немцев с юхновской и уходило дальше на запад, в немецкий глубокий тыл. Именно оттуда, со стороны Рославля шел поток необходимых грузов и резервов на юг, к Кондрову и Полотняному Заводу. На север и запад, по шоссе и железной дорогой немцы отправляли раненых и угоняли пленных. Железная дорога соединяла

полотнянозаводскую, кондровскую и калужскую группировки с Вязьмой, откуда шел второй поток грузов и пополнений для потрепанных дивизий 4-й полевой армии.

Из описания Медынско-Мятлевской армейской операции офицерами оперативного отдела Генерального штаба Красной армии: «Удержанию Медыни немецкое командование придавало большое значение. Поэтому подступы к ней были сильно укреплены, мосты на Варшавском шоссе были разрушены; сама дорога минирована, проселочные дороги завалены; опушки лесов оплетены колючей проволокой, населенные пункты превращены в опорные пункты. Командование Западного фронта хорошо осознавало роль Медыни как заслона, прикрывающего отход вражеских войск от Калуги и Кондрова в западном направлении. Устранив его, можно было стать на путях обоих потоков вражеских сил и во взаимодействии с войсками левого крыла фронта (ген. Захаркина и ген. Болдина и кавалерийской группы ген. Белова) окружить и уничтожить группировку противника, находившуюся в этом районе. Поэтому после овладения Малоярославца войска ген. Голубева нацеливаются на овладение Медынью» [79] .

В Медыни и в ее окрестностях закрепилась на заранее подготовленных позициях 98-я судетская пехотная дивизия. К тому времени это была изрядно потрепанная еще в осенних боях дивизия. В октябре 41-го, во время первого этапа операции «Тайфун», она наступала на Детчино и там встретилась с батальонами курсантов Подольского пехотно-пулеметного училища. После жестоких боев остатки трех ее полков были сведены в два. Несмотря на понесенные потери, дивизия была боевая, костяк ее составляли ветераны, прошедшие Французскую кампанию. В России дивизия действовала с июля 41-го. В сентябре брошена в наступление в районе Киева и за 11 дней боев потеряла 2400 человек. Солдаты 98-й дивизии имели прозвище «Судетские орлы». Командовал судетскими немцами, франконцами и нижнесаксонцами генерал пехоты Мартин Гарайс. Впоследствии он стал историком своей славной дивизии. Что оставалось генералу, проигравшему самые главные свои сражения? Штаб генерала Гарайса какое-то время квартировал в Медыни, затем из-за постоянной опасности авианалетов советской авиации перенесен глубже в тыл.

Вот что написал бывший командир 98-й пехотной дивизии о боях в Медыни. Напомним, что 98-я отступала из Малоярославца по Варшавскому шоссе. Итак:

«Как только Медынь занята, начинаются бои. Как и в Малоярославце, дело едва не дошло до полного разгрома. Три

дивизионные роты (бывшие три полка) оккупируют северо-восток города, в их числе: группа Хайма, 282-й пехотный полк, с ней остатки истребительно-противотанкового батальона, приданные бывшей 14-й пехотной роте, ныне усиленные на два полувзвода и теперь брошенные в бой. 398-й пехотный полк бьется на севере, в глубоком снегу на окраине леса южнее Мансурова. Полк близок к постижению «восточного боевого опыта», и оплачивает этот опыт слишком дорогой ценой. С северо-запада до запада опорные пункты в деревнях удерживают: группа Гайгера, 289-го пехотного полка, батальон Виммера и в дополнение к ним группа Кляйна 290-го пехотного полка с подчиненным ему полицейским батальоном Метцнера. На восточной окраине города, в непосредственном примыкании – как в Малоярославце, – сражается 34-я пехотная дивизия. Для нее овладение городом и «автострадой» жизни подобно. Свобода или конец.

С тремя четвертями боеспособных сил 198-й артиллерийский полк вступает в оборонительный бой.

В 14 часов большевики с востока, севера и северо-запада, пропахивая снег, как кроты землю, атакуют в полной решимости одним махом занять Медынь» [80] .

В некоторых трофейных источниках и послевоенных исследованиях западных историков встречаются, невнятно повторяя друг друга, упоминания о том, что Медынь немцами оставлена, войска выведены, техника и вооружение эвакуированы.

Но правда оказалась иной.

Еще в начале января, когда дивизии 43-й армии дрались под Малоярославцем и Балабановом, в штабе Западного фронта созрел замысел дерзкой десантной операции в тылу противника: выбросить в районе аэродрома Большое Фотьяново два батальона воздушно-десантного корпуса и стрелковый полк, оседлать шоссе западнее Медыни, одновременно блокировав город и его гарнизон, а затем захватить железнодорожную станцию Мятлево и узел дорог. Задача десантников и стрелкового полка – продержаться до подхода передовых частей 43-й армии.

Операцию начали 28 декабря. С самого начала все пошло не так, как было задумано. Первая группа десантников была обнаружена и уничтожена во время высадки.

Следующая группа, более многочисленная, была высажена в ночь на 4 января с задачей захватить аэродром

Большое Фотьяново близ станции Мятлево юго-западнее Медыни, обеспечить посадку транспортных самолетов, выгрузку отдельного стрелкового полка, вооружения и боеприпасов. Во время десантирования одна из групп замешкалась и приземлилась не там, где было намечено. Аэродромная охрана

открыла огонь. Но фактор внезапности и напор десантников сыграли свою решающую роль. Аэродром был очищен от противника. Хотя время прибытия транспортов со стрелковым полком оказалось просроченным. Полк не прибыл, потому что в назначенное время на аэродроме отправки не была получена радиограмма из Фотьянова, подтверждающая, что все в порядке, аэродром готов принять основные силы десанта. Высадку полка отменили, а десантникам радировали: «Действуйте по своему усмотрению».

Позже выяснилось, что самолеты срочно перебрасывались на другое, более важное задание. Операция по захвату аэродрома с целью последующего действия в сторону Мятлева и Варшавского шоссе усекалась. Десантные группы должны были действовать самостоятельно как диверсионные отряды.

С этого момента ближний тыл немецкой обороны в районе Мятлева и Медыни стал настоящим полем боя. Десантники захватили станцию Мятлево. Правда, долго удерживать ее не смогли, так как немцы перебросили сюда дополнительные силы. Но успели вывести из строя железнодорожное оборудование, уничтожили бронетехнику, находившуюся на платформах только что прибывшего состава. С этого дня взрывы мин, заложенных под опоры мостов, под рельсы и на дороги, слышались везде.

Командовал группами диверсантов майор Старчак, тот самый, который в октябре 41-го руководил здесь, на Медынском направлении, сводным отрядом десантников и курсантов подольских училищ.

По рации с «большой земли» сообщили: 12–13 января, в крайнем случае 14-го, в район действий их групп выйдет отдельный батальон майора Шевцова. Силы удваивались. Старчак понимал, что с приходом батальона из центра поступит новый приказ. Возможно, прибудет и стрелковый полк, а с ним продовольствие, боеприпасы, медикаменты. Появится возможность эвакуировать раненых.

Батальон майора Шевцова перешел линию фронта в районе Можайска. Близ деревни Дошино попал в засаду. Майор Шевцов и большинство людей погибли. Снова все рухнуло.

Вместо трех дней десантники пробыли в немецком тылу десять дней и ночей. Израсходовали весь запас взрывчатки, патронов и продовольствия. Приказ о выходе майор Старчак получил в тот день, когда северо-восточнее загрохотала канонада – дивизии 43-й армии начали штурм Медыни.

Еще 12 января командующий 4-й полевой армией генерал Кюблер послал в штаб группы армий «Центр» шифровку: «Медынь блокирована с севера и северо-запада. Имеющиеся там слабые

силы не могут удержать город. В случае прорыва под Медынь, что практически неизбежно, противник по шоссе дойдет до Юхнова, и нет возможности выставить против него ни одного немецкого солдата. В результате будет разбита вся 4 А…» Фон Клюге понимал, что пытаться удерживать Медынь – это дать возможность Красной армии провести удачную операцию на окружение в районе этого злополучного городка. С большим трудом он смог выпросить у Гитлера разрешение на отход войск на заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж по реке Шаня.

Но немецкий гарнизон не успел покинуть город. 13 января части 5-го воздушно-десантного корпуса полковника Гурьева перерезали шоссе на участке Медынь – Мятлево в районе Косова и Бобровки и начали наступать на город. Отход на Юхнов для немцев оказался отрезанным. Одновременно на Медынь навалились передовые батальоны почти всех дивизий и бригад, входивших в 43-ю армию. Генерал Голубев понимал значение города и для противника, и для своей армии, и для Западного фронта в целом, а потому гнал свои войска вперед и вперед.

В эти дни в помощь медынскому гарнизону немцы перебросили полицейский батальон и полковую группу 268-й пехотной дивизии, а также части огневого усиления.

Отход не получился, теперь надо было держаться. Немцев одновременно беспокоила брешь севернее Медыни, образовавшаяся во время беспорядочного отхода от Наро-Фоминска и Малоярославца. С падением Медыни ситуация усугублялась. В критическом положении оказывалась вся кондровско-мятлевско-юхновская группировка. Рушились коммуникации всей 4-й полевой армии.

Во время движения армий Западного фронта вперед то там, то здесь возникали, как говорят, внеплановые ситуации, чреватые многими неприятностями. Во время наступления из района Троицкое, Ильинское, Подсосино, Якушево между порядками 43-й армии и армии генерала Ефремова (33-я А) возник разрыв. Войска генерала Ефремова замешкались в районе Вереи, которую немцы упорно не хотели сдавать. К счастью для наших войск, немецкая разведка вовремя не обнаружила этот зазор, и генерал Кюблер не воспользовался выгодными обстоятельствами для нанесения флангового удара и по частям 43-й армии, и по дивизиям генерала Ефремова.

«Чтобы устранить такую опасность, – читаем мы дальше в отчете офицеров Генерального штаба, – ген. Голубев принужден был вывести одну стрелковую дивизию из своего оперативного построения и ускоренным маршем перебросить ее в район

Шанского Завода, чтобы начать оттуда боевые действия по уничтожению противника на р. Шаня. Пока дивизия производила рокировку с левого фланга на правый и выходила в промежуток между двумя группами войск, остальные дивизии ген. Голубева вели планомерное наступление. Противник оказывал упорное сопротивление, но мужество советских войск побеждало: преодолевая трудности, сбивая противника, части ген. Голубева овладели новыми населенными пунктами, нанося противнику тяжелое поражение» [81] .

Судя по оперативным сводкам дивизий и бригад, поступавшим в эти дни в штаб армии, противник был выбит из опорных пунктов Исаково, Елешня, Клины, Подольное, Уланово, Михеево, Александровка, Колодези, Льян, Варваровка, Марютино, Гусево, Мансурово, Митрохино, Дошино. Подразделения наступавших дивизий 43-й армии освободили десятки населенных пунктов, очистили от противника значительную территорию нынешнего Медынского района Калужской области. Там, где местные жители не были угнаны на запад, красноармейцев встречали со слезами радости на глазах, с хлебом-солью из последней горстки муки. Пришло долгожданное освобождение. В деревнях и на лесных дорогах красноармейцы и группы местных партизан перехватывали мелкие группы не успевших уйти полицаев и жандармов, имевших приказ сжечь все дотла перед приходом Красной армии. Как правило, их в плен не брали.

Должен заметить, что в Медыни, Юхнове, Кирове и Спас-Деменске, в Бетлице и Кондрове день освобождения от немецко-фашистских захватчиков празднуется как самый дорогой и великий праздник. Калужская область, многострадальная земля, политая солдатской кровью, помнит своих защитников и освободителей трогательной памятью. Дни освобождения в районах отмечаются в разные сроки. В эти дни люди приходят к солдатским могилам с цветами. Начальство произносит речи. Люди вспоминают, переживают. В школах области развита культура научных чтений, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Дети изучают историю дивизий, освобождавших их малую родину, подвиги отдельных отрядов и героев. Это всячески поощряется и развивается.

Но вернемся в январь 42-го под Медынь.

«Однако темп их продвижения был невысок. Только

12 января они подошли к Медыни, и стрелковая бригада завязала бой на ее окраинах. С 12 по 13 января войска ген. Голубева, сбивая противника в его опорных пунктах, продвигались вперед, охватывая Медынь с северо-востока,

восточной и юго-восточной сторон. 13 января нашими войсками было перехвачено Варшавское шоссе; немецкий гарнизон Медыни оказался окруженным. В этот день передовой отряд сводного полка ворвался на ст. Кошняки, уничтожил там немецкую охрану и разрушил полотно железной дороги. Железнодорожная линия Мятлево – Вязьма была прервана. Видя безнадежность сопротивления в Медыни, противник в ночь на 14 января бросил здесь свою материальную часть и мелкими группами вывел войска в направлении Мятлево. Часть их, наткнувшись на наши передовые отряды на Варшавском шоссе, была истреблена, другая часть, понеся большие потери, прорвалась к Мятлево. К утру 14 января город был в наших руках. В нем были захвачены большие трофеи и пленные. В боях за город было уничтожено более 2000 фашистов» [82] .

Вышеприведенная обширная цитата из генштабовских документов, которые впоследствии легли в основу книги маршала Б.М. Шапошникова «Битва за Москву», нуждаются в некоторых комментариях.

Стрелковая бригада, первой достигшая предместий Медыни, по всей вероятности, была одной из бригад 5-го воздушно-десантного корпуса полковника С.С. Гурьева [83] .

В середине 80-х годов прошлого века мне доводилось бывать на станции Кошняки нынешнего Износковского района Калужской области. Рядом с железнодорожной насыпью еще лежали искореженные взрывами рельсы, по всей вероятности оставшиеся после того рейда. Сейчас, в эпоху всяческого дефицита, в том числе и металлолома, они, как говорят, исчезли.

Итак, Медынь была взята штурмом. В городе захвачены богатые трофеи и пленные.

Сохранилась дневниковая запись немецкого солдата медынского гарнизона: «…Позже, во второй половине дня прибывает 308-й полицейский батальон из Варшавы. Хорошо вооруженный и по-зимнему оснащенный батальон будет хорошим подкреплением для находящегося под угрозой северного края обороны 98-й пехотной дивизии. Состояние и оснащение полицейских позволяет надеяться на усиление наших сил. Но это была тяжелая ошибка! С 11 января по 13 января атаки следуют одна за другой. Без успеха. Все атаки отбиты. Медынь держится. Ослепительный солнечный свет лежит на белоснежном поле боя. Но все более серьезные сообщения, которые получает подразделение из Степановской, заставляют беспокоиться. 13 января в первой половине дня наступает тяжелый кризис: в результате беспрерывных атак большевики проникают в город на участке, обороняемом полицейскими. Возникает паника, которая

переходит в беспорядочное бегство полицейских. У них совершенно сдают нервы, они бросают оружие, снаряжение, лыжи, форму! Группами и по отдельности они устремляются назад в тыл. На расстоянии одного километра от города их пытается задержать командир дивизии с несколькими офицерами! Напрасно. Безнадежная затея. Это позорное бегство ставит соседей по обороне в сложное положение и грозит серьезными проблемами 34-й пехотной дивизии. Дела вновь идут плохо. Смертельная опасность, грозящая защитникам города, исходит от вражеских частей, охватывающих город. Сводные части в очередной раз отбивают атаку противника, одетого в белые маскхалаты. К вечеру после жесточайшего боя Медынь все еще в руках дивизии. Полицейский батальон будет расформирован. Начатое военно-судебное расследование теряется на пути к рейхсфюреру Гиммлеру, которому эта часть непосредственно подчиняется. Приказ фюрера гласит: «Позиция на реке Шаня должна быть окончательной!» Но эта позиция практически не оборудована…»

Командарм Голубев отрапортовал Жукову о взятии города, о захваченных трофеях, что в те дни было особенно ценной информацией. Газета «Правда» о медынских трофеях вынуждена была писать дважды. 16 января появилось первое сообщение: Медынь в наших руках, захвачены такие-то и такие-то трофеи в таких-то количествах. Через четыре дня «Правда» уточнила количество трофеев: их стало меньше. В первой публикации особенно переборщили с автомашинами и пулеметами. Вот цифры, наиболее близкие к тому, что было на самом деле: в городе захвачено 6 немецких танков, 514 автомашин, 26 орудий, 34 пулемета, много боеприпасов и различного воинского снаряжения. Даже если часть этой боевой техники была неисправной, то трофеи все равно богатые. Неисправные танки и бронетехнику немцы очень быстро умели ставить в строй. Так что медынские трофеи для того периода были значительными.

Штурм Медыни совпал со штурмом Вереи дивизиями 33-й армии и кровопролитными боями другого соседа, 49-й армии, за овладение Полотняным Заводом и Кондровом.

Немцы уже накапливали силы в районе Передела. Им не хватило всего нескольких дней и, что более вероятно, решительности для мощного контрудара во фланг нашим наступавшим армиям.

В январе наши войска, действовавшие на острие Западного фронта, были еще сильны. И противник, не представляя себе, какая сила идет на него, продолжал пятиться, оставляя рубеж за рубежом. Но дивизии Красной армии во время наступления таяли

стремительно. И немцы вскоре это почувствовали. Их контратаки стали мощнее и напоминали уже контрудары, и отражать их стоило больших усилий и немалой крови.

21 января ночью Жуков отдал командарму 33 приказ о наступлении на Вязьму.

Сосед справа, который основательно завяз под Вереей, начинал операцию, которая в историю Великой Отечественной войдет как Ржевско-Вяземская 1942 года. Для генерала Ефремова прорыв под Износками стал прологом трагедии его армии и личной его трагедии.

По приказу штаба Западного фронта генерал Ефремов создал ударную группировку – 113, 338, 160, 329-я стрелковые дивизии, – с этими силами вошел в брешь, образовавшуюся между немецкими группировками, и ускоренным маршем двинулся на Вязьму. Одновременно к Вязьме по снегам и лесам двигался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова. Он пересек Варшавское шоссе в районе Мосальска и двинулся на север.

20 января из штаба Западного фронта – командующему оперативной группой генерал-майору П.А. Белову. Приказ на ввод в прорыв на Вяземском направлении:

«БЕЛОВУ

Строжайше запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть щель, гоните все в эту щель и развертывайте эту щель ударом к флангам.

Десанту поставлена задача [к] исходу 21.1 занять Ключи.

Итак, в щель ввести 2 сд, 5 кд и 5 лыж. батов. Будет блестящий успех.

Юхнов будет взят 21.1 войсками 43, 49 армии.

[Болдин оскандалился.]

Можайск взят Говоровым. Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьма. Горин в 25 км от Вязьма.

ЖУКОВ» [84] .

В районе Знаменки высаживались батальоны 4-го воздушно-десантного корпуса. Калининский фронт генерала Конева наступал таким же узким клином и охватывал Вязьму с севера и северо-запада. Горин – командир кавалерийского корпуса Калининского фронта. Корпус наступал в авангарде войск северной группировки. Таким образом, по замыслу Ставки, в кольце оказывалась основная группировка группы армий «Центр» – 9-я полевая, части 4-й полевой и танковых групп. Замысел был грандиозным, и, если бы он удался, возможно, война для Советского Союза и всего мира закончилась бы на несколько лет раньше. Но у истории, как известно, не бывает сослагательного

наклонения.

Сил для операции такого масштаба и у Западного фронта, и у Калининского оказалось недостаточно. А противник оказался силен. Немцы быстро перегруппировались после отхода и арьергардных боев, в ходе которых понесли большие потери в людях и вооружении, и встретили наши наступающие части глухой обороной, сосредоточенным огнем и упорным стоянием на своих позициях. Преодолеть их ни Ефремов, ни конники Белова, ни десантники полковника Казанкина, ни части Калининского фронта не смогли. Более того, сами попали в ловушку.

Но вернемся под Медынь, в расположение 43-й армии.

«Медынь в развернувшейся операции явилась первым шагом, – читаем мы в отчете офицеров Генштаба. – За ней должно было последовать овладение Мятлево и окружение, во взаимодействии с армиями левого крыла Западного фронта Кондрово-Юхновской группировки противника.

Войска ген. Захаркина в это время наступали в направлении Полотняный Завод, Кондрово; ген. Болдина – двигались южнее и наносили удар на Юхнов с юго-востока.

Наиболее ответственная задача возлагалась на войска ген. Голубева, которые в течение 16 января должны были обойти узлы сопротивления противника на шоссе Медынь – Юхнов и атакой с флангов содействовать частям ген. Захаркина и Болдина в уничтожении Юхновской группировки противника.

Эта задача представляла большие трудности, так как приходилось совершать охват противника на широком фронте – от Шанского Завода до Юхнова. На это требовались большие силы. Таких сил у ген. Голубева не было.

Поэтому боевая деятельность их в последующем развитии событий приобрела крайне сложный характер» [85] .

Сейчас в военной историографии существует очень много споров и мнений по поводу этой несчастной Ржевско-Вяземской операции 1942 года. Когда исследуешь документы той поры, изучаешь действия армий и армейских группировок, направление их движения и ударов, приходишь к невольным выводам о том, что конечно же фронтовая операция по окружению основной группировки группы армий «Центр» на ржевско-вяземском выступе зимой – весной 1942 года была чистой воды авантюрой. Посмотрите, какого напряжения и какой крови стоила армиям левого крыла Западного фронта ликвидация юхновского выступа [86] . Какие сложные события в это время происходили под Сухиничами в полосе действия 10-й и 50-й армий. Как нелепо выпустили из окружения мятлевскую группировку немцев, дав ей возможность усилить вяземскую оборону и оборону по Рессе, Угре

и Воре зимой 42-го года, в самый пик драмы под Вязьмой. Да и кавалерийский корпус, как подсказывают последующие события, нужнее был в районе Юхнова и Мятлева. Тогда бы сил у генералов Захаркина, Голубева и Болдина было побольше и они бы смогли дожать в районе Кондрова, Мятлева и Юхнова крупную группировку противника. Но погнались за большим. В итоге и на Варшавском шоссе немцев упустили, хотя окружение провели блестяще. И под Вязьмой в котел угодили.

Но в Ставке, да и в штабе Западного фронта, не оценили синицы в руке. Маловата птичка, вроде бы и не трофей. А журавль в небе махнул крылом да и исчез за горизонтом…

Дальнейшие события под Мятлевом происходили следующим порядком:

«16 января, по приказу командующего фронтом, войска ген. Голубева должны были овладеть Мятлево. Между тем на 15 января они для этой цели располагали только двумя дивизиями и стрелковой бригадой, т. к. остальные дивизии частично были направлены на обеспечение правого фланга и окружение противника, а частично приводились в порядок после боев под Медынью.

Между тем командование фронтом торопило со взятием Мятлево, так как противник стягивал свои силы к ст. Кошняки и мог восстановить движение по железной дороге Мятлево – Вязьма. Но взятие Мятлево без ликвидации противника на р. Шане и удара по его силам, стянутым в район Кошняки, не давало полного решения той задачи, которая стояла перед войсками ген. Голубева.

Поэтому сосредоточившаяся в районе Шанского Завода стрелковая дивизия [87] повела наступление в направлении Юхнов, чтобы очистить этот участок фронта от противника, удержать за собой ст. Кошняки и закрыть для противника возможность отступления на запад.

Начав наступление 15 января, эта дивизия, оставив в Шанском Заводе один батальон, к 15.00 19 января одним полком овладела Пуповкой, другим блокировала противника в Хвощах и третьим подходила к Бол. Семеновское. В район Кошняки из войск ген. Голубева были посланы стрелковая бригада и дивизия. Сводный полк в это время располагался в районе Бокшено, а один стрелковый батальон находился в Извольске. Таким образом на участке от Шанского Завода до Юхнова создавался заслон частей, не позволявший немцам производить отвод своих сил в западном направлении. Но т. к. этот заслон не был достаточно плотным, то противнику, уходившему из района Мятлево на запад, удавалось на отдельных участках его прорывать.

Для того, чтобы воспретить такие прорывы, необходимо было увеличить силы заслона. Это можно было сделать только за счет уменьшения тех сил, которые наступали на Мятлево. В результате к 31 января против Мятлево осталась только одна стр. дивизия, все остальные соединения войск ген. Голубева оказались в составе заслона, закрывавшего немцам отвод их сил на запад.

С 21 января завязываются ожесточенные бои с отходящим противником на фронте Пуповка, Хвощи, Тетево, Бокшено, Ворсобино, Мятлево. Немецкая группировка (31, 52 и 410 пп) пытается вырваться из окружения. Некоторому количеству фашистских сил это удалось сделать, большинство же их нашло себе могилу в лесном массиве в треугольнике Износки, Юхнов, Мятлево» [88] .

Необходимые комментарии к вышеприведенному абзацу. Некоторые исследователи преувеличивают состав окруженной группировки, включая в нее целых три армейских корпуса вермахта. Справка, на мой взгляд, дает наиболее правдивые сведения о составе окруженной немецкой группировки. Что касается «некоторого количества», которому «это удалось сделать», то необходимо заметить следующее. Сохранившиеся архивные документы всех трех армий, действовавших против окруженной группировки, не подтверждают ни уничтожения, ни, тем более, захвата в плен большого, численностью до дивизии, количества немецких солдат. Ничего подобного не отметила и пресса этих дней. В докладах Жукова Сталину тоже нет подтверждений успешного завершения Кондровско-Мятлевско-Юхновского окружения. По всей вероятности, тяжелую технику и основное вооружение немцы тоже успели вытащить из котла. Боевые донесения наших частей, стоявших в тот период по периметру окруженной группировки, не отмечают захвата большого количества трофеев. Так что противник вышел, скорее всего, не мелкими группами, а более или менее организованно, с оружием, с обозами раненых и имуществом. Хотя, как бывает в подобных случаях, кое-что бросил ради спасения большего.

«Бои задержали продвижение наших войск на Мятлево, сил одной дивизии, действовавшей против него, оказалось недостаточно для того, чтобы им овладеть, хотя

27 января она была уже в непосредственной близости от этого пункта. Чтобы покончить с Мятлево, в распоряжение ген. Голубева была послана мотострелковая дивизия войск ген. Ефремова. Она прибыла под Мятлево 27 января и совместной атакой со стрелковой дивизией ген. Голубева 29 января овладела этим пунктом.

Противник был отброшен к Юхнову, к которому подходили

войска ген. Болдина, с востока фашистские силы теснились войсками ген. Захаркина, а на западе располагались части ген. Голубева. Противник окружался со всех сторон. Начиналась операция на уничтожение его сил, попавших в оперативный мешок. Это составило новую страницу в деятельности войск ген. Голубева, которая по времени уже относится к другому периоду. Группировка противника, в районе Юхнова оказавшаяся в окружении, частично в феврале была истреблена, частично, понеся большие потери в материальной части, вырвалась из окружения» [89] .

Старая, незаживающая рана – трагедия 33-й армии. О какой бы армии ни писал, но, когда попадается материал, прямо или косвенно касающийся судьбы 33-й армии и ее командующего, стараюсь ввести его в канву рукописи. Таким образом расширяется общая картина трагедии, ее причин, истоков и следствий. В генштабовском отчете речь идет о 1-й Московской мотострелковой дивизии, которую по приказу штаба Западного фронта в эти дни вывели из состава 33-й армии и передали на усиление удара на Мятлево. Из состава 33-й армии в середине января вдруг начали забирать артполки и дивизионы гвардейских минометов, отдельные подразделения и, как мы видим, целые дивизии. С такой ослабленной группировкой идти на Вязьму, да еще при необеспеченных флангах, было настоящим безумием. И, по всей вероятности, это хорошо понимали в штабах. И тем не менее продолжали заталкивать новые и новые части под Вязьму.

Как видно из предыдущей цитаты, в Мятлево немцев окружить не удалось. Гарнизон и войска, обеспечивавшие узел дорог по периметру, ушли в сторону Юхнова, воспользовавшись Варшавским шоссе. Мятлевскую группировку, благодаря умелым действиям штаба Западного фронта и командармов действительно оказавшуюся в оперативном мешке, изолировать здесь и уничтожить не удалось. Читая между строк, видим, что теперь эту группировку штабисты начинают именовать уже юхновской. Как она действовала, как отступала в район Юхнова и сколько пролила своей и нашей крови в боях с наступавшими частями 49-й армии генерала Захаркина, препятствуя их продвижению на Юхнов вдоль Варшавского шоссе, подробно рассказано в предыдущей книге «Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941–1942». Повторяться не стану. Стоит только сказать, что отходили немцы организованно, эвакуировали раненых и даже убитых, вывозили тяжелое вооружение. Трофеев в захваченных населенных пунктах и отбитых опорных пунктах нашим войскам доставалось мало.

В феврале 42-го 43-я армия остановилась на рубеже рек Вори

и Угры. Здесь, в позиционных боях на истощение, немцы продержали ее до сентября месяца. В начале осени армия была выведена в резерв Ставки и вскоре переброшена севернее, на Калининский фронт.

А зима и весна 42-го для армии прошла в не менее упорных и кровопролитных боях на Вяземском направлении. Армия решала задачу прорыва к Вязьме, очистки тыловых путей правофланговой 33-й армии и последующего соединения с нею.

Вот запись переговоров командующего войсками Западного фронта с командующим 43-й армией 30 января 1942 года. Она говорит о многом.

«У аппарата командующий ЖУКОВ.

У аппарата ГОЛУБЕВ.

ЖУКОВ. Тов. Голубев, кратко доложите, как с Юхновом и как на других участках. Ваши расчеты?

ГОЛУБЕВ. Здравствуйте, генерал армии. Докладываю.

Передовые части достигли с боем Батино, Панаево. Попытки удара на Юхнов через Горенец, Ступино и с направления Карцево успеха пока не дали. Оборона у противника здесь крепкая. Поэтому будем обходить с запада. По докладу командиров передовых частей, противник эвакуирует все не по Варшавскому шоссе, а по шоссе на Вязьма, что западнее р. Угра. Одновременно противник пытается прорываться на северо-запад через Строево, через Хвощи и опять вдоль железной дороги. Противнику численностью в 400 штыков удалось овладеть Ухово. Я решил двигаться на юго-запад, разбить группировку противника в районе Ухово, Хвощи, Агарыши. В районе Ухово идет сейчас бой 18 тбр и 18 сбр. Одновременно идет бой с успешным для нас результатом на участке 17 дивизии за Ворсобино, нами здесь с боем занято Новый Мир, Истоминка, Пелагеино, Кирово. Бой идет на улицах Ворсобино. Двигаться на запад без разгрома этих группировок не считал возможным, опасаясь за возможность удара в тыл Ефремову, у которого, как я сейчас узнал, противник с севера и сев. – востока на подступах к Износки. Противник захватил Каменка, Черемошня, Костино, Красное, Клины, Троена. 1 гв. [мед] топчется на месте, ведя бой за Гридино. 415 [сд] овладела Кононово. Решительно подхлестываю обе последние дивизии к более энергичным действиям. Вам направил карту убитого офицера с нанесенной обстановкой, из нее видно, что на сев. – запад прорывались вост. Кошняки 263 пд и зап. Кошняки 52 пд. Боем сегодня установлено в районе Ухово, Хвощи 290 пп 98 пд, а в районе Агарыши – части 2 бригады «СС». Гурьева и 400 специалистов по приказу Генштаба отправил в Москву. К 18 сбр еще не прибыла артиллерия и обозы. С утра начнется движение

всех сил в районы, доложенные мною вам в приказе армии. Чрезвычайно тревожит коммуникация в связи с появлением противника сев. дороги. Прикрытия надежного против них не имею. Если Ефремов не закроет, вынужден буду снять с основного направления. Исключительную активность проявляет авиация противника как по боевым порядкам, по штабам, так и по дорогам. У меня пока нет.

ЖУКОВ. Какую роль, по-вашему, у вас играет 1 дивизия?

ГОЛУБЕВ. Она должна играть очень важную роль, наступая в направлении Ворсобино, Морозово с выходом в район Рубихино, Никитино, Козловка. Для дальнейших действий на юго-запад на Раляки. 17 сд должна выйти сев. в район Мосейково, Ново-Успенское.

ЖУКОВ. Если противник будет сидеть в Ворсобино, Карманово, Сидово, положение нисколько не ухудшится, наоборот, будет больше трофеев. 1 гв. дивизи[ю] противник будет выталкивать из этого района, имея в виду, что Захаркин сегодня ночью выйдет на шоссе в районе Руденко, Крюково. Я бы вам советовал Первую быстро перебросить в район Уколово для удара на Ухово, Хвощи, далее на Кувшиново. Бояться противника со стороны Ефремово не следует, так как [у] Ефремова на подходе к Износки две дивизии, а сев. – зап. Шанского Завода действует 110 сд. В район Кувшиново завтра к исходу дня подойдет фронтовой резерв, 9 гв. сд, почти полнокровная, оглядываться вам не стоит, можете положиться на нас. Не знаете ли вы, какая обстановка у Ефремова на подступах к Вязьме?

ГОЛУБЕВ. Знаю, что 338 [сд] соединилась с авиадесантом, сейчас должен прибыть делегат, которого я посылал к т. Ефремову и который привезет последние данные.

Ваши указания ясны. Сейчас подам команду 1 гв. [мед] об изменении направления, назад оглядываться не буду, да и незачем, ибо совершенно не решающие указанные Вами направления.

ЖУКОВ. Хорошо, чаще доносите. Будьте здоровы» [90] .

Самолеты взлетали с аэродрома Внуково. Ночью. Выброска в районе станция Мятлево – аэродром Фотьяново. Когда-то в Фотьянове садились их самолеты. Теперь там немцы. Гарнизон. Охрана.

Через линию фронта перевалили без происшествий. Внизу мерцало, вспыхивало. Но это были не зенитки.

Все вздохнули с облегчением, когда вспышки остались в стороне. Самолет уже шел над районом десантирования.

Десантники крутили головами, посматривали на сигнальную лампочку. Наконец, она тускло замигала. Пора.

Старший группы распахнул десантный люк. Хлынул морозный воздух.

Толчок вперед, в морозную черноту, заполненную звездами и дальними вспышками. Рывок, будто кто-то большой и сильный хочет поставить тебя, болтыхающегося в пространстве, на ноги. Ноги повисают, какое-то время машинально ища опору. Внизу синеет поле аэродрома, редкие постройки на краю. Через мгновение они видны уже более отчетливо. Вот от них отделились черные точки, их становится все больше, они хаотично перемещаются от одного строения к другому. Вспышек пока нет.

Климашин огляделся, потрогал автомат, висевший на груди. Автомат без диска. Диск в патронной сумке. Два парашюта мерцали совсем рядом. Один на корпус выше, другой ниже. Вот пошли трассы – снизу, под углом, и прошили нижний парашют. Послышался крик. Кого-то задело. Вспышки начались по всему полю. Оно стремительно приближалось. Из крайней постройки, с угла бил пулемет. Климашин успел засечь его точное расположение.

Он натянул стропы, сгруппировался. Толчок немного запоздал. Климашин по пояс вошел в снег. Парашют начало сносить левее, и он быстро, чтобы не потащило по снегу, под пули, высвободился из лямок. Развязал тесемки и освободил ППШ. Вставил диск. Все, пошли…

Перебежал через погашенный парашют. Белый шелк хрустел под ногами, как отсыревший снег. Десантник в потемневшем на груди маскхалате неподвижно лежал в снегу. Климашин нагнулся к убитому, но не узнал его. Должно быть, кто-то из недавнего пополнения.

Задачей их группы было очистить аэродром от немецкого гарнизона, уничтожить охрану и подготовить взлетную площадку для приема транспортных самолетов. На самолетах должен был прибыть стрелковый полк с задачей – оседлать Варшавское шоссе, захватить мост через реку Шаню, отрезать мятлевскую группировку противника от медынской и не дать медынскому гарнизону воспользоваться дорогой для отхода на запад.

Но во время высадки произошла заминка. Вторая группа, которая должна была ударить в тыл аэродромной охране, промедлила и десантировалась слишком далеко от аэродрома. Десантный батальон оказался разбросанным по большой площади. Чтобы собраться и перегруппироваться для боя, требовалось хотя бы полчаса.

Тем временем человек сорок, среди которых оказался и Климашин, приземлились прямо на головы немцев.

Автомат оказался в порядке. Он сделал короткую очередь по окнам казармы. Оттуда тут же ответили несколькими одиночными выстрелами. Стреляли прицельно. В снег неподалеку с небольшим недолетом ударила пуля. Климашин упал, перекатился правее и достал гранату. Если снять ранец, прикинул он, лихорадочно высматривая ближнее окно, где снова вспыхнул выстрел, то гранату доброшу и, может быть, попаду. Если не попаду, то стрелки снова засекут. И тогда уже вряд ли отсюда выбраться живым.

Он освободился от лямок. Рюкзак был тяжелым – взрывчатка, сухпай, дополнительный боекомплект и прочее. Привстал на колено и что было сил швырнул Ф-1 прямо на вспышку. Взрыв получился глухим, и Климашин понял, что граната влетела в окно и разорвалась внутри. Повезло.

Когда вставал, заметил, что к казарме метнулись еще двое или трое десантников.

Под ногами хрустело – то ли битое стекло, то ли лед. Фонарик он включать не стал, чтобы не стать мишенью за первым же поворотом коридора. Наполовину сорванная, перекошенная дверь преградила путь. Он поднырнул под нее и тут же получил удар в плечо. Немец, видимо, бил по голове, целя в затылок. Но Климашин споткнулся, пролезая под дверью, и удар пришелся правее. Он тут же, определив цель, ударил прикладом снизу. Звякнула каска, отлетев в угол коридора. Удар был сильным, видимо, лопнул ремешок. Немец охнул и завалился на бок. Через него перескочил десантник, бежавший следом за Климашиным. Короткая автоматная очередь. Ответная вспышка. Пули обожгли кожу на скуле. По подбородку потекло горячее. К счастью, бежавший рядом десантник опередил немца. Тот выстрелил уже падая, навскидку, неприцельно. Забежали еще в одну комнату – пусто. Выскочили на улицу. Климашин потрогал скулу. Ничего опасного – пуля только царапнула, содрав кожу. С такой раной из боя не выходят.

Там, где он приметил пулеметчика, вовсю грохотало и вспыхивало – шел гранатный бой. Через минуту затихло.

– Все, ребята! – послышался голос командира группы.

Начали расчищать взлетную полосу. Мало того что ее занесло снегом, немцы, будто предчувствуя что-то, разбросали по полосе бороны, бревна, железные бочки. Надо было все это поскорее убрать. Потому что время прилета транспортов было уже пропущено. Слишком долго шел бой.

– Отбой! – Голос командира был тревожным, но эту тревогу мог распознать только тот, кто знал командира давно.

Климашин летал на задания с командиром с лета, когда их

батальон базировался здесь неподалеку, под Юхновом.

– Отбой! – повторил командир. – Собрать оружие. Уходим.

Если командир приказал собирать трофеи, значит, дела неважные.

В лесу остановились. Сложили под сосной убитых. Несколько человек тут же принялись разгребать снег и рубить лапник.

– Прибытие полка отменяется, – сказал командир. – Только что пришла радиограмма: действовать по варианту номер два.

Это означало, что батальон должен разделиться на мелкие, до взвода, группы, распределить объекты и цели и действовать в качестве отдельных диверсионных отрядов до нового распоряжения.

Десантники не знали, что причина неприбытия стрелкового полка заключалась не в том, что промешкали они, что не вовремя подготовили аэродромную полосу для приема самолетов. Северо-западней, где несколько дней назад была окружена крупная группировка противника, немцы начали прорыв, и все резервы были брошены туда. Вот почему несколько дней они будут действовать в этих лесах и на дорогах почти безнаказанно. И даже захватят железнодорожную станцию с эшелоном, поданным под погрузку танков. Несколько часов они будут удерживать ее, израсходуют почти весь запас взрывчатки, чтобы вывести из строя танки и железнодорожные платформы. Но потом по Варшавке со стороны Юхнова немцы перебросят дежурный батальон с тремя танками, и десантники вынуждены будут отступить в лес.

Спустя несколько дней придет радиограмма: на выход. Из 416 человек линию фронта в районе Медыни пересекут только 87 десантников.

Глава 12 Противостояние на Угре и Воре

«…за это жизнью расплачиваются люди, которые, умирая, не могут сказать вам спасибо»

43-я армия меняет направление и уходит с Варшавского шоссе. – Наша засекреченная история. – Хроника событий. – Первая атака на Вязьму. – Мощные контратаки противника. – Белов и Ефремов отбиты от Вязьмы. – Бои 43-й армии с целью прорыва к окруженным. – Хроника февральских, мартовских и апрельских боев. – Хотел ли генерал Голубев прорыва своих дивизий к Вязьме? – Переговоры Голубева с Жуковым, которые таят ключ к ответу на многие вопросы вяземской истории. – Из записок ком-фронта А. И. Еременко о командарме Голубеве

Во время проведения Ржевско-Вяземской операции 1942 года 43-я армия изменила маршрут, сместилась на север и уткнулась в заранее подготовленную оборону немцев. Варшавское шоссе отныне осталось вне зоны ее действий. Там, южнее и юго-западнее дрались армии левого крыла Западного фронта – 49-я генерала Захаркина и 50-я генерала Болдина.

События февраля, марта и апреля на фронте 43-й армии были подчинены одному – попытке пробить коридор к западной группировке 33-й армии. Попытка не удалась.

Трудно сейчас судить о том, почему все вокруг Вязьмы сложилось так трагично для наших войск. Но понять кое-что все же можно. Дальнейшие исследования могут дать ответы на многие вопросы, в том числе и на роковые, касающиеся судьбы генерала Ефремова и офицеров его штаба. Но – при одном условии: архивы, покуда еще скрывающие многие тайны, должны быть рассекречены. Овальный чернильный штамп «Засекречено», поставленный на описях дел архивными служащими десятки лет назад, все еще скрывает от нас нашу историю. Скрывает надежно и основательно. И, надо заметить, дает богатую пищу для манипуляторов от истории для того, чтобы белое по-прежнему можно было называть черным, а черное – белым.

Чтобы немного прояснить ситуацию, происходившую в тех местах, которые нас интересуют, попытаюсь выстроить нечто подобное хронике событий февраля – апреля 42-го на Вяземском направлении, где лилась кровь солдат и командиров армий левого крыла Западного фронта.

3 февраля

Западная группировка 33-й армии и кавгруппа генерала

Белова начали атаку на Вязьму. Противник встретил их хорошо организованной системой огня из всех видов оружия и короткими контратаками пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации. Занять Вязьму с ходу нашим войскам не удалось. В тылу, в глубине коридора противник нанес удары по сходящимся направлениям силами 17-й и 183-й пехотных при поддержке 20-й танковой дивизий и отрезал западную группировку 33-й армии от тылов и основных сил Западного фронта. Немцами заняты Захарово и Савино – населенные пункты в основании коридора.

Последовала реакция командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова: от командарма 43 он потребовал до 4 февраля восстановить положение. Руководство частями, выделенными для разгрома противника, возлагалось на начальника штаба 33-й армии генерал-майора А.К. Кондратьева, находившегося в Износках в восточной группировке. Батальон, обеспечивавший фланги коридора в районе Захарова, Жуков приказал «вернуть обратно, виновных в сдаче этого особо важного пункта арестовать, судить и расстрелять на месте независимо от количества». Генералам Ефремову и Белову приказано «ускорить взятие Вязьмы, используя время, пока противник еще слаб» и «указать районы посадки самолетов для подброски вам боеприпасов и продовольствия».

10 февраля

Западная группировка 33-й армии вела бой на фронте Малая Гусевка, Горожанка, одной дивизией наступала на Выползово, Кайдаково и станцию Лосьмино (4—10 км южнее Вязьмы). На коммуникациях группы противник занял Виселево (40 км юго-восточнее Вязьмы). 329-я сд переподчинена генералу Белову. 43-я армия силами трех дивизий (9-й гвардейской, 1-й гвардейской мотострелковой и 17-й стрелковой) атакует Захарово с северо-востока, востока и юго-востока. Результаты боя – несколько захваченных домов на окраине села. Немцы Захарово не сдают, упорно обороняют каждый дом. Большие потери с обеих сторон.

Жуков приказал командарму 43 генералу Голубеву и начальнику штаба 33-й армии генералу Кондратьеву, исполнявшему обязанности командующего 33-й армией (восточная группировка): «1. Сегодня любой ценой расчистить пути к Вязьме. 2. Удар двух армий должен быть согласованным и не прерываться до полного прорыва.

3. Смелее лезьте отборными отрядами в щели между боевым порядком противника».

13 февраля

Из доклада командующего войсками Западного фронта Верховному главнокомандующему об обстановке в полосе фронта

на 13 февраля 1942 года: «43-я армия после ожесточенного боя к исходу дня 13.2.42 овладела Захарово (на Гжатском большаке). Частями армии отбита сильная контратака противника с большими для него потерями. Немцы шли в атаку в колоннах, пьяные. Захарово закрепляется, приняты меры для развития прорыва в глубину и на флангах» [91] .
Большие потери с обеих сторон.

14 февраля

Кровопролитные бои Западной группировки 33-й армии в районе Слобода, разъезд Лосьмино (11–14 км юго-восточнее Вязьмы). Части восточной группировки армии, взаимодействуя с частями 43-й армии по расширению прорыва в районе Захарово на север, наступали с дальнейшей задачей выхода на соединение с главными силами в направлении поселка Замыцкое (9 км северо-западнее Захарово).
43-я армия, удерживая Захарово, откуда накануне ценой большой крови удалось выбить противника, расширяла прорыв на юг и готовилась к наступлению на поселок Замыцкое для соединения с частями западной группировки 33-й армии.

24 февраля Перед фронтом 43-й армии противник силами семи полков, усиленных 22 танками и до 23 батарей артиллерии, продолжает упорно сопротивляться на рубеже Савино, Гречишники, Крапивка (1–3 км северо-западнее и юго-западнее села Захарово). Немецкая авиация в течение дня произвела 122 самолетовылета, действуя группами по 3–4 самолета. Части первого эшелона армии ворвались в деревню Гречишники и вели уличный бой. Схватка шла за каждый дом. Части ударной группировки 49-й армии к исходу дня вклинились в оборону противника, но после упорного кровопролитного боя дальнейшего продвижения не имели.

25 февраля

Западная группировка частями двух дивизий (113-й и 338-й сд) удерживала прежний рубеж, ведя огневой бой с противником в районе деревни Островки (15 км южнее Вязьмы), а третьей (160-й сд) – вышла на рубеж Федотково – Староселье (32 и 40 км юго-восточнее Вязьмы), имея задачей «не допустить распространения противника на запад и активными действиями уничтожать его восточнее р. Угра».
43-я армия в 5.02 главными силами вела бои в районе села Захарово с прежней задачей – прорвать оборону противника и соединиться с западной группировкой 33-й армии. Но, даже овладев Захарово еще 13 февраля, за двенадцать последующих дней части армии смогли продвинуться лишь на 2 км к западу от села. Противник вел ураганный огонь из всех видов оружия,

применял авиацию, танки и артиллерию.

27 февраля Ударная группировка 43-й армии сломила сопротивление противника в опорных пунктах Пинашино, Савино, Крапивка (2–3 км северо-западнее и юго-восточнее села Захарово). При этом захвачены трофеи: 16 орудий, 10 прицепов со снарядами, минометная батарея, 121 лошадь, 3 рации.

28 февраля Части восточной группировки 33-й армии овладели опорным пунктом противника Ореховня, форсировали реку Истру и закрепились на западном берегу севернее деревни Ивановское (16 км северо-восточнее Захарово) в непосредственной близости к большаку Юхнов – Гжатск. Западная группировка армии удерживала прежний рубеж. 43-я армия в течение дня вела бои с противником на всем фронте, особенно тяжелое положение складывалось в районе населенных пунктов Березки, Мамуши (3,5–4 км северо-западнее Захарово) и на восточном берегу реки Воря на участке от деревни Савино до села Захарово. Немецкая авиация большими группами самолетов непрерывно атаковала боевые порядки наступающих частей и неоднократно срывала их атаки.

3 марта 43-я армия по-прежнему пыталась пробиться к западной группировке генерала Ефремова. Лишь одному полку удалось захватить плацдарм на западном берегу реки Воря (0,5 км южнее Березки). Разведкой, в том числе авиационной, установлено: по реке Воря противник оборудовал оборонительный рубеж, на котором развернуты части четырех немецких дивизий – 20-й и 5-й танковых, 17-й пехотной и 3-й моторизованной.

5 марта

Неудачи в ходе боев восточной группировки 33-й армии: после безуспешных атак на опорный пункт Степаники и последовавших оттуда контратак противника левый фланг отошел в район Леоники, Беспутино, Поляны, удерживая фронт Тихачево, Матренино (17–20 км северо-западнее Шанского Завода, 15–20 км северо-восточнее железнодорожной станции Угрюмово). Левый фланг продолжал бои за станцию Угрюмово, большак Юхнов– Гжатск в районе Ивановское (2 км южнее станции Угрюмово). Западная группировка вела бой с противником, занимавшим Кузнецово, Новое Греково, Кошелево (15 км южнее и 13 км юго-восточнее Вязьмы).

43-я армия главными силами вела упорный бой на рубеже реки Вори западнее Захарова. 9-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А.П. Белобородова, наступавшая на опорный пункт Березки, отбила десять контратак и выдержала три налета авиации противника. Такие же мощные контратаки выдержала и

415-я сд полковника Г.И. Каначадзе, наступавшая на Березки с юга. На левом фланге относительный успех: ударные отряды овладели населенными пунктами Красное, Федюково,

Науменки, Паново, Сальково, Щелоки, Железинки, Мосейково южнее Захарова.

49-я армия после очередного штурма наконец овладела Юхновом и продолжила наступление вдоль Вяземского большака, продвигаясь на север. Наметилась перспектива прорыва войск Западного фронта к окруженной западной группировке 33-й армии.

26 марта

43-я армия с утра перешла в наступление двумя группировками: северной – на Шеломцы (8,5 км западнее Захарово) и южной – в направлении Малое Устье – Слободка (9—20 км юго-западнее Захарово). Группировка, которой располагал генерал Голубев, превосходила противника в живой силе и вооружении. Плотность орудий и минометов: 31 на 1 км фронта. Более чем двухкратное превосходство. Атака захлебнулась и на этот раз. Генерал Голубев, объясняя причины провала, телеграфировал в Ставку: «Занаряженные для армии боеприпасы не прибыли: в дивизионной артиллерии имеется 0,3 боевого комплекта, в тяжелой – 0,5 боевого комплекта, а в полковой артиллерии и минометных частях боеприпасов нет совсем».

49-я армия продолжала атаки на своем участке.

14 апреля

43-я армия в течение дня вела наступление, но продвижения не имела. Противник минометным огнем разрушил переправы в излучине реки Воря. В 22.00 ударная группа возобновила наступление. Но успеха не имела. Немцы за это время успели создать прочный рубеж обороны, насытить его огневыми средствами, особенно пулеметами и минометами. По берегам рек и опушкам лесов тянулись линии проволочных заграждений в два и три кола, минные поля. Командарм 43 на вопрос начальника штаба Западного фронта о генерале Ефремове доложил: «О Ефремове никаких данных не имеется. Его рация на наши вызовы не отвечает. Наши разведгруппы просочились в тыл противнику, но до сих пор еще не вернулись».

Есть основания предполагать, что генерал Голубев не сильно-то и стремился к Вязьме. Он хорошо понимал, что ждет его там. Понимал, что, прорвись его ударная группировка на север, Жуков прикажет идти вместе с нею. Как в январе приказал генералу Ефремову возглавить ударную группировку.

Но вернемся на два месяца назад, когда 33-я была только что отрезана и положение ее еще не казалось столь безвыходным.

14 февраля Жуков позвонил Голубеву. Привожу стенограмму этого разговора:

«У аппарата ЖУКОВ: Здравствуйте, т. Голубев.

ГОЛУБЕВ. Здравствуйте, тов. генерал армии – у аппарата Военный совет 43 армии.

ЖУКОВ. Дополнительно здравствуйте, т. Шабалин, у меня к вам один вопрос: Захарово нам пока ничего не дает, нам очень важно быстрее пробиться к Ефремову, короче говоря, очистить его тыловые пути, подать ему боеприпасы и вывести оттуда 1000 человек раненых. И для этого нужно быстрее захватить Березки, Валухово и соединиться в районе Замыцкое с частями Ефремова. Если мы этого быстро не сделаем, противник сделает нам новое Захарово, за которое также придется расплачиваться дорогой ценой. Можете ли вы выполнить быстро эту задачу?

ГОЛУБЕВ. Задача понятна. Выполнить ее необходимо, но раньше, считаю необходимым доложить, надо взять Крапивка и Савино. За них сейчас и идет бой. После их овладения надо крепкой обороной закрепиться на юг и на север, силою до дивизии в каждом направлении. Юг беру на себя, север прошу приказать занять соседу. В этом случае до двух стрелковых дивизий и одной танк, бригады (после ее пополнения) можно двинуть на запад. Без этого действовать, считаю, нельзя, ибо получается узкое горло, простреливаемое с обоих флангов, которые противник быстро закроет. Сегодня не было решительного выдвижения на юг и на запад, потому что противник атаковывал сам. Было отбито до четырех контратак.

В каждом пункте сидят достаточно крупные силы. В частности, захваченные в Захарово пленные принадлежат к 55 и 95 пп 17 пд, до полка противника, считаю, в районе Савино, Пинащино и не менее полка в районе Крапивка. В каждом пункте пять-шесть танков. Упорство, с каким дерется противник, видно из того, что в Захарово, по предварительным данным, до 700 трупов, захвачены значительные трофеи, о чем доложено. Особенно прекрасно работала наша артиллерия, замечательно шли в атаку бойцы, хорошо помогали танки, которые я по вашему приказу перебросил туда. Оказанная вами помощь пополнением и снарядами сыграла решающую роль. Вот мои соображения.

ЖУКОВ. Это все правильно, но одновременно нас очень интересует помощь Ефремову и раньше, чем рассчитываете вы. Поэтому, чтобы не дать противнику организовать оборону на р. Воря, нужно одновременно с ликвидацией противника Крапивка, Савино послать отряд, хотя бы батальон с двумя танками, с минометами, батареей для захвата Валухово, Березки. Может быть, даже раньше, чем успеет противник приспособить их к

обороне. Отряд надо послать с храбрым и талантливым командиром. Мы примем все меры, чтобы в ближайшее время вас еще немного пополнить. Поэтому действовать надо быстрее, чтобы не поставить Ефремова под изолированное положение, это надо сделать обязательно. С 93 сд, 5 тбр, действующими с вами по соседству, установите взаимодействие для удара по Савино. Куда у вас действует девятая? Не лучше ли девятую, 93, 5 тбр объединить в руках Белобородова для захвата Савино?

ГОЛУБЕВ. Все понятно, отряд будет немедленно сформирован и выслан во главе с лучшим командиром и военкомом. До этого, имея ваши указания, мы сформировали и выслали по трем разным маршрутам для определения и разведки пути, глубины обороны противника и связи с т. Ефремовым три отряда на лыжах, силою до роты каждый. На Савино 93 сд наступает двумя полками с востока. Части девятой гвар. бьют на Савино с юга. Мне кажется, что подчинять одного командира дивизии другому не следует, может быть, найдете возможным передать 93 сд и 5 тбр нам или наоборот – отдать 9 гв. 33 армии. Каждый из нас сумеет создать временное управление группой и решить поставленную вами задачу.

ЖУКОВ. Обещание вещь хорошая. Но я предпочитаю исполнение, а с исполнением мы очень много тянем. Поймите, что за это жизнью расплачиваются люди, которые, умирая, не могут сказать вам спасибо. Ваше предложение мы обдумаем. Сейчас примите все меры к тому, чтобы Крапивка была бы захвачена и части вошли бы в связь с Ефремовым. Все» [92] .

Ну и что, как по-вашему, хотел генерал Голубев прорубать щель в сторону Вязьмы и совать в нее свою голову? «Новое Захарово» могло появиться именно за его спиной. Возросшую мощь противника генерал Голубев чувствовал как никто, а потому многое понимал в этой жизни. А жизнь-то – одна… В тот же день, 14 февраля 1942 года, Жуков через своего начальника штаба отдает приказание генералам Голубеву и Кондратьеву:

«Тов. ГОЛУБЕВУ

Копия: т. КОНДРАТЬЕВУ

Главком **приказал:**

Немедленно организовать разведку путей к ударной группе Ефремова. Для этой цели выслать подвижные отряды на лыжах во главе с храбрыми толковыми командирами.

Этим отрядам поставить задачу войти в связь с подразделениями 9 гв. сд, действующими в районе Валухово, Замыцкое.

Исполнение донести.

ГОЛУШКЕВИЧ» [93] .

Жуков не доверяет ни Голубеву, ни Кондратьеву. Кондратьев пьет, сутками не в состоянии работать и принимать решения. Просыпаясь от запоев, порой отдает такие приказы, что лучше бы он пил дальше, без просыпу. Мертвые уже не могут сказать ему спасибо…

Жуков же пытается заставить их действовать. Подгоняет и приказами, и по телеграфу.

В начале апреля в войска уходит его приказ, который здесь необходимо привести целиком.

«ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА, КОМАНДУЮЩИМ
АРМИЯМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 4 АПРЕЛЯ
1942 Г. О НЕДОСТАТКАХ В ОРГАНИЗАЦИИ
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ОПЫТУ 43-Й АРМИИ
КОМАНДУЮЩЕМУ КАЛИНИНСКИМ ФРОНТОМ
ВСЕМ КОМАНДУЮЩИМ АРМИЯМИ ЗАПАДНОГО
ФРОНТА
Копия: НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Поверкой хода боевых действий войск 43 армии установлено нарушение основных требований, необходимых для достижения успеха в общевойсковом бою:

1. отсутствует взаимодействие между артиллерией, пехотой и танками;

2. крайне слабо применяется оружие пехоты, особенно пулеметы;

3. отсутствует непосредственное руководство на поле боя дивизиями ударной группы, а поэтому нет между ними тесного взаимодействия;

4. совершенно не используется ночь для просачивания внутрь обороны противника и для сближения с объектами атаки;

5. наблюдение за полем боя носит случайный характер, поэтому командиры часто не знают, где точно находятся свои войска и где противник. Наблюдательные и командные пункты оборудуются слишком примитивно;

6. отсутствует связь простейшими сигналами между пехотой, артиллерией и командными пунктами;

7. нет должного применения к местности*, у пехоты отсутствуют маскировочные халаты и малые лопаты.

Приказываю: во всех армиях организовать проверку организации и ведения боя, [в] случаях обнаружения перечисленных недочетов принять немедленные меры к их устранению.

Об исполнении донести к 15.4.42.

ЖУКОВ

СОКОЛОВСКИЙ

4.4.42» [94] .

Верховного волновала судьба генерала Ефремова. Он требовал сделать все возможное, чтобы вывести западную группировку в район Юхнова.

18 апреля Жуков докладывал Сталину:

«Докладываю обстановку на фронте за истекший день 18.4.42 г.

1. Положение частей 20-й и 5-й армий – без изменений. Вторые эшелоны войск 20-й армии занимаются боевой подготовкой. Части 5-й армии продолжали вести подготовку к наступлению. На этих участках фронта противник активности не проявлял.

2. 33-я армия. Положение частей восточной группировки без изменений. В полосе 43-й армии вышли две группы численностью 77 человек бойцов и командиров из состава 113 и 160 сд. По докладу нач. артснабжения 160 сд майора Третьякова отряд в составе 2000 человек, возглавляемый генералом Ефремовым, 16.4 двигался с боями из района Пескова в направлении Мал. Виселово. По докладу командиров, вышедших на участке фронта

43-й армии, и данным авиаразведки, главные силы группы Ефремова в ночь на 18.4 предположительно находились в лесах сев. – вост. и восточнее Мал. Бославка. Данные проверяются воздушной разведкой.

3. 43-я армия. На фронте Городец, Красный Октябрь продолжается упорный бой. Противник продолжает оказывать сильное сопротивление. С целью завершения прорыва обороны противника и соединения с частями группы Ефремова, двигающимися в направлении Мал. Виселово, войска армии в 21.00 18.4 перешли в наступление.

4. 49-я армия. Части ударной группы армии продолжают упорный бой на фронте зап. опушка леса сев. Павлово, 300–400 м зап. и юго-зап. Павлово. Противник оказывает упорное сопротивление.

На остальном фронте положение частей без изменений.

5. 50-я армия. 173, 146 и 198 сд, закрепившись на достигнутых рубежах, вели разведку, подвозили боеприпасы и готовились к продолжению наступления. Левофланговые дивизии ударной группы армии, наступавшие на фронте лес сев. Гореловский, Малиновский, продолжают бой, встречая упорное сопротивление противника. Авиация противника групповыми налетами (всего 101 самолетовылет) бомбардировала и

обстреливала боевые порядки войск ударной группы.

6. В положении частей группы генерала Белова за 18.4 существенных изменений не произошло.

Части 4 вдк к утру 18.4 овладели Буда (6 км сев. – вост. Милятино). В ночь на 19.4 части корпуса атакуют Аскерово.

7. Положение войск 10-й и 16-й армий – без изменений. На фронте редкая перестрелка и действия разведки. Противник на этих участках фронта активности не проявлял.

8. ВВС за 18.4 произвели 62 самолетовылета на прикрытие своих войск и на разведку» [95] .

Подхлестывая своих генералов, комфронта 11 апреля приказал:

«а) командарму 43 т. Голубеву в течение 12 и в ночь на 13.4 выйти главными силами на рубеж Мал. Виселово,

Жары и, закрепившись на этом рубеже, в течение 14.4 захватить Бол. Виселово, Нов. Михайловка.

б) командарму 49 т. Захаркину в течение 12 и в ночь на 13.4 захватить высоту 180,5, Стененки и, закрепившись на этом рубеже, 1.4 захватить Мосеенки, Дегтянка, Тибейкино.

в) командарму 33 т. Ефремову в ночь с 12 на 13.4 скрытно прорваться через завесу противника, нанести удар в направлении Родня, Мал. Бославка, Нов. Михайловка, Мосеенки, где и соединиться с частями 43-й и 49-й армий. В авангарды и боковые отряды выделить лучшие части, усилив их артиллерией, орудиями ПТО и саперными частями. При встрече с противником в затяжные бои не вступать и немедленно обходить противника по закрытой местности. Движение совершать главным образом ночами. Арьергардными частями при отходе местность приводить в непроезжее состояние, минировать и устраивать завалы. Все дороги и подступы к осн. маршруту движения главных сил минировать, для чего заранее выбросить отборные команды. При отходе местный конский состав, обоз и мужчин от 16 до 55 лет забирать с собой» [96] .

На первый взгляд, правильный приказ, направленный на вызволение из беды выходящей из окружения группировки 33-й армии. Но давайте вчитаемся в текст, в формулировки приказа более внимательно, а самое главное, приложим к ним те непростые обстоятельства, в которых тогда действовали войска и по эту сторону фронта, и по ту.

Генералу Голубеву отдан приказ сделать то, что он не мог выполнить за два месяца напряженнейших боев, когда его армия имела резервы, танки, артиллерию и поддержку авиации фронта.

Такое же невыполнимое приказание получает и командарм 49 генерал Захаркин.

Единственное, быть может, что могли сделать войска двух армий, так это создать единую группировку, слив в нее все, что имели для энергичных наступательных действий на небольшую глубину, выбрать маршрут наступления и ударить навстречу в момент прорыва с той стороны. Но обстоятельства сложились так, что согласованного встречного удара не получилось. Некоторые исследователи обвиняют в этом штаб Ефремова: мол, потеряли рации, и отсюда все беды. Но Ефремов с основной группой все же пришел к Угре, и пришел именно в те заданные районы, которые должны были к тому времени контролироваться войсками 43-й армии. И что его солдаты там встретили? Огонь немецких пулеметов!

Давайте теперь внимательно почитаем приказания, отданные генералу Ефремову.

Что означает, к примеру, такая формулировка: «…скрытно прорваться через завесу противника, нанести удар в направлении Родня, Мал. Бославка, Нов. Михайловка, Мосеенки, где и соединиться с частями 43-й и 49-й армий». Как можно *скрытно прорваться* и при этом *нанести удар!* Второе: генералу Ефремову отдается приказ на усиление авангардов и боковых отрядов охранения *артиллерией, орудиями ПТО* и т. д. Чем стрелять? К тому же в штабе фронта хорошо знали, что артиллерия западной группировки 33-й армии уже давно фактически бездействует из-за нехватки снарядов и мин, что перед выходом орудия приведены в негодность и закопаны в землю, чтобы не достались врагу. Невольно приходишь к выводу, что этот приказ писан не для генерала Ефремова и последующего исполнения, а для тех, кто вскоре будет эти документы читать и анализировать на предмет поиска виновных в трагедии, сюжет которой уже развивался, а исход был предопределен.

О трагедии западной группировки 33-й армии и гибели генерала Ефремова долгие годы не говорили еще и потому, что у многих болела совесть. Как болят старые раны. И это можно понять.

Что ж, дорогой читатель, пора завершать и эту книгу.

В заключение несколько документов в дополнение к портрету генерала Голубева.

29 апреля 1943 года генерал А.И. Еременко подписал рапорт о принятии Калининского фронта от генерала армии М.А. Пуркаева. Андрей Иванович сразу же поехал по армиям, изучал состояние и оперативное положение войск, знакомился с командным составом. И вот запись в дневнике за 7 мая 1943 года: «Командарм Кузьма Галицкий и его армия (3-я ударная. – С. *М.)* произвели хорошее впечатление. Командарм Константин Голубев, старый знакомый по Брянскому фронту, был снят мной с 13-й

армии. Доклад о состоянии войск очень сумбурный и нелогичный, трудно понять состояние дел. Товарищ Голубев заметно волновался, с него градом лился пот».

24 июня, вновь объехав позиционный район 43-й армии, командующий фронтом возвращается к этой теме:

«КП Голубева, как трусливого человека, размещен в 25–30 км от переднего края и представляет собой укрепленный узел площадью 1–2 гектара, обнесенный в два ряда колючей проволокой. Посредине – новенький рубленый, с русской резьбой пятистенок, прямо-таки боярский теремок. В доме четыре комнаты, отделанные по последней моде, и подземелье из двух комнат, так что хватает помещений и для адъютантов, и для обслуживающих командующего лиц. Кроме того, построен домик для связных, ординарцев, кухни и охраны. Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький коптильный завод. Голубев очень любит копчености: колбасы, окорока, а в особенности рыбу, держит для этого человека, хорошо знающего ремесло копчения. Член военного совета армии Шабалов не отставал от командующего.

На это строительство затрачено много сил и средств, два инженерных батальона почти месяц трудились, чтобы возвести такой КП. Это делалось в то время, когда чувствовалась острая нехватка саперных частей для производства инженерных работ на переднем крае. Штрих ярко характеризует этих горе-руководителей. Шабалов по приказу должен заниматься тылами, но ему некогда, и тылы запущены, особо плохо выглядят дороги… В этой армии… от командарма до командиров частей каждый имеет свою личную кухню и большое количество людей, прикомандированных для обслуживания… Много семей комсостава приехало к офицерам – народ начал перестраиваться на мирный лад. Это очень плохо влияло на боеспособность войск, пришлось принимать меры по удалению непрошеных гостей… Я там, конечно, навел порядок и приказал командующему и члену военного совета, чтобы все мои замечания, которые сделал, были немедленно учтены, в противном случае будут приняты очень строгие меры».

Свое мнение о Константине Голубеве Еременко не переменил и в последующем. В 1944 году Константин Дмитриевич расстался с войсками, стал первым заместителем уполномоченного СНК по делам репатриации советских граждан, в 1949–1953 годах преподавал в Военной академии Генерального штаба.

А вот что говорится в записи за 23 мая о другом командарме: «При проверке 39-й армии обнаружено, что ее командарм генерал Алексей Зыгин страшно растранжиривал продовольствие. Просто

диву даешься, как люди теряют честь командирскую и совесть партийную. Зыгин перебрал одной водки 310 литров (по литру в день выпивать – и то на год хватит), а таких продуктов, как колбаса, масло, сыр, сахар… брал без счета. Все это делалось в условиях, когда и в стране трудновато с продовольствием, и в войсках не налажено снабжение».

Андрей Иванович делает обобщение: «Такие люди, как Голубев и Зыгин, в делах ничтожны, это обжоры и обыватели, они случайно попадают на высокие должности и бесславно с них уходят».

Новая запись генерала Еременко:

«4 августа 1943 г.

3.8.43 побывал в 43 армии, заслушал решения командарма и командиров 306 и 179 сд. Решения соответствовали моему замыслу. Решения с небольшими поправками утвердил и дал ряд указаний практического порядка по разведке, артподготовке и атаке.

Я еще раз убедился, что тов. Голубьев большой формалист. Всякую работу он выполнял формально, без души, без задора и огонька, а главное, без уверенности в успех.

Этого человека нужно держать в ежовых рукавицах и постоянно нажимать на него, иначе провалит дело. Голубьев очень плохой командующий. При первой возможности нужно избавиться от него. Несчастные люди, которыми командует Голубьев.

Есть такие люди, что своим поведением, своей скользкостью, своей грубостью, своей трусостью и жадностью в еде и во всем вызывают к себе отвращение и со стороны начальства, и со стороны подчиненных. Вот к такой категории неприятных людей относится и тов. Голубьев.

О нем такие разговоры идут: он ехидный, жадный, хитрый, плут большой, страшный барин. Сам не любит работать, даже то, что сам должен делать, перекладывает на других. Вот так примерно говорит о нем народ, а народ всегда нам судья».

Читая эти характеристики и допуская некоторую долю их субъективности, все же невольно задумаешься и еще раз с горечью вспомнишь о трагической судьбе 33-й армии и ее командующего. А ведь на генерала Голубева Ефремов надеялся больше, чем на кого бы то ни было. Всего два километра отделяли передовые батальоны 43-й армии от окруженных. По рации Ефремов получил информацию о том, что на западном берегу Угры в районе Жаров и Тарасовки частями 43-й армии будут захвачены плацдармы. И именно сюда устремился основной поток выходящих из окружения. Но здесь ефремовцев встретили

немецкие пулеметы. И войск-то, судя по воспоминаниям выживших и прошедших плен, у немцев там было немного, всего несколько пулеметов и курсирующий танк с ротой пехоты. И приказ Жукова об отсечном огне тяжелой артиллерии, по всей вероятности, не был выполнен в полном объеме. Что снаряды жечь, если все равно окруженные обречены…

Как известно, 1 сентября 1942 года 43-я армия была выведена с рубежа Угры и Вори в резерв Ставки. В октябре она вошла в состав Калининского фронта и вступила в дело в районе северо-восточнее города Демидова. В 1943 году участвовала в Смоленском сражении. В октябре 43-го вошла в состав 1-го Прибалтийского фронта. В мае 1944 г. генерала Голубева на командной должности сменил генерал А.П. Белобородов. С Афанасием Павлантьевичем Белобородовым 43-я пройдет славный путь армии-освободительницы: Витебск, Лепель, Глубокое, Швенченис, Утена, Либау, Тильзит, Кенигсберг, Хайнрихсвальде…

История, согласитесь, дорогой читатель, причудливый лабиринт. Люди, находившиеся рядом и имевшие одинаковые звания и полномочия, одинаковые шансы перед судьбой и судом потомков, вошли в историю абсолютно разными людьми и военачальниками: один – героем, которого возвысила смерть, другой, как видите, любителем копченостей, обжорой, да еще с подозрением на труса, хотя таковым, по всей вероятности, все же не был. Можно предположить, что тут в свои фронтовые записи будущий маршал А.И. Еременко подмутил публицистики. Писатель-то он действительно был талантливый.

От судьбы не уйдешь. В 44-м генерал Голубев был тяжело ранен под Витебском. Ничего не помогло, ни подземелье, ни удаленность КП от передовой. После излечения в действующую армию уже не вернулся.

А 43-я пошла вперед. С новым командармом, славным сибиряком генералом Белобородовым. Вперед и вперед!

Сентябрь 2012 г.

г. Таруса

Приложения

№ 1

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ВКЛЮЧЕНИИ В ЕГО СОСТАВ И ЗАДАЧАХ 109-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ

Копия: командующему войсками Резервного фронта

3 августа 1941 г.

Решением Наркома в Ваше распоряжение передается 109 тд. Дивизия перебрасывается в район Суборовка, Мокрое (15 км южн. Спас-Деменска). Колесные машины – своим ходом, танки – по жел. дороге до ст. Бетлица. Прикажите организовать выгрузку и сбор дивизии.

Дивизия назначается для действий в районе Рославля. Сообщите, кому будет подчинена.

Б. ШАПОШНИКОВ [97]

№ 2

ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
17-Й ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ ЗА ПЕРИОД С 6.10.41
ПО 26.10.41

Сосредоточение бригады в районе г. Малоярославец

В течение 6.10.41 части бригады выгружались на ст. Малоярославец. К 17.00 6.10.41 бригада сосредоточилась в лесу в 3 км юго-западнее г. Малоярославец, седлая старую Калужскую дорогу. Согласно распоряжения Ставки Верховного Главнокомандования от 6.10.41 бригаде приказано:

войти в подчинение командира 5 Гв. стрелковой дивизии и совместными действиями овладеть Юхнов.

Бригаде немедленно выступить и занять Медынь, где и ожидать подхода 5 Гв. СД.

Сосредоточение бригады в районе Медынь

С наступлением темноты части бригады выступили из района сосредоточения по маршруту Ильинское, Медынь и к 4.00 7.10.41 сосредоточились в перелесках 1,5 км юго-западнее Медынь.

Погода: снег, дождь. Дорога и шоссе всюду проходимы. Т. к. из г. Малоярославец не удалось связаться с командиром 5 Гв. СД вследствие порыва связи, в 19.00

6.10.41 был послан командир взвода МСПБ на машине ГАЗ-АА в г. Калуга с донесением командиру 5 Гв. СД, в котором указан район сосредоточения бригады на 7.10.41.

7 и 8 октября части бригады находились в 1,5 км южнее г. Медынь, вели разведку в направлении Юхнов, приводили матчасть в порядок и готовились к предстоящим боевым

действиям.

Установлена связь с ПО Малоярославецкого УР, действующего на западном берегу р. Угра. 8.10.41 связь с командиром 5 Гвардейской стрелковой дивизии была установлена через делегата связи, направленного из штаба бригады. Было известно о сосредоточении дивизии в районе г. Калуга. Прибытие дивизии в район Медынь по данным штабдива предполагалось не ранее 10.10.41.

Исходя из обстановки, сложившейся к половине дня 8.10.41 на участке передового отряда (ПО), в 15.00 было отдано частям предварительное распоряжение – подготовиться к маршу в район Гришино, Воронки, Вязище на рубеж р. Изверя, куда отходил ПО Малоярославецкого УР.

К исходу дня 8.10.41 бригаду посетил командующий войсками Западного фронта Генерал Армии Г.К. Жуков, приказавший бригаде сосредоточиться на рубеже р. Изверя, и, ведя сдерживающие бои, изматывать противника; вести разведку в стороны от шоссе, установить сеть неподвижных постов наблюдения за противником, что и было сделано.

Под покровом ночи с 8 на 9.10.41 бригада выступила в направлении ст. Мятлево и далее в район Вязище, Воронки, Гришино. В течение 8.10.41 зенитным дивизионом 17 танковой бригады подбит бомбардировщик Ю-88.

Сосредоточение бригады на рубеже р. Изверя и начало боевых действий

К 5.00 9.10 бригада сосредоточилась на восточном берегу р. Изверя, МСПБ занял исходное положение на рубеже д. Вязище, Воронки, шоссе; 17 танковый полк (17 ТП) – 0,5 км западнее Гришино; зенитно-артиллерийский дивизион (17 ОЗАД) – на огневой позиции (ОП) 1 км западнее Гришино. По данным ПО, перед фронтом бригады было до пехотного полка противника, усиленного двумя дивизионами артиллерии, до 20 танков и бронемашин, до эскадрона конницы.

С утра 9.10.41 шел дождь. Авиация противника в количестве 2–3 самолетов непрерывно вела разведку района сосредоточения бригады.

Около 7.00 противник силою до пехотного батальона с артиллерией начал наступление на ПО Малоярославецкого УР и на левый фланг МСПБ бригады. До роты автоматчиков продвинулось на восточный берег р. Изверя.

Атакой МСПБ, поддержанной танками, противник был отброшен на западный берег р. Изверя, потеряв до 70 человек убитыми и ранеными.

В 13.00 противник теми же силами при поддержке 3-х танков

вторично повел наступление на левый фланг МСПБ бригады. МСПБ при поддержке 2-х танков Т-34 вторично отбил атаку противника, уничтожив 3 танка противника и нанеся ему огнем батальона большие потери. Противник был рассеян.

В 15.00 до взвода автоматчиков зашли во фланг МСПБ, но действиями истребительной роты МСПБ они были полностью уничтожены.

В 16.00 противник пытался выйти в тыл бригады. В это же время была обнаружена мотоколонна и до батальона пехоты в движении из района Чернышовка – Тужиловка на юг, юго-восток. Огнем 17 МСПБ уничтожено 10 автомашин, пехота рассеяна.

В 17.20 до 2-х батальонов пехоты, с артиллерией, под прикрытием сильного минометного огня, противник повел решительное наступление по всему участку обороны МСПБ, бросив в обход левого фланга МСПБ до роты пехоты, которой удалось форсировать реку Изверя.

Совместными усилиями МСПБ и 17 ТП, попытки противника прорвать оборону бригады были отбиты. Контратакой 2-й роты МСПБ рота противника, прорвавшаяся на восточный берег реки, была отброшена на западный берег.

Около 17.30–18.00 группа автоматчиков противника, проникшая лесом к д. Гришино, обстреляла группу легковых машин Штабрига, уходивших на шоссе. В 20.00 противник, обходя сильными группами автоматчиков фланги 17 ТП, при поддержке противотанковых орудий и нескольких минометных батарей, открыл сильный огонь по расположению полка.

Танковый полк и МСПБ, ведя заградительный огонь, по приказу командования начали организованно отходить вдоль шоссе на Мятлево. В итоге напряженных боев в течение всего дня МСПБ понес значительные потери: убито 5 человек начальствующего состава, 50 чел. бойцов и младшего начальствующего состава, ранеными 14 чел. начальствующего состава и 80 человек рядового и младшего начальствующего состава; без вести пропавшими – 10 человек. Общие потери – 159 человек.

17 танковый полк потерял 4 чел. убитыми и 3 человека ранеными, три танка Т-34, два из них – безвозвратно.

Взвод связи роты управления бригады потерял половину своего состава убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Кроме того, противником сожжены 3 легковых машины штаба.

Потери противника: уничтожено 3 танка, 6 противотанковых орудий, 10 автомашин, взвод автоматчиков; уничтожено или рассеяно не менее батальона пехоты противника.

Выводы:

Действия бригады не были поддержаны нашей авиацией;

отсутствие окопов полной профили, за отсутствием времени на их отрывку, приводит к излишним жертвам от минометного и артиллерийского огня противника;

лесистый участок местности при превосходстве сил пехоты и артиллерии противника, весьма невыгоден для боя танковых частей.

Бой на рубеже западный берег р. Шаня

В ночь с 9 на 10 части бригады организовали оборону на рубеже д. Хорошая, д. Радюкино, лес с-з Богданчиково.

С 6.00 10.10.41 бой разгорелся с новой силой. Противник, подвинув за ночь силы, при активной поддержке авиации и танков начал наступление вдоль шоссе на Медынь. Одновременно противник вел активную разведку своими танковыми и мотоциклетными группами в сторону от шоссе. Отдельные группы автоматчиков проникли до Медынь.

Бой продолжался с переменным успехом до самого вечера. Особое упорство в этом бою проявил 17 танковый полк. Неоднократными атаками, огнем с места, по неполным данным за день боя уничтожено: 19 танков и 7 танкеток, 4 ПТО, до 230 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Наши потери: убитыми 12 человек, ранеными 25 чел., 4 шт. Т-40 и 3 шт. Т-34, 2 ПТО, 2 трактора, 2 ремонтные летучки типа А, 1 грузовая машина ЗИС-5, автокухня.

К исходу дня 10.10.41, по данным разведки и наблюдения перед фронтом бригады, действовало не менее 2 пехотных полков с артиллерией и до 40 танков и танкеток.

Бой на участке Медынь – Ильинское

11.10.41 в 4.00 командир бригады получил устный приказ командующего 43 Армией: ведя наступление вдоль шоссе, овладеть Медынь. Выполнение поставленной задачи было возложено на 17 танковый полк. 17 ТП в составе 1 танк

Т-34 и 6 шт. Т-40, наступая на Медынь, был обстрелян артиллерией и пулеметами с восточной окраины Медынь. В результате этого полк задачи своей не выполнил.

В 8.00 11.10.41. танковому полку была поставлена задача: удержать шоссе восточнее Медынь и обеспечить действие пехоты Малоярославецкого УР.

В 10.00 противник повел наступление из д. Пушкино, силой до батальона пехоты с 6 танками.

Вдоль шоссе – до 2-х рот пехоты с 4 танками – на высоту 195,5 – до батальона пехоты с батареей 75 мм орудий.

В 11.00 в направлении д. Адуево и далее на северо-восток в направлении д. Синявино под прикрытием авиации двигалась

мотоколонна с пехотой, до 70 автомашин и 30–35 танков.

В 11.30 противник обошел левый фланг МСПБ. МСПБ и части УР начали отход на Ильинское.

В 13.00 17 танковый полк в составе 10 Т-34 и 8 Т-40 вступил в бой с наступающей пехотой и танками противника в районе роща 2 км ю.-з. Марютино. В итоге боя уничтожено 2 ПТО и 2 танка противника.

К 14.00 17 танковый полк отошел в район Гусево, откуда контратаковал противника в направлении высоты 189,2. В этом бою 17 ТП уничтожил 2 танка, 3 ПТО, уничтожил и рассеял до батальона пехоты противника.

В 15.00 до 20 самолетов противника бомбили и обстреляли передний край обороны нашей пехоты и танки.

В 16.00 17 ТП начал отход на рубеж 1 км западнее Ильинское, который и занял к 18.00 11.10.41 г.

При отходе 17 ТП уничтожил 2 шт. 85 мм орудия врага на западной окраине Дуркино. МСПБ также отходил с боем на рубеж Ильинское.

По неполным данным, противник за 11.10.41 г. потерял: 4 танка, 5 ПТО, 2 75-мм орудия.

Уничтожено и рассеяно до батальона пехоты.

12.10.41. 17 МСПБ после трехдневных боев по приказу командира бригады приводил себя в порядок в районе 1,5 км вост. Сергиевка. 17 ТП, действуя совместно с частями 53 СД, в 12.00 огнем с места начал бой с наступающей пехотой и ПТО на высоте 193,2. В итоге боя ТП уничтожил 3 ПТО и 2 автомашины с пехотой противника.

До 18.00 17 ТП удерживал рубеж обороны по восточным скатам высоты 193,2.

В 18.30 после 10-минутного артналета до батальона пехоты с танками пытались снова атаковать передний край нашей пехоты.

Контратакой нашей пехоты, поддержанной танками, противник был отброшен, потеряв 3 танка. Около 21.30 танковым полком был захвачен в плен офицер, немедленно переданный в штаб 43 Армии.

Наши потери за день: 2 чел. убитыми, 7 чел. ранеными. Подбит противником 1 Т-34 и 1 Т-40.

Потери противника: 3 ПТО, 2 автомашины, сбит один самолет Мессершмитт-109, до взвода пехоты.

13.10.41 с 7.00 17 ТП после артподготовки совместно с 475 стрелковым полком 53 стрелковой дивизии (53 СД) наступал в направлении Дуркино, ст. Рыбино.

К 8.00 ТП достиг высоты 193,2. Авиация противника в течение всего дня сделала более 20 налетов в количестве до 24

самолетов, чем задержала наступление частей 53 СД.

17 ТП, выполняя задачу дня, к вечеру с боями вышел на рубеж 193,2, ст. Рыбино, Сокольники, однако, не поддержанный действиями 223 СП 53 СД, успеха закрепить не смог. 17 МСПБ в бою не участвовал, приводя себя в порядок.

Потери врага за 13.10.41: сбито 2 бомбардировщика; уничтожено 3 шт. 75 мм орудий с прислугой, 3 танка,

4 транспортных машины, 1 легковая штабная машина,

2 мотоцикла, 2 ПТО, 1 минометная батарея, до полутора рот пехоты.

Наши потери: убитых 3 чел., раненых – 7 чел., 3 Т-34 повреждены авиабомбами, 1 Т-40 —уничтожен.

В ночь на 14.10 части бригады отведены по приказанию командира 53 СД в район Шумятино.

14.10.41 17 зенитный дивизион сбил 2 бомбардировщика противника: Ю-88 и Хейнкель-111.

Действия бригады в районе Мал ахово, Абрамовское и Отяково

К 23.00 14.10.41 бригада получила приказ командира 53 СД: к 6.00 15.10.41 сосредоточиться в районе Отяково, Щиглево.

Ночной марш совершен по маршруту: Шумятино,

г. Малоярославец, Климовское, Отяково. Участок пути от дороги, идущей на Боровск до Климовское, был весьма тяжел. Грузовые машины приходилось почти все тащить силами бойцов, из-за чего части бригады сосредоточились в указанный район с опозданием на 2 часа.

В течение 15.10.41 17 ТП совместно с частями 53 СД вел бой с пехотой противника у Никольское, Абрамовское, Мал ахово.

17 МСПБ к 18.00 15.10.41 занял оборону на рубеже Тюнино – Щиглево (на левом фланге 475 СП 53 СД). 3/475 СП начал отходить, но, поддержанный действиями 17 МСПБ, был снова возвращен на свои позиции.

За день боя у противника уничтожено: 15 ПТО, 1 танкетка, 2 минометных батареи, до 150 чел. пехоты, разгромлен штаб в деревне Абрамовское.

Наши потери: 1 чел. убит, 9 чел. ранено. Не вернулись с поля боя 4 танка Т-34 с экипажами.

В ночь на 16.10.41 бригада получила приказ Командующего 43 Армией о передислокации.

Перед бригадой снова стояла задача совершить ночной марш в трудных условиях.

Действия в районе Боровск

С 8.00 16.10.41 бригада совершает марш по маршруту Никольское, Отяково, Климовское, Городня, имея задачу:

совместно с действиями 223 СП захватить г. Боровск. Погода: снег, грязь, проселочные дороги труднопроходимы для всех видов колесных машин. На участке между Климовское – Городня снова пришлось вытаскивать машины на протяжении нескольких километров.

Части бригады в течение дня сосредотачивались в районе Городня, ведя разведку в направлении Тимашово – Уваровское – Боровск.

С 223 СП в течение дня связи установить не удалось, несмотря на ряд мер, т. к. полк по существу разбежался. Лишь к исходу дня удалось собрать остатки полка в количестве 60 человек в район Городня.

К исходу дня была установлена связь с 1 СП 113 СД. Боевые действия на Боровском направлении начались 17.10.41. По приказу Командующего 43 армией бригаде ставилась задача: ударом с юга и юго-запада захватить г. Боровск.

17 ТП к 6.00 17.10.41 занял исходное положение для наступления в районе северная окраина Тимашово, седлая дорогу на Боровск.

К 17.10 17.10.41 17 МСПБ прошел Тимашово. К 8.00 в Уваровское разведкой установлено наличие противника силой до роты мотопехоты, 3 средних и 3 малых танка, 3 бронемашины, 6 ПТО, 2 орудия полевой артиллерии. В Акулово обнаружен взвод конницы с бронемашинами.

Наступление бригада начала в 13.00 17.10.41, артподготовки на участке не было, вследствие отсутствия артиллерии. Сосед справа – 1 СП, сосед слева – сводная рота 223 СП (60 чел.).

В 13.00 17 МСПБ и 17 ТП находились 1,2 км северо-восточнее Сорокавет, в тесном взаимодействии атаковали Уваровское, выбив оттуда противника.

К 14.30 ТП и МСПБ достигли рубежа безымянный ручей – с. Уваровское.

В 18.00 после упорного сопротивления оборона противника была прорвана на подступах к юго-западной окраине г. Боровск. Фашисты бросили окопы и поспешно отошли на южную окраину Боровск. Северо-восточнее опушки леса 1 км юго-западнее г. Боровск, недостаточно активное действие 113 СП и по существу отсутствие 223 СП позволили противнику организовать сильную оборону на окраине г. Боровск.

В период 20.30–21.30 17.10.41 противник открыл сильный арт. минометный огонь по 17 МСПБ и 17 ТП. Сводная рота 223 СП побежала назад, и лишь личным вмешательством начальника штаба 17 ТП капитана Н.Н. Медведева и командира МСПБ капитана Н.К. Масленникова и командира 1 танкового батальона

17 ТП капитана Позолотина была остановлена и приведена в порядок.

В течение дня противник понес большие потери людьми, подбита 1 бронемашина, захвачены 2 автомашины, 2 автомата, телефонное имущество. Ночью МСПБ захватил 3 пленных – 2 ефрейтора и 1 рядовой, которые были направлены в ШТАРМ.

Наши потери: убитых 31 чел., раненых – 28, без вести пропало – 4 чел.

Ночь на 18.10.41 прошла в ночных поисках. К 8.00 18.10.41 части бригады готовились к окончательному разгрому противника и захвату Боровск.

Выход из района Боровск в район Кресты

В период между 8.00—9.00 18.10.41 бригада получила приказ командующего 43 Армией: немедленно выйти из района Боровск и сосредоточиться в районе Угодский Завод, двигаясь через Городня, Малоярославец, Белоусово, Угодский Завод. Положение бригады создавалось тяжелое: АТР, РВР и ТЭП бригады в это время были в 1,5 км от г. Малоярославец, 17 ТП и 17 МСПБ – под г. Боровск; штабриг, рота управления, разведрота и зенитный дивизион – в районе Городня. Принятыми мерами тылы бригады были немедленно рокированы через Малоярославец – Белоусово, Угодский Завод, понеся в районе Малоярославец незначительные потери.

Главные силы бригады отходили через Городня, Потресово вброд через р. Протва (в центре Потресово), Обнинское, Белоусово. Попытки прорваться по шоссе у Ратманово не увенчались успехом, т. к. на шоссе уже был противник. Попытка ночью на 19.10.41 прорваться через Обнинское на Белоусово также не увенчалась успехом, т. к. Белоусово было занято противником.

19.10.41 в 6.00 части бригады начали отход по маршруту Самсоново, Белкино, Балабаново, и к исходу дня части бригады, за исключением зен. дивизиона, собрались в Добрино.

20—21.10.41 части бригады выходили по маршруту Иклинское, Каменское, Зинаевка на шоссе в районе Кресты.

Зен. див. по этому же маршруту вышел в район шоссе только 26.10.41 одиночными машинами и полностью сосредоточился в районе Кутузово 30.10.41.

Марш исключительной трудности по бездорожью для отставших машин и зен. див., начиная с 20.10.41, зачастую под огнем противника, привел к большим потерям колесных машин и частичной потере личного состава (пропавшие без вести).

Потере значительного количества машин способствовало отсутствие тракторов в составе идущих частей и отсутствие

исправных танков.

Действия бригады в районе Карсаково, Чернишня, Рождествено

С 21.10.41 остатки бригады в составе 1 танка Т-34, 1 танка Т-40, 1 взвода минометной роты и до роты стрелков МСПБ, прибыв в район Кресты, были немедленно направлены в распоряжение командира 53 СД, а затем в состав сводной дивизии.

26.10.41 Штабриг, остатки разведроты и роты управления, АТР и РВР, остатки ТП с разрешения начальника штаба 43 Армии отведены из района Юдановка в район Кутузово для доукомплектования боевой матчастью и личным составом.

Боевой матчасти по состоянию на 30.10 в бригаде нет, указаний о получении тоже нет. Части бригады приводят себя в порядок, ремонтируется матчасть колесных машин, получается со склада недостающее имущество.

Командир 17 ТБР
Герой Советского Союза
подполковник п/п КЛЫПИН
Военный комиссар бригады
полковой комиссар п/п ШИБАЕВ
Начальник штаба 17 ТБР
подполковник п/п КИСЛИЦЫН » [98] .

№ 3

Из исторического формуляра 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы 9.7-10.7 1941 года

«В период формирования ополченческих дивизий в Замоскворецком районе Москвы из ополченцев района была сформирована народная ополченческая дивизия, названная 17-й сд. (дивизия НО была переименована в 17-ю стрелковую дивизию только 26 сентября 1941 года и стала кадровой. – *Авт.)*. Штаб дивизии располагался в здании Московского планово-экономического института имени Плеханова (Стремянный пер.). Командиром дивизии был назначен полковник Козлов, комиссаром – профессор Кувшинов. В ряды дивизии вступили рабочие и служащие предприятий и учреждений Замоскворецкого района Москвы. Среди них: ученый с мировым именем академик Кулик, поэт Токарев, профессор Института имени Плеханова Кувшинов, заслуженный мастер спорта орденоносец Бухаров и ряд других деятелей науки и техники, лучших представителей рабочих и интеллигенции района».

Из исторического формуляра 17-й сд 20.7-26.7 1941 года

«Дивизия в составе 4 сп и 2 ад совершает марш в район

нового сосредоточения в Малоярославец».
1312-й полк, где Леонид Алексеевич был старшиной саперной роты, первоначально находился в первом эшелоне дивизии и оборонял непосредственно Варшавское шоссе и район севернее его. Теперь же, после перестановок, полк был выведен во второй эшелон обороны дивизии и стал защищать Варшавское шоссе перед хутором Ново-Александровское и юго-западные подступы к Спас-Деменску.

Из доклада командира 17-й сд «С утра 3.10.41 г. до половины дня 4.10 через дивизию, в основном через 3-й сп (Стар. Ближевичи, Латыши) прошли на восток 53-я, 149-я и 5-я сд. 17-я сд, пропустив части, продолжала оборонять свою полосу».

Письмо Л.А. Кулика домой (без даты)

«Милые, дорогие мои!

Что у вас? Как у вас? Поправилась ли Ирушка? Что с ней было? О каком разрушенном академическом доме пишут газеты? Я здоров и не испытываю неудобств. Жизнь течет нормально. Погода – тоже не обижает. Перепадали дождики, но больше стоят ясные дни и ночи; последнее даже – не выгодно, т. к. к утру (сегодня особенно!) довольно свежо, и выручает фуфайка и движение. Связь начинает налаживаться: я получил твое, Лидуша, письмо, где ты говоришь о том, что несколько раз писала о моем деле в райкоме и о том, чтобы Викт. Конст. прислал свою доверенность на зарплату; к сожалению, это письмо было без даты. Ребята тоже начинают получать потихоньку письма и даже посылки. Я послал тебе с оказией записку и свои очки для починки. Не знаю, получила ли ты их. Пишите чаще, наш точный адрес на этот день и месяц: «Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция 924. 1-й стрелковый полк. Саперная рота». Мне.

Передай привет знакомым и друзьям в институте. Как у вас в библиотеке дела? Кто уже передвинулся в провинцию?! Сердечный привет. Крепко целую. ***Леня».***

Из письма Л.А. **Кулика с фронта дочери Ирине (от 12.9.41)**

«…Живу я в нашей палатке вместе с командным составом, забочусь о хозяйстве и боевой материальной готовности нашей части, а поэтому целый день – в беготне. Есть у меня и пять лошадок; им я очень рад, хотя возни они мне добавили. Наш день начинается в пять часов, и сумерки обрывают работу: «ни ламп, ни свечей!» Если пришлешь елочных, скажем спасибо. Теснота в палатке, и дожди мешают писать; утренники в ясную погоду тоже приводят в движение не руки, а ноги; жратвенные вопли в часы еды тоже вносят дисгармонию в добрые намерения написать домой открытку. И вот, наконец, я пишу. Злобой дня у нас,

конечно, – фронтовые события, особенно военные действия под Ельней (читай «Правду» за 9 сентября).
Глубоко тронут был посылкой и поздравлениями с днем рождения, полученными с некоторым опозданием. Умилили и ассортимент, и тщательность упаковки, и милые домашние мешочки. Сознаюсь: некоторые вещи были очень недолговечны. Твое пожелание, милая дочурка, к сожалению, увы – невыполнимо: растет горб, и рост укорачивается к старости, и мозги регрессируют! Таков закон природы. Да иначе и быть не может: в противном случае все хотели бы быть стариками, и переходить от такого расцвета и пышности к небытию было бы слишком тяжело. Природа – она умная: она устроила так, что старикам с их старческими недомоганиями жизнь в конце концов становится в тягость. Однако, пока – я еще не одряхлел и не чувствую всех этих… наоборот – своей энергией крою всю свою часть… несмотря на осень, дожди и горечавку…»

От 16.9.41 «…Жизнь идет у нас по-прежнему. Живу с командирами в своей палатке, через дырявый верх которой перебросили брезент; получилось удовлетворительно: не прошибает даже в ливни; ночью – тепло, даже в заморозки. Ночую одетый, т. к. часто тревожат по должности и ночью; я ведь теперь – старшина; хлопот прибыло, т. к. людской достав удвоился, да сверх того получили 5 лошадей и три телеги… Относительно здоровья моего не беспокойся: со времени вступления в ряды ополчения я еще ни разу не чихнул, хотя пришлось бывать и под дождем, и промокать до нитки; очевидно, еще кое-какая устойчивость сохранилась!.. Чем кончилось совещание директоров? Где будет институт?… Пришли мне из цветных карандашей, которых у нас много, несколько штук поярче. Тоже – несколько штук замков. Очень было бы удачно, если бы спроворили бы выслать фонарь «летучую мышь», ясно, его нужно выслать отдельной посылкой. Возможно, что мы скоро будем рыть себе землянки, т. к. наступает осень. Чаще пишите открытки».

Из письма Л.А. Кулика дочери Ирине от 24.9.41 «…Был ужасно длинный и неприятный циклон. Вчера он кончился, и ночью прояснилось, и сегодня весь день – ясный и солнечный; но утром был мороз и инеем покрылись все открытые места. Наступила осень. Вчера еще всюду была зелень, и зеленая окраска господствовала в лесах; а сегодня пожелтела береза и почернела картофельная ботва, а клен зардел пурпуром… Лето кончилось».

Из писем Л.А. **Кулика домой**

(Последние письма были сохранены жителями и переданы родным уже после освобождения оккупированной территории от немцев.)

«28/IX 1941 г. Лагерь. Палатки. Землянки. Величественный Млечный Путь над головой. Яркие лучистые камни драгоценным шатром бесценным покрыли Землю, и в несказанной красоте меж ними ровный свет льют и огромный золотистый Юпитер, и тускло-свинцовый Сатурн, и зловещий оранжево-красный Марс; он идет впереди всех этих планет: он раньше них восходит и долго стоит высоко в небе, озаряя объятые ураганом войны и безумия земли, в том числе и мою несчастную страну…»

«3–4/X 41 г. Большой привал на подступах к фронту. Полночь октябрьская. Силуэты строений. Мерно жуют кони. Бойцы лежат на земле под заборами и постройками. Глухое предбоевое напряжение: сдавленные голоса, зловещий шепот. И над всем в избыточествующей роскоши блеска – лучезарная шмальтово-синяя риза, искрящая непередаваемой красоты огнями, а посреди нее высоко над головой – ровно льющий свой красноватый свет, зловещий Марс, бог войны, бог разрушения и изуверства, губитель культур, бог эллинско-латинского пантеона».

«6/X. Дремучий лес. Октябрьская ночь. Узкая дорога забита подводами, орудиями, машинами, лошадьми, бойцами. На опушке бой: трещат винтовки и пулеметы, оглушительно бухают орудия, снопами метеоров просекают воздух очереди немецких трассирующих пуль; впереди гремит и затихает ура; в тылу – организационная сумятица и бестолковые крики; стоны и первые белые перевязки раненых и мешковатые тела убитых. И сквозь ажур ветвей с полуночного неба на все это льет свой зловещий красноватый свет планета Марс, символ древнего бога проклятой войны. Я иду навстречу ему с хлюпающей в сапоге кровью: «Я принес тебе, кровавый, свою жертву! Возьми ее. Возьми ее и уйди с путей страны моей родной».

Около полудня колонны 5-й танковой дивизии врага, обходя оборону 1312-го полка с востока, начали движение на север в направлении хутора Ново-Александровского. Командир дивизии вынужден был развернуть на Варшавском шоссе фронтом на восток свой последний резерв – 1-й батальон 1312-го полка капитана К.М. Сорокина. До 10 танков и несколько мотоциклов противника из Верхуличей повернули на запад в тыл обороны полка. Огнем артиллерии, развернутой на прямую наводку, и крупнокалиберных пулеметов роты ПВО два танка были подбиты, остальные повернули обратно. С наступлением темноты командованию дивизии стало известно о занятии вражескими танками Спас-Деменска. Танковые дивизии врага вышли на Варшавское шоссе в районе Куземки и Ерши.

Из доклада командира 17-й сд

«…К 17.00 4.10 с. г. группа танков до 25–30 с мотопехотой

заняли Ново-Александровское и до 50 танков с пехотой район Спас-Деменск. 17-я сд приняла круговую оборону, имея выход только на участок 60-й сд.

В 22.30 4.10 с. г. было принято решение на выход из окружения. Поставлена задача сделать прорыв через Ипоть на Парфеново в лесной массив и пробиться к своим частям.

В 23.00 получил по телефону устное распоряжение командира 60-й сд генерал-майора Котельникова: выходить из окружения по маршруту: Каменка, Проходы, Сельцо, Мал. Внегоши, Старинки.

Отход прикрывался одним полком 60-й сд и вторым полком 17-й сд, последний снялся с рубежа обороны (второе положение) в 2.30 5.10.41».

Из письма В.И. Вернадского от 13 февраля 1942 года

«Дорогая Лидия Ивановна!

Очень обрадовался, услышав, что Л.А. благополучно вышел из окружения и, как мне писали из Свердловска, зачислен в какую-то воинскую часть. Но третьего дня проезжала из Казани наша сотрудница из Биогела С.В. Одинцова и сказала, что она слышала, как будто он ранен. Пожалуйста, сообщите, что Вы знаете…»

Из письма В.И. Вернадского от 15 августа 1942 года

«Дорогая Лидия Ивановна!

Я слышал, что Вы имеете известия об Леониде Алексеевиче и что Вы хотели меня об этом известить. Но от Вас ничего не получал. Боюсь, что письмо пропало. Очень прошу меня известить об Л.А.».

«Дорогая Лидия Ивановна!

Очень благодарю Вас за присылку отрывков из письма Леон. Алексеев. Надеюсь, что он выйдет из того ужасного положения, которое ему приходится переживать…

Всего лучшего. Если будут какие-нибудь известия о Л.А. – держите меня в курсе…»

Письмо Леонида Алексеевича Кулика домой

«Милые, дорогие, далекие!

Сегодня – 21 октября 1941 проклятого года. Районное село Всходы Смоленской области. «Поздняя осень, грачи улетели, Лес обнажился, поля опустели…»

Пасмурно, ветрено, дождливо; снег стаял; трепещут оставшиеся на деревьях листья и летят в одиночку по воздуху. В селе безлюдно; люди прячутся в немногих пригодных для жилья зданиях. Оживлен лишь тракт, по которому движутся немецкие машины всех видов и размеров и иногда длинные эшелоны пленных.

Горе осенило своим крылом Родину! Кто же я и что же я?

Сейчас я прежде всего – раненый. Рана на ноге улучшается, но медленно, т. к. я растравляю ее: толкусь с утра до вечера, ибо я, во-вторых, – санинструктор, а проще говоря – санитар при временном лазарете для советских раненых в с. Всходы. Под это учреждение занят бывший родильный дом. Все в нем разрушено, растащено, загажено. Клиентура сейчас исключительно хирургическая. 5 палат с 7—15 ранеными в каждой. Бойцы, женщины, местное население: все жертвы бомбежки и пулевых ранений. Антисанитария вопиющая кругом. Врачи – военнопленные.

Сперва я был на перевязках и операциях и по уходу по лазарету без прикрепления к палатам. Теперь за мной сохранили на операциях – общий наркоз и прикрепили детскую палату. В ней 6 пациентов: Маня, Нина, Паня (3–5 лет), Ваня (12 лет), Дуся и Поля (17 лет). Маня, Нина и Поля – сестры, попавшие под бомбежку; Маня уцелела, Нине ампутировали руку; Поля – с травмой обеих ног; мать их убило. Паня ранена в обе ноги; родители погибли. Дуся с огнестрельной раной и осколком в ноге. Ваня поднял гранату и получил ранение в область левой щеки и глаза и в живот; славный парнишка; его положение тяжелое. Стоны, охи и плач день и ночь! С питанием – скудно: основа – картофель. Иногда приходят местные жители и приносят немного хлеба, молока, а своим близким даже мясо. Лазаретные фуражиры добывают изредка капусту, свеклу и т. д.

Приходят и патриоты, будущее родины, своим словом участия и соболезнования желающие облегчить страдания раненых. Им мы передаем свои письма с просьбой отправить по восстановлении почтовой связи. Это письмо идет таким же путем.

Родные мои, как бы я хотел знать, что с вами, здоровы ли вы! Я трепещу за вашу судьбу. Крепко целую Вас заочно и рвусь к вам.

Ваш *Леня».*

Второе и последнее письмо Л.А. **Кулика из плена** «28.10.1941 г. Всходы (село такое!). Временный лазарет в родильном доме для советских раненых. Глухая полночь. Густой трупный смрад от загнивших ран – во всех палатах; плотный тягучий липкий воздух насыщен стонами, животным воем, дикими выкриками. В детской комнате (тоже жертвы войны!) – та же картина плюс вонь мочи и кала. Нестерпимо душно. В тусклом полумраке (от коптилки) страдальчески светится голубой глаз (другой – выбит!) мальчика, хорошего мальчика с разорванным осколком животом. А с другой стороны в верхнюю шибку окна кровавым глазом гипнотизирующе глядит все она же, кошмарная планета Марс; и жутью веет от этого недремлющего огненно-

красного ока, от мысли, что над всей родной землей распростерлась эта эмблема войны, горя, разорения и гибели культур!»

Из письма Марии Францевны Заккис – учительницы с. Всходы

«…Числа 12 октября заходит ко мне в квартиру старичок высокого роста, в длинном клеенчатом фартуке и просит утюг, чтобы погладить белье (для уничтожения паразитов). Разговорились. Познакомились. Семья моя большая была, его окружили трое внучат с расспросами. Жену моего сына зовут Лидия Ивановна, а младшая дочь Тамара оказалась ровесницей Вашей Ирочке, и вот Л.А. и потянуло к нам. Работал он санинструктором, а потом и санитаром в госпитале. Работал так, как почти никто, и свободные минутки проводил у нас…

…Иногда Л.А. усаживался за стол и писал. Написал статью о черной крысе в журнал «Юный натуралист» и писал статью об астрономии, окончить ее не удалось, говорил он, но статья даст такую новость, которая еще никому не известна. Приходя к нам, он всегда приносил свой паек (50—100 г конины), чтобы его превратить во что-либо съедобное. У меня тоже имелась конина, и вот нам с дочерью удавалось что-либо сготовить, а Новый год, между прочим, мы даже с пельменями встречали.

…Утром 12 марта немцы решили бежать со Всход, приказали населению, а также военнопленным спешно готовиться в дорогу. Я выбрала минутку и забежала к раненым…

Большинство готовилось к чему-то страшному. Л.А. сказал, что останется во Всходах (в этот момент уже решили население оставить на месте) и вечером будет в моей квартире…

Но много вечеров прошло, а Л.А. не приходил. Я твердо знаю, что к побегу Л.А. все было готово, а почему он не остался, я и сейчас не знаю».

По рассказам жительницы Всходов Лидии Азаровны Баклановой Именно она должна была проводить Леонида Алексеевича в партизанский отряд «Северный медведь», где находился ее старший брат. Придя в условленное время в госпиталь за Куликом, она по его просьбе увела в отряд женщину-врача. А Леонид Алексеевич заверил ее, что сам пойдет в следующий раз. Но когда Лида вернулась из отряда во Всходы, было уже поздно… Раненых немцы вывезли в Спас-Деменск. Тогда, весной 1942 года, мало кто сомневался в близком освобождении Спас-Деменска, ведь линия фронта проходила совсем близко. Но спас-деменский выступ просуществовал еще почти полтора года. Уже прогремели бои на Волге, развертывалась Курская битва, и немцы были вынуждены

перебрасывать резервы на юг. Тут и началось наступление наших войск по ликвидации спас-деменского выступа. В августе 1943 года наконец-то Спас-Деменск был освобожден.

Письмо в Московскую академию наук жителя г. Спас-Деменска Я.И. Гольцова

«Сообщаю, что 14 апреля 1942 года в 19 часов 30 минут умер профессор Кулик Леонид Алексеевич от тифа в г. Спас-Деменске Смоленской области и погребен на городском кладбище. Могила сохранена до сих пор, несмотря на 2-годичную оккупацию города немцами… Условия его жизни последнего времени известны мне, так как он похоронен мною и жил в квартире моей родственницы. Все, что необходимо знать о покойном, я всегда сообщу на запрос… Оставшиеся после смерти покойного его труды вчера, то есть 20-го сего августа, мною по требованию особого отдела НКВД сданы последнему. Наш город только еще 3 дня как освобожден от немцев.

Адрес жены покойного я потерял, поэтому прошу, если возможно, сообщить ей об этом, это была просьба Леонида Алексеевича при его жизни. Память покойного чту и могилу его сохраняю. 21 авг. 43 г. *Я. Гольцов».*

Из письма И.Ю. Качинской «…11 марта 1942 года, когда к д. Всходы подходили войска Красной Армии, наш госпиталь был эвакуирован в г. Спас-Деменск. Леонид Алексеевич остался в госпитале на Морозовской горке. В этом госпитале была эпидемия тифа. Здесь проф. Кулик заразился сыпным тифом и умер. Бытовые условия в лазарете были скверные. Проф. Кулик жил вместе с санитарами, спал на полу, на соломе, так как никакого постельного белья не было, также не было и носильного белья. Проф. Кулик и другие пленные спали не раздеваясь. Преждевременная смерть Кулика наступила от невыносимых условий, созданных оккупантами».

Из письма медсестры А.М. **Победоносцевой**

«…В один мартовский вечер была метель, к нам в лагерь привели отряд – человек 30 русских пленных медработников. Среди них был и Леонид Алексеевич. Большая часть медработников, так же, как и больных, с которыми они прибыли, были отправлены в г. Рославль, а Леонид Алексеевич и еще несколько человек были оставлены у нас. Вот тут-то я и узнала о том, что с октября 41-го он, попав в плен, был санитаром во Всходах до закрытия этого госпиталя. Исполнял всю тяжелую работу, а также занимался и тем, что помогал на перевязках и сам перевязывал. Время было трудное, никакого пайка не выдавали. Жили тем, что собирали мерзлый картофель и всякую падаль, лошадей главным образом. Попав к нам, он попал на такое же

довольствие, если даже не худшее. К тому же мы содержались под строгой охраной… Один раз при посещении госпиталя заведующим, или как они, то есть немцы, называют, «шеф артц», ему наш старший русский врач сказал, что у нас есть русский ученый. Нельзя ли как-либо улучшить его питание, принимая во внимание его возраст. Он усмехнулся, пожелал его видеть. Через переводчика с ним говорил, Леонид Алексеевич не захотел с ним говорить по-немецки. Врач предложил ему дать свои труды им, но он категорически отклонил это предложение. Положение его не было улучшено.

В госпитале у нас в то время свирепствовал сыпной тиф… а мы, работающие в палатках, были завшивлены до невероятности, и он заболел в первых числах апреля, а 14.04.42 г. умер.

Все же перед смертью, уже во время его болезни старший врач упросил администрацию перевести его в дом напротив нашего лагеря. Там было тепло, и у хозяйки была корова, но было уже поздно. Его изнуренный голодовкой организм не выдержал, и он погиб. Мы сделали надпись на надгробном памятнике и похоронили его не в общей могиле, как всех, и не сняли с него рубашку, что мы делали, чтобы одеть оставшихся живых, которые буквально были голыми даже и зимой».

№ 4

Из Книги памяти Петушинского района Владимирской области

(по материалам общественной редакционной коллегии Книги памяти Петушинского района

Владимирской области (www.kp-petushki.narod.ru).

Рядовой АЛГАЛОВ Алексей Кузьмич, род. 1908, д. Старое Перепечино, до войны работал грузчиком Покровского пищекомбината, призван Орехово-Зуевским РВК 30.8.41, связь прервана с 23.9.41, пулеметчик 1312-го стрелкового полка, жена Алгалова Мария Петровна, д. Старое Перепечино Покровского р-на.

ОВД (карта военнопленного): род. 17.03.1908, пленен 4.10.41. Спас-Деменск, погиб 1.12.41 в плену в шталаге XII E, пох. Замбров, Польша.

Рядовой АЛЕКСЕЕВ Петр Петрович, род. 1902, д. Грибово. Из воспоминаний однополчанина Н.Е. Смирнова: «Были в Рославльском лагере. Страшный лагерь. Колючая проволока, вышки, хлеб из опилок через пять дней кусок, голод, тиф, расстрел ежедневный, по 300 человек сжигали на костре – мертвых не хоронили. Лагерь был на 15 тысяч. Алексеев прошел пешком всю Германию… вернулся домой».

Рядовой АЛЕШИН Александр Федорович, род. 1902, д.

Рождество, разведчик разведроты, связь прервана с 30.9.41, жена Алешина Анна Ильинична, п. Петушки, Школьная ул. ОБД: рядовой, артиллерист, попал в плен, переведен в Минский лазарет 25.3.42, умер 26.5.42 от истощения.

Рядовой АЛЕШИН Федор Игнатьевич, род. 1897, д. Рождество, 1314-й стрелковый полк, связь прервана 9.41, жена Алешина Анна Борисовна, п. Петушки, 2-я Советская ул.

Рядовой АНТОНОВ Василий Иванович, род. 1903, д. Сеньга-Озеро, до призыва трудился в Кибиревском колхозе «Сеятель», призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, связь прервана с

28.8.41, Милятино, Милятинское лесничество, жена Антонова Александра Андреевна, д. Кибирево. Дочь Шапкина Мария Васильевна, староста д. Кибирево: «Папа был очень красивым…»

Сержант АНТОНОВ Иван Андреевич, род. 1908, д. Б. Пекша, призван Петушинским РВК 5.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, жена Куряева Мария Павловна, Костерево, Вокзальная ул.

Рядовой АНТОНОВ Яков Дмитриевич, род. 1899, д. Волосово, призван Петушинским РВК 6.7.41, 1312-й стрелковый полк, 7-я рота, жена Антонова Матрена Артемьевна, д. Антушово.

Рядовой БАБАКИН Виктор Семенович, род. 1910, г. Покров, Книга памяти Петушинского р-на: Бабахин. Книга памяти Калининградской обл. т. 19: призван Орехово-Зуевским РВК, пленен 4.10.41, умер в плену 31.3.43 в шталаге 1А, увековечен п. Фурманово Багратионовского р-на Калининградской обл. ОБД (карта военнопленного): фото, род. 24.1.1910, г. Покров, пленен 4.10.41 Спас-Деменск, шталагХПЕ (Замбров, Польша), переведен 22.3.42 в шталаг 1А, умер в плену 31.3.43 в шталаге 1А Штаблок, родственники: г. Покров, Слободка.

Рядовой БАКАНОВ Дмитрий Михайлович, род. 1892, п. Петушки, адрес семьи: Петушки, Вокзальная ул., призван Петушинским РВК 6.7.41. Есть донесение Малоярославецкого РВК об обнаружении в начале июня 1942 г. тела убитого в декабре 1941 г., опознанного по удостоверению и письму в «г. Рязань, ул. Революции 3 кв. 18 Костеровам», писаря 17 запасного Москворецкого района полка, пох. могила № 9 д. Жилинка Пореченского с/с Малоярославецкого р-на Московской (ныне Калужской) обл.

Рядовой БАХИН Иван Григорьевич, род. 1901, д. Липна, ОБД: род. 3.5.1900, до войны работал слесарем, 1-й стрелковый полк, пленен 6.10.41. Александровка (вероятно, Ново-Александровское на Варшавском шоссе южнее Спас-Деменска), погиб 8.2.42. в плену в шталаге XII E, пох. Замбров, Польша.

Рядовой БРЫЗГАЛОВ Николай Максимович, род. 1902, д. Нераж, член ВКП(б), призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, связь прервана с 4.10.41, жена Брызгалова Наталья Зиновьевна, Костерево, ул. Бормино. РГВА, список узников концлагеря г. Рославль Смоленской обл.: обморожение 3-й степени обоих стоп, поступил в лазарет 16.3.42, умер 18.4.42.

Рядовой ВАСИН Иван Иванович, род. 1899, д. Сеньга-Лазаревка, до войны проживал в п. Петушки, ул. 1 Мая, работал плиточником в Москве, призван Петушинским РВК 6.7.41, пленен в 1941, бежал из плена вместе с земляком Петром Зеленцовым, продолжил боевой путь, дошел до Кенигсберга (ныне Калининград), жена Васина Ефросинья Николаевна, трое детей. Старший сын младший командир Васин Алексей Иванович, 1925 г. р., артиллерист ПП 02394 (523-й стрелковый полк 188-й стрелковой дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта), погиб в бою 8.10.43 (при форсировании Днепра) под с. Калужено Днепропетровской обл., пох. восточнее 300 м от села.

Рядовой ДЕНИСОВ Кирилл Иванович, род. 1902, д. Леоново, 1314-й стрелковый полк, 2-й батальон, 6-я рота, жена Денисова Мария Григорьевна, д. Леоново.

Рядовой ДУМЦЕВ Федор Яковлевич, род. 1892, п. Петушки, призван Петушинским РВК 6.7.41, жена Думцева Александра Ивановна, Петушки, Кировская ул. Отец 13 детей.

Сержант ДЮКОВ Александр Андреевич, род. 1902, п. Городищи, призван Орехово-Зуевским РВК в 1941, 1312-й стрелковый полк, умер от ран 3.4.43 в 292-м медсанбате, пох. д. Зимницы Сухиничского р-на Калужской обл. Числится перезахороненным в братской могиле Калужская обл., Куйбышевский р-н, п. Бетлица.

Капитан ВЛАДЕЕВ Виктор Васильевич, род. 1921, д. Ст. Петушки, член ВЛКСМ, окончил Бобруйское пехотное училище. ОБД: призван Петушинским РВК в 1939, кандидат в члены ВКП(б) с 1943, командир 8-й стрелковой роты 742-го стрелкового полка 164-й стрелковой дивизии, убит 10.8.43, пох. 200 м от противотанкового рва в западном направлении близ д. Губино Спас-Деменско-го р-на Смоленской (ныне Калужской) обл., отец Василий Тимофеевич, д. Ст. Петушки.

Рядовой ГАВРИЛИН Егор Максимович, род. 1902, д. Шахово Тульская обл., связь прервана 2.5.42, жена Гаврилина Анастасия Акимовна, п. Петушки, ул. 1 Мая. Отец 4 детей. Письмо: «Мне пришлось побывать 35 дней в плену у паразитов. Бежал я из города Минска от змея лютого, бежал с поезда 14-го ноября и пришел в Татеву… в окружение мы попали 3-го октября, шесть

дней ходили, хотели прорваться. Но 9-го нас забрал немец…» Последнее письмо: «я хочу вам сказать, любите вы друг друга и уважайте».

Рядовой ГАВРИЛИН Максим Максимович, род. 1899, Тульская обл. ОБД: род. 19.8.1899 д. Татьево Одоевского р-на Тульской обл., призван Петушинским РВК 6.7.41, связь прервана с 8.41, мать Гаврилина Анастасия Павловна, д. Молодилово. Попал в плен 10.7.41 (дата вызывает сомнения, вероятно, 7.10.41), погиб в шталаге XB 12.12.41 Яренвиш (Jarrenwisch, ныне земля Шлезвиг-Гольштейн), Германия, жена Гаврилина Ефросиния Павловна.

Рядовой ГАЛАЕВ Николай Антонович, род. 1924, с. Б. Уркат Ельниковского р-на Мордовской АССР, призван Петушинским РВК 6.7.41, 17-я дивизия, попал в плен в 1941, освобожден, отец Галаев Антон Спиридонович, д. Новая. В феврале 1945 года – сержант, водитель-танкист 1-го танкового корпуса 2-го Белорусского фронта, член ВЛКСМ.

Рядовой ГРЕХОВ Василий Александрович, род. 1900, д. Безводново Собинского р-на, до призыва работал помощником мастера на фабрике «Трудовой коллектив», числится в Списке ополченцев г. Петушки. ОБД: призван Петушинским РВК 6.7.41, связь прервана с 29.9.41, жена Грехова Александра Тимофеевна, «Трудовой коллектив». 5 детей.

Рядовой ГРИШИН Василий Андреевич, род. 1896, г. Москва, до войны работал бригадиром в колхозе д. Липна, призван Петушинским РВК 6.7.41, жена Гришина Евдокия Григорьевна, д. Липна. Отец 6 детей.

Рядовой ГРИШИН Дмитрий Иванович, род. 1904, д. Аннино, призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, жена Гришина Мария Петровна, д. Аннино. ОБД (карта военнопленного): род. 8.2.1907, лесоруб (holzarbeiter), в/ч 7598, пленен 5.10.41, Ельня, умер в плену 29.11.42 в шталаге VIF Бохольте (Bocholt) (ныне Северный Рейн – Вестфалия, Германия), жена Гришина Мария Петровна, д. Аннино.

Рядовой ГРИШИН Иван Павлович, род. 1904, д. Молодил ово, до призыва работал бухгалтером на фабрике «Трудовой коллектив», призван Петушинским РВК 6.7.41, связь прервана с 28.9.41, 4-й отдел (строевой) штаба, жена Гришина Анна Васильевна, Петушки, Школьная ул.

Рядовой ЕГОРОВ Юрий Иванович, род. 1923, г. Чимкент, Южный Казахстан. В Петушках семья жила с 1933 года. Юрий окончил 7 классов железнодорожной школы, а затем обучался на курсах по подготовке помощников мастеров при фабрике «Катушка». Участвовал в строительстве стадиона и много занимался спортом. Призван Петушинским РВК 6.7.41. Воевал в

17-й стрелковой. Он вспоминает, как трудно было им в бою. Не у всех были винтовки, танки жгли бутылками с зажигательной смесью. В один из боев 4–5 октября при выходе из окружения попал в плен – пережил все муки ада. Оказался в Замбровском лагере в Польше, затем был увезен в Германию, где его передали в рабство к фермеру. Дважды бежал, но его ловили и вновь отдавали в рабство. Только в конце 1944 года был освобожден нашими войсками и продолжил службу в составе 147-й стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта. Участвовал в штурме Кенигсберга. Был тяжело ранен и находился на излечении в госпитале Каунаса, где встретил День Победы. В связи с непригодностью к дальнейшей строевой службе направлен в нестроевую часть в 309-й ветеринарный лазарет, с которым в составе Забайкальского фронта дошел до Монголии и участвовал в войне с Японией. Демобилизовавшись по инвалидности в послевоенные годы, закончил Юрьев-Польский сельскохозяйственный техникум и стал работать в МТС города Петушки. 20 лет работал в сельхозтехнике, а затем в радиоцентре ТАСС дизелистом.

Рядовой ЕЛИСЕЕВ Михаил Дмитриевич, род. 1900, д. Короваево, 1316-й стрелковый полк, жена Елисеева Евдокия Ивановна, д. Короваево. ОБД (карта военнопленного): род. 8.11.1900, артиллерист 17-й дивизии, пленен 3.10.41 Спас-Деменск, умер в плену 1.12.41 в шталаге XII E, пох. Замбров, Польша.

Рядовой ЕЛКИН Василий Иванович, род. 1898, д. Ст. Петушки, жена Лесина Мария Михайловна, п. Петушки, Ленинская, дом школы.

Рядовой ЕЛКИН Иван Павлович, род. 1901, д. Сеньга-Озеро, до войны служил в районном отделе НКВД, призван Петушинским РВК 6.7.41, связь прервана с 9.41, жена Елкина Клавдия Николаевна, п. Петушки, Комсомольская ул. Отец 9 детей. Дочь Ларина Лидия Ивановна вспоминает: «Папа нес меня на руках от Филинской школы до тропочки (ныне школа № 17), поцеловал, передал матери и уехал на фронт».

Рядовой ЗАЙЦЕВ Лука Никитович, род. 1899, Белоруссия, призван Петушинским РВК 6.7.41, штаб дивизии, связь прервана с 14.9.41, жена Зайцева Анна Ивановна, Петушки, 2-я Советская ул. Семья Зайцевых переехала в Петушки из Белоруссии в 1914 году. Лука окончил железнодорожную школу. Будучи грамотным и активным в общественной жизни, он работал на ответственных должностях в районе: несколько лет служил в милиции, работал директором торфопредприятия, руководил кирпичным заводом в Ючмере, был председателем колхоза в дер. Омутищи,

ответственным работником в райисполкоме. У него было две дочери: Зинаида и Мария. Мария Лукинична вспоминает: «В начале июля отец добровольно пошел в народное ополчение. 6 июля 1941 года всех призванных в отряд народного ополчения разместили в помещении Филинской школы (сейчас школа № 1). Многие провожающие, жены, дети провели у школы всю эту ночь. Утром 7 июля ополченцев построили и отправили на вокзал, а оттуда поездом на Москву. От отца мы получили несколько писем. Последнее письмо было датировано 14 сентября. В каждом письме отец выражал уверенность, что мы разобьем врага».

Рядовой КЛЮХИН Виктор Степанович, род. 1916, д. Грибаново, призван Орехово-Зуевским РВК 19.8.41, Смоленская обл. ППС 724 (верно 924), связь прервана с 12.10.41 (в другом донесении 15.11.41), жена Клюхина Клавдия Владимировна, п. Городищи, казарма № 3. РГВА, список узников концлагеря г. Рославль Смоленской обл.: род. 27.10.1916, осколочное ранение груди, Городищи, казарма № 3, комната № 31.

Рядовой КОМАРОВ Сергей Ефимович, род. 1913, д. Борщевня, призван Петушинским РВК, стрелок 9-й роты, убит 17.12.41 под д. Тунаево Лопаснинского (ныне Чеховского) р-на Московской обл., жена Комарова Дарья Ивановна, д. Борщевня, Куйбышева ул. Захарова С.П., Стремиловские рубежи: «В октябре – декабре 1941 года 17-я дивизия в составе 43-й армии занимала прочную оборону на восточном берегу реки Нары, на рубеже сел Стремилово, Бегичево, Высоково и стойко отбивала атаки превосходящих сил противника, бросившего сюда значительную часть пехоты и танков. Получив боевой приказ командующего 43-й армии, в конце декабря части дивизии перешли в наступление и прорвали оборону противника в районе деревень Леоново, Тунаево, Бегичево, Рожково. Сбивая заслоны противника, они преследовали врага и 28 декабря 1941 года освободили районный центр Угодский Завод (ныне поселок Жуково)… У реки Нара создан мемориальный комплекс «Стремиловский рубеж».

Гвардии рядовой КОСТИН Павел Васильевич, род. 1894, д. Ст. Омутищи, призван Петушинским РВК 6.7.41, прошел всю войну. Дочь Репина Екатерина Павловна. Отец 2 сыновей. Вернулся с войны. Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу» и орденом Славы III степени. Сапер 85-го отдельного гвардейского саперного батальона 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Из наградного листа: «Получив приказ на блокировку форта южнее гор. Познань и уничтожение его гарнизона т. Костин, преодолев полосу простреливаемую ружейнопулеметным огнем, по веревке поднялся на поверхность форта. Действуя умело и решительно т. Костин огнем из автомата уничтожил

вражеского пулеметчика, чем способствовал успеху блокировки форта, а также уничтожению засевшего в нем гарнизона. Во время блокировки форта т. Костин держал под обстрелом основной выход из форта. В результате вражеский гарнизон в составе не менее ста человек был уничтожен внутри форта взрывами кумулятивных зарядов и огнем».

Рядовой КОСТИН Павел Иванович, род. 1901, д. Борщевня, числится в Списке ополченцев г. Петушки, род. 1898, адрес: Красная ул., призван Петушинским РВК 6.7.41, командир караула, «во время проведения караула по минированному полю наступил на мину сильного действия и… погиб в половине сентября 1941 года Образцово (ныне Образцовка) – Дупельная (ныне Дупельно – южнее Спас-Деменска у Варшавского шоссе)».

Рядовой КРОТОВ Сергей Иванович, род. 1902, г. Орехово-Зуево, до 1937 г. работал в г. Орехово-Зуево, после переехал в Костерево и работал на фабрике, 1314-й стрелковый полк, 1-й батальон, жена Кротова Пелагея Яковлевна, сын и дочь, п. Костерево. Из последнего письма: «Поля, насчет Митрофанова Павла Ивановича узнает брат Василий Иванович, он и сообщит. Насчет Ковалевского я буду стараться узнавать, где он находится, до сих пор его не видел. Передача от его супруги у меня в целости, и также 50 руб. его денег. Всем передал кроме Ковалевского. Аржаницина Сережу вижу чуть не каждый день. Часто вижу Попова, Митрофанова В.И., Заподнова, но только не Николая (ополченец 8-й ДНО), а его двоюродного брата, вижу еще Кириллова, который жил около Миши Дуваева… Поля про себя писать особенно нечего. Живу хорошо, питаемся неплохо. Работаю старшиной обозного взвода. Часто бываю в своих районах по заготовке фуража, а чтобы послать в дальние командировки, пока не предвидится… Пишу письмо за 15 километров, где я нахожусь, у пред. колхоза. Прислали на лошадях за сеном. К вечеру буду на месте своего расположения, время 12 часов дня 28/1Х-41 г… Поля, тебе предчувствуется, что я с тобой скоро увижусь. Да, недолго осталось, враг в недалеком будущем будет разбит, постараемся это показать на деле».

Рядовой КУДРЯВОВ Александр Яковлевич, род. 1913, д. Домашнево, призван Орехово-Зуевским РВК в 1941, хим. рота, пленен 15.10.41, освобожден из фашистского плена, 3-й стрелковый батальон 34-й отдельной стрелковой бригады, погиб в бою 11.4.42, пох. д. Павлово Юхновского р-на Калужской обл. Перезахоронен в братскую могилу г. Дорогобуж, вал Победы.

Рядовой КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич, род. 1898, д. Ст. Омутищи, призван Петушинским РВК в 17-ю МСДНО, сапер 312-го отдельного инженерного батальона 43-й армии, убит 17.2.42,

остался на поле боя под д. Захарово Износковского р-на (ныне Калужской обл.), жена Кузнецова Мария Петровна, шестеро детей.

Сержант ЛУКЬЯНОВ Василий Александрович, род. 1905, д. Новое Стенино, призван Петушинским РВК 5.7.41, связь прервана с 10.9.41, писарь, жена Лукьянова Мария Дмитриевна, д. Новое Стенино Покровского р-на. До войны работал председателем Летовского колхоза, помощник командира взвода, «погиб в бою под Ельней – в районе Леса (ныне Лесково) – Образцово (ныне Образцовка) – Дупельная (ныне Дупельно – южнее Спас-Деменска у Варшавского шоссе) и в направлении на Вязьму во время окружения со 2–7 октября 1941 года».

Сержант МИЛЮКОВ Алексей Михайлович, род. 1923, п. Петушки. Предвоенный класс десятый: фото, выпускник 1941 г. школы № 1 (ныне № 2). Картотека: 1312-й стрелковый полк (17-й стрелковой дивизии). ОБД: командир отделения 17-й стрелковой дивизии, убит 25.4.42 р. Угра (выше в списке записано д. Аксиньино), мать Прасковья Степановна, д. Ст. Петушки.

Рядовой МИТРОФАНОВ Василий Иванович, род. 1900, д. Филино, 1314-й стрелковый полк, связь прервана с 23.8.41, жена Митрофанова Мария Егоровна, д. Новая. ОБД (карта военнопленного): фото, род. 30.3.1900 д. Филино, пленен 5.10.41 под Спас-Деменском (Калужская обл.), умер 31.12.41 в шталаге XI D (321), пох. г. Оербке (ныне Нижняя Саксония).

Рядовой ОСИПОВ Иван Степанович, род. 1899, д. Васильки, ППС 527 п/я 46, жена Осипова Степанида Андреевна, д. Васильки. Правнук Евгений Барков: «Из воспоминаний бабушки и прабабушки знаю, что после войны к ним приходил ветеран 17-й дивизии, который видел, как погиб Иван Степанович и несколько других липенцев».

Рядовой ПАНЮШКИН Иван Андреевич, род. 1899, д. Ст. Омутищи. Из воспоминаний сына Алексея Ивановича Панюшкина: отец был тяжело ранен в ногу, мог погибнуть, но его спас односельчанин Еремин Сергей Дмитриевич (погиб 20.2.42 под д. Захарово Износкинского р-на Калужской обл.), который до войны работал фельдшером в д. Ст. Омутищи. Он погрузил отца на полуторку и отправил в госпиталь. После госпиталя отец продолжил службу на санитарном поезде, который попал под бомбежку на железной дороге Осташков – Бологое. От битого стекла получил множественные ранения, которые мучали всю жизнь. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. Сын Константин – гвардии лейтенант, ветеран Великой Отечественной войны и войны с Японией, награжден орденом Отечественной войны I степени: «В наступательном бою за город Оборники 25.01.1945 года гвардии лейтенант

ПАНЮШКИН, заменив выбывшего из строя командира роты, принял командование на себя и смело повел роту в атаку на противника. Рота под командованием гвардии лейтенанта ПАНЮШКИНА выбив противника с окраины населенного пункта завязала уличные бои в центре города, очистив от противника 6-ть укрепленных каменных зданий, превращенных в опорные пункты. В ходе боя ротой было уничтожено 3-и пулеметные точки противника с расчетами и до взвода вражеской пехоты. В рукопашной схватке с противником гвардии лейтенант ПАНЮШКИН сам лично уничтожил 7-мь вражеских солдат. Будучи ранен не ушел с поля боя продолжая командовать подразделением до полного освобождения города Оборники».

Рядовой ПАРФЕНОВ Никита Феоктистович, род. 1897, д. Ильинки, призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, дочь Парфенова Надежда Никитична, д. Ильинки. ОБД (карта военнопленного): род. 4.1892, д. Шишко, сержант, 2-й стрелковый полк, пленен 4.10.41 Luwona (возможно д. Любунь Спас-Деменского р-на), погиб 7.3.42 в плену в шталаге XII E, пох. Замбров, Польша.

Рядовой ПРУСОВ Михаил Иванович, род. 1900, д. Копиново, призван Петушинским РВК 8.41, связь прервана с 9.41, стрелок 1314-го стрелкового полка, жена Прусова Мария Сергеевна, д. Копиново Покровского р-на. ОБД (карта военнопленного): род. 5.11.1900, пленен 6.10.41 Спас-Деменск, погиб в плену 21.3.42 в шталаге XII E, пох. Замбров, Польша.

Рядовой ПУЧКОВ Сергей Матвеевич, род. 1905, д. Норкино, призван Москворецким РВК г. Москвы, предположительно в 17-ю МСДНО, пулеметчик, пропал без вести 9.41, жена Пучкова Мария Ивановна, Москва, 1-й Рощинский пер. 5-а палата 9 ком. 7.

Рядовой ПЫРКОВ Сергей Спиридонович, род. 1892, д. Сеньга-Лазаревка, числится в Списке ополченцев г. Петушки. ОВД (донесение составлено с документов, подобранных на поле боя): стрелок, убит 10.41, пох. у

г. Рославля, жена Пыркова Фекла Алексеевна, г. Петушки, Пролетарская ул. Числится похороненным Смоленская обл., г. Рославль, сад имени Памяти погибших воинов Советской Армии, Братская могила № 1.

Рядовой ПЫРКОВ Яков Иванович (Михайлович), род. 1891, д. Ст. Петушки, проживал п. Петушки, 1-я Советская ул., призван Петушинским РВК 6.7.41, стрелок, связь прервана с 27.9.41. ППС-527 (33-я армия), пленен, освобожден из плена войсками 65-й армии летом 1944, жена Пыркова Александра Егоровна, д. Ст. Петушки, Отдел обеспечения семей военнослужащих.

Рядовой РОМАНЕНКО Николай Моисеевич, род. 1904,

Киевская обл., Шилизянский р-н, д. Богданы, до войны работал на лесоскладе фабрики «Катушка», числится в Списке ополченцев г. Петушки, призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, связь прервана с момента призыва, жена Романенко Мария Михайловна, п. Петушки, Лесхозная ул.

Рядовой САВИН Константин Дмитриевич, род. 1900, д. Берестоk Брянской обл., до войны проживал в Петушках на ул. 8 Марта, отец 6 детей, пленен, угнан в Германию. Освобожден из плена и осужден без права переписки, работал на шахтах в Подмосковье. Вернулся домой в мае 1947 года больным человеком. Умер в 1951 году.

Рядовой САВОСИН Алексей Александрович, род. 1924, д. Борщевня. Числится в Списке ополченцев г. Петушки, призван Петушинским РВК 6.7.41, предположительно в 17-ю МСДНО, член ВЛКСМ, мать Савосина Анастасия, д. Борщевня. ОБД (карта военнопленного): Савостин, род. 24.12.24, г. Орехово-Зуево, ранен, пленен 8.10.41 под г. Юхнов (Калужской обл.), умер 28.3.43 в 8.00 в шталаге IV B (304), пох. 29.3.43 в 10.00 на русском кладбище Цайтхайн (Саксония, Германия) участок 58 блок 1 ряд 5, мать Савосина Анастасия, д. Борщевня.

Лейтенат СМИРНОВ Николай Ефимович, род. 1901, д. Кибирево, до войны проживал на 1-й Советской ул., работал начальником Петушинского леспромхоза, член ВКП(б) с 1928 г., призван Петушинским РВК 6.7.41, участник боев под Спас-Деменском в октябре 1941 г., лейтенант интендантской службы, делопроизводитель-казначей Армпродсклада 2497, награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы». Из наградного листа: «Тов. Смирнов за три с половиной года службы в Армпродскладе показал себя способным офицером – обеспечил свой участок работы… На отдельных отрезках времени 1943 и 1944 гг. выполнял обязанности начальника отделения – ст. Угра и переправа реки ЖИЖАЛА – сохранил продовольствие после вражеской авиабомбежки. Как парторг обеспечил работу по выполнению задания командования – личным составом в период наступательных действий армии по обеспечению в/частей». Внес большой вклад в дело увековечения памяти петушинцев-добровольцев. По данным Николая Ефимовича, петушинский батальон состоял из 680 человек. После войны работал директором Петушинского молочного завода.

Рядовая СОЛОВЬЕВА (ДАВЫДОВА) Вера Дементьевна, род. 1922, медицинская сестра, в боях в октябре 1941 г. получила множество ранений, эвакуирована в госпиталь, где лечилась до 8.42. Из воспоминаний Веры Дементьевны: 4 октября в медсанбат поступало много раненых. Санитарки и врачи на подводах

подготовили их к отправке в тыл, но вместе со стрелковыми частями они оказались в окружении. Выручил их местный житель, который через болота переправил обоз с ранеными в тыл фронта. Тяжелый день для дивизии был и 6 октября, когда дивизия прорывалась из окружения в районе реки Малая Ворона. Соловьева Вера Дементьевна перевязывала раненых и сама была тяжело ранена, ее оставили истекающую кровью, но через несколько часов, когда она стонала лежа в 5 метрах от дороги, кто-то склонился над ней, и она услышала слова, что не жилец – умирает. Через какое-то время по дороге проезжала автомашина, из нее вышел офицер (по воспоминаниям Соловьевой – полковник), он наклонился над ней, и она открыла глаза. Он понял, что она жива, и приказал сделать из жердей носилки, на которых ее донесли до автомашины и доставили в госпиталь. У нее было шесть ранений. 4 пулевых и два осколочных. На нее была отправлена похоронка, но она выжила. Почти год лечилась в госпитале города Киров, где ей сделали несколько операций, но один осколок так и остался возле сонной артерии. Она в дальнейшем стала супругой хирурга Соловьева А.А., который помог ей стать работоспособной, и она почти два десятка лет проработала на ответственной работе в районном отделе милиции, возглавляя группу инспекторов по работе с трудными подростками. Капитан милиции. Награждена орденом Славы III степени, медалью «За оборону Москвы» и другими наградами.

Рядовая СОЛОПАХО (БУРДИНА) Екатерина Сергеевна. Интервью О. Яковлевой, август 1980 г.: «До войны работала делопроизводителем в райисполкоме. В сорок первом, когда создавалось московское народное ополчение, нас было семеро девчат, добровольно ушедших в районную сандружину, которой командовала Елена Георгиевна Зотова. 7 июля 1941 года торжественно, под звуки оркестра, нас проводили из Петушков в Москву. Так началась моя служба в народном ополчении. Семнадцатая москворецкая стрелковая дивизия, куда я попала, формировалась в Москве и входила в состав 33-й армии. Пешком через Подольск и Малоярославец до Калуги, в Сухиничах погрузились в вагоны, поезд помчал нас к линии фронта. И вот боевое крещение под Спас-Деменском. Много погибло там наших петушинских ребят: братья Кузьмины, Володя Филиппов, Сергей Морозов… И ведь всем им было, как и мне, по 18, от силы 20 лет. А меня почему-то пули не трогали. Не знаю почему. Как сейчас вижу: летит надо мной вражеский бомбардировщик, пули свистят то тут, то там, я бегу в лес. И страха не было. Не боялась почему-то, как-то совсем не думалось о смерти. Не знаю, со всеми так было или только со мной. А может, тут молодость всему

причиной… Вскоре организовался медсанбат. Здесь нас обучала азам медицины военврач третьего ранга Мария Ивановна Савина. Я работала тогда машинисткой в штабе, но и раненых принимать тоже приходилось. Нелегко было отступать во вражеском окружении. Шли по ночам, днем укрываясь в лесах. А когда фашисты взяли Вязьму, мы, чудом уцелевшие, стали пробираться к Москве. Месяца два-три скитались, последнюю неделю голодали, воду приходилось пить прямо из колеи. Кое-как, порой примостившись на подножке попутной машины, километр за километром приближались к Москве. И, наконец, вот она, долгожданная. Нас подбирает патруль, и мы уже на пересылочном пункте. А там полевой госпиталь 43-й армии. Работа в операционной, затем в стационаре. Вспоминается первый день в операционной. Ампутировали ногу раненому. Нанюхалась эфира, насмотрелась и три дня после этого не могла найти себе места. А потом привыкла. Однажды ночью гипсовала бинты, и от усталости сон сморил. Вдруг слышу: «Рядовой Бурдина (я тогда на девичьей фамилии была), что это у вас нос в гипсе?» Да, и такое бывало. Вы спрашиваете, с мужем как познакомились. А так. Показалась интересной мне его фамилия, когда встретились в первый раз. Он раненый попал к нам в госпиталь. А потом уже, после войны, приехал сюда, в Петушки, познакомились ближе и поженились. Родился сын. Володя часто болел, и для нас с отцом было чем-то вроде грома небесного сообщение, что он собирается поступать в Тамбовское высшее авиационное училище имени Расковой. Не верили, что поступит, а он все-таки поступил, успешно окончил и стал военным летчиком. Вот видите, я прошла войну с самого начала до осени сорок четвертого рядовым, отец закончил войну старшим лейтенантом, а сын в тридцать четыре года уже подполковник. Вот смотрите, его фотография». Екатерина Сергеевна раскладывает передо мной фотографии, семейные реликвии, медали. Вот ее: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные награды. А вот мужа: орден Красной Звезды, медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и тоже юбилейные. Одиннадцатилетний внук Саша Солопахо прислушивается к нашему разговору. Он и не подозревал, что у него такая знаменитая бабушка. А «знаменитая бабушка», смущенно улыбаясь, говорит: «Никаких мы героических подвигов не совершали, а просто каждый делал свое дело. Так и выстояли. История моя самая обычная. А вот послушали бы вы ветеранов нашей 17-й Бобруйской стрелковой дивизии (мы каждый год встречаемся в Москворецком райкоме партии 7–8 июля), они бы многое порассказали».

Рядовой СПРЫГИН Александр Сергеевич, род. 1900, д. Борщевня, призван Петушинским РВК 7.7.41, 1312-й стрелковый полк, 3-й батальон, 1-я рота, связь прервана с 30.8.41, жена Спрыгина Александра Ивановна, д. Борщевня. Дочь Лидия и сын Владимир. Из воспоминаний Н.И. Мартовицкой: «Николай Михайлович и Александр Сергеевич Спрыгины были двоюродные братья, они ехали в одном составе, который разбомбили под Калугой».

Рядовой СПРЫГИН Николай Михайлович, род. 1903, д. Борщевня, призван Петушинским РВК 6.7.41, 1312-й стрелковый полк, особая рота 3, связь прервана с 9.10.41, жена Спрыгина Татьяна Тимофеевна, п. Петушки, Рабочая ул. Дочь Лидия и сын Алексей. См. Спрыгин Александр Сергеевич.

Рядовой СТОЛЯРОВ Петр Петрович, род. 1902, Рязанская обл. Кораблинский р-н, числится в Списке ополченцев г. Петушки, адрес: фабрика «Катушка». ОБД: до войны работал на фабрике «Катушка», разгружал вагоны, проживал на ул. Покровка. Призван Петушинским РВК, стрелок 248-го гвардейского стрелкового полка 83-й гвардейской стрелковой дивизии, убит 17.7.43, пох. д. Турья Ульяновского р-на Орловской (ныне Калужской) обл., жена Столярова Пелагея Семеновна, ст. Петушки, фабрика «Катушка». Дочь Панькова Лидия Петровна, г. Петушки. Ныне деревня Турья не существует. В донесении упоминаются также Ягодная, Афанасово, Шваново – можно найти на современной карте Ульяновского района.

Рядовой ХРЕНКОВ Михаил Иванович, род. 1912, д. Ельтесуново Небыловского р-на, 1314-й стрелковый полк, жена Хренкова Екатерина Павловна, д. Липна. ОБД (карта военнопленного): пленен 6.10.41 Каменка (Спас-Деменский р-н), шталаг IV B Мюльберг (Muhlberg) под г. Мюхльберг на Эльбе, Саксония, Германия, погиб в плену 27.05.1942 в шталаге IIIC Альт-Древитц (д. Джевице – ныне район г. Костшин, Польша).

Рядовой ХРОМОВ Сергей Ефимович, род. 1902, д. Ст. Омутищи, 1312-й стрелковый полк 17-й сд, 3-й батальон, 7-я рота, связь прервана с 24.9.41, жена Хромова Мария Ивановна. Из письма 5.9.41: «Я помощник старшины роты, езжу на лошади и кормлю ее, вся моя работа получать продукты хлеб, сахар, табак, масло-сыр когда что, завтрак, обед и ужин получаю я на всю роту на кухне в бочку и привожу в роту, и раздаю всем бойцам по котелкам, так что я живу служу начальству и всей роте кормилец… Маша пропиши адрес Андрея (Хромова). Стоим мы в лесу в палатках спим трое писарь, старшина и я, на соломе не слышим ни выстрелов, ничего, кроме полета самолетов… находимся с Панюшкиным Иваном в одной роте и механик из

Артели столяров…» Из письма 18.9.41: «…Желаю быть здоровыми и не падать духом, враг будет побежден». Есть свидетельство, что вез безногого командира на телеге по проселочной дороге в смоленских лесах.

Рядовой ЧЕТЫРИН Федор Архипович, род. 1902, Тамбовская обл. Лысогорский р-н Калиновский с/с, призван Петушинским РВК 1941 г., 1314-й стрелковый полк 17-й сд, пленен 4.10.1941 под Спас-Деменском, освобожден из плена и направлен во 2-й учебный батальон 14-й запасной стрелковой дивизии, жена Четырина Прасковья Дмитриевна, п. Петушки, Кировская ул.

№ 5

История, рассказанная Любовью Михайловной Володиной (Пальцевой), дочерью погибшего ополченца 17-й стрелковой дивизии, бывшей дивизии народного ополчения, павшей под Дорогобужем, Юхновом и Вязьмой в начале октября 1941 года *(запись Игоря Роганова)*

КАК УХОДИЛ НА ФРОНТ МОЙ ОТЕЦ МИХАИЛ САВЕЛЬЕВИЧ ПАЛЬЦЕВ

Был жаркий, солнечный июльский день 41-го. Сегодня моего папу забирали на фронт. Сегодня – очень тяжелый день расставания с отцом. Это понимали все в нашей семье, наверное, кроме маленького шестимесячного братика Витюшеньки, который еще не ходил, а только учился ползать по избе. Мне тогда было 8 лет. Мы уже простились неделю назад с двумя братьями мамы – моими дядьями – Иваном и Кузьмой Харламовыми, которых забрали на фронт. У мамы было еще три брата – Зиновий, Николай и Сергей. Они работали в Москве в НИИ. Дядя Сергей прошел финскую войну. Тогда в июле 41-го у них еще была бронь, как у научных сотрудников, и их пока не мобилизовали в армию. Но, забегая наперед, скажу, что дядья мои Зиновий, Николай, Сергей и муж маминой сестры – Александр Лазарев, который тоже работал в НИИ в Москве, – всех их заберут на фронт осенью 41-го, когда немец будет стоять у стен Москвы. Мамин зять Александр был из деревни Перники, это за Метенино и Степаново, что за рекой Пекшой. Сейчас эта деревня называется Заречье. Судьба их была такой. Зиновий и Николай Харламовы погибли. Сергей умер от ран и заболевания легких в 1944-м. Дядя Иван умер вскоре после войны от болезни, а дядя Кузьма был дважды ранен, дважды был в плену, дважды бежал из плена и умер от ран. Вот такая у них выпала судьбинушка…

Посидев на дорожку на скамье у родного дома с нами и молча выкурив самокрутку, отец встал. В ногах у него крутился Дружок, наша верная дворняжка, и скулил, словно прощаясь с папой. Нам надо было пешком идти до станции Костерево с

нашей родной деревни Желтухино через поля километров пять. Там было место сбора, откуда наших отцов отправляли по железной дороге в сторону Москвы. Дорога тогда шла прямо через поле, вниз, через Ревяку – ручей, вытекающий из Кукушкинского озера, и поднималась по холму к деревне Новинки. Сейчас этой дорожки нет, и современная дорога на деревни Аббакумово и Желтухино проходит в стороне.

Я помню, как вчера, как выглядел отец в то жаркое летнее утро. Высокий, с по-военному очень коротко, почти налысо остриженной светлой головой. Росту он был среднего, коренастый. На нем была простая ситцевая рубашка, на ногах брючишки, ботинки и через одно плечо накинут вещевичок, сшитый из старенькой рубахи. В вещевичок отец бережно уложил нехитрый скарб: завернутый в полотенце большой кусок хлеба, соль, куль с самосадом и несколько старых зачитанных любимых книг, с которыми не хотел, наверно, расставаться. Отец говорил, что хорошая книга является помощником в трудную минуту. Несмотря на то, что отец был всегда внутренне крестьянином и сельским тружеником, он был достаточно образованным человеком и еще до войны вступил в партию большевиков. Он очень любил читать и нам всем с детства привил любовь к чтению. Дома у нас была хорошая библиотека. Одна из книг, которые он положил в вещевичок, я заметила, была надкусана с одной стороны моим братиком Витюшенькой – у него уже резались вовсю зубы и он буквально пробовал все на вкус.

Солнце уже поднялось высоко, когда мы двинулись все со двора. Мы – это моя мама Евдокия Ивановна, шесть ее дочерей (самой старшей из нас было 13 лет, а младшей Раисоньке 2 года), в том числе и я, Любаша, и братик Витюшенька, которого отец бережно взял на руки. Бабушка Агафья, мамина мама, которая тоже здесь была, понесла на руках младшую дочку Раису. Отцу было 39 лет, когда родился долгожданный сын 19 января 41-го, которого назвали Витей. Отец очень сильно хотел сына, а рождались все мы, девчонки, и вот долгожданная радость – появился сыночек. «Наконец-то сыночек родился!» – воскликнул отец тогда. Как отец был счастлив, когда он родился! Сколько лет он ждал этого праздника! Я помню это. Но недолгой оказалась радость наша – напал на нашу страну лютый враг.

Мы все вышли со двора, Дружок, поскуливая, за нами. Отец повернулся и посмотрел последний раз на свой дом, который недавно, всего лишь семь лет назад, в 1934 году, сам, своими руками, с помощью братьев матери выстроил. Деревья на сруб валили за рекой Клязьмой, затем перевозили их в Желтухино.

– Хороший дом, детишки, вам оставляю, – сказал отец и вдруг

резко замолк.

– Что такое, Миша? – спросила мама.

– Да, так. Вспомнился вдруг мне разговор с отцом твоим, – ответил отец.

Дед Иван – это мамин отец, мой дедушка по матери. Дед Иван был очень умный, работящий и уважаемый в округе мужик. Было у него три лошади, он даже в Москву на ВДНХ ездил, представляя там результаты своей работы. Жила семья у деда Ивана вся в труде и не бедствовала.

– Говорил мне тогда отец, вези сруб в Костерево, – продолжал папа, – он мне часто твердил: «Михайло, поставишь дом, здесь, в деревне – дети тебя ругать потом будут». А я ему возражал: «Как я буду жить без родной деревни?» Эх, жаль, что тогда не послушал твоего отца, Дуня.

– Почему? – спросила мама.

– В Костереве-то вон как фабрика разрослась, Уткин вон как размахнулся. Там в Костереве работа завсегда будет. И если я вдруг не вернусь с войны, – папа при этих словах прервался, – вам надо будет тогда всем работать и ходить за пять километров на работу туда. А поставь я дом в Костерево сразу, вам было бы легче как-никак. Не надо было бы пешком километры мерить.

– Не надо так говорить, Михайло, – вмешалась баба Агафья. – Придешь ты домой живым с фронта, не говори о грустном заранее.

Мама заплакала. Отец понял свою оплошность и прижал маму к себе.

– Не плачь, Дуняша, – успокаивал он. – Я тебе обещаю вернуться. Слово свое даю тебе и детишкам. Любаша, веришь, что я вернусь? – обратился он ко мне.

– Верю, папочка, – ответила я. – Только ты на самом деле возвращайся.

– Как же я к вам, всем моим родным, не вернусь-то, к моему дорогому Витюшеньке? – спросил отец.

– Мы верим, папа, что ты вернешься, – ответили мы все. – Мама, не плачь, пожалуйста. Папа обязательно вернется.

Окинул отец в последний раз ряды домов в нашей деревне Желтухино, посмотрел на поле в сторону Пекши, над которой уже высоко стояло солнце, в сторону соседней деревни Вареево, остановил взгляд на сосновой роще на противоположном высоком берегу реки, словно хотел запечатлеть навсегда родные места в памяти. Стрекотали кузнечики. Мое сердце сжималось от тоски, глядя на мать и отца, видно было, как они все время старались скрыть свои переживания и слезы. Наш дом был восьмой с краю. Мы медленно двинулись к выходу из деревни. У соседних ворот

стояла папина племянница Нюра и плакала. Папа помахал ей рукой: «Не плачь, Нюрка, вернемся все домой живыми!» Нюра стояла и тихо плакала.

Отец нес на руках сыночка, в ногах у него путался скулящий Дружок, рядом шла мама и баба Агафья с Раисой на руках, и мы, его дочки, гуськом позади папы. Сейчас я вспоминаю, а ведь уже тогда мы не встретили в деревне ни одного мужика, кроме старого деда Захара, который жил в третьем доме с краю. Всех уже, видно, забрали на фронт.

Некоторые соседи выходили из своих домов, проводить папу. Вышли, помню, Евдокия Карпова, Анастасия Захарова, тетя Маша Пальцева (троюродная сестра по отцу), баба Маша Харламова (однофамилица, она не приходилась нам родственницей) и другие. Я до сих пор помню, как они кричали вслед папе: «Прощай, Михайло. Возвращайся, живым!» И Дружок подавал вой на всю деревню, вторя людским голосам. Все махали руками, плакали, некоторые подходили и крестили отца, благословляли его крестом. Дед Захар, живший на краю деревни, у него был третий дом, седой старик, стоял на крыльце, но при приближении к его дому вышел тоже на улицу. Он был участником Первой мировой. Деду Захару было около 70 лет. У него тоже дети ушли на фронт.

– Прощай, Михайло, не урони в бою чести русского воинства. Своим я это тоже наказал. Что бы ни случилось – землю свою защищайте до последнего. Я этих германцев на Украине бил в пятнадцатом году – и вы там держитесь. Война, чую, очень тяжелая будет.

– Не посрамим, дед Захар, не волнуйтесь, не зря вы мне столько всего рассказывали о генерале Брусилове.

– Не кручинься, Михайло, я здесь, если что надо будет по дому поделать, Евдокии, помогу в хозяйстве. Сила-то есть еще у меня, – продолжил старик.

– Ну, а за помощь в хозяйстве – спасибо, – ответил отец.

– С Богом, сынок, – ответил дед Захар и добавил тихо: – Ты все-таки, Михайло, там будь поосторожнее. Пусть там молодые да бездетные в пекло к черту лезут. Помни о детях. Вон у тебя сколько девчушек. Помни, им без тебя в случае чего очень тяжело будет.

– Да, дед Захар, постараюсь не лезть в пекло. Но за нашу землю и за этих девчушек и жену, клянусь тебе, до последнего драться буду.

Старые дедовы глаза слезно блеснули при этих словах, и он трижды по-русски поцеловал отца, прижав к себе в объятиях. Он словно благословил папу.

Я помню, как дед Захар стоял и долго глядел нам вслед, седая его борода развевалась на ветру. А мы вышли уже из деревни и двигались по пыльной полевой тропинке. Как мы ни пытались уговорить Дружка остаться в деревне, он не слушался нас и упорно шел за папой, горестно повизгивая.

Отец шел впереди нас и так и нес сыночка на руках. Мама попробовала было взять сыночка к себе, но отец не дал. Братик смотрел своими ясными глазками на папу. Мы спустились по полю к Ревяке и перешли ручей по двум бревнышкам на другой берег. Ревяка – ручей, названный в честь маленького водопада, который остался чуть правее от нас. Затем тропинка пошла на подъем. Вокруг нас раскинулись безбрежные поля ржи – справа ограниченные вдалеке лесополосой вдоль железной дороги Москва – Владимир, слева леском, который уходил в пойму реки Клязьмы и в сторону деревни Напутново. Дорога словно рассекала надвое огромное поле ржи. Синели вдоль тропинки васильки, заливались вовсю луговые жаворонки, стрекотали кузнечики. На ярко-синем небе появились белоснежные кучевые облака. По этой дороге ходили только пешком, машины здесь не ездили. Воздух был напоен ароматом луговых цветов, пахло летним полем.

Становилось жарко. Помню, как обритая голова отца блестела на солнце, рубашка под мышками и на спине сильно пропотела. Когда подошли к Новинкам, баба Агафья стала прощаться со своим зятем. Она передала сестренку Раису маме и подошла к отцу.

– Прощай, сынок. Прости меня если что. Главное – возвращайся живым, ко мне, Дуняше и детишкам, вон у тебя богатырь какой теперь растет.

– Прощай, мать, и ты. Всего тебе самого доброго. Спасибо тебе за дочь, что такую вырастила. Я с ней счастлив очень.

Баба Агафья перекрестила отца, обняла его и собралась идти назад, позвав с собой Дружка. Тот ни в какую не хотел с ней идти. Пришлось бабе Агафье Дружка хитростью подманить и взять на руки. Отец подошел к нему и поцеловал его в мордочку. «Прощай, Дружок, – молвил он. – Один ты за мужика в доме остался. Стереги дом». Когда отец повернулся и пошел прочь, Дружок начал яростно вырываться из крепких рук бабы Агафьи и залился пронзительным щенячьим воем, который разнесся над полями. А собаки в Новинках подхватили этот вой и вторили Дружку. Последний раз отец обернулся и посмотрел на тещу, которая стояла еще на месте, с собакой на руках, где они расстались, и на родную деревню Желтухино, которую еще можно было рассмотреть вдалеке на другом краю поля на холме. Но вот за

пригорком скрылась баба Агафья, стал еле слышен вой Дружка, мы стали подходить к лесу у железной дороги, который сразу начинался за Новинками. Сейчас его нет, весь вырубили, и здесь находится поле, а тогда между деревней Новинками и железной дорогой стоял лес. А за железной дорогой уже Костерево начиналось.

Так мы и дошли до станции Костерево, где наших отцов забирали на фронт. Оттуда слышалось, как кто-то играл на гармони, но звуки музыки накрывал несмолкаемый, не то что плач, я бы сказала рев. Отец все еще так и держал сына Витю на руках.

На станции стояли грузовые деревянные вагоны, и новобранцы поднимались в них по деревянному трапу. Когда кто-то поднимался в вагон, жена, мать или дети плакали очень громко, словно разрывая свою душу, и этот плач соединялся в общий рев. Помню, отец, как ни силился, не мог сам в конце сдержать своих слез. Он обнял нас всех, дочерей, в охапку, всех сразу. Я тогда последний раз ощутила запах отца, от него немного пахло куревом. Но я бы этот родной запах готова была ощущать вечно! Я заплакала, глядя в карие глаза отца. Затем помню, папа, опять, взял сына на руки и так, с сыном на руках и обнял мать в последний раз. Поезд уже должен был скоро тронуться в путь, и была дана команда всем мужчинам садиться по вагонам. Помню, как отец очень сильно сжал тогда мать вместе с сыном в объятиях, и не мог, казалось оторваться от них, словно пытался хоть на какую-то секунду отдалить этот момент разлуки. Затем он оторвался, наконец, от матери, сказал ей что-то на прощанье, поцеловал ее и повернулся к трапу в вагон. Только тут я заметила, что он стал подниматься по трапу с Витенькой на руках, не отрывая от него взгляда. Мать бросилась за ним следом. В это время братик захныкал и его детский плач резанул мне по сердцу. Я не представляю, что в это время творилось на душе отца. Мать не могла отнять сына у папы какое-то время, он не мог его отдать ей на руки. Они почти вошли в вагон, и я видела, как мать почти что вырвала братика из рук папы и со слезами на глазах спустилась по трапу. Братик тоже, как и все, поднял плач. Мама сошла на землю и повернулась к папе. Он стоял среди других мужчин и, не стесняясь, плакал вовсю. До меня донесся в последний раз его срывающийся, полный боли и такой родной голос, обращенный к маме: «Душатка, береги детей!»

После сильного гудка паровоз тронул состав в сторону Москвы. Мы долго под звуки гармони и плач сотен женщин махали руками нашим отцам, мужьям, братьям, уезжающим на фронт. Многие бежали за вагонами вдоль путей, пытаясь в

последний раз увидеть родное лицо, услышать добрый родной голос.

Был жаркий июльский день 41-го. Поезд исчез в синеве в стороне Петушков. Какая неведомая злая сила забрала у нас тогда наших дорогих отцов! Мы тогда еще не знали, сколько горя выпадет на нашу долю, но чувствовали сердцем щемящую тоску. Мы стояли на станции Костерево и плакали, опустошенные внезапно обрушившимся на нас всех общим горем.

Позднее я поняла одно: тяжело было уходить на фронт молодым, но еще тяжелее было уходить на фронт семейным мужчинам, как мой отец, людям, что называется, в возрасте. Ведь страшно представить, что у папы творилось в душе в тот день! Он прощался тогда с женой и семерыми детьми, не зная, увидит ли нас когда-нибудь! Очень тяжело было ему и нам. И теперь мне еще тяжелее становится на сердце, когда я вспоминаю ту книжку в его вещмешке. Теперь я поняла, что он, наверное, ее специально взял с собой – книжка-то ведь детская была! – чтобы смотреть на эти детские укусы на книге и вспоминать своего дорогого, долгожданного сына Витюшеньку. Книги пахли домом и теплом. Наверное, глядя на эту книжку, он плакал от тоски в одиночестве, когда его никто не видел. А что ему еще оставалось в утешение?

Список принятых сокращений

АП – артиллерийский полк
ББП – ближнебомбардировочный авиаполк
вдк – воздушно-десантный корпус
вдбр – воздушно-десантная бригада
ГА – группа армий
ГАП – гаубичный артиллерийский полк
гв. – гвардейский
ИАД – истребительная авиационная дивизия
ИАП – истребительный авиационный полк
КП – книга памяти
КП – командный пункт
МСПБ – мотострелковый пулеметный батальон
НП – наблюдательный пункт
ОП – огневые позиции (огневая позиция)
пд – пехотная дивизия
пп – пехотный полк
РАЭ – разведывательная авиационная эскадрилья
САД – смешанная авиадивизия
сд – стрелковая дивизия
сп – стрелковый полк
УР – укрепрайон
ПО – передовой отряд

Примечания

1
ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 29. Л. 212–214.
2
Там же. Д. 46. Л. 212.
3
ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 222–224.
4
Шайковка как военный аэродром действует поныне. В Шайковке базируется отдельный дальнебомбардировочный полк ВВС России. Во время оккупации здесь базировались немецкие самолеты. Затем снова наши.
5
ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 224–227.
6
ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 7.
7
ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 13.
8

Более подробно о действиях 5-й гв. сд в боях периода московского сражения 1941–1942 годов см. в первой и третьей книгах серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Серпухов. Последний рубеж» (М.: Центрполиграф, 2011) и «Юхнов. Кровавый плацдарм» (М.: Центрполиграф, 2012).

9

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 27.

10

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 92–97.

11

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 55.

12

NARA. T312. R150. F000140.

13

Указано берлинское время. Немцы в России жили по своему времени. Московское – 6.30, то есть на час позже.

14

NARA. T312. R150. F000255.

15

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 26.

16

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 39.

17

Там же.

18

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. С. 37.

19

О странной, нелогичной переброске дивизий 49-й армии в самый канун немецкого наступления читайте первую книгу серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Серпухов. Последний рубеж». М.: Центрполиграф, 2011.

20

О роковой роли, которую сыграл Д.П. Онуприенко в трагической судьбе командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, см. во второй книге серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Трагедия 33-й армии». М.: Центрполиграф, 2012.

21

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 87. Л. 205–210.

22

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 30.

23

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 45–49.

24

ППУ – Подольское пехотное училище.

25

2-й Особый Люберецкий стрелковый полк: 2623 человека; 12 орудий и 6 счетверенных зенитных установок.

26

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 70–71.

27

Имеется в виду 2-й Особый Люберецкий стрелковый полк.

28

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 251. Д. 215. Л. 91.

29

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 251. Д. 215. Л. 93.

30

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных. М.: Яуза, 2010. С. 397.

31

РП – ручной пулемет.

32

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 93–94.

33

Боголюбов Александр Николаевич (1900–1956) – генерал-полковник, участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Родился в Чебоксарах в русской семье. В Красную армию вступил в 1918 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Высшую военную школу дислокации (1920), Высшую военную школу связи (1924), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1931), Военную академию Генерального штаба (1938). С 1924 г. занимал должности командира взвода, роты, батальона, начальника штаба полка, начальника оперативного отдела штаба корпуса. С 1938 г. преподавал в Военной академии Генерального штаба. В годы Великой Отечественной войны – начальник оперативного отдела штаба Резервного фронта, с октября 1941 г. – начальник штаба 43-й армии. Летом 1942 г. получил звание генерал-майор и переведен на должность начальника оперативного управления Генерального штаба. В сентябре 1942 г. снова направлен в 43-ю армию на прежнюю должность. С декабря 1942 г. – первый зам. начальника оперативного управления Генерального штаба, а затем в ходе войны был начальником штаба Северо-Западного фронта (1943), 1-го Украинского (1943–1944), 2-го Белорусского фронта (1944–1945). В мае 1945 г., в звании генерал-полковник, удостоен звания Герой Советского Союза. После войны на командных должностях, затем преподавал, руководил кафедрой, был заместителем начальника Военной академии им. М.В.

Фрунзе. В 50-х годах снова на командных должностях в войсках. С 1955 г. в запасе. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, орден Богдана Хмельницкого I степени, медаль «XX лет РККА», медали.

34

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 130. Л. 74.

35

Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М., 1975. С. 113.

36

Ныне районный центр и железнодорожная станция Смоленской области на границе с Калужской областью.

37

Д в о е в о – аэродром в 9 км восточнее Вязьмы Смоленской области. В 1941 г. до оккупации Вязьмы и Вяземского района немецкими войсками служил ВВС РККА в качестве аэродрома, где в основном базировались истребительные авиационные полки особого назначения. В настоящее время спортивный аэродром.

38

Захаров Георгий Нефедович (1908–1996) – генерал-майор авиации. Родился в деревне Старое Семенкино Самарской губернии. В 1920 г. от голода умерли отец, мать и бабушка, и Георгий с младшей сестрой вынужден был ходить по деревням просить Христа ради. Затем батрачил в богатых хозяйствах. В 1930 г., из сельскохозяйственного техникума, по спецнабору, пошел в Красную армию. Получил направление в караульную команду при 7-й военной школе летчиков в Сталинграде. В 1933 г. окончил Сталинградскую школу военных летчиков. Воевал в Испании и Китае. Летом 1938 г. по возвращении из Китая за успехи в обучении молодых летчиков и боевые подвиги был награжден орденом Красного Знамени и из старших лейтенантов произведен в звание полковник. В начале войны командовал 43-й авиадивизией. Затем руководил летной школой в Улан-Удэ и авиационным училищем в Средней Азии. С 1943 г. снова на фронте, командовал 303-й авиадивизией, в состав которой входил и знаменитый полк французских летчиков «Нормандия – Неман». В 1945 г. награжден «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. После войны занимал ряд командных должностей в ВВС Советской армии.

39

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 22–24.

40

ЦАМО. Ф. 60062. Оп. 35125. Д. 4. Л. 8.

41

Красная звезда. 1966. 20 окт.

42

В 1939 г. военные заводы Чехословакии начали выпускать новые легкие танки. Ни один танк не успел поступить в чехословацкую армию до захвата германскими войсками Чехии и Моравии. Немцы дали новому чешскому танку свою классификацию, и он с тех пор стал называться так: PzKpfw-38(t). Танк был легким, предназначался главным образом для ведения разведки. Но немцы успешно использовали его в качестве основного танка. Вооружение: полуавтоматическая пушка SkodaA-7 калибра 37,2 мм и два пулемета, размещенные в башне и в корпусе. Танк хорошо зарекомендовал себя в боях в Польше, Франции. Советскую границу пересекли 623 танка этого типа и 41 командирский танк. Они составляли основу парка 7, 8, 12, 19и20-й танковых дивизий вермахта. В мае 1942 г. выпуск танка прекратился. На базе PzKpfw-38(t) чехи, верные союзники Третьего рейха, наладили выпуск противотанковой самоходной установки Marder-III и самоходной артиллерийской установки Grille.

43

Гальдер Ф. Военный дневник. 1941–1942. М.: АСТ, 2003. С. 464, 468.

44

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Дневник командующего группой армий «Центр». М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. С. 191.

45

Роман «Поздний листопад» опубликован в журнале «Москва» в 2008 г. (№ 5, 6, 7), затем отдельным изданием вышел в издательстве ЭКСМО в 2009 и 2011 гг. под названием «Примкнуть штыки!».

46

Клыпин НиколайЯкимович (1908–1943) – полковник, танкист, Герой Советского Союза. Родился в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) в многодетной семье потомственного железнодорожника. Окончил семилетнюю школу, затем техникум водных путей (ныне Омское речное училище). Плавал на Байкале помощником механика на пароходах «Байкал» и «Баргузин». В 1932 г. поступил в Ульяновскую бронетанковую школу им. В.И. Ленина. После окончания школы – командир танкового взвода. В 1939 г. командует танковой ротой во время похода в Западную Украину. В 1940 г. командует танковым батальоном во время советско-финляндской войны. Отличился в бою на Карельском перешейке и удостоен звания Герой Советского Союза. В начале Великой Отечественной войны – майор, командир танкового полка. Полк с

первого же дня вступил в бой. Умело вывел людей и боевые машины из окружения. В августе 1941 г. награжден орденом Красного Знамени. Командовал 17-й и 39-й танковыми бригадами. За умелое руководство танковой бригадой в боях под Москвой награжден вторым орденом Красного Знамени. В конце декабря 1941 г. полковник Клыпин тяжело ранен в бою под Малоярославцем. После излечения в госпитале направлен в тыл на должность начальника 2-го Саратовского танкового училища. В 1943 г. здоровье его резко ухудшилось. Скончался полковник Клыпин в с. Боровом Кокчетавской области Казахстана. Похоронен в г. Щучинске. Земляки героя назвали в его память буксирный теплоход Восточно-Сибирского пароходства. Так он вернулся на Байкал.

47

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1976. С. 142.

48

ЦАМО. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 3. Л. 44, 45.

49

Панков Д.В., Панков Д.Д. Подвиг подольских курсантов. М.: Московский рабочий, 1990. С. 39.

50

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 187. Л. 74.

51

На умов Александр Федорович (1897–1992) – генерал-майор. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Родился в семье сибирского казака в г. Акмолинске. После окончания трехклассной школы работал приказчиком и учителем русского языка в казахской школе. В 1916 г. в чине прапорщика отбыл на Западный фронт, воевал, дослужился до чина хорунжего и командира казачьей сотни. В 1918 г. добровольно вступил в Красную гвардию. Во время Гражданской войны на различных командных должностях. Во время польского похода (1920) полк, в котором воевал Наумов, отошел в Восточную Пруссию и был интернирован. В декабре 1920 г. вернулся на родину и направлен на Туркестанский фронт. Служил на различных штабных должностях. Занимался преподавательской работой в Среднеазиатском военном округе. В июле 1941 г. назначен командиром 312-й сд, которая формировалась в г. Актюбинске из местных призывников. На Малоярославецком направлении дивизия стояла насмерть и почти вся погибла. После переформирования командовал 53-й сд (1942–1943), 62-м ск (1943–1944), 113-м ск (1944–1945). Образование: в 1916 г. окончил школу прапорщиков, 1926 г. —

52

Карель П. Восточный фронт. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М.: Изографус, 2003. С. 125–128.

53

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 250. Л. 117–128.

54

Подробнее о 60-й сд и полковнике М.А. Зашибалове читайте предыдущую книгу серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Серпухов. Последний рубеж». М.: Центрполиграф, 2011. В приложениях опубликованы фрагменты неопубликованных воспоминаний полковника М.А. Зашибалова.

55

Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942) – ученый, специалист по минералогии, исследователь феномена Тунгусского метеорита. Родился в Терпте. Учился в Петербурге. Участвовал в социал-демократическом движении, за что был осужден и сидел в тюрьме. Дружил с академиком В.И. Вернадским. Исследовал и сделал подробное описание тунгусского феномена. Организовал несколько экспедиций на место падения метеорита. Мечтал продолжить начатую научную и исследовательскую работу после войны.

56

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13. Л. 10.

57

Подробнее об этом читайте в книге серии «Забытые армии. Забытые командармы»: *Михеенков С.* Трагедия 33-й армии.

58

Историю о том, как генерал Жуков вывозил из Стрелковки в тыл свою семью, читайте в книге этой же серии «Серпухов. Последний рубеж». М.: Центрполиграф, 2011.

59

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 454.

60

ЦАМО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 4. Л. 64.

61

Gareis M. Kampf und Ende der Fränkisch-Sudetendeutschen 98. Infanterie-Division. Eggolshein, 1956. S. 154.

62

Gareis M. Ibid. S. 156.

63

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 252. Д. 1. Л. 257–258.

64

ЦАМО. Ф. 57. ГВАП. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

65

Рейнхардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010. С. 198.

66
ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 1–3.
67
ЦАМО. Ф. 398. Оп. 2556. Д. 20. Л. 28–30.
68
ЦАМО. Ф. 398. Оп. 2556. Д. 20. Л. 51.
69
Шапошников Б.М. Битва за Москву. М.: Яуза, 2009.
70
ЦАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 33. Л. 24–25.
71
ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 118–121.
72
ЦАМО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 11. л. 79.
73
См. книгу «Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре». М.: Центрполиграф, 2012.
74
Gareis M. Ibid. S. 168.
75
ГАКО. Ф. П-25. Оп. 2. Д. 16. Л. 37.
76
Там же.
77
По всей вероятности, имеется в виду село Маклино.
78
Gareis M. Ibid. S. 180–183.
79
ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.
80
Gareis M. Ibid. S. 185.
81
ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.
82
ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.
83
Гурьев Степан Савельевич – генерал-майор. Род. в 1902 г. в с. Романово под Липецком в крестьянской семье. Окончил начальную школу. С 13 лет работал на руднике. В 1919 г. добровольцем пошел в Красную армию. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1924 г. Окончил Иваново-Вознесенскую пехотную школу, командирские курсы «Выстрел», затем штурманское отделение Военно-воздушной академии. Прошел все ступени роста от командира стрелкового взвода до командира

воздушно-десантной бригады, с которой встретил войну. Под Москвой командовал 5-м вдк. Участвовал в Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 г. В августе 1942 г. присвоено звание генерал-майор. Корпус переформирован в стрелковую дивизию и получил наименование 39-я гвардейская сд. Под его командованием дивизия дралась под Сталинградом. В 1944 г. назначен на 16-й ск. Корпус отличился в Восточно-Прусской наступательной операции. В апреле 1945 г. присвоено звание Герой Советского Союза, но своей «Золотой Звезды» генерал Гурьев не увидел. Погиб через три дня после указа в бою близ Пилау – убит осколком снаряда. Похоронен в Калининграде. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, орденом Красной Звезды, медалями. В память об отважном генерале город Найхаузен в бывшей Восточной Пруссии назван Гурьевском.

84

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 205. Л. 273.

85

ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.

86

См. предыдущую книгу серии: *Михеенков С.* Кровавый плацдарм. М.: Центрполиграф, 2012.

87

Речь, по всей вероятности, идет о 415-й стрелковой дивизии полковника С.И. Иовлева, который только что вступил в свою должность. Но здесь же, в районе Кошняков, в этот период также действовала 53-я сд полковника А.Ф. Наумова и 5-й гв. вдк полковника С.С. Гурьева.

88

ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.

89

ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 89.

90

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427. Л. 293–294.

91

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1035. Л. 103.

92

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 200-208

93

Там же. Л. 209.

94

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 210. Л. 95-95а.

95

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1036. Л. 69–70.

96
ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2511. Л. 211.
97
ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 15. Л 298.
98
ЦАМО. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 3. Л. 44–49.